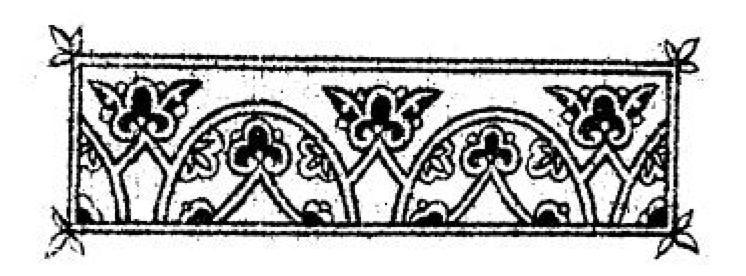
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Византийский сборник

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Проф. М. В. ЛЕВЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Е. А. КОСМИНСКИЙ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела гигантский переворот в нашей стране. В науке, искусстве, технике, литературе так же, как и во всех областях нашей социалистической стройки, наблюдается подъем, возможный только в условиях социализма.

Одним из ярких показателей роста социалистической культуры в нашей стране является развитие научного исследования, в частности в области исторической науки, для расцвета которой мы имеем все предпосылки. Пережитый нашей страной невиданный в истории переворот, показавший отчетливо все классы общества в действии, заставляет от начала до конца пересмотреть прежние положения истории. Великое учение марксизма-ленинизма помогает нам по-новому понять и осмыслить прошлую историю человечества.

Гигантская созидательная работа по строительству нового социалистического общества повышает интерес к истории, к прошлому человечества со стороны самых широких масс населения и прежде всего со стороны многочисленной учащейся молодежи, студентов исторических факультетов и педагогических институтов. Партия и правительство оказывают историкам всевозможную помощь своими указаниями, организацией новых институтов, факультетов, отпуском крупных средств на развитие исторического образования.

Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистской агрессии стимулировала в нашем отечестве интерес к исторической науке и выдвинула на первый план ряд новых вопросов. В огромной степени возрос интерес к истории славянства, к прошлому балканских стран. Особое значение приобрело изучение истории международных отношений.

Наше историческое прошлое, культура нашей страны и те многочисленные истоки, которые питали ее, стали нам еще дороже. Внимание к этому прошлому особенно обострилось во время Великой Отечественной войны, когда фашистские варвары учинили страшный разгром многих наших культурных ценностей, ставя себе задачей растоптать все, что было дорого нашим народам.

В связи со всем этим рамки научного исследования в настоящее время значительно расширились, и перед нашими историками стали новые задачи.

Но все же приходится отметить, что наша медиэвистика еще не вполне освободилась от узкого европоцентризма. Среди университетских преподавателей еще не вполне изжиты взгляды, что важно и нужно только изучение средневековой Западной Европы, в первую очередь Франции, Германии, Англии, Италии, а все остальное имеет второстепен-

ное историческое значение и меньший научный интерес. Подобные взгляды отчасти являются откликом старого, ненаучного деления народов на „исторические" и „неисторические". Неправильность этих взглядов особенно ясна в наше время, когда народы СССР, под руководством великой партии Ленина—Сталина, смело прокладывают новые пути человечеству, открывают новые страницы мировой истории, проведя великую победоносную борьбу против чудовищной военной машины гитлеризма. Никто не станет отрицать необходимость и важность изучения средневековой Западной Европы, но нужно отказаться от узкого западного европоцентризма и понять, что наш студент должен хорошо знать не только историю средневековой Западной Европы, но и средневековую историю сопредельных СССР стран Европы и Азии.

Такой поворот, само собой разумеется, должен быть сделан не только в университетском преподавании, но и в научно-исследовательской работе по медиэвистике.

Ничем не оправдано и является крупным упущением почти полное свертывание работы по изучению истории Византии, страны, оказавшей громадное влияние на культуру древней Руси, хотя это была та именно отрасль медиэвистики, которая в лице В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других ученых была поднята у нас на такую высоту, как едва ли какая-либо другая отрасль. Западноевропейские византинисты должны были признать, что греко-славянские и греко-восточные отношения, вопросы византийской экономики и социального строя, памятники древности, византийского искусства и права наиболее глубоко разбирались в русской византологии, и западноевропейским византинистам приходилось обучаться русскому языку, чтобы пользоваться русской византиноведческой литературой, без которой они не могли обойтись.

Значительную долю вины в срыве византиноведческих работ несет историческая школа Покровского, отрицавшая объективность исторической науки, объявившая войну конкретной истории, подменявшая ее грубым социологизированием. В результате научно-исследовательская работа в этой отрасли знания оказалась временно сорванной. Работы, начатые весной 1918 г., под руководством акад. Ф. И. Успенского, Комиссией „Константин Порфирородный", реорганизованной затем в „Русско-византийскую комиссию", были прекращены после смерти акад. Успенского. В 1930 г. Русско-византийская комиссия прекратила свое существование, равно как и ее печатный орган „Византийский Временник". Была растеряна и большая часть кадров византинистов.

Подобное положение, разумеется, долго не могло быть терпимо. Советская историческая наука не может отказаться от марксистского изучения византийского общества и государства, которое в период раннего средневековья играло крупнейшую роль в истории Восточной и Западной Европы, а также Передней Азии, и которое в средние века было связано прочными и длительными узами с различными частями и народами нашей страны. Нельзя забывать, что „религия и цивилизация России — византийского происхождения",[1] что было время, когда некоторые части территории нашего Союза, как, напр., Крым, Армения, Грузия, в той или другой своей части непосредственно входили в состав Византийского государства, что те же Грузия, Армения, Киевская и Московская Русь подвергались длительному и мощному воздействию византийской культуры. Для истории громадного комплекса стран времени

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, 439.

раннего средневековья, некогда входивших в Восточную Римскую империю, византийцы оставили основную массу источников. Без этих источников нельзя изучать ни древнейшей истории славян, ни древнейшего периода истории Руси. То же самое можно сказать об истории Кавказа и Закавказья, истории Ирана и даже Средней Азии. Поэтому советский историк, если он только желает быть исследователем, не может отказаться от изучения византийских источников. Его, естественно, прежде всего интересуют вопросы русско-византийских отношений, византийского влияния на Русь, грузинско-византийские и армяно-византийские отношения, но для научного решения этих вопросов нельзя обойтись без изучения самой Византии. Как справедливо отмечает акад. С. А. Жебелев, „чтобы правильно оценить византинизм и оказанное им влияние, его надо хорошо знать; поэтому и выяснение взаимоотношений Византии и Руси, касаются ли они истории, права, языка, литературы, материальной культуры, быта и пр., требует основательного знакомства с Византией, как таковой. Лишь тогда наши специальные интересы найдут вполне удовлетворительное разрешение, когда последние будут построены на солидной общей базе, а таковой и должна быть сама Византия, сам византинизм".[1]

Прежде можно было слышать, что область византиноведения не так обширна, что нельзя надеяться на широкое и продолжительное развитие интереса к византийским занятиям уже потому, что круг источников, могущих поддерживать и возбуждать научное исследование, весьма ограничен, и едва ли может надеяться на новые открытия в библиотеках, архивах даже самый опытный исследователь рукописей. Но публикация новых источников в довоенное и послевоенное время в „Byzantinische Zeitschrift", „Византийском Временнике", послевоенном „Byzantion" и других византиноведческих журналах убедительно доказала, что „византийский сырой материал еще не исчерпан, и обработка его еще далеко не закончена".[2] Нельзя забывать, что в архивах и книгохранилищах СССР находятся большое количество неизданных или малоизвестных византийских рукописей, научное изучение и публикация которых будут являться хорошей школой для молодых советских историков, сделают их действительно самостоятельными исследователями и обогатят науку новыми ценными данными. Поэтому одной из важнейших задач советского византиноведения должны явиться отыскание и опубликование таких произведений византийской письменности, которые представляют историческую ценность и которые еще никогда не были изданы.

В первую очередь необходимо издать имеющие важное значение неопубликованные письма Арефы Кесарийского, выдающегося византийского литератора начала X в. Одно из неизданных произведений Арефы Кесарийского публикуется М. А. Шангиным в настоящем сборнике. Огромное количество новых источников по истории Восточной Римской империи IV—VII вв. уже дали и продолжают давать египетские папирусы. Независимо от новых, иногда больших и цельных богословских историко-литературных произведений, открываемых в папирусах, византийские папирусы дают весьма много материалов для ознакомления с бытом, экономикой, управлением египетских городов и селений византийского времени. Особенностью значительной части даваемого папирусами материала является их официальный характер: это приказы начальников провинций, жалобы селений на налоговые притеснения, судебные

[1] Вестник древней истории, 1938, № 4—5, стр. 20.

[2] Ф. И. Успенский. Новая струя, внесшая оживление в историю Византии. Византийский Временник, т. XXII, стр. 2.

дела, арендные договоры, контракты, налоговые списки, денежные отчеты крупных имений и межевые описи. Папирусы являются драгоценным материалом для изучения внутренней социальной истории Восточной Римской империи IV—VII вв., притом материалом, постоянно пополняемым новыми находками. Особенно важным и ценным источником для византиноведения являются каирские и оксиринхские папирусы. Постоянно расширяют наши знания также эпиграфические памятники и моливдобулы или свинцовые, привешиваемые к актам, печати административных, судебных и налоговых чиновников империи. Таким образом научное творчество советских византинистов не может лимитироваться недостатком источников.

Самое же важное заключается в том, что история Византии почти еще не изучалась историками-марксистами, еще не осмысливалась с марксистской точки зрения. Целый ряд важных исторических проблем ждет исследователей-марксистов, и в этом отношении трудная, но благодарная задача стоит прежде всего перед группой византиноведения, образованной осенью 1939 г. при Институте истории Академии Наук СССР, которая должна возобновить византиноведческую работу в нашей стране, наметить основные задачи этой работы и собрать вокруг себя наличные, очень немногочисленные византиноведческие кадры. Первой работой группы византиноведения явилась вышедшая в свет в 1940 г. „История Византии",[1] которую можно рассматривать как первую попытку марксистского изучения истории Византии. Кроме того, группа дала ряд публикаций новых источников в исторические журналы, подготовила монографии об аграрных отношениях Византии V—VI вв. и о „Земледельческом законе". Результатом работы группы византиноведения является в преобладающей части и настоящий византийский сборник. Предполагается периодический выпуск этих сборников, вокруг которых и должны объединиться наличные кадры советских византинистов.

Перед советскими историками в области византиноведения стоит прежде всего задача дать социально-экономическую историю Византии на основе марксистско-ленинской методологии. В буржуазной литературе советский историк наталкивается на слабую разработанность именно тех проблем, которые особенно важны для марксистско-ленинского освещения особенностей исторического развития Византии. Если буржуазная историография немало сделала для выяснения фактов политической, церковной, отчасти культурной истории Византии (исходя, впрочем, из методологически несостоятельных позиций), то ею очень мало затронуты важнейшие вопросы социально-экономической истории Византии.

Хотя история Византии изучается учеными всех стран с XVII в. и хотя эта история имеет очень богатую литературу, ни один буржуазный историк еще не рассматривал последовательно историю Византии с точки зрения борьбы классов. Наоборот, большинству буржуазных византинистов дело представляется так, что никакой классовой борьбы в Византии и не было. В отличие от историков XVIII в. новейшие западноевропейские византинисты — Диль, Рамзей, Гарди, Острогорский и др., склонны безмерно идеализировать средневековую Византию именно как оплот *порядка, законности и культуры*.[1]

---

[1] М. В. Левченко. История Византии. М.-Л., Гос. соц.-экон. изд-во, 1940, 262 стр.

В противоположность буржуазным историкам,[1] историкам-марксистам предстоит показать, что нигде в Европе в период раннего средневековья классовые противоречия не достигали такой остроты, как в Византии, которая, по определению Маркса, являлась „главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе".[2] Недаром отсюда повсеместно распространялась ересь павликиан, известная в Болгарии под именем богомилов, а на Западе — катаров. Советскому историку надлежит показать, что Восточная Римская империя с самого начала своего отдельного существования являлась ареной ожесточенной классовой борьбы, формы которой были чрезвычайно разнообразны, но которая на всех этапах определяла исторические судьбы империи. Правильная же ориентировка в расстановке классовых сил невозможна без изучения социально-экономической истории Византии, на что и должно быть прежде всего направлено внимание советских историков.

Для первого периода истории Византии, которая охватывает примерно 240 лет до половины VII в., когда Восточная Римская империя была еще мировой империей, узловыми вопросами являются аграрные отношения V—VI вв. и вопрос о восточно-римских димах. Историку-марксисту необходимо ответить на вопросы, почему Восточная Римская империя надолго пережила Западную, и чем объясняется глубокий кризис, пережитый ею в первой половине VII в., в результате которого она потеряла не только завоевания Юстиниана, но и большую часть Балканского полуострова, захваченного славянами, а также Сирию, Месопотамию, Египет. Буржуазная наука до настоящего времени не может дать ясного ответа на эти вопросы. Так, напр., Бэри и Штейн единогласно, но очень упрощенно видят причину кризиса VII в. только в военной слабости империи, обусловленной великодержавной политикой Юстиниана.[3]

Не более вразумительны объяснения и русского византиниста Константина Успенского, который в своих очерках пишет, что „политическое сознание ближайших преемников Юстиниана феодализируется", происходит „помутнение государственной идеи", „помутнение и распыление центральной правительственной власти".[4] Но почему все это происходит, он объяснить бессилен.

Все без исключения западно-европейские византинисты игнорируют в объяснении этого кризиса роль и значение ожесточенной классовой борьбы, раздиравшей в то время империю, оставляют без надлежащего рассмотрения важнейшие вопросы социально-экономической истории, в частности вопросы аграрной истории Восточной Римской империи V—VI вв., и вопрос о димах, их классовой сущности и политической роля, хотя здесь должен заключаться ключ к пониманию социальной структуры и социальных противоречий ранневизантийского периода.

В данном сборнике автором настоящей статьи дается работа „Материалы для внутренней истории Восточной Римской Империи V—VI вв.", представляющая попытку на основании анализа аграрных отношений империи V—VI вв. дать самостоятельное решение вопроса, почему Восточ-

---

1 Ramsay. Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire, 293.— Schnebel. Agricultural ledger in Pap. Bad. № 95. The Journal of Egyptian Archaeology, XXV, 1928, 45.

2 К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, М., Госполитиздат, 1938, 193.

3 E. Stein. Studien zur Geschichte des byzant. Reiches, Stuttgart, 1919, 2.— J. Bury. Encyclopaedia Britannica, XIX, 43.

4 К. Успенский. Очерки по истории Византии, I. М., 1917, 143.

ная империя надолго пережила Западную. Этот же вопрос по отношению к димам разбирает проф. А. П. Дьяконов в работе „Византийские димы и факции в V—VII вв.“, дающей новое решение вопроса о классовой сущности и политической роли димов, отличное от выводов Вилькена, А. Рамбо, Ф. И. Успенского и С. Манойловича.[1]

Авторы указанных работ не претендуют, само собой разумеется, на полное и окончательное решение поставленных ими вопросов. Аграрные отношения империи V—VI вв. и вопрос о восточно-римских димах должны служить предметом дальнейшей углубленной разработки советских историков.

Для второго, „иконоборческого“ периода византийской истории, охватывающего VIII и первую половину IX в., важнейшим вопросом, который должен привлечь внимание советских историков, является вопрос о причинах той устойчивости, которую Византия, стоявшая в VII в. на краю гибели, обнаружила с VIII в. Решение этого вопроса невозможно без предварительного детального исследования сложного и запутанного вопроса о „Земледельческом законе“ и славянской колонизации Балканского полуострова. В буржуазной историографии по данному вопросу не выработано единого мнения. Если К. Цахариэ, В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский признавали наличие глубокого аграрного переворота в империи в связи с внедрением славян, то Б. А. Панченко, К. Н. Успенский, Г. Острогорский и Г. Вернадский доказывали, что никакого аграрного переворота по существу не было.[2] Не меньшую разноголосицу среди буржуазных историков мы видим по вопросу о том, было ли уничтожено крепостное право (колонат), в связи с появлением Земледельческого закона. Безобразов, Тафрали, Эшбернер придерживаются старой теории Каллигаса, который не видит никаких изменений в положении сельскохозяйственного населения в VII—VIII вв. по сравнению с предшествующим периодом, не видит никакой разницы в положения энапографов V—VI вв. по сравнению с па́риками VIII—X вв. П. Мутафчиев, Н. Константинеску, наоборот, утверждают, что крепостное право в Византии в VIII в. было уничтожено.[3]

В данном сборнике вопрос о „Земледельческом законе“ и славянской колонизации в Византии является предметом работы Е. Э. Липшиц, которая дает самостоятельное решение вопроса и показывает, что второй период византийской истории является переломной и прогрессивной эпохой. К началу этого периода экономический и политический кризисы вызывают процесс социальной перестановки, сходит со сцены старая сенаторская аристократия, вместо закрепощенных колонов появляются в деревне в качестве преобладающей категории свободные крестьяне-общинники. Образование в Византии многочисленного класса свободных крестьян, широкое распространение общины и общинного землевладения в связи с внедрением в империю славян имели огромное значение для

---

[1] Wilcken. Ueber die Parteien der Rennbahn. Abhandl. der Akad. d. Wiss. zu Berlin Hist. phil. Kl. Berlin, 1879, 217—244. — A. Rambaud. De Byzantino hippodromo et circensibus factionibus. Paris, 1870. — S. Manojlovič. Le peuple du Constantinople. Byzantion, 1—2, 1936, 617—716.

[2] K. Zachariae v. Lingenthal. Innere Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1892. — В. Г. Васильевский. Труды, IV, 208. — Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903.

[3] Constantinescu. La communauté du village Bysantine et ses rapports avec le Petit Traité Fiscale Bysantine. Akademie Roumaine, Bulletin de la section historique, XXI.

последующих судеб империи. На базе мелких крестьянских хозяйств создается сильное военно-служилое сословие, которое в течение веков в обстановке непрерывных войн иногда на два, на три фронта одновременно упорно отстаивало границы империи, защищая не землю господ, а свою собственную землю. Без учета этого факта мы не можем понять той устойчивости, которую после кризиса VII в. Византия обнаружила в VIII и последующих веках.

В этот второй период византийской истории в долгую ожесточенную борьбу с официальным православием вступает умеренная партия реформ — иконоборцы и революционно-плебейское течение — павликиане. Мощное движение павликиан является одной из тех тем, которые заслуживают самой внимательной разработки со стороны советских историков. На этом движении к концу XVIII в. останавливался Гиббон, но в дальнейшем оно почти выпало из поля зрения византинистов. Имеющиеся по этому вопросу источники недостаточно изучены, литература также очень невелика. Между тем, изучение этого революционно-плебейского движения, которое никакие гонения в течение ряда веков не могли задушить, которое играло крупную роль и в истории Византии и за ее пределами, обещает дать ценные научные результаты для марксистского изучения средневековых революционно-религиозных движений.

Очень слабо изучена Византия XIV—XV вв. Здесь внимание советских историков должен остановить бурный взрыв классовой борьбы в половине XIV в., нашедший свое наиболее яркое выражение в революционном движении зилотов в Фессалонике, когда народные массы сделали отчаянную попытку сбросить иго эксплоататоров и тем спасти от гибели себя и свою страну. Несмотря на исследования Тафрали, для нас все же остается неясной программа и социальная среда, породившая движение зилотов. Дальнейшее изучение этого движения прольет новый свет на социальную структуру византийского общества при Палеологах.

Одной из важнейших проблем, которыми должно заняться советское византиноведение, является исследование вопросов византийской культуры во всех ее многообразных проявлениях — науки, философии, литературы, искусства, ремесла, права, быта византийского города.

За последние десятилетия опубликовано много новых византийских текстов и литературных произведений, но внимание исследователей привлекали и привлекают, главным образом, вопросы византийской истории и искусства. По линии византийской литературы ощущается чувствительный пробел. „История византийской литературы“ Крумбахера является надежным библиографическим справочником, но не дает истории литературы в собственном смысле. Не может восполнить этот пробел и „Византийская литература“ Карла Дитериха. Между тем историку необходимо знать литературу изучаемой страны. Византийская литература не заслуживает оказываемого ей пренебрежения и насчитывает за тысячелетний период своего существования достаточный ряд произведений литературы светской, которая требует марксистского освещения и анализа. Сюда относятся произведения многочисленных писателей V—VI вв., непосредственно примыкавших к античности. Из последующих заслуживают серьезного изучения труды Феодора Студита, патриарха Фотия, Иоанна Геометра, Христофора Митиленского, Михаила Пселла, Феодора Продрома (Манганского), Цеца, Филеса, Михаила Акомината, Иоанна Кантакузина, Георгия Пахимера, Никифора Григоры, Гемиста Плетона и др.

Поэтому одной из неотложных задач советского византиноведения должно явиться составление хотя бы краткого ориентирующего очерка византийской литературы, отсутствие которого остро ощущается, причем здесь должны быть учтены и произведения народного греческого эпоса, как, напр., былина о Дигенисе Акрите и др.

Крайне необходимым для советской науки и истории народов СССР научным предприятием должно явиться продолжение работ В. В. Латышева „Scythica" и „Caucasica". В. В. Латышев писал в 1890 г., что за изданием первых двух томов „Известий греческих и латинских писателей до конца IV в." последуют собрания свидетельств византийских писателей. Мысль об этом не оставляла Латышева, постепенно подбиравшего материал для издания третьего тома. К сожалению, ему не удалось довести до конца это предприятие. Все же он собрал выдержки более чем из пятнадцати авторов. Государственная Академия истории материальной культуры, куда поступил собранный Латышевым материал, издала только один небольшой выпуск, в который вошли работы Константина Порфирородного „Об управлении империей", „О фемах Запада" и отрывок из второй книги Обрядника (гл. XV) „О втором приеме Ольги Русской".[1]

Академия Наук СССР должна осуществить план Латышева и дать советской науке по типу „Scythica" и „Caucasica", „Собрание свидетельств византийских писателей о нашей стране и ее народах", которое явится незаменимым пособием для всех историков древнейшего периода СССР.

В связи с этим необходимо продолжить работу по изданию неопубликованных византийских надписей по типу „Сборника греческих надписей христианских времен из южной России", опубликованного Латышевым в 1896 г.

Журнал „Вестник Древней истории", несмотря на краткость своего существования, сделавший немало для советской исторической науки вообще и для византиноведения в частности, очень удачно проявил свою инициативу в опубликовании переводов византийских историков. Подобную инициативу нужно всячески приветствовать. Если у нас в значительном количестве появляются переводы античных греческих и римских авторов, то в серии этих переводов следовало бы включить и некоторые хорошо подобранные памятники литературы Византии. Академия Наук СССР не может остаться в стороне от этого рода научных предприятий. Наоборот, она должна это дело возглавить и им руководить. В первую очередь следовало бы дать переводы всех сочинений Константина Порфирородного и прежде всего переиздать знаменитую рукопись Константина „De Cerimoniis" с переводом и самыми подробными комментариями, пустив этот ценный средневековый памятник в научный оборот.

Работа Д. Ф. Беляева „Byzantina" дает хороший образец, показывающий, в каком направлении и как этот памятник должен изучаться.

Следует поддержать пожелание акад. С. А. Жебелева, чтобы пример Д. Ф. Беляева нашел себе поскорее подражателей, которые дали бы советской науке хороший перевод, археологический и исторический комментарий этого ценного памятника. Здесь можно было бы исполь-

[1] Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 91, 1934.

зовать обширный материал, который остался после прекращения деятельности Русско-византийской комиссии и хранится в архиве Академии Наук СССР в виде многочисленных рукописей и словарных карточек.

С той же целью изучения связей Византии и северного Причерноморья следовало бы ускорить раскопки Херсонеса, которые слишком затянулись (хотя они начаты были еще в половине прошлого века, однако до настоящего времени раскопана только одна треть городища).

Следовало бы передать Херсонес в ведение Академии Наук СССР и дать серьезную монографию о средневековом Херсонесе, подытоживающую результаты его многолетнего археологического изучения.

Наконец, неотложной и необходимой задачей советских византинистов должно явиться продолжение издания трудов акад. В. Г. Васильевского, которые ценны не только своими выводами, но и образцовой методикой исследования. По ним учились прошлые и должны учиться будущие поколения византинистов. Наш долг поэтому ознакомить советского историка со всеми работами лучшего русского византиниста. Не менее важно было бы издать неопубликованные труды акад. Ф. И. Успенского и особенно его „Историю Византийской империи“, лишь часть которой появилась в печати.

Таковы первоочередные задачи советского византиноведения. Они могут быть выполнены при наличии двух условий: 1) должна быть организована подготовка византиноведческих кадров путем введения на наших исторических и филологических факультетах чтения курсов по истории Византии и византийской литературы и включения в качестве обязательного предмета изучения студентами греческого языка, который также необходим квалифицированному советскому историку, как и латинский; 2) эти задачи могут быть выполнены, если за разрешение их серьезно возьмутся не только группа византиноведения Института истории Академии Наук СССР, но и историки античники и востоковеды. Только совместными усилиями мы сможем создать марксистскую науку о Византии, достойную великой героической эпохи, в которой мы живем.

Этот сборник был приготовлен к печати еще до начала войны. Обстоятельства военного времени задержали его выход в свет.

ВИЗАНТИЙСКИЙ СБОРНИК

М. В. ЛЕВЧЕНКО

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ V—VI ВВ.

I. METROCOMIAE и VICI PUBLICI

Вопросы социально-экономической истории Восточной Римской империи V—VI вв., в частности вопросы аграрной истории, очень мало затронуты буржуазной историографией, хотя без детального изучения этих вопросов нельзя объяснить тот кризис, который поставил империю на край гибели в VII в., нельзя понять и ту устойчивость, которую Византия обнаружила с VIII в. Энгельс, давший гениальный анализ социальных отношений поздней Римской империи в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“, оставил без рассмотрения Восточную Римскую империю, отметив только „уцелевшие остатки торговли“ как отличие Восточной империи от Западной.

Действительно, хотя Восточная Римская империя представляла такую же жестокую угнетательскую машину, как и Западная, упадок рабовладельческого общества на Востоке чувствовался в меньшей степени, чем на Западе.

О том, что кризис рабовладельческого общества, нанесший такой сильный удар Западу, на Востоке отразился в гораздо меньшей степени, свидетельствует уже то обстоятельство, что здесь не наблюдается того падения городской жизни и возвращения к натуральному хозяйству, какие имели место на Западе. Константинополь, Александрия, Антиохия, насчитывающие сотни тысяч жителей, оставались в V — VI вв. крупнейшими центрами торговли и промышленности. Византийцы были хозяевами тех местностей, к которым примыкали старые торговые пути.

Они владели Египтом, куда через Красное море привозились товары из Аравии и Цейлона. Сирия и Месопотамия продолжали вести торговлю с Центральной Азией.

Наконец, на Черном море у Восточной империи были добавочные пункты, имевшие значение для восточной торговли. Таким путем Византия продолжала получать из восточных стран шелк, пряности, золото, жемчуг, предметы роскоши. Восточные провинции не ограничивались посреднической торговлей. Вывоз собственных продуктов также имел место; Египет ежегодно в виде налога поставлял в Константинополь 8 млн. артаб зерна и в то же время имел возможность отправлять в Аравию крупные партии хлеба. Сирийские стеклянные изделия и тонкие ткани достигали даже Китая.

Торговля на Средиземном море, поскольку она еще имела место, оставалась неоспоримой монополией подданных Восточной империи,

главным образом сирийцев, евреев и греков: торговцев из Египта, Сирии в V — VI вв. можно было встретить в Африке, Сицилии, Равенне, Испании, Марселе. В некоторых городах Запада они имели довольно значительные колонии, куда ввозили ткани, выделанную кожу, сирийские вина, египетский папирус.

Уцелевшая на Востоке промышленность, торговля, а также виртуозно разработанный фискальный аппарат позволяли правительству Восточной Римской империи выжимать из своих подданных громадные по тому времени денежные ресурсы и распоряжаться ими. О размерах их некоторое представление дает свидетельство византийского историка Прокопия о том, что казначейство Восточной Римской империи к концу правления императора Анастасия (491—518) обладало денежной наличностью в 320 тыс. фунтов золота, т. е. около 130—140 млн. рублей золота.

Эти крупные средства давали возможность центральной власти подавлять центробежные стремления, бороться с наступающими варварами или от них откупаться, подавлять восстания угнетенных народных низов. Последняя задача была особенно актуальной, ибо Восточная империя так же, как и Западная, являлась не чем иным, как „гигантской сложной машиной исключительно для высасывания соков из подданных“;[1] вместе с тем искусственным конгломератом различных племен и рас: греков, различных малоазийских племен, армян, сирийцев, евреев, коптов, латинизированных фракийцев и иллирийцев.

По имеющимся у нас сведениям, в V — VI вв. Египет был не только хлебной базой Восточной Римской империи. Он имел и развитую промышленность. Производство полотна в Египте могло по меньшей мере равняться с сирийским. Александрия сохраняла первое место в империи в производстве стеклянных изделий как по искусной окраске, так и по красоте внешней формы. Важным предметом производства был также египетский папирус. Антиохия в Сирии в конце IV в. насчитывала не менее 200 тыс. жителей, славилась своей великолепной центральной улицей, простиравшейся на 36 стадий, своим водопроводом, превосходным уличным освещением, своим театром Диониса и цирком.

Материальная культура диоцеза Сирии сохраняла еще сравнительно высокий уровень. Многие теперь запустевшие местности были тогда прекрасно обработаны. Письменные источники, из которых наиболее важным является землеописание, составленное на Востоке в половине IV в. под названием „Expositio totius mundi“, единогласно свидетельствуют, что диоцез имел в эти века довольно развитую обрабатывающую промышленность и вел оживленную торговлю. Эдессу в Озроэне „Expositio“ характеризует как город, славящийся повсеместно своим богатством и торговлей, который продает по всему миру товары, получаемые от персов.[2]

„Вся Сирия, — говорит «Expositio», — изобилует зерновым хлебом, вином и оливковым маслом и имеет много цветущих и больших городов (habet civitates varias et excellentes et maximas)“.

Она вела обширную вывозную торговлю; ее тонкие вина отправлялись из Дамаска в Персию, из Лаодикеи и Аскалона в Египет, а оттуда даже в Эфиопию и Индию. Вина из Библоса, Тира, Газы везде высоко ценились.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 125.

[2] Geographi latini minores. Heilbronnae, 1878, 108. — Палладий. Лавсаик. СПб., 1850, 310.

Но еще большее значение имели сирийские эргастерии, снабжавшие мир полотняными, пурпуровыми, шелковыми тканями и стеклянными изделиями. Изготовление льняных тканей, которым исстари занимались в Вавилонии, было рано перенесено в Сирию. „Тамошний холст,—говорится в вышеупомянутом описании,—рассылается из Скифополя [Палестины], Лаодикеи, Библоса, Тира, Берита по всему свету".[1] Сирийское полотно, по официальному правительственному признанию (Диоклетиановскому закону об обложении пошлинами), считалось наиболее тонким и лучшим. Сирийские пурпуровые ткани, хотя в этой области у них и появилось много конкурентов, по своему качеству продолжали занимать первое место. При этом на ряду с всемирно известными тирскими пурпурными красильнями на сирийском побережье имелось и много других в Сарепте, Даре, Кесарии, Неаполе, Лидде. Шелк-сырец привозился из-за Каспийского моря, главным образом из Китая. Он обрабатывался преимущественно в беритских и тирских мастерских. Сидонские стеклянные мастерские сохраняли свою старую славу.

К сбыту этих продуктов местной промышленности присоединялись большие массы товаров, отправляемых с востока через Евфрат. Сальвиан около 450 г. упоминает о толпах сирийских купцов, заполняющих галльские города (negotiatorum et Syrycorum omnium turbas, quae majorem ferme civitatum universarum partem occupaverunt).[2]

Наше землеописание также подтверждает, что торговая и промышленная активность сирийцев не заглохли и в византийское время. Тир, по словам землеописания, „ведет все дела оживленно, пользуется значительным благосостоянием. Нет другого города на Востоке более деятельного в торговых делах, имеющего столько богатых людей, во всем достаточных (omnium negotium ferventer agens magnifice felix est: nulla enim forte civitas orientis est ejus spissior in negotio; et divites viros habens et potentes in omnibus)".[3] Лаодикея, Селевкия, и Газа—„города выдающиеся, ведут кипучую торговую деятельность и изобилуют всем (Civitates eminentes et in negotio bullientes et habundantes omnibus)",[4] производят лучшее вино. „Скифополь, Лаодикея, Библ, Тир, Берит посылают льняные изделия всему миру и изобилуют всем (linteamen omni orbi terrarum emittunt, et sunt eminentes in omni habundantia)".[5] Кесария, Неаполь, Лидда производят пурпуровые ткани (purpuram alithinam), богаты вином, хлебом (civitates et fructiferae in frumento, vino et omnibus bonis)".[6]

Богатые люди из служилой сенаторской аристократии, владельцев эргастериев и разбогатевших купцов, между которыми нельзя установить резкой грани, так как и сенаторы в Восточной империи не стеснялись заводить эргастерии, жили богато и привольно, о чем до настоящего времени свидетельствует местность по правому берегу Оронта от Апамеи до того пункта, где река поворачивает к морю. Здесь между Антиохией, Алеппо, Апамеей и Дамаском до настоящего времени сохранилось множество замечательных археологических памятников. „Это,—говорит де Вогюэ,—ряд оставшихся почти неприкосновенными городов. Все эти города образуют такую совокупность, от которой ничего нельзя отделить и которая характеризует время с IV по VII в. нашей эры—жизнь ши-

1 Geographi latini minores, 110.
2 Salviani. De Gubernatione Dei. Ed. F. Pauly, Vindobonae, 1883, IV, 14.
3 Geographi latini minores, 109.
4 Ibid., 111.
5 Ibid., 110.
6 Ibid., 100—111.

рокую, богатую, которая проходила в выстроенных из крупных обделанных камней больших домах, отлично приспособленных, с крытыми галлереями и балконами, с прекрасными садами и виноградниками, с тисками для приготовления вина, с каменными чанами и бочками для его хранения, с обширными подземными кухнями и конюшнями для лошадей. Здесь же мы находим красивые площади, окаймленные портиками, изящные бани, великолепные церкви с колоннами и башнями по бокам".[1] Французский археолог только не договаривает, что нарушавшие эту картину довольства жалкие хижины многочисленной бедноты давно исчезли бесследно.

Северная Сирия включала, главным образом, территорию четырех больших городов — Антиохии с ее пригородами: Селевкией, Апамеей и Лаодикеей.

Что касается восточной Сирии, то там при Траяне вместо двух вассальных арабских владений была учреждена римская провинция. Римское владычество и здесь ознаменовалось насаждением городов и развитием торговли, молчаливым свидетелем чего являются сохранившиеся до настоящего времени ряды каменных лавок Бостры, многочисленные остатки сотен населенных пунктов на восточных и южных склонах Гауронских гор, запустевших только в 641 г.

Новелла CIII Юстиниана Περὶ τοῦ ἀνθυπάτου Παλαιστίνης свидетельствует о благосостоянии Палестины „большой и удивительной страны". Она подчеркивает, что эта провинция дает самый значительный доход государственному казначейству, с похвалой отзывается о лойяльности населения, насчитывающего в своей среде „много честных и ученых мужей"

„Мы видим ее (Кесарию, главный город провинции) управляющей страной большой и удивительной... доставляющей государству большой доход, пользующейся доброй славой, насчитывающей многолюдные города и питающей добрых и разумных граждан (ὁρῶμεν δὲ αὐτὴν χώρας ἄρχουσαν μεγάλης τε καὶ θαυμαστῆς... ὅτι μάλιστα πλείστην τῇ καθ᾽ἡμᾶς παρεχομένην πολιτείᾳ φόρων τε μεγέθει καὶ εὐγνωμοσύνης ὑπερβολῇ, καὶ παρεχομένην πόλεις σεμνάς καὶ πολίτας ἐκτρέφουσαν ἀγαθοὺς καὶ λόγων μεστούς)". Киликия также имела ряд бойких промышленных и торговых городских центров, которые извлекали свое богатство частью от торговли, проходящей через Киликийские ворота, частью из продуктов плодородной киликийской почвы.

Тарс здесь был главным промышленным центром и дал свое имя промышленности всей провинции. Тарские полотняные изделия занимают очень видное место наравне со скифопольскими в Диоклетиановском Эдикте о твердых рыночных ценах и заработной плате.[2] Но в Киликии были и другие города с развитым ремесленным производством, как, напр., Аназарб, где также было развито производство полотна, и Корик. Моммсен в V томе своей „Римской истории" дал анализ христианских надписей Корика, датируемых V—VI вв. и показывающих, что этот город в V—VI вв. имел оживленную торговлю и развитое ремесленное производство.[3] Малая Азия в V—VI вв. также сохраняла еще значительные остатки развитого сельского хозяйства и промышленности.

Природными богатствами были в наибольшей степени наделены приморские области, но даже там, где почва была неблагоприятна для

---

[1] E. M. Voguë. Syrie Centrale, I. Paris, 1865—1874, 7.

[2] H. Blümner. Der Maximaltarif des Diocletians. Berlin, 1893, 478.

[3] C. I. Lat. Suppl. 1945—9, Inscriptiones Graecae ad Res Romanas pertinentes, III, 896 — A. Jones. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937, 199—201, 201—203; Т. Моммсен. Римская история, т. V. М., изд. Солдатенкова, 1855, стр. 324.

земледелия, она все же обрабатывалась. Что касается произведений промышленности Малой Азии, то они были чрезвычайно многочисленны и разнообразны не только в римский, но и в ранневизантийский период.

Благодаря обширным находящимся внутри страны пастбищам, на которых паслись огромные стада овец и коз, Малая Азия сделалась главным центром производства шерстяных изделий и ткацкого ремесла.[1]

Достаточно вспомнить о галатской шерсти, золотошвейном искусстве атталийцев и о сукне, которое изготовлялось в Лаодикее на нервийский, т. е. фландрский манер. О развитом ремесле в малоазийских городах свидетельствует тот факт, что ремесленники населяли целые кварталы малоазийских городов. Нам известны 2 квартала из 7, на которые делился один из значительных городов Лидии — Филадельфия.[2] То были кварталы ткачей шерстяных материй и башмачников. „Expositio" также подтверждает сохранение Малой Азией во второй половине IV в. значительных остатков развитого земледелия и промышленности. По ее сообщениям, Киликия давала много вина. В Кесарии было развито меховое производство. Кесария, по „Expositio", изготовляла красивую одежду из вавилонской кожи (leporinam vestem Babylonicarum pellium), Пафлагония и Понт славились своим виноделием (vinorum divitum habitatio`;[3] Галатия производила много хлеба и вывозила текстильные изделия (negociatur vestem plurimam); „Памфилия, по «Expositio», прекрасная страна, удовлетворяющая себя всем, производит много оливкового масла, вывозя его в другие страны (Pamphylia — regio optima et sibi sufficiens: oleum autem multum faciens, et alias regiones implens)".[4]

Азия имеет города, из которых крупнейшими являются Эфес и Смирна. Страна обширна и плодородна и изобилует всеми благами: различными винами, оливковым маслом, хорошим пурпуром, производит orydiam, alicem.[5] Геллеспонт — „страна плодородная и обильная хлебом, вином и оливковым маслом (regio frugifera, frumento, vino et oleo ornata)".[6]

Рядом с Геллеспонтом „Expositio" отмечает „удивительную Вифинию, большую и прекрасную страну, которая производит разнообразные плоды".

Если азиатские провинции империи были еще сравнительно густо населены и сохраняли развитое земледелие и промышленность, являясь, таким образом, экономической базой империи, то гораздо менее благополучно обстояло дело с европейскими провинциями. В большей степени, чем Восток, пораженные кризисом рабовладельческого хозяйства, они в то же время подвергались беспрерывным нашествиям и опустошениям со стороны задунайских варваров. Эти нашествия с конца IV, в V и VI вв. повторялись почти беспрерывно и, разумеется, разоряли Балканский полуостров, расстраивали здесь земледелие, промышленность и торговлю. И, однако, эти разграбленные и запустевшие области Балканского полуострова определяли за редкими исключениями политику империи в V—VI вв. Именно эти области поставляли императоров V—VI вв. и большую часть высшего административного персонала империи.

---

[1] Т. Моммсен. Римская история, т. V. М., изд. Солдатенкова, 1885, 323.
[2] Ibid., 324.
[3] Geographi latini minores, 115.
[4] Ibid., 116.
[5] Ibid., 117.
[6] Ibid., 117.

Гегемония Запада над Востоком объясняется прежде всего тем, что сама столица — Константинополь — находилась на Балканском полуострове, а столица и определяла политику империи. Константинополь был созданием императорской власти. Жители пользовались налоговыми льготами. Значительной части его населения бесплатно раздавали хлеб в зерне и съестные припасы. Им предоставлялось наслаждаться зрелищами цирка, и правительство подкупало их с тем, чтобы они одобряли и поддерживали его политику.

Естественно, что привилегированные обитатели Константинополя смотрели в IV в. презрительно, сверху вниз, на древние греческие города, а Афины (и другие старые греческие города) с ревностью и ненавистью рассматривали „местечко, которое некогда снабжало Афины зерном. Теперь же и всей Азии с Сирией и Финикией оказывается уже недостаточно, чтобы напитать голодную чернь, которую Константин согнал в Византию из осиротелых городов империи".[1] Но какую бы зависть и ревность ни проявляли к новой столице старые города, они бессильны были задержать ее быстрый рост, ее превращение в главный и несравненный рынок империи, огромный посреднический центр по отправке товаров Леванта на Запад, главный центр деятельности богатых трапезитов. Прокопий сообщает, что в столицу империи товары стекались со всего мира.[2]

Павел Силенциарий изображает картинно, как торговые корабли всей вселенной плывут, полные надежд, к царственному городу, и самые ветры сговариваются, чтобы провезти в него товары, которыми обогащаются его граждане. Еще раньше престарелый ритор Фемистий с восторгом говорил о быстром росте Константинополя, о том, как громоздятся один на другой семи- и девятиэтажные дома, как столица становится „огромной мастерской великолепия", в которой быстро увеличивается количество архитекторов, декораторов и всякого рода рабочих.[3]

Хотя сама Греция была безнадежно поражена кризисом рабовладельческого хозяйства, а остальные области Балканского полуострова сильно страдали с конца IV в. от варварских набегов, однако Юстиниан еще мог превратить свою родину, скромную деревню Таврезиум возле Бедерианы, в большой город Юстиниана-Прима, административную и религиозную столицу Иллирика.[4] Граничащий с варварским миром город Томи в V в. был городом большим, богатым и цветущим, как об этом свидетельствует Созомен,[5] и таким же он оставался и в VI в., судя по особому значению епископа томитанского для Скифии.[6]

О том, что в Восточной империи экономический кризис проявился значительно слабее, чем на Западе, свидетельствует оживление менового хозяйства в V в., давшее возможность императору Анастасию внести крупное изменение в систему взимания поземельной подати — заменить натуральное обложение денежным. Об этом говорит также стабильность денежной монеты Восточной Римской империи, которая в V—VI вв. повсеместно считалась единственно надежным средством расчета в Европе и большей части Азии.

---

1 Evnapius. Aedesius. Ed. Boissonade — Wittenbach, 1822, 22.
2 Procopii. De Aedificiis. Bonnae, 1832—1838, 208.
3 Themist. Orat. Ed. Dindorf, Lipsiae, 1832, XIII, 206.
4 Procopii. De Aedificiis, 267.
5 Sozomen. Hist. eccl., VI. Ed. Hussey, Oxford, 1860, 21.
6 Cod. Just., I, 3. — 35, 3. Известия Археологической комиссии, 49, стр. 114.

При всем этом нельзя говорить о каком-либо экономическом прогрессе в Восточной империи, о дальнейшем росте производительных сил в V—VI вв. Источники нам показывают противоположную картину. Сирия считалась одной из самых богатых восточно-римских провинций, но по сообщениям Ливания в конце IV в. она переживала период не подъема, а упадка. Ливаний оставил нам красочные описания массового разорения средних и мелких земельных собственников в Антиохии в это время. Много раз в своих речах он подчеркивает „нищету и запустение полей“. „У трудящихся на земле прежде были и сундуки, и платье, и статиры, и браки с приданым. Теперь же тебе приходится проходить мимо заброшенных полей, которые привело в запустение взыскание податей с пристрастием, причем прибавилось еще другое пущее зло от тех, кто наполнил собой пещеры, чья скромность лишь в скромности их плащей“.[1] „Запустение полей“ — не случайная обмолвка у Ливания. „В наше время, — говорит он, — повсюду можно видеть запущенные поля... Оставшимся в деревне (когда большая часть населения разбежалась) не к чему запирать дверей, ибо тому, у кого ничего нет, ничуть не приходится бояться грабителей“.[2] Рисуя картину бедственного положения земледельческого населения, Ливаний говорит: „Всюду бедность, нищенство и слезы, а земледельцам представляется удобнее просить милостыню, чем обрабатывать земли“. Ливаний, языческий ритор, был недоволен существующими порядками, но его здесь нельзя упрекнуть в том, что он рисует картину мрачнее, чем она была на самом деле. В действительности она была типичной для сельского хозяйства Восточной империи V—VI вв.

В описываемое время целый ряд обстоятельств — угроза варварских вторжений, насилия магнатов, грабежи чиновников, тяжесть налогов, голодовки, эпидемии — вызывают постепенное уменьшение сельскохозяйственного населения, стремившегося в крупные города, где жилось легче, искавшего убежища в патронате крупных землевладельцев и все более размножающихся монастырях. Соответственно этому росло количество пустых, заброшенных земель, что самым осязательным образом отражалось на поступлениях государственного казначейства. Поэтому все земельное законодательство V—VI вв. является бесконечной цепью мероприятий, ставящих своею целью во что бы то ни стало привязать земледельца к земле или его заместить, если ему все-таки удалось убежать.

Достаточно просмотреть титул 59 „De omni agro deserto“ кн. XI Кодекса Юстиниана, где приведены по этому вопросу законы императоров Константина, Валентиниана и Валента, Грациана и Феодосия, Аркадия и Гонория, чтобы понять, как остро стоял вопрос о запустении земель перед императорским правительством Восточной империи IV—VI вв.

Письма Феодорита Киррского, описывающие положение Евфратисийской провинции, показывают, что состояние сельского хозяйства не улучшилось и в V в.

Они свидетельствуют, что территория города Кирр в первой половине V в. находилась в крайнем разорении и запустении. В своих письмах Феодорит выступает как настоящий правитель города. О Филиппе, председателе курии этого города (τὸν τῆς ἡμετέρας πρωτεύοντα πόλεως), в письмах едва упоминается. В 81-м письме к консулу Ному Феодорит

[1] Libanii Opera, III. Ed. Foerster, Lipsiae, 1903, 91.
[2] Ibid., I. 239.

сообщает, что он на церковные доходы соорудил портики для народа, выстроил два больших моста, заботился об общественных банях, из протекающей вблизи реки провел водопровод в город, „напоил водой безводный город“.[1] Но основным мотивом его писем являются постоянные жалобы на тяжелое положение и критическое состояние города и его округа. В 42-м письме префекту Констанцию Феодорит пишет о том, „что угрожают окончательно погибнуть остатки врученных мне богом города и страны“.[2]

Основной причиной он выставляет непомерную тяжесть налогов. Термин „налогоплательщики“ он никогда не употребляет без эпитета „несчастные“ (см. письма 42, 45, 47), а декурионов называет „трижды несчастными“.[3]

В письме префекту Констанцию Феодорит обращает его внимание на то обстоятельство, что если бы даже вся территория городского округа была обработана и вся она была бы удобна для земледелия, то и тогда земледельцы были бы удручены налогами и не могли бы перенести тяжести обложения. В письме к императрице Пульхерии, относящемся к 447 г., Феодорит пишет, что на Евфратисийскую провинцию наложено самое тяжелое бремя (βαρύτατον φορτίον), через которое многие имения (πολλὰ τῶν κτημάτων) лишились земледельцев (γεωργῶν), а многие владения даже совершенно запустели, но тем не менее и за них взыскивается с несчастнейших декурионов (ἀπαιτοῦνται δὲ ὑπὲρ τούτων οἱ τρισάθλιοι πολιτευόμενοι). Они же, будучи не в состоянии выносить налоги (φέρειν τὴν εἴσπραξιν), частью нищают, частью разбегаются (οἱ μὲν προσαιτοῦσιν, οἱ δὲ δραπετεύουσι).

Кончается письмо утверждением, что город доведен до такого состояния, что он не выдержит, если не получит врачевания от императрицы.

В письме 42-м Феодорит говорит о запустении многих имений (πολλὰ τῶν κτημάτων), причем разбежались и владельцы их и колоны (γεωργοί). Эти запустевшие имения принадлежали средним и мелким земельным собственникам. Но на территории Кирр были и крупные имения, принадлежавшие высшим представителям константинопольской аристократии.

Они сохраняли бо́льшую устойчивость, но и здесь положение непосредственных производителей было крайне тяжелым. В письме 23-м, обращенном к патрицию и консулу Ареовинду, Феодорит просит его сжалиться над своими γύπονοι (под этим термином подразумевались и рабы и колоны), так как они получили очень плохой урожай.[4]

Не могло улучшиться положение империи и в VI в. По объему своих завоеваний и великолепию своих сооружений Юстиниан I превзошел всех византийских императоров, но его лихорадочная деятельность в конечном счете принесла империи больше вреда, чем пользы. Он оставил империю обширнее пространством, но гораздо беднее ресурсами, чем раньше.

Разгром в 532 г. димов, единственных сколько-нибудь демократических организаций, которыми располагало византийское общество VI в., позволил правительству Юстиниана еще менее считаться с трудящимися массами, чем его предшественникам, еще решительнее строить государство, централизованное по эллинистическому образцу, управляемое чисто бюрократическими средствами, как оно заложено было реформами Диоклетиана

[1] Migne. Patrologia Graeca, LXXXIII, 1261.
[2] Ibid., 1217.
[3] Ibid., 1221.
[4] Ibid., 1204.

и Константина. Это правительство беззастенчиво приносило в жертву интересы трудящихся масс не только во внутренней, но и во внешней политике, напрягая все силы для осуществления своего химерического плана восстановления Римской империи на Западе и оставляя без достаточной защиты восточные провинции. К бедствиям, причиняемым войной и вражескими набегами, присоединилась чума, опустошившая восточные римские города и деревни в 542 г. Истинное положение вещей в империи раскрывает новелла преемника Юстиниана Юстина II от 566 г., где мы читаем: „мы нашли казну, разоренную долгами и доведенную до крайней нищеты, и армию, до такой степени расстроенной, что государство было предоставлено беспрерывным разорениям и набегам варваров“.[1]

О состоянии сельского хозяйства в конце VI в. мы можем составить приблизительное представление по новелле императора Тиверия 573 г. Περὶ κουφισμῶν δημοσίων. В ней император официально заявляет, что сельское хозяйство империи переживает тяжелый кризис, что земельная собственность империи, вследствие крайнего недостатка рабочей силы, находится в таком состоянии, что не приносит дохода ее владельцам и даже не дает им возможности уплачивать государственные налоги (ἴσμεν τοίνυν τὰς ἐπαλλήλους τε καὶ πολυτρόπους τῶν ἀνθρώπων φθορὰς εἰς τοσοῦτον τὰς κτήσεις καταγαγεῖν ἀπορίας ὡς μηδὲ προσόδους εἰσάγειν δύνασθαι τοῖς κεκτημένοις μηδὲ μὴν τοὺς τῶν δημοσίων αὐταρκῶς εἰσκομίζειν φόρους).[2] Тиверий, разумеется, не был заинтересован в том, чтобы рисовать картину более мрачной, чем она была в действительности. Кризис сельского хозяйства в Восточной империи начался значительно ранее конца VI в. Постоянное уменьшение сельскохозяйственного населения и вытекающий отсюда недостаток рабочих рук, возрастающее количество запустевших земель уже давно являлись показателями кризиса.

Изложенное показывает, что сохраняя бо́льшую экономическую крепость, чем Западная, Восточная Римская империя V—VI вв. являлась обществом застойным, в котором ряд особенностей экономики и социальной структуры тормозил развитие производительных сил.

Специфической особенностью этого общества являлось сохранение сильных пережитков рабства при развитии крепостнических форм эксплоатации. Новый способ производства здесь развивался при сохранении внешней формы старого рабовладельческого государства, и потому развитие его происходило медленно и мучительно для непосредственного производителя.

На низшей ступени попрежнему стояли рабы. Бойкая торговля рабами попрежнему шла на рынках Малой Азии, Египта, Причерноморья, Константинополя. Рабский труд применялся в домашнем хозяйстве и в государственных предприятиях, на ряду с трудом свободных ремесленников. В домах богачей рабы попрежнему насчитывались тысячами. В ограниченных размерах рабский труд продолжал применяться и в сельском хозяйстве.

Папирусы свидетельствуют о применении рабского труда в египетских крупных имениях V—VI вв.

Из анализа доходов и расходов гермополитанского имения VI в.[3] мы видим, что расходы на содержание рабов составляли более значительные суммы, чем расходы на наем свободной рабочей силы.

---

[1] Nov., CXLVIII, praef.

[2] K. Zachariae v. Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, 22.

[3] P. Baden, 95, 62.

Мы встречаем постоянные упоминания о рабах в законодательных памятниках. Так, правительство IV—VI вв. при сдаче в аренду доменов постоянно подчеркивает, что предметом аренды являлось имение со всем инвентарем, заключающимся в рабах, скоте и другом инвентаре, причем к этому инвентарю причислялись повинности и оброки колонов.[1] Далее, при судебных приговорах, когда конфисковались не только земли, но все имущество осужденного, законодательные памятники указывают всегда, что это имущество состоит из рабов, скота, сельскохозяйственного инвентаря.[2]

Держателям доменов по jus privatum salvo canone, в отличие от перпетуариев, предоставлялось право собственности в полученном ими имении, и это право собственности выражается прежде всего в возможности отпуска на волю рабов, сидящих в имении. Юстиниан в XXIV новелле вооружается против ростовщиков, которые, используя трудные обстоятельства (temporum necessitatem), за ничтожные хлебные ссуды овладевают землей и имуществом должников — мелких земледельцев, и предлагает Агерохию, правителю Иллирика, считать эти договоры недействительными и заставить возвратить земледельцам все их имущество (sive terrulas' sive aliud in pigno acceperunt — boves vel pecora, vel mancipia modis omnibus reddant).[3] Из этого мы узнаем, что даже мелкие земледельцы Иллирика могли иметь рабов.

На церковных землях также применялся труд рабов. Так, VII новелла Юстиниана запрещает „боголюбезному епископу и патриарху этого счастливого города [Константинополя] продавать, дарить, ссужать или другим способом отчуждать какое-либо недвижимое имущество", которое дальше и перечисляется: „дома, или пахотную землю (ἡ ἀγρόν), или колонов (γεωργούς), или рабов (ἀνδράποδα ἀγροικικά).[4] Таким образом, рабы так же, как и колоны, являлись необходимой составной принадлежностью церковного имущества. Все эти примеры, количество которых мы могли бы бесконечно умножить, убеждают нас в том, что рабы составляли обычную постоянную часть рабочей силы византийского имения IV—VI вв., хотя сельскохозяйственное производство в крупных имениях в основном велось руками колонов. Известное, иногда очень значительное, количество рабов было занято в домашнем хозяйстве динатов и в промышленном производстве, как это показывают сообщения отцов церкви. Некоторые рабы, завоевывая доверие своих господ, вели самостоятельные денежные дела, как показывают сообщения папирусов о рабе Флавия Апиона, сдающем в наем дом в Оксиринхе,[5] о рабе Кирилле, занимающем деньги, о рабе патриция Афанасия в Фиваиде, играющем важную роль.[6]

Эти случаи, очевидно, имеет в виду Феодорит Киррский, когда пытается доказать, что „рабство не вредит находящимся в оном, но даже весьма благодетельно, если кто хочет им воспользоваться".[7]

„Кому угодно, — пишет он, — может и без древних примеров испытать находившихся ныне в рабстве, и увидит, что много между ними ревнителей добродетели, которые облегчают для себя рабство добрым исполнением, не требуя побуждения, исполняя должное по доброй воле,

---

[1] Cod. Theod., X, 8,1; 2,25.
[2] Nov., XXXIV, c. 1.
[3] Ibid., XXIV.
[4] Ibid., VII, praef.
[5] PSI, 709.
[6] P. Cairo, 67, 166.
[7] Migne. Patrologia Graeca, LXXXIII, 67.

любят угождать господам"[1] и за это получают свободу, делаются обладателями больших имений и воспринимают награду за свое доброе рабство. Очевидно, под „ревнителями добродетели" здесь подразумеваются разбогатевшие вольноотпущенники, которые встречались неоднократно и в описываемое время.

Прекращение завоевательных войн, относительное вздорожание рабов, вспышки рабских восстаний способствовали некоторому смягчению участи рабов. Раб теперь уже не рассматривается „как вещь". Эксплоатация рабов подвергается в законодательстве ряду ограничений. Убийство раба приравнивается к убийству свободного; упрощаются формальности освобождения рабов.

Тем не менее положение основной массы рабов и теперь было настолько тяжелым, что продолжало вызывать их отчаянные, хотя и безнадежные восстания.

Иоанн Никиусский, описывая восстание Азарии в Акмиме при Маврикии, указывает, что основной контингент восставших составляли эфиопские рабы. Нам неизвестно, где до восстания были эксплоатируемы эти рабы — в промышленности, каменоломнях или сельском хозяйстве, но, очевидно, они были достаточно многочисленны, так как для подавления восстания пришлось командировать одного из высших представителей военной власти и значительный отряд войск.[2] Таким образом рабство продолжало существовать в Восточной Римской империи в виде устойчивого общественного уклада, „сохраняя свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду".[3]

Еще более многочисленную категорию сельскохозяйственного населения составляли колоны — „предшественники средневековых крепостных". В некоторых провинциях они составляли безусловное большинство сельскохозяйственного населения. В этом нас убеждает сообщение Прокопия о результатах восстания самаритян при Юстиниане, когда землевладельцы-христиане после истребления восставших колонов-самаритян, все же должны были вносить подати императору со своих земель, сами не получая от них дохода.[4] Императорское законодательство показывает, что прикрепление колонов к земле не было результатом единого законодательного акта, но что оно происходило постепенно. В Иллирике, например, прикрепление колонов к земле было введено лишь при Валентиниане в 371 г.[5] В то же время были прикреплены к земле и колоны Палестины. „Отныне, — гласила конституция императора, — колоны Палестины не могут пользоваться правом перемены местожительства, но, подобно колонам других провинций, оставаться на месте, и никто не может их безнаказанно удерживать у себя".[6]

При Феодосии I колонам Фракийского диоцеза было запрещено покидать участки, на которых они в данное время пребывают.[7]

Колоны Восточной Римской империи распадались на две группы — свободные колоны (coloni liberi) и приписные колоны (coloni adscriptitii).

Положение свободного колона определяется новеллой Юстиниана CLXII, 2. В этой новелле Юстиниан разрешает недоумение префекта

---

1 Ibid.

2 Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Notice et extraits par M. H. Zotenberg, Paris, 1879, 412.

3 К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, 127.

4 Procopii Historia arcana, XI, 30.

5 Cod. Just., XI, 53, 1.

6 Ibid., XI, 51.

7 Ibid., XI, 52, 1.

претория, к какому состоянию должны быть отнесены дети от отца-энапографа и свободной матери.

Император объясняет, что свободная женщина не может родить энапографа, т. е. лично не свободного. Родившийся от свободной женщины остается свободным и не может утратить благородство своей матери. Вместе с тем такие дети должны оставаться сельскими жителями, ибо этого требует название колона. Поэтому, говорится в новелле, мы не даем им права покидать свое селение. Из этого следует, что дети, родившиеся от крепостного — адскриптиция и свободной матери, становились свободными колонами, имевшими право приобретать собственность.

Крупное отличие между coloni liberi и ἐναπόγραφοι по этой новелле заключалось в следующем: „Останутся свободными, и приобретенное ими будет принадлежать им, и не сделается пекулием господ. Но не смогут покидать селения, а будут здесь заниматься сельским хозяйством, и не будет у них возможности оставлять это [селение] и переселяться в другое, за исключением случая, если они сделаются владельцами имущества, достаточного для их содержания и не позволяющего заниматься сельским хозяйством в другом месте (μενοῦσι μὲν ἐλεύθεροι καὶ τὰ παρ' αὐτῶν κτηθέντα ὑπὲρ αὐτοῖς ἔσται καὶ οὐ πεκούλιον γενήσεται τῶν δεσποτῶν, οὐκ ἐξελεύσονται δὲ τοῦ χωρίου ἀλλὰ τοῦτο γεωργήσουσιν, οὐδὲ ἔσται αὐτοῖς ἄδεια τοῦτο μὲν ἀπολιμπάνειν, ἕτερα δὲ περινοστεῖν ἀλλότρια, πλὴν εἰ μὴ κύριοι γένοιντο κτήσεώς τινος ἰδίας, ἱκανῆς οὔσης ἀσχολεῖν αὐτοὺς περὶ αὐτὴν καὶ μὴ συγχωρούσης καὶ ἕτερα γεωργεῖν)“.[1]

Таким образом, по этой новелле отличие колона свободного от энапографа заключается в том, что он может иметь собственность, а не пекулий, и при наличии собственности может переменить свое местожительство. Но такие случаи, вероятно, были редки. А общая тенденция правительства заключалась в том, чтобы лишить свободного колона свободы передвижения.

По закону Анастасия, если он в течение 30 лет являлся держателем какого-либо земельного участка, то по прошествии 30 лет терял право его покинуть и навсегда со своим потомством прикреплялся к данному участку, хотя и оставался свободным. „Свобода“ эта, однако, становилась фиктивной, и свободный колон превращался в зависимого колона. Это подтверждает CXXIII новелла Юстиниана, в которой говорится, что если раб, энапограф или колон, пострижется в монахи без ведома и согласия своего господина, и это обнаружится не позже, чем через три года после бегства упомянутого лица, монастырь должен возвратить подлежащему господину его раба, энапографа или колона (εἰ ἐντὸς τριετίας ἀναφυῇ τις λέγων ἢ δοῦλον ἢ κολωνόν ἢ ἐναπόγραφον ἴδιον τοῦτον εἶναι, ἢ καὶ ὡς φεύγοντα τὴν γεωργίαν... τῷ ἰδίῳ δεσπότῃ τοῦτον ἀποκαθίστασθαι).[2] Если он самовольно покидает землю, владелец имеет полное право его насильно вернуть, причем в таких случаях землевладельцу дозволяется его заковать в железо, как раба.[3] По закону 386 г. землевладелец, укрывающий чужого колона, заплатит полфунта золотом, если колон принадлежит частному лицу, и целый фунт, если он принадлежит императорским доменам.[4] Колона нельзя было продавать, как раба без земли. После смерти свободного колона его имущество не переходило в соб-

---

[1] Nov., CLXII, 2.
[2] Ibid., CXXIII, 35.
[3] Cod. Theod., V, 17, 1. — Cod. Just., XI, 48; XI, 51.
[4] Cod. Theod., V, 17, 2.

ственность господина, как имущество раба. Он мог приобретать и владеть, даже иметь собственную землю,[1] мог продавать ее с согласия господина. Колону, однако, было воспрещено вести тяжбы с своим господином, за исключением случаев так наз. superindictio.[2] Один закон Аркадия говорит, что положение колона настолько низко рядом с знатным и могущественным господином — земельным собственником, что он не должен осмеливаться поднимать иск против него (non est ferendum ut eos audeant lite pulsare) за исключением „несправедливых вымогательств".

В LXXX новелле Юстиниана (с. 2) говорится о колонах (γεωργοὶ τελοῦντες ὑπὸ δεσποτείας), что, если они будут являться в столицу к своим господам, проживающим здесь, с просьбами, то требуется, чтобы господа скорее разрешали те дела, из-за которых они прибыли, и немедленно отпускали их, как только получат свои права (θᾶττον αὐτοῖς διακρίνειν τὰ ἐφ' οἷς ἀφίκοντο πράγματα καὶ ἐκπέμπειν αὐτίκα τυχόντας τῶν δικαίων). Но, говорится далее, если колоны явятся с намерением вести тяжбы с господами и чинить против них иски, то большую часть их специально назначенный для наблюдения за этим делом квестор должен немедленно высылать из столицы в провинции, оставив лишь двоих или троих для ведения дел в качестве синдиков, а судье, разбирающему дело, строжайше внушать постановить решение как можно скорее, чтобы не заживались подолгу люди, присутствие которых в столице излишне, а отрыв которых от земледелия причиняет вред и им самим и господам.

Что касается второй, еще более многочисленной категории колонов coloni adscriptitii, то закон отличал энапографа от свободного. Начиная с IV в. уже не допускается, чтобы женщина, принадлежащая к этому сословию, выходила замуж за свободного. Такой брак не считался законным, и дети от него наследовали состояние матери.[3]

Правовое положение их в VI в. не улучшалось, а ухудшалось, и самими императорскими законами определялось как положение мало отличное от рабства. В самом деле, „какое различие может быть между рабом и приписным, когда тот и другой находятся во власти господина", — говорится в одном законе VI в.[4]

Колон являлся частью земельного имущества владельца. Такая собственность, как и всякая другая, терялась в силу давности в случае бегства колона, и если собственник в течение 30 лет не мог его отыскать. Законы, применявшиеся к колону, целиком относились и к его жене и детям.[5] Если женщина колонка уходила из имения в другое место и там выходила замуж, то, если „законный" владелец находил ее до истечения 20-летнего срока, „она подлежала возврату на место происхождения". Семья раздроблялась: $^2/_3$ детей должны были уйти с матерью к ее прежнему владельцу, а $^1/_3$ оставалась с отцом.[6]

Но подобную бесчеловечную операцию все же не легко было провести. Случаи подобного рода, как показывает императорское законодательство, были очень многочисленны и приводили к таким осложнениям, что правительство вынуждено было вмешиваться и запрещать массовое расторжение браков и разлучение родителей с детьми. Особенно в этом

---

[1] Nov., CLXII, c. 2.
[2] Cod. Just., XI, L (XXXXVIII), 2.
[3] Ibid., XI, 68 (4).
[4] Ibid., XI, 48, 21.
[5] Ibid., XI, 48, 6.
[6] Nov., CLVI, 5, 18, 1.

отношении характерна новелла CLVII: Περὶ τῶν ἐν ἀλλοτρίοις χωρίοις γαμούντων γεωργῶν. „Мы узнали, — пишет Юстиниан, — что в Месопотамии и Озроэне творятся дела, недостойные нашего времени (τῶν ἡμετέρων ἀνάξιον χρόνων). В этой области был обычай колонам разных имений заключать браки между собой. Теперь же владельцы имений разрывают браки, уже заключенные, отрывают детей от родителей и тем причиняют величайшее бедствие тамошним колонам, насильственно разлучая жен от мужей, отрывая детей от тех, кто их произвел на свет... Поэтому постановляем: на будущее время землевладельцы должны запрещать колонам, принадлежащим им по закону, заключать браки с женщинами этого сословия из других имений; заключенные же до настоящего времени браки считать имеющими законную силу. И, наконец, не позволяется разрывать браки, уже заключенные, и отрывать детей от родителей".

Но эта уступка была сделана колонам пограничной провинции, где подобные браки были массовым явлением, и расторжение их, очевидно, встретило отчаянное сопротивление колонов.

В других же случаях правительство хладнокровно узаконивало эту практику, например, в новелле CLVI, в ответ на просьбу апамейской церкви. Апамейские церковники сообщили императору, что принадлежащие другим колоны соединились браками с женщинами этого сословия, принадлежащими апамейской церкви, и произвели детей. Они добивались передачи им и чужих колонов и их детей (γεωργούς τισιν ἑτέροις προσήκοντας γεωργίσσαις αὐτῶν συναφθῆναι καὶ παιδοποιήσασθαι, καὶ ᾔτησαν ἀποδοθῆναι αὐτοῖς καὶ τοὺς γεωργοὺς καὶ τοὺς τούτων παῖδας τῇ μητρῴᾳ γαστρὶ κατακολουθοῦντας).[1] Юстиниан ответил ссылкой на существующее законодательство.

Таким образом, колонам разрешалось вступать в брак только с женщинами поместья, в котором они сами находились.[2] В армию они не могли вступать без согласия своих господ, хотя землевладельцы и поставляли рекрутов в армию из числа своих колонов. На практике армия в значительной степени комплектовалась из колонов, поставляемых владельцами. Это показывает закон, освобождавший таких колонов от их специальной подушной подати вместе с их женами. Крупный землевладелец мог сам не служить, но он обязан был представлять к набору известное количество рекрутов, пропорциональное числу людей, сидевших на его земле, причем с имения снималось столько подушных окладов, сколько людей уходило в армию. Точно так же, только с разрешения землевладельцев, колоны могли стать священниками и монахами. Поскольку состояние колона было наследственным, то, если даже сын колона не жил в имении и никогда не возделывал землю, все же по первому требованию господина он должен был вернуться. „Правда, — говорит по этому поводу Юстиниан, — землевладелец мог терпеть, если сын обитал за пределами имения, потому что отец удовлетворял возложенные на него повинности. Но если отец умирал или становился неспособным к труду, то необходимо, чтобы сын становился на его место. Он связан с землей, так как родился на ней. Как бы долго он ни отсутствовал, но, в сущности, он там оставался в лице отца. Было бы несправедливо, чтобы доброта, с какой землевладелец допускал его отлучку, послужила во вред его правам".[3] Собственник не имел права сгонять колонов с их участков и не имел права продавать имение без колонов,[4] но владельцу двух или

[1] Nov., CLVI.
[2] Cod. Just., XI, 48, 23, 3.
[3] Ibid., XI, 48, 22.
[4] Ibid., XI, 48, 2.

нескольких имений разрешалось переводить колонов из одного в другое. Законы разрешали господину в известных случаях — бегства, вступления в незаконный брак — подвергать колона „умеренному" телесному наказанию, давали власть corrigendi castigatione moderata.[1] Правительственная власть запрещала повышать установленные обычаем повинности колонов. Старые законы в этом отношении были подтверждены Юстинианом: „Пусть землевладельцы, — пишет он, — строго воздерживаются от всяких нововведений. В противном случае судья присудит их вознаградить колона за нанесенные убытки и будет заботиться, чтобы не нарушались старые обычаи". Но, как правило, правительственная власть вмешивалась в отношения между колоном и его господином только для того, чтобы обеспечить землевладельцу постоянное присутствие колона на земле. Во всем остальном она предоставляла простор сложившемуся обычаю. Из законодательных памятников можно вывести заключение, что юридически колон был обязан выполнять только земледельческие работы.[2] В большинстве случаев колоны работали на своих участках, с которых платили ренту, но закон нигде не запрещает магнату или его управляющему вызвать колона для работы на барский двор или внутри имения производить перемещения колонов с надела на надел. Считаясь с существующими обычаями, правительство не устанавливало однородного способа взимания податей с сельскохозяйственного населения. В большинстве случаев, землевладелец платил подати за своих колонов. Иногда, однако, сами колоны непосредственно вносили лежавшие на них налоги в казну.

Нельзя представлять положение колона в розовых красках. Если земледельцы в большом количестве отдаются под патронат крупных землевладельцев, то еще большее количество колонов стремится вырваться из-под их власти и убежать. Бегущие из имения колоны обычно ищут пристанища у других крупных владельцев, убегают в пустыню, превращаются в разбойников или наполняют бесчисленные восточноримские монастыри. Оксиринхские папирусы показывают, что колоны часто бежали из владений Апионов. Администрация имения крайне озабочена мерами для предотвращения таких побегов. Она всячески старается связать ἐναπόγραφοι залогами и поручительством, чтобы предотвратить их бегство. Папирусы сохранили значительное количество таких поручительств, представляющих гарантии против возможных попыток таких беглецов искать убежище в церквах.[3]

Можно считать несомненным, что, хотя правительство Восточной Римской империи и стремилось подчинить интересы посессоров общегосударственным интересам, на Востоке, так же как и на Западе, колоны из подданных императора постепенно превращались в подданных магнатов, присвоивших себе функции государственной власти: сбор налогов, поставку рекрутов и т. д. Подтверждением этого положения служат сообщения Ливания о положении антиохийских колонов в конце IV в. и данные из переписки папы Григория I в конце VI в.

Перечисляя группы населения, над которыми чиновники и декурионы вершили свой произвол, Ливаний относит к ним „тех, кто обрабатывает землю для владельцев, так как и с ними некоторые из последних обходятся как с рабами, и если те возразят против лихоимства

---

[1] Cod. Iust., 48, 23.
[2] Ibid., VI, 30, 2.
[3] P. Oxyr., 135.— P. Strassburg, 46—51, 13, 9, V, 255.

господ, разговор бывает короткий. Воин с веревками посылается в деревню, и тюрьма встречает колодников".[1] Очевидно здесь речь идет о колонах, бесправное положение которых показано Ливанием очень отчетливо. В тюрьме же условия были настолько кошмарны, что заключенные, по свидетельству Ливания, умирали, как мухи, и тюремное заключение было равносильно смертной казни.

Экономическое положение колонов было не лучше их правового. Иоанн Златоуст говорит о полуголодных людях, которые работают без отдыха всю свою жизнь, удрученные нестерпимыми оброками, осужденные на гнетущую нужду, как ослы или мулы. Им не дают дышать и одинаково изнуряют, плодоносны ли их поля или нет. Может ли быть нищета бóльшая их нищеты, когда они в конце зимы, проведя в самой грубой работе, изнуренные холодом, дождем и ночными трудами возвращаются домой с пустыми руками и даже еще оставшись в долгу. Они трепещут перед наказаниями, перед незаконными поборами и грабительством управителей имений.[2]

Из переписки папы Григория I мы узнаем, что колоны папских имений в Сицилии подвергаются всяким незаконным поборам, от которых папа пытается их защищать.

Папские conductores заставляют колона вносить причитающийся с него сбор до реализации урожая. Они присваивают себе платежи колонов и заставляют их платить вторично; они произвольно увеличивают размер употреблявшихся в имении мер и обвешивают колонов при приемке от них зерна. Мы узнаем, что среди других поборов колоны римской церкви должны были платить особый „свадебный" налог, и некоторые кондукторы взимали произвольно чересчур высокие суммы. Папа „милостиво" постановил, что свадебный налог не должен превышать одного солида (сумма, также не маленькая для колона).[3]

Но из переписки папы с несомненностью вытекает, что папская администрация присвоила себе права административной власти над населением, право суда по ряду вопросов и право так наз. coertitio.

Это право подтверждается письмом Григория ректору патримония Сицилии, где речь идет о наказаниях, которым управитель имеет право подвергать колонов (Cui talem dedimus potestatem ut eos, qui inoboedientes contumaces existere, districta severitate corripiat).[4] Это еще ярче открывается из послания папы епископу Сардинии. В нем папа грозит епископу наказанием за небрежность в деле обращения рабов-язычников, живущих на церковных землях, в христианство. Он рекомендует для обращающихся в христианство иудеев уменьшать оброк, насколько можно было это сделать без вреда для церковных доходов, чтобы побудить их обратиться в христианство. В отношении колонов, которые оставались язычниками, Григорий требует введения оброков более тяжелых, „чтобы они почувствовали себя более обремененными". Если на церковных землях живут рабы-язычники, то их следует „вразумлять" побоями и мучениями, а если свободные язычники, то, не ограничиваясь увеличением оброков, следовало содействовать их обращению строгим одиночным заключением.[5]

---

[1] Речи Либания, т. II. Казань, 1916, 126.
[2] Иоанн Златоуст. Творения, VII Изд. СПб. дух. академии, СПб., 1914, 32.
[3] Gregorii Magni. Epist. I, 44.
[4] Th. E. Sickel. Liber diurnus. Vindobonae, 1889, LIII, 43.
[5] В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. III, История церкви период вселенских соборов. СПб., 1913, 68.

Указанные порядки, по которым очень многочисленная часть производительного населения деревни подвергалась эксплоатации посредством внеэкономического принуждения, нам хорошо известны. Они типичны для экономики и социальной структуры разлагающейся рабовладельческой Римской империи. Но при всем сходстве основных процессов развития Западной и Восточной империй нельзя забывать и о существенных отличиях в экономике и социальной структуре Восточной империи по сравнению с Западной, отличиях, которые и дали возможность первой надолго пережить вторую.

В начале V в. на Востоке наблюдаются те же социально-экономические процессы, что и на Западе: с одной стороны, распад рабовладельческого хозяйства, а с другой — проникновение в империю варварских элементов, несущих с собой свои формы хозяйства.

Но на Востоке рабовладельческая система имела свои особенности. Здесь сохранялись еще хозяйственные, политические и культурные традиции эллинистических монархий, которые в свою очередь были наследниками великих монархий древнего Востока.

Этих традиций Римская империя за время своего господства на Востоке не только не уничтожила, но и сама им частично подчинилась: влияние эллинистического Востока отразилось и на образовании римского колоната и на превращении римских императоров в восточных монархов и на всех формах римской культуры императорского времени. Тем более эллинистические традиции должны были сохраниться в восточной половине империи.

Таким образом в истории Византии правильнее было бы отправляться не столько от римской истории, как это обычно делается, сколько от истории эллинистических государств.

К сожалению, эллинистические корни византийской хозяйственной системы пока мало изучены. Однако не подлежит сомнению, что в Византии рядом с рабовладельческими латифундиями было много мелких земледельцев с общинным устройством, в которых можно видеть потомков царских „земледельцев" эллинистической эпохи.

По мнению Цахариэ и Васильевского, Византийское государство получило в наследство от времени Римской империи две основные черты социального строя: господство крупного землевладения и колонат, или крепостное право. Только в виде исключения и в небольшом количестве, по их мнению, в V—VI вв. удержались вольные крестьянские волости, те метрокомии, о которых говорится в Юстиниановом кодексе. Нельзя, конечно, отрицать господство крупного землевладения, широкого распространения колоната в империи V—VI вв., но утверждение о том, что в Восточной империи только в виде исключения сохранились свободные крестьянские общины, в настоящее время должно быть признано ошибочным.

Если мы попытаемся внимательно изучить законодательство империи V—VI вв. и другие источники, характеризующие роль и значение свободного сельскохозяйственного населения в империи в это время, живущего в метрокомиях и vici publici, то мы должны притти к выводу, что рядом с крупным землевладением в Восточной империи в IV—VI вв. сохранялось в значительных размерах мелкое крестьянское землевладение, преимущественно в тех областях, которые в эллинистическую эпоху не были захвачены глубоко рабовладельческим хозяйством классического типа. Таковы, с одной стороны, кроме Армении, территории, входившие раньше в государство Птолемеев и Селевкидов — Египет,

Сирия, Исаврия и внутренние части Малой Азии, где некогда имели широкое распространение общины царских земледельцев, а с другой стороны — Фракия и Иллирик, где, как мы говорили, в указанную эпоху нужно предполагать еще не вполне разложившиеся общины как туземцев, так и новых поселенцев. Для характеристики положения этих свободных мелких земледельцев главным нашим источником является Кодекс Феодосия и законодательство Юстиниана. Являясь официальным правительственным документом и поэтому источником первоклассного значения, это законодательство имеет и ряд недостатков. Оно излагает официальную точку зрения господствующего класса. Оно знакомит нас с правовыми нормами ученого официального права империи, не отражая местного права и местных обычаев, находящихся иногда в прямом противоречии с теоретическими нормами права, как это хорошо показано Mitteis.[1] В вопросе о προτίμησις мы имеем, например, прямое и яркое подтверждение того обстоятельства, что в Восточной Римской империи V в. обычная практика далеко не всегда соответствовала официальному праву. С точки зрения римского права, отстаивающего частную собственность на землю, и притом римскую, неограниченную, несколько неожиданным является появление в 468 г. новеллы Льва и Анфимия о жителях метрокомии, новеллы, воспрещающей владельцам, входящим в состав метрокомии, продавать или тем или иным способом отчуждать свои земельные участки кому-либо, кроме односельчан. Новелла постановляет, что если член metrocomiae желает продать свою землю, покупка может иметь место только со стороны односельчан.[2] Эта новелла интересна тем, что она свидетельствует о попытках правительства V в. поддержать мелкое крестьянское землевладение. Она устанавливает наличие следов соседской общины в восточно-римской деревне V в. Правда, не только усадебная, но и пахотная земля находится в частной собственности жителей селений и, как видно из данной новеллы, может продаваться, но продается она все-таки только односельчанам. В законодательстве IV и последующих веков часто упоминаются деревни (metrocomiae); жители их (vicani) имеют собственную землю, образуют соседскую общину (proximi, consortes), выбирают своих старост (praepositi, praefecti), подчиняются архонту провинции, записаны в ценз по деревенским округам (pagi) под своим именем и выплачивают канон государственным чиновникам, но при этом в отношении налогов обязаны круговой повинностью. Хотя они были юридически вполне свободными, но фактически они были прикреплены к месту своего происхождения, как это было в общинах эллинистической эпохи.

Больше всего сведений относительно этих свободных крестьянских селений, благодаря папирусам, мы имеем относительно Египта. Здесь с III, особенно с IV в., получает широкое распространение частная собственность на землю и притом не в качестве приобретенной или купленной земли — γῆ ἐωνημένη, но в обязательном порядке, в порядке ἐπιβολή, распределяемой государственной властью в целях переложения на частных собственников ответственности за обработку пустующих земель и за поступление с них государственных сборов. Этот процесс продолжается и в византийский период. В папирусах этого времени уже нет упоминания о γῆ βασιλική, δημοσία, οὐσιακή, κατοικική, δημόσιοι γεωργοί.

---

[1] L. Mitteis. Reichsrecht u. Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891, 2.

[2] Cod. Just., XI, 56, 55.

В VI в. площадь императорской земли в Египте сильно сокращается. Очень значительная часть египетской земли попадает в частное владение. Египетские крестьяне с IV в. выступают не только как держатели государственной земли, но и как мелкие собственники.

Об этом свидетельствует известная конституция Cod. Theod. XI, 24, 6 от 415 г.

Эта конституция имеет своей целью борьбу с патронатом. В ней говорится:

„Пусть расследование Валерия, Феодора и Тарзация прекратится, и подвергаться суду префекта августала должны только те, которые захватили владения под свой патронат после консульства Цезария и Аттика (397 г.). Предусматривается, чтобы все аккуратно выполняли общественные повинности так, чтобы имя патрона было совершенно уничтожено. Но те владения, которые создались в их настоящем виде за время, предшествующее настоящей дате, останутся у их настоящих владельцев, если они ясно признают в должной пропорции общественные повинности и литургия подобно тому, как их обычно выполняют homologi coloni. § 1. Метрокомии же сохраняются под государственной юрисдикцией и в неприкосновенности, и никто не осмелится овладеть ими или частью их, никто, за исключением односельчан, которые по условиям своего образа жизни не могут отказаться от этих повинностей, исключая тех, кто раньше указанного консулата обзавелся там владениями и кто не может отказаться от причитающихся с него повинностей сообразно размерам имущества...

§ 7. Cefaleotae, иренархи, логографы плотин и другие литурги под предлогом патроната не имеют права отказываться от выполнения общественных повинностей, даже если небрежность или злоупотребление освободили их от подлежащего выполнения. (Pr. Valerii, Theodori et Tharsacii examinatio conticiscat illis dumtaxat sub Augustaliano judicio pulsandis, qui ex Caesarii et Attici consulatu possessiones sub patrocinio possidere coeperunt. Quos tamen omnes functionibus publicis obsecundare censemus, ut patronorum nomen extinctum penitus judicetur. Possessiones autem athuc in suo statu constitutae penes priores possessores residebunt, si pro antiquitate census functiones publicas et liturgos, quos homologi coloni praestare noscuntur, pro rata sunt absque dubio cognituri. § 1. Metrocomiae vero in publico jure perdurabunt, nec quisquam eas vel aliquid in his possidere temptaverit, nisi qui ante consulatum praefinitum coeperit procul dubio possidere, exceptis convicanis. § 7. Nequamquam cefalaeotis, irenarchis, logographis chomatum et ceteris liturgis sub quolibet patrocinii nomine publicis functionibus denegatis, nisi quid ex his quae exigenda sunt vel neglegentia vel contemptus distulerit)“.

Из текста этого закона вытекает, что преобладающей категорией сельскохозяйственного населения в Египте начала V в. являлись homologi coloni. Они являлись земледельцами, связанными круговой порукой. Это толкование подтверждается византийскими терминами ὁμόκηνσος и ὁμόδουλος, которые обозначают группу собственников, связанную круговой порукой. В законодательных памятниках они называются consortes, contributarii.[1]

Нетрудно видеть из приведенного выше текста, что главная цель правительства — сохранить метрокомию как платежеспособную единицу. Potentiores, захватившие земли в метрокомиях после 397 г., должны быть

[1] K. Zachariae v. Lingenthal. Geschichte d. griechisch-römischen Rechts, 228.

удалены. Земельные держатели metrocomiae образуют податную единицу, связанную круговой порукой в уплате податей, группу consortes, чьи земли являются ὁμόκηνσα в точном смысле восточно-римских законов. Если один окажется неплательщиком, платят другие члены метрокомии. Potentiores, успевшие захватить земли здесь до 398 г., признаются в своих владельческих правах при условии, что они обязываются выполнять все то, что раньше выполняли homologi coloni — pro antiquitate census functiones publicas et liturgos, quos homologi coloni praestare noscuntur.

Из данного текста можно сделать только единственный вывод, что homologi coloni были старыми владельцами земли и, после того как они лишились своей земли, все их повинности перекладываются на новых владельцев, захвативших данные земли под видом патроната до 398 г. Таким образом упоминаемые в данной конституции homologi coloni в преобладающей своей части не являлись колонами в обычном смысле этого слова. Они являлись прежде всего самостоятельными хозяевами, хотя, как указывает глава 3-я той же конституции, некоторые из них могли иметь и господ.[1] Они так же, как и остальное земледельческое население, не имели права покидать свою ἰδία. Глава 3-я той же конституции является последним в длинной серии документом, запрещающим земледельцам покидать свое ἰδία.

О широком развитии в Египте частной собственности, в том числе и крестьянской, говорят и дошедшие до нас в папирусах в довольно большом количестве арендные договоры IV—VII вв. Они показывают, что земельные владения самых различных размеров принадлежали как земельным собственникам города, так и деревни.

Значительная часть земли, притом лучшей, была в руках нетрудовых элементов: городских крупных и средних землевладельцев, монастырей, но арендаторами выступают в подавляющем большинстве случаев мелкие свободные крестьяне, обрабатывающие собственным трудом арендуемый участок.

Сдается в аренду также общественная земля, принадлежащая городам и деревням. Размер арендуемых участков в дошедших до нас договорах по большей части очень невелик и колеблется от 1 аруры (¼ га) до 10 арур. Наибольший размер участка — 50 арур.[2]

Так, упоминаемый в папирусе из Теаделфии крестьянин Сакаон является не только держателем государственной земли, но и мелким собственником.[3]

Леопольд сообщает об отце египетского монашества Шенути, что его отец не был зажиточным, но и не самым бедным. Он обладал куском земли и небольшим количеством скота.[4] Биограф Шенути говорит, что население Верхнего Египта состояло из крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, поденщиков и пастухов. В папирусах IV в. еще нет упоминания о крепостных, ἐναπόγραφοι.

Между соседними селениями часто вспыхивают конфликты, ссоры из-за земли, границ и воды. В папирусах мы часто встречаем упоминания о драках μάχαι, которыми заканчивались конфликты деревени между собой.[5]

---

[1] Zulueta. De Patrociniis vicorum. Oxford Studies in Social and Legal History, 57.
[2] P. Raineri, 140.
[3] P. Strassbourg, 45.
[4] Leopold. Schenute von Atripe, 174 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlischen Literatur, Neue Folge, X).
[5] B. G. U., 1035.

Для примера вспомним рассказ Лавсаика о девственнице Пиамун. „Однажды, — рассказывает Лавсаик, — во время разлития Нила одна деревня напала на другую, ибо между деревнями бывают ссоры из-за раздела воды, причем нередко дело доходит до кровопролития и смертоубийства. Итак, сильнейшая деревня напала на деревню, в которой жила Пиамун. Множество народа шло туда с камнями и дубинами, чтобы совсем разорить враждебную деревню“.[1]

Но крестьянское свободное землевладение занимало крупное место и в ряде других провинций империи: агиографическая литература свидетельствует, что Антиохия была окружена десятками сел и хуторов, которые назывались κῶμαι или χωρία. Ливаний говорит „о больших селениях, которые принадлежат многим, причем каждый владеет небольшой долей земли“,[2] в которых, следовательно, преобладало мелкое землевладение.

Конечно, в области Антиохии было распространено и крупное землевладение. Наравне с селениями первого типа и не в меньшем количестве были селения, где хозяином являлось одно лицо. Эти селения, по Ливанию, принадлежали знатным и сильным.

Сообщение Ливания о захвате монахами земель мелких земледельцев, о том, что земледельцы, видя, как повергаются и оскорбляются их боги, забрасывают свои поля, также подтверждает факт наличия мелкого крестьянского землевладения в антиохийской деревне. Сирийский законник и хроника Ишо Стилита знают свободных мелких земледельцев, живущих в селениях Озроэны. Они имеют собственную землю и собственное имущество. Они составляют завещания. Вскрытие этих завещаний, в виду того, что вещи, подлежащие наследованию, малые и бедные, „происходит также в селении в присутствии местных клириков и старцев“, управляющих селениями.[3]

Местное население горных районов сохраняло в значительной степени свои родовые обычаи и свободу. Типичной в этом отношении является провинция Исаврия. Это была горная область: малодоступные и непроходимые горные ущелья, заполнявшие эту страну, скалистый и опасный для плавания берег содействовали тому, что население мало поддавалось воздействию греческой культуры и сохраняло за собой с глубокой древности громкую славу разбойников на суше и на море. Но причиняя восточно-римскому правительству постоянное беспокойство своими грабежами, исавры оказывали Восточной империи и ценные услуги. Исаврия являлась провинцией, где империя черпала лучшие туземные контингенты для своей армии.

В Исаврии, судя по письму Василия Великого Иконийскому епископу Амфилохию, и в IV в. сохранялось деление на родовые кланы. В письме ставится вопрос об устройстве церковной иерархии и обсуждается вопрос, целесообразно ли немедленно назначить епископа в митрополию, или ожидать нахождения действительно подходящего кандидата и пока удовольствоваться назначением епископов в деревенские общины или метрокомии, имеющие право на это. Так как церковное устройство воспроизводило административное, то отсюда видно, что каждый исаврийский клан или метрокомия образовывали особую административную единицу, и что город Исавра был только наиболее крупным населенным пунктом

[1] Палладий. Лавсаик, 112.
[2] Libanii Opera, III, 409.
[3] K. Bruns und E. Sachau. Syrisch-Römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert. Leipzig, 1880, 24.

Исаврии и не заключал всей Исаврии в свою территорию, так же как епископ Исавры не был епископом всей провинции.

Такое положение вещей продолжалось до половины V в., когда император Лев поднял Новую Исавру до ранга города под названием Леонтополя и распределил все исаврские общины между двумя городами.[1]

Очевидно, в таком же положении свободных крестьянских общин, еще не изживших родоплеменных отношений, находились упоминаемые Синекдемом Иерокла в качестве округов: провинции Phrygia Salutaris — κλῆρος Ὀρίνης, κλῆρος Πολιτικῆς, δήμου Λυκαῶν, δήμου Αὐραχλεία, δήμου Ἀλαμάσσου, δήμου Πρυπνιάσα;[2] провинции Памфилии — δήμου Μενδενέω, δήμου Σώκλα, δήμου Σαβαῶν;[3] провинции Аравии Ἐξακωμία κώμη,[4] население которых отличалось в глазах восточно-римского правительства „своеобразием“ своего образа жизни (διότι τὰ τῆς καταστάσεως αὐτῶν ἰδιωτικῆς),[5] т. е. очевидно сохранением своих родовых обычаев.

То же можно сказать об округах, территория которых обозначается Иероклом, как regio.[6]

Армянские земли, находившиеся в пределах Восточной империи, делились на три части сообразно их степени подчинения центральному константинопольскому правительству: 1) Малая Армения, 2) автономные княжества и 3) Внутренняя Армения.

Армянские земли, на ряду с Исаврией, сильно отличались от провинций остальной империи.

Внутренняя Армения и сатрапские земли, или Первая Армения и Четвертая Армения, как они были впоследствии названы Юстинианом, пребывали в той фазе своего общественного развития, которую характеризует местный термин — „нахарарство“. В основе своей нахарарство есть не что иное, как армянская разновидность того мирового явления, которое известно под именем феодализма. Из обширной территории, где господствовали нахарарские порядки, в империю входила лишь меньшая часть: при разделе наследия Аршакидов на долю империи досталась одна четвертая часть, три четверти отошли к Ирану. Первые письменные памятники на армянском языке, восходящие к V в., знают Армению как страну, в политической жизни которой господствующую роль играют крупные землевладельцы. К этому времени значительная часть царских земель, т. е. земель, являющихся государственной собственностью, делается частной собственностью важнейших нахарарских домов и церкви. Крупное частное землевладение занимает ведущее место. Нахарарами были крупные княжеские роды и наследственные владетели обширных территориальных областей и округов.

Каждый нахарар имел свой замок или „престольное селение“, где хранилось его имущество. В военное время замок превращался в убежище как всего нахарарского рода, так и зависимого крестьянского населения.

Вокруг замка нахарара находились его поместья — дастакарты и агараки. Основное податное население страны составляли ишнаканы, люди, живущие в общинах. Нахарар владел крупными поместьями, но не вел самостоятельного крупного хозяйства. Основным источником его доходов были различные налоги и повинности с живущего на его земле и в той или иной степени зависимого от него населения. В нахарарской

[1] A. Jones. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937, 139; 415.
[2] Hieroclis Synecdemus, Ed. A. Burckhardt, Leipzig, 1893, 24.
[3] Ibid., 25, 26.
[4] Ibid., 43.
[5] A. Jones, ibid., 38—39.
[6] Hieroclis Synecdemus, 32.

Армении процесс закрепощения производительного населения зашел далеко в одних районах, в других только начинался. Страна в основном представляла сплошную деревню с господством общинного устройства, хотя население сельской общины уже не являлось в значительной своей части прежним свободным крестьянством, а попало в зависимость от аратов, нахараров и духовенства. Но внутри сельской общины сохранился принцип равного пользования землей, и производились периодические переделы полей. Коренное армянское население, жившее в немногочисленных городах, ничем не отличалось от населения деревень. Подобно им, горожане занимались преимущественно земледелием. Торговля находилась в руках евреев и сирийцев.

Нахарарский строй господствовал во Внутренней Армении и автономных княжествах. Что касается Малой Армении, то это была старая уже римская провинция.

Если мы обратимся к Малой Азии, то опять-таки нельзя считать, что все производительное сельскохозяйственное население Малой Азии состояло из рабов и колонов. При всей многочисленности колонов в Малой Азии сохранялось значительное количество свободных метрокомий, селений свободных мелких земледельцев. Эти элементы были несомненно многочисленны в провинциях Киликии, Исаврии, на Тавре и Антитавре, на высоких плато Каппадокии, где пастушеское население вело полукочевой образ жизни, и где многочисленные шайки разбойников причиняли постоянное беспокойство правительственной администрации. О сохранении в Малой Азии значительной прослойки свободного сельскохозяйственного населения говорят и новеллы Юстиниана. В новелле XXIV от 535 г. Юстиниан говорит о многолюдных сельских общинах в Писидии, об их многочисленности, об их беспокойном независимом характере, об их частых возмущениях против сборщиков налогов (ἐπειδήπερ καὶ κῶμαι μέγισται κατ᾽αὐτήν εἰσιν καὶ πολυάνθρωποι καὶ πολλάκις πρός αὐτούς στασιάζουσαι τοὺς δημοσίους φόρους).[1] Негодование писидийских земледельцев здесь направлено против тяжелых государственных налогов, которые обычно платили за себя только свободные земледельцы. За колонов, как правило, государственные налоги уплачивались их владельцами. Подобная характеристика скорее приложима к свободному земледельческому населению, чем к придавленным и закрепощенным колонам.

Такую же характеристику Юстиниан дает соседней Ликаонии. Эта провинция, по словам Юстиниана (Nov. XXV), „имеет таких же сильных мужей, как Исаврия, разводит большое количество лошадей. Там часты крупные селения, населенные людьми опытными в верховой езде и стрельбе из лука, которые легко воспламеняются и хватаются за оружие („Ἀνδρῶν γάρ ἐστιν ἰσχυρῶν ἡ χώρα, καὶ Ἰσαυρίας οὐδενὶ διέστηκε μέσῳ ... καὶ ἱππόβοτος πολλοὺς μὲν ἄνδρας, πολλοὺς δὲ ἵππους ἐκτρέφει, κωμῶν τε ἐστιν αὐτὴ πλῆθος μεγάλων καὶ ἀνδρῶν ἐπιτηδείων ἱππεύειν τε, καὶ τοξάζεσθαι καί ῥᾳδίως πρὸς τραχυτέρας ἀνίστασθαι γνώμας καὶ ὅπλων ἅπτεσθαι προχείρως“).[2]

Здесь опять-таки характеристика Юстиниана никак не подходит к закрепощенным приниженным колонам и показывает наличие в Ликаонии, так же как в Исаврии и Писидии, многочисленной прослойки свободного земледельческого населения.

То же, повидимому, можно сказать относительно Памфилии, если судить по тому отпору, который земледельцы Памфилии дали остро-

---

[1] Nov., XXIV, 1.
[2] Ibid., XXV, 1.

готам Трибигильда в 399 г. Обычно варвары рассматривались рабами и колонами, как избавители, и готы встретили поддержку рабов и колонов на Балканах и во Фригии. Однако в Памфилии местные земледельцы в городе Сельге под предводительством военного командира Валентина заняли высоты и устроили готам засаду. Много готов было раздавлено или перебито. Другие попали в болото и там погибли. Самому Трибигильду с 300 всадниками с трудом удалось спастись, подкупив одного римского командира.

Трудно допустить, что такой разгром готов учинили рабы и колоны Памфилии, защищая интересы своих угнетателей. Наоборот, такие действия вполне понятны со стороны свободных поселян, выступивших на защиту своего имущества против грабежей готов.

Проникновение свежей варварской стихии в Малую Азию имеет место уже в конце IV в. и продолжалось в V в. В самом конце IV в. (в 399 г.) мы находим значительные колонии готов, поселенных во Фригии под начальством комита Трибигильда на правах федератов.[1]

Количество поселенных на положении федератов в Малой Азии в IV—V вв. готов было настолько значительно, что они, уже смешавшись с местным греческим населением, упоминаются под именем „гото-греков“ еще в VIII и IX вв. Так, в 715 г. восставшие против императора Анастасия стратиоты привлекли на свою сторону всю фему Опсикия и „гото-греков“.

После упорной шестимесячной борьбы „нечестивые люди“ παράνομοι λαοί Опсикия вместе с гото-греками ворвались в Константинополь и подвергли дома богачей жестокому ограблению.[2]

На Балканском полуострове значительная прослойка свободного земледельческого населения в V—VI вв. продолжала сохраняться в диоцезах Дакии и Фракии.

При организации римской власти на Иллиро-фракийском полуострове и по Дунаю римляне стремились в этих областях, где еще не изжит был первобытно-общинный строй, насаждать свои колонии и муниципии, используя также в качестве опорных пунктов приморские греческие города. Упрочение римского владычества выразилось в отобрании у туземного населения — у иллирийского на Западе и у фракийского на Востоке — значительной части их земель, переданных римским колониям, муниципиям, городам. Страна была разделена на территории, принадлежавшие крепостям, городам и оставленные в пользовании туземного населения. Этот процесс протекал совершенно одинаково в Паннонии, Далмации, Верхней и Нижней Мезии. Мы не располагаем данными для решения вопроса, сколько земли было оставлено туземным племенам и сколько передано римским колониям и муниципиям. Значительная часть туземного населения попала в положение πάροικοι, зависимых от иноземцев, превратилась в держателей земли латинских городов, но одно обстоятельство затормозило этот процесс. Туземное население Балканского полуострова — фракийцы и иллирийцы — явились благодаря своей воинственности обильным и постоянным источником пополнения римской армии. При отставке фракийские и иллирийские ветераны получали для себя, жен и детей права римского гражданства и, занимая почетное положение у себя на родине, были вместе с тем проводниками романизации. Это, впрочем, не мешало богатым горожанам, чиновникам,

[1] Claudii Claudiani carmina. In Eutropium, II, 178 (Monumenta Germaniae Historica, Berlin, 1892, t. X).

[2] Theophanis Chronographia, I. Ed. K. de-Boor, Lipsiae, 1883, 385—386.

командирам эксплоатировать туземное население, как показывает надпись Скаптопарены, и накладывать на него сверх государственных повинностей тяжелое добавочное бремя. Но, оберегая источник пополнения своих военных сил, римское правительство по возможности сохраняло у фракийцев в неприкосновенности и оберегало их старые племенные порядки. Основной общественной ячейкой у фракийцев оставались деревенские общины — κωμαρχίαι.

По мере того как разлагающемуся рабовладельческому государству становилось все труднее защищать границы империи, и провинции Балканского полуострова становились объектом постоянных варварских вторжений, империя для охраны Балканского полуострова прибегала к самым разнообразным мерам. Она натравливала одних варваров на других, она сооружала многочисленные укрепления для прикрытия дунайской границы. Она проводит карательные экспедиции на территории варваров, она откупается от их нападений выплатой дани и, если эти мероприятия не помогают, отводит варварам внутри полуострова земли для поселения, обязывая военной службой в пользу империи.

Проб вошел в переговоры с готскими племенами и бастарнами и расселил их во Фракии. Эту же политику продолжал Диоклетиан, который в 298 г. перевел карпов и бастарнов с северного берега Дуная во Фракию.[1] Константин в 334 г. расселил во Фракии, Македонии, Малой Скифии язы̀гов-сарматов.[2] Но опустошения конца IV в. были так велики, что территория Фракии, Верхней и Нижней Мезии и Иллирика имели редкое население из уцелевших остатков туземного населения и готов, аланов и гуннов, расселенных здесь на правах федератов.

Если в V в. варварские вторжения на Балканы не прекращаются, то равным образом не прекращается и работа правительственных органов по внутренней колонизации запустевших районов новыми насельниками. В 409 г. в империи в качестве колонов во множестве были расселены скиры. Многие гуннские предводители постоянно вступали на римскую службу, привлекаемые щедрым вознаграждением, что вызывало постоянные требования Аттилы о выдаче перебежчиков. Приток варваров в пределы империи еще усилился после распадения гуннской державы. Восточно-римское правительство охотно отводило земли для поселения варварам, желающим получить эти земли. Так, сарматы с цемандрами и частью гуннов расселились в Иллирике;[3] скиры, сатагары и „прочие аланы" заняли места в Малой Скифии и Нижней Мезии.[4] Сын Аттилы, Эрнак, поселился с толпой гуннов в верхней части Малой Скифии. Прибрежная Дакия и Нижняя Мезия были предоставлены остроготам для поселения. После ухода остроготов в Италию значительная часть их осталась во Фракии и продолжала служить источником комплектования римских армий. В 492 г. император Анастасий собирал войска против возмутившихся исавров. Они были набраны в Мезии и Фракии.

Отправлен был военачальник Иоанн Скиф со множеством скифов и отрядом готов и бессов (μετὰ πλήθους Σκυθῶν καὶ Γοτθικῆς καὶ Βεσσικῆς χειρός).[5] В 502 г. тот же император послал против персов войска готов

[1] Eutropii Breviarium, IX, 15.
[2] Eusebii De vita Constantini, IV. Ed. J. A. Heikel, Leipzig, 1902.
[3] Jordanis Romana et Getica. Ed. Th. Mommsen. Mon. Germ. Hist., I, 1882, C. 50.
[4] Ibid.
[5] Malala, XVI. Bonnae, 1831, 393.

и бессов и других фракийцев (τῶν Γοτθῶν καὶ Βεσσῶν καὶ ἑτέρων Θρακῶν ἐθνῶν). С конца V и начала VI в. на Балканском полуострове появляются под своим настоящим именем славяне. Шафарик полагал, что славяне начали селиться за Дунаем в конце V в., Рачкий — во время господства гуннов в Дакии, Гильфердинг полагал, что славяне явились с готами в IV в., Дринов считал, что славянские поселения на Балканском полуострове начались вслед за маркоманнской войной во II и III вв.

Мы действительно видим большое количество варварских вселений в Мезию и Фракию в это время. Но переселившиеся сюда племена не носят ни общего имени славян, ни имени какого-либо из позднее известных славянских племен. Поэтому мнение о поселении славян на Балканском полуострове во II и III вв. приходится считать необоснованным. Но поселяющиеся на Балканском полуострове в IV—V вв. варвары, кто бы они ни были по своей этнической принадлежности, приносили с собой „осколок настоящего родового строя в форме сельских общин, [марок] свои общинные свободные порядки, свою храбрость, свободолюбие, демократический инстинкт, видевший во всех общественных делах свое собственное дело".

Мы видим обильный приток варварских поселений в пределы империи в IV и V вв., причем большинство их появлялось в пределах империи не в виде колонов и рабов, а в виде свободных земледельческих и скотоводческих общин. Поэтому нет сомнения, что население Дакии, Мезии и Фракии в V и VI вв. состояло если не в большинстве, то в значительной части не из рабов и колонов, а из свободных варварских и туземных поселений, которые в VI в. являлись одним из главных источников пополнения восточно-римской армии. Фракия VI в. по признанию самого константинопольского правительства — воинственная и храбрая страна. В введении к новелле XXVI Юстиниан говорит: „Общеизвестно, что с именем страны фракийцев неразрывно соединено понятие о большой храбрости, о воинских дружинах, о войнах и сражениях. Это именно врождено и свойственно той стране".[1]

Отсюда приходится сделать заключение, что старая точка зрения, по которой в Восточной Римской империи V и VI вв. только в виде исключения и в небольшом количестве удержались вольные крестьянские общины, нуждается в существенных оговорках и ограничениях. Уже из беглого ознакомления с состоянием провинций Восточной Римской империи мы видим, что при всем громадном развитии крупного землевладения и колоната, значительные прослойки свободных крестьянских хозяйств существовали в V—VI вв., не говоря о Египте и Сирии, в Византийской Армении, значительных территориях Малой Азии — Исаврии, Писидии, Ликаонии и особенно на обширных территориях Балканского полуострова, получая притом постоянно пополнения в виде новых варварских насельников. Также и общинное землевладение появилось у византийских γεωργοί не с VII в. в результате славянской иммиграции. Исстари на территории Восточной империи существовали селения с общинным землевладением, и остатки этого общинного землевладения дожили до византийского времени.

Египетские папирусы IV—VII вв. и императорские законодательства помогают нам точнее и полнее раскрыть следы и остатки соседской

---

[1] Nov., XXVI, praef.

общины в византийской деревне этого времени. Из них мы узнаем, что сельская община была связана круговой порукой в уплате налогов за своих членов, причем законодательство Юстиниана убеждает нас в том, что это имело место не только по отношению к египетским vici, но и в отношении vici publici всей империи.

Высшими органами устанавливалась общая сумма налога на деревню по данным писцовых книг. Распределение налогов между плательщиками деревни не касалось агентов фиска. Распределение обязана была сделать сама община, и потому ее члены образовывали consortium и в нем соплательщиками являлись только земельные собственники (συντελεσταὶ καὶ κτήτορες), а не обитатели (οἰκήτορες).

Далее деревня обязана была обрабатывать земли запустевшие и брошенные и, во всяком случае, уплачивать за них налоги (ἐπιβολὴ τῶν ἀπόρων).

Наконец, жители деревни пользовались правом так наз. προτίμησις, правом устранять посторонних, не-членов общины от покупки земель на территории деревни.

В 397 г. мы видим правительственную попытку уничтожить προτίμησις как неправомерное ограничение собственника в распоряжении своим имуществом. Но эта попытка оказалась неудачной. Сохранилось старое положение, по которому при покупке ὁμοκῆνσα дается предпочтение тем, кто связан одной земельной податью.

В 415 г. Гонорий и Феодосий постановили, что никто, кроме convicani, не может приобретать собственность в метрокомиях.[1] Это еще категоричнее, как мы видели, подчеркивают императоры Лев и Анфемий в 468 г., устанавливая, что никакой extraneus не может приобретать землю в метрокомиях.[2]

Сознание коллективной ответственности деревенской общины проявлялось не только в том, что общины были связаны круговой порукой в уплате казенных налогов. Мы видим неоднократные примеры того, как частные кредиторы — конечно potentiores — не стеснялись делать всех vicani ответственными за долги одного из них.

Правительство должно было издавать официальные распоряжения, запрещавшие эту ненормальную практику (ut nullus ex vicanis pro alieni vicanorum debitis teneatur),[3] но и правительственные распоряжения оказывались бессильны искоренить это явление.

Далее папирусы показывают нам наличие у vici publici общинных земель, подвергавшихся разделу, наличие общинного самоуправления, выбирающего должностных лиц селения, наличие случаев, когда отдельные сельскохозяйственные работы производились сообща всей общиной, общее владение αἰγιαλός и пастбищами, составлявшими τὸ ἄπορον τῆς κώμης и которые κοινὸν τῆς κώμης отдавал в аренду, привычку египетских земледельцев образовывать κοινόν для совместной аренды, солидарность convicani. Все это является остатками общины, которая сохранялась в египетских κῶμαι до конца византийского владычества в этой стране и при арабах.

Данные папирусов подтверждаются императорским законодательством, в частности уже известной нам конституцией Cod. Theod. XI, 24, 6 (415).

Из этой конституции мы видим, что метрокомия имеет своих должностных лиц и своих литургов.

---

1 Cod. Theod., XI, 24.
2 Cod. Just., XI, 55, 56.
3 Ibid., XI, 56, 57.

Члены метрокомии связаны между собой через ἐπιβολὴ ἀπόρων (et quicunque terrulas contra morem fertiles possederunt, pro rata possessionis suae glebam inutilem et conlationem ejus et munera ne recusent). Никто, кроме односельчан, не может приобретать землю метрокомии. Борьба за этот принцип продолжалась правительственной властью и в VI в., как показывает Cod. Just., II, 56, 1, повторяя запрещение данной конституции. Исключение делается для оставленной и бесплодной земли, которая после формального отказа от нее куриалов, может быть занята всяким, кто сможет ее обрабатывать и платить за нее казенные налоги.[1]

Конституция подчеркивает, что metrocomiae являются и останутся publicus vicus, in publico jure et integro. Правительство заботится о тех метрокомиях, которые пришли в упадок (Et in earum metrocomiarum locum quas temporis laesus vel destituit, vel viribus vacuavit e florentibus aliae subrogentur).[2]

Конституция перечисляет наиболее важные литургии, которые выполняет метрокомия. Здесь указываются прежде всего надсмотрщики над плотинами (logographi chomatum), — литургия, особенно важная для Египта. Хотя следует думать, что и в византийское время управление ирригационной системой оставалось централизованным, это не исключало необходимости иметь деревенских уполномоченных, специально занятых делом раскладки и собирания средств на поддержание плотин.

Для этой цели производились специальные сборы со всех землевладельцев пропорционально величине их владений. Об этом говорит правительственное распоряжение 412 г.[3]

Иренархи были низшими полицейскими служащими, ответственными за поддержание общественного порядка на определенной территории qui disciplinae publicae et corrigendis moribus praeficiuntur.[4] В папирусах иренархи с середины IV в. являлись деревенскими литургами. Иренарх был подчинен военным властям,[5] но способ назначения на этот вид munus personale не отличался от обычного способа выделения деревенских литургов. Cefalaeotae, или κεφαλεῶται, по египетским папирусам, являются люди, выполняющие определенные обязанности фискального порядка. Сохранились в P. Grenfell, II, 80, 81 и P. Lips., 89 расписки этих литургов в получении определенных сумм. Они показывают, что κεφαλεῶται — деревенские литурги, заняты собиранием налогов.[6] P. Amherst от 350 г. знакомит нас со способом назначения литургов. Этот папирус является донесением двух комархов деревни Гермополитанского нома препозиту нома, представляющим список лиц, намеченных для занятия деревенских литургических должностей: комарха, иренарха, ситолога и сборщика анноны ἀπαιτήτης ἀννώνης. В документе мы читаем: „Мы представляем и объявляем список здесь записанных комархов, иренархов, ситологов и сборщиков анноны из лиц зажиточных под нашу ответственность и ответственность всех сельчан (δίδομεν καὶ εἰσαγγέλομεν τοὺς ἑξῆς ἐγγεγραμμένους κωμάρχας καὶ εἰρηνάρχοι καὶ σιτολόγοι καὶ ἀπαιτητὰς ἀννώνης ὄντας εὐπόρους κινδύνῳ ἡμῶν καὶ πάντων τῶν ἀπὸ τῆς ἡμετέρας κώμης)“.[7]

---

1 Cod. Just., XI, 24, 6, 5.
2 Ibid., XI, 24, 6, 4.
3 Ibid., XVI, 3, 5.
4 Digesta, 50, 4, 18, 7.
5 P. Amherst, II, 191.
6 Zulueta, De patrociniis vicorum, 63.
7 P. Amherst, II, 139.

Дальше следуют указанные списки и поручительство деревни за исправность кандидатов.

Очевидно, список выделяемых деревенским самоуправлением литургов из зажиточной прослойки подлежал утверждению властей, но деревня в целом отвечала за деятельность своих литургов, и если бы литурги допустили хищения и злоупотребления, правительственная власть не несла бы никакого ущерба. Убытки и недостатки должны быть покрыты всей деревней. Но жители египетских метрокомий и vici publici имели и еще более мощные экономические связи, объединявшие деревню в единое целое — это наличие общественной неразделенной земли, принадлежащей всей общине и обрабатываемой или сдаваемой в аренду сообща. Случай сохранил нам три замечательных документа, подтверждающих этот факт на примере деревни Soknopaei Nesus в конце II и начале III в. Это P. Lond., III, 924; P. Gen., 16, и P. Cattaoui, II — оба относящихся к октябрю 207 г.[1]

В первом из этих документов πράκτορες σιτικῶν деревни жалуются, что хотя они заплатили налоги за землю, наделенную указанной деревне из полей деревни Вакхиады (τὴν ἐπιμερισθεῖσαν τῇ προκειμένῃ κώμῃ ἀπὸ πεδίων κώμης Βακχιάδος γῆν) и хотя лежащая около их деревни αἰγιαλῖτις γῆ в этот урожайный год обработана и засеяна ими, однако люди деревни Теагена насильственно захватили эту землю. Просители добиваются возмещения убытков деревни Soknopaei Nesus, заявляя, что в случае неудовлетворения их просьбы они вынуждены будут бежать из своей ἰδία от своих повинностей.[2]

В этом папирусе особенно обращает наше внимание фраза τὴν ἐπιμερισθεῖσαν τῇ προκειμένῃ κώμῃ ἀπὸ πεδίων κώμης Βακχιάδος. Папирус показывает нам несомненно, что этот αἰγιαλός не только оплачивался, но и использовался селением сообща. Папирусы много раз подтверждают это обстоятельство. Два других указываемых выше документа P. Gen., 16 и P. Cattaoui, II являются жалобой δημόσιοι γεωργοί той же деревни на непорядки, возникшие внутри самого селения. Обе жалобы сообщают нам о том, что некий Орсей и его четыре брата, являющиеся зажиточными земледельцами, отказываются быть соплательщиками налогов, συνείσφοροι, наравне с другими сельчанами, запугивают деревенских должностных лиц, когда они пытаются выставить их кандидатуру в качестве литургов. Они же насильственно захватили αἰγιαλός, изгнав из него своих односельчан, которые его обработали. Жалобщики опять напоминают, что доходы с этого αἰγιαλός необходимы для исправного платежа налогов деревней, что жители опять вынуждены будут бежать из своего ἰδία, куда они только недавно вернулись вследствие императорского эдикта.

Эти жалобы подтверждают, что селение не только сообща платит налоги, но и сообща пользуется известными землями, и жалоба против пяти братьев заключается в том, что они противозаконно захватили общественную землю и отказываются от выполнения общих повинностей селения.[3] В конце своей жалобы просители папируса Cattaoui, II требуют принудить правонарушителей быть соплательщиками налогов, отбывать причитающиеся литургии и чтобы все в равной доле пользовались находящейся в их селении общественной землей (συνεισφόρους εἶναι τοῖς

[1] Bulletin de l'Inst. Fr. d'Archéol. Or., III, 187. — Wilcken. Archiv, III, 548; IV, 548. — Zulueta. De patrociniis vicorum, Oxford Studies in Social and Legal History, 61.
[2] Zulueta. De patrociniis vicorum. Oxford Studies in Social and Legal History, 66.
[3] Ibid.

δημοσίοις τελέσμασι καὶ λιτουργεῖν τὰς ἁρμοζούσας αὐτοῖς λειτουργίας καὶ ἔχεσθαι ἐξ ἴσου ἡμῖν πᾶσιν τῆς ἀποκαλυφθείσης γῆς ἵνα ὦμεν ἐν τῇ ἰδίᾳ συμμένοντες).

Папирусы неоднократно указывают на наличие у египетских κῶμαι общественной земли, которая находится в общем пользовании селения и которую оно сдает в аренду. Так, до нас дошли четыре документа от последней четверти IV в., в которой деревня Филадельфия сдает в аренду землю ἀπὸ ἀπόρων ὀνομάτων или ἀπὸ ἀπόρου τῆς κώμης. Сдача в аренду этой земли в P. Gen., 67 и 68, производится ее комархами, в P. Gen., 69 — ее протокометами; в P. Gen., 70 κοινὸν τῆς κώμης. По договору в P. Gen., 67 и 69, государственные налоги должна выплачивать деревня — τῶν δημοσίων πάντων πρὸς ἡμᾶς μεμισθωκότας. Арендаторы в P. Gen., 67, уплачивают селению ренту за два года вперед, в P. Gen., 69, за один год вперед. В P. Raineri 41, 30 точно так же κοινὸν τῆς κώμης сдает в аренду общественную землю, принадлежащую селению.

Тесные экономические связи, объединявшие жителей египетского селения, подчеркиваются частыми конфликтами из-за границ и орошения между соседними селениями. В папирусах мы часто встречаем упоминание о μάχαι, которыми заканчивались конфликты соседних селений, о πόλεμοι деревень между собою.

Несмотря на тесные связи, объединявшие население египетских сельских общин, население их не представляло однородной массы, и расслоение в египетской деревне зашло уже достаточно далеко. Существовала известная грань между мелкими земледельцами λεπτοκτήτορες и зажиточной деревенской верхушкой (ἀρχαίων κτητόρων μεγάλων P. Cairo, 67002). Эти μεγάλοι κτήτορες должны быть отождествлены с часто упоминаемых в папирусах протокометами и μείζονες. В византийских папирусах VI—VII вв. термин „протокомет" употребляется для обозначения деревенских старшин, виднейших хозяев деревни и в узком смысле для обозначения деревенской администрации. Эти наиболее видные и зажиточные собственники деревни образуют τὸ κοινὸν τῶν πρωτοκομητῶν.

Они держат в своих руках управление деревенскими делами, они ответственны за исправное и своевременное выполнение деревней натуральных и денежных налогов и литургий. Кроме выполнения многочисленных правительственных заданий деревенская администрация заботится об охране безопасности в деревне.[1] Выделенное для этой цели лицо носит название riparius.[2]

Протокометы Афродито ходатайствуют за своего односельчанина Аврамия Пануфия, арендатора церковной земли.[3] Функции деревенских протокометов были довольно обширны и разносторонни. В Лавсаике один деревенский старшина так характеризует свою деятельность: „никто из поселян не похвалится, что он принял странника раньше меня. Бедный или странник не выходил из моего дома с пустыми руками, не получив прежде нужного для пути. Не пропускал я бедного, удрученного несчастиями без того, чтобы не подать ему достаточно утешения. Не был я лицеприятен к своему сыну на суде. Чужие плоды не входили в дом мой. Не было вражды, которой я не примирял. Стада мои не дотрагивались до чужих плодов. Не засевал я первый своих полей, но оставлял

---

1 P. Cairo, 67, 137; 62, 272.
2 Ibid., 67, 137; 67, 278.
3 Rouillard. L'administration civile de l'Egypte byzantine. 1928, 198.

их всем, сам пользовался только тем, что оставалось. Не допускал я, чтобы бедный притеснял богатого".[1]

Последние слова старшины интересны в том отношении, что они дают указание на возможные случаи периодического передела полей в египетском селении византийского времени.

Кроме протокометов, в папирусах в качестве представителей деревенской администрации часто упоминаются μείζονες. Этот термин в современных источниках также означает управляющих имениями и лиц, принадлежащих к правительственному аппарату.[2] У. Grégoire[3] μείζων фигурирует как судья селения, принадлежащего монастырю. В Р. Oxyr. XVI, 2005, μείζων местечка Сфтла получает от βοηθός деньги для ремонта продовольственного магазина. В одних папирусах μείζονες ведают деревенским судопроизводством, в других — денежными делами.[4] Всего вероятнее, что μείζονες являются частью коллегии протокометов и, повидимому, их возглавляют.[5]

Возможно, как предполагает Oertel,[6] что μείζονες являлись председателями объединений протокометов. В наиболее крупных селениях при протокометах существовали канцелярии — κωμητικὴ τάξις. Известны названия персонала, из которого состояли эти канцелярии: в документах упоминаются гиподекты (сборщики), γραμματεῖς — секретари,[7] помощники (βοηθός), курьеры (σύμμαχοι).[8] Если местечко пользуется автопрагией, протокометы имеют постоянные сношения с канцелярией praeses'а. Иногда их вызывают в город для представления отчета. В Р. Cairo, 67060, идет речь об отчете деревенских властей перед антеупольским пагархом. Пагарх остался недоволен этим отчетом и в резких выражениях сообщает деревенским органам о своем недовольстве. Выполнение целого ряда государственных повинностей — литургий — продолжает ложиться на зажиточные элементы деревенского населения. В VI в. существовало такое правило, что нельзя сразу давать две литургии; разрешалось замещать себя в выполнении литургий. Некоторые литургии являлись наследственными, например должности ἐξάκτωρ, гребца на судне дукса и др.

Но папирусы дают обильный материал, показывающий, что положение представителей деревенского самоуправления и литургов было в общем тяжелым, и что они очень часто попадали в тюрьмы правительственные и частные.

В одном папирусе из Оксиринха, адресованном представителем власти диойкету с предложением выпустить на свободу жен протокометов, среди них упоминаются жена Фойбаммона — комарха, жена Панутия — другого комарха, жена Эноха — комарха.[9]

Очевидно, если протокометы скрывались от преследования правительственных органов, в тюрьму бросались их жены. Из Р. Oxyr., 1835, мы узнаем, что в частную тюрьму были брошены жены деревенской администрации. Некий Фойбаммон и Фиб предлагают диойкету Маймесис выпустить из тюрьмы семь жен протокометов, успокаивая его тем, что их

---

[1] Палладий. Лавсаик, 248.
[2] C. Wessely. Griechische Papyrusurkunden kleineren Formats. Studien zur Palaeographie und Papyrusurkunden. III, Leipzig, 1904—1908, 95.
[3] Inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure. 47.
[4] P. Oxyr., XIII, 2005.
[5] Steinwenter. Studien zu den koptischen Rechtsurkunden aus Oberägypten, 43.
[6] Die Liturgie, 361.
[7] P. Cairo, 560, 33.
[8] G. Rouillard. L'administration civile de l'Egypte byzantine. 1928, 72.
[9] P. Oxyr., XVI, 1835.

снова будет можно посадить в любой момент. P. Oxyr., 2056, приводит список лиц, заключенных в тюрьму Апионова дома. В этом списке фигурирует вся деревенская администрация.

Но несмотря на тягчайший гнет правительственных властей, в египетских κῶμαι все же сохранялось деревенское самоуправление. В определенные сроки египетские общинники собирались для разрешения вопросов, касающихся деревни, и круг этих вопросов, как мы видели, оставался достаточно широким. Можно сказать, что египетская сельская община, подобно германской марке, проявила изумительную приспособляемость в различнейших областях общественной жизни, по отношению к самым разнообразным требованиям, а также в борьбе с растущим и усиливающимся крупным землевладением.

Для других провинций Восточной империи мы имеем гораздо меньше источников, но сохранившиеся документы показывают, что во многих из этих провинций следы и остатки общинного строя проявляли также большую живучесть. Эпиграфический материал, собранный в археологических журналах и изданиях, подтверждает это самым положительным образом для Сирии и Малой Азии. Эпиграфический материал этот показывает, что сирийские и малоазийские деревни римского времени имели общественные земли, которые они сдавали в аренду, иногда соседним селениям, что эти селения имеют свое самоуправление и доходы, что главным источником доходов сирийских и малоазийских свободных селений является общественная земля. Некоторые показывают, что эта земля делится между членами общины. Так, в одной лидийской надписи мы читаем: Εν 'Καστολλῷ κώμῃ Φιλαδελφέων γενομένης ἐκκλησίας ὑπό τῆς γερουσίας καὶ τῶν λοιπῶν κωμητῶν πάντων καὶ βουλευσαμένων αὐτῶν διελέσθαι τὸν ὑπάρχοντα αὐτοῖς ἀγρόν τοῖς ἰδίοις ὅροις.[1] Здесь селение делит землю на частные наделы, принимая во внимание неодинаковость качества земли. Этот раздел земли напоминает о подобных же разделах в средневековых деревнях. Надпись только оставляет нас в неизвестности, была ли земля разделена между жителями селения окончательно в полное наследственное владение, или этот акт раздела повторялся периодически. Во всяком случае деревенская община строго следит за равномерным распределением земли. Интересно также отметить, что деревня Кастолла имеет широко развитое самоуправление, включавшее γερουσία и народную сходку — ἐκκλησία. Надпись из Бетоцеки говорит, что указанный факт не был единичным и что другие κῶμαι также имели общественную неразделенную землю. Деревни всем населением снимают в аренду городскую землю, уплачивая ренту деньгами и натурой, хотя эта земля неоднократно в зависимости от обстоятельств сдавалась и отдельным держателям.

Сборы на деревенских торгах собирались в пользу города, но из надписи Бетоцеки видно, что селение добилось права устраивать два раза в месяц на своей площади торги без специального обложения. Кроме общественной земли, источником дохода деревенских общин являлись также суммы, вносимые за избрание выборными деревенскими властями. Обычай выплачивать известную сумму общине за избрание был широко распространен. Liebenam опубликовал список сумм с указанием мест платежа и должностей, за которые платили. Надписи нам сообщают, что комархи платили в некоторых деревнях Лидии по 250, 500, 750 и 1000 динариев за свое избрание. Одна лидийская надпись сообщает, что summa honoraria за должность λογίστης в деревне равнялась 250 динариям

[1] W. Dittenberger. Orientis Graeci Inscriptiones selectae, Lipsiae, 1905, II, 120.

(Αὐρήλιος Ἑρμόλαος Ρουστίκου ἔδωκεν ὑπὲρ ἀρχῆς λογιστείας καθὼς ἔδοξε τοῖς κωμήταις δηνάρια διακόσια πεντήκοντα, προσχωρήσαντα εἰς τὴν τῶν τειρώνων συντέλειαν).[1]

Доходом сельских общин являлись также штрафы, взимаемые за ограбление гробниц. Одна надпись из Вифинии и четыре из Лидии упоминают деревни, взимающие часть штрафа за ограбление гробниц. В надписи Фанака и Лидии деревня получает $^{2}/_{3}$ всей суммы. Взимались также штрафы за повреждение общественной собственности, за нарушение правил водоснабжения, за нарушение границ.

Некоторые надписи в Сирии говорят о крупных пожертвованиях на общественные нужды. Так, из Трахонитиды дошла надпись, сообщающая что постройка была воздвигнута на общественные средства селения, и место для постройки дано двумя односельчанами. Метрокомия Зорава в Трахонитиде имеет общественную баню, которая была выстроена за счет метрокомии. Соответствующая надпись оканчивается словами: οἱ ἀπὸ μητροκωμίας Ζοραουηνῶν ἔκτισαν τὸ βαλανεῖον ἰδίαις δαπάναις.[2]

Одна надпись из Авраниты говорит о постройке водохранилища на общественный счет.[3]

Некоторые надписи в Сирии говорят о крупных пожертвованиях на общественные нужды. Из Трахонитиды дошла надпись, сообщающая, что постройка была воздвигнута на общественный счет на средства селения, и место для постройки дано двумя односельчанами.[4] Из надписи Кеффр-Лига мы узнаем, что жители селения делают складчину на общественные нужды. Таким образом можно считать несомненным, что сирийские деревни в римское время имели свое самоуправление, воздвигали на свои средства общественные постройки. Эти средства составлялись из доходов, получаемых с общественных построек и земель, из summa honoraria, уплачиваемой выборными деревенскими властями, из штрафов за различные правонарушения и из пожертвований членов общины.[5]

В течение II и III вв. деревенский старшина (шейх) в Трахонитиде назывался стратегом. Как правило, в деревне был только один шейх. Должность стратега была пожизненна, наследственна, являясь, очевидно, пережитком родового быта. В половине III в. наступает перемена. Вместо одного стратега в селении выступает коллегия старшин от трех до семи. Эти старшины управляли селением только в течение одного года. Они носили разные названия — προνοηταί, затем πιστοί и διοικηταί. С начала IV в. появляются экдики или синдики, являющиеся председателями коллегии. Старшины эти являются выборными и избираются деревенскими сходами, называемыми официально ὄχλος.[6]

Деревенские собрания, как мы уже отмечали, не только выбирали старшин, но и выносили постановления, касающиеся деревенских дел, расходования деревенских средств, регулирующих земельные отношения общины. Решения принимаются „общим собранием деревни". Официальное письмо римского правителя Сирии „Фенесийцам, Metrocomia Τραχῶν" [7] — обращено ко всей деревне. Частое упоминание в подписях

---

1 Keil и Premerstein. Denkschriften d. Wiener Akademie der Wissenschaft, v. 57, 87.

2 Inscriptiones Graecae ad Res Romanas pertinentes, III, II, 5.

3 Ibid., 488.

4 P. A., 3, 787, 126

5 A. Jones. The Cities of the Eastern Roman Provinces, 285.

6 Inscriptiones Graecae ad Res Romanas pertinentes, III, 1192, Wadd. 2188.

7 Ibid., III, 1119.

„советников“ (βουλευταί) показывает, однако, что декурионы городов, подобно ветеранам римской армии, играли значительную роль в жизни деревни.

Богатые жители городов могли приобретать землю в деревнях и интересоваться жизнью тех селений, где находились их имения. С другой стороны, виднейшие жители деревень, если были достаточно состоятельны, могли выдвигаться в сословие городских декурионов.

В петиции одного малоазийского сальтуса, относящейся ко времени Филиппа Аравитянина (середина III в.), мы читаем: „В счастливейшие времена вашего царствования, добродетельнейший и счастливейший из императоров, когда все наслаждаются миром и спокойствием вследствие прекращения всех зол и притеснений, лишь мы одни терпим несправедливости, совершенно не свойственные нашему времени. Мы, обитатели одного из ваших поместий, святейший государь, целой общиной обращаемся за помощью к вашему величеству. Нас неслыханно угнетают и пьют из нас все соки те, кому, казалось бы, более всего надлежало заботиться о нашей защите. Солдаты, командиры, влиятельные люди отрывают нас от работы, реквизируют рабочий скот, совершают беззаконные недозволенные им вещи. По их вине мы терпим страшные необычайные обиды и притеснения“.[1]

Из рескриптов Филиппа, обращенных к жителям Арагуэны во Фригии, и Гордиана — к жителям Скаптапарены во Фракии, явствует, что земледельцы этих селений проявляли в III в. значительную энергию и настойчивость по части защиты своих коллективных интересов против различных злоупотреблений и притеснений. Землевладельцы Арагуэны жалуются на правительственных чиновников (καισαριανοί), солдат и городских магистратов, которые притесняли их тем, что располагались на постой в их домах и вымогали у них постоянно перевозочные средства. Vicani Скаптапарены во Фракии ищут защиты от подобных же притеснений у императора через своего земляка воина Пирра.[2] Они угрожают открыто общим бегством и выселением, если их просьбы не будут удовлетворены: „Так как мы не можем переносить тяжести и так как подвергаемся опасности, мы должны будем покинуть жилище предков. Если же мы будем подвергаться такому обременению и убежим из дома, то большой ущерб понесет казначейство (ἐπεὶ οὐκ ἔτι δυνάμεθα φέρειν τὰ βάρη καὶ ὡς κινδυνεύομεν ὑπὲρ οἱ λοιποὶ τόδε καὶ ἡμεῖς προλιπεῖν τοὺς προγονικοὺς θεμελίους. Ἐὰν δὲ βαρύμεθα, φευξόμεθα ἀπὸ τῶν οἰκείων καὶ μεγίσταν ζημίαν τὸ ταμεῖον περιβληθήσεται)“.

У нас нет никаких оснований полагать, что эти следы и остатки общинного строя были присущи только византийскому Египту и не сохранились в IV—VI вв. в сирийских и малоазийских κῶμαι, в Армении, на большей части территории Балканского полуострова. По словам Ливания, вокруг Антиохии в конце IV в. были двоякого рода селения: 1) большие селения, которые принадлежали многим, причем каждый владел небольшой долей земли, иными словами — свободные общины мелких земледельцев, и 2) селения, где хозяином являлось одно лицо, принадлежавшие знатным и сильным.[3] Но тот же Ливаний подробно рассказывает, что те и другие селения, несмотря на всю тяжесть своего положения, не являлись безропотными жертвами эксплоатации и умели вести ожесточенную борьбу против своих эксплоататоров, или отдаваясь под патронат военного сословия, или проявляя к эксплоататорам ненависть другими путями.

---

[1] W. Dittenberger. Orientis Graeci Inscriptiones selectae, 519.
[2] Zeitschrift f. Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Roman. Abtheil. 12.
[3] Libanii opera, III, 405—406.

Свободные селения, при помощи пшеницы, ячменя и денег, покупая покровительство военных чинов — трибунов, дуксов, комитов и даже военных частей, помещенных у них на постое, встречали всем селением декурионов — сборщиков налогов — камнями. Даже селения зависимых земледельцев, имеющие одного господина, умели при случае заручиться патронатом, доставляя и выдавая патронам деньги из той ренты, которая подлежала внесению господину.[1] Отсюда следует предположить, что в сопротивлении эксплоататорам у них было объединяющее и связующее начало в виде живучих на Востоке остатков общинного быта, которые и здесь давали жителям метрокомии и vici publici территориальную сплоченность и средства к сопротивлению эксплоататорам. Новеллы Юстиниана также ясно и неоднократно свидетельствуют о жизненности и духе независимости свободных земледельцев Фракии, крупных селений Ликаонии с ее многочисленными κῶμαι μεγάλαι, которые часто поднимаются против правительства, Исаврии, Армении и особенно Балканского полуострова, куда в V—VI вв. вливались все новые и новые волны варварских насельников. Таким образом можно сделать вывод, что в Восточной империи V—VI вв. не только сохранялась в metrocomiae и vici publici многочисленная прослойка свободных мелких земледельцев, но сохранялись также значительные остатки общинного строя.

При этом нужно подчеркнуть, что варваризация Восточной империи началась не с VII в., а значительно раньше. Значение этой варваризации нельзя недооценивать. Варвары приносили с собой общинные порядки, увеличивали количество свободного сельскохозяйственного населения; они омолаживали империю своим варварством, своим родовым строем; они вносили свои варварские учреждения и обычаи. Достаточно вспомнить об институте букеллариев, древнейшее свидетельство о которых нам сохранил Олимпиодор: „Название букеллариев во времена Гонория носят из стратиотов не только римляне, но и готы (ὅτι τὸ βουκελλάριον ὄνομα ἐν ταῖς ἡμέραις Ὁνωρίου ἐφέρετο κατὰ στρατιωτῶν οὐ μόνον Ῥωμαίων, ἀλλὰ καὶ Γοτθων τινῶν)“.[2]

Этот термин обозначал военные и вооруженные дружины, которые составляли на свой страх и на свои средства частные лица. Будучи по существу преступлением, как нарушение главной прерогативы государственной власти, это правонарушение было не только широко распространено в империи в V—VI вв. — достаточно вспомнить, что во времена Юстиниана дорифоры и ипасписты Велизария составляли дружину в семь тысяч человек, — но настолько вошло в обычай, что получило вид особого учреждения, которое несло свою службу государству.[3] Как в возникновении, так и в развитии этого учреждения сказалось воздействие варварских нравов и форм быта на империю.

Прототипом букеллариев были варварские вожди, служившие империи в качестве и звании федератов. Не ограничиваясь общественными учреждениями, влияние варварской стихии проникало и в искусство, быт, моды костюма. Прокопий рассказывает, что при Юстиниане щеголи, из дима голубых брили волосы на передней части головы, как гунны, оставляя их расти сзади в виде длинных локонов, носили хитоны с очень узкими рукавами на запястьи и с широкими буффами на плечах, про-

---

[1] Libanii opera, III, 405—422.

[2] Olimp. frg., 7, p. 59.

[3] О букеллариях см. Mommsen. Das röm. Militärwesen seit Diocletian. Hermes, XXIV, 1889, 233—239.

сторяные вышитые плащи и обувь, сшитые по моде гуннов.[1] Так ясно прослеживаются многообразные следы варварских воздействий на византийское общество уже в ранневизантийский период. Унаследованная от античности культура и цивилизация амальгамировалась в Восточной империи грубым варварством, налагавшим на все формы византийской жизни свой отпечаток. Отсюда — черты двойственности, пронизывающие все формы жизни византийского общества, неразрывная связь цивилизации и варварства, блестяще вскрытая Марксом как специфика византийского общества.

Но положение этих свободных восточно-римских земледельцев не приходится идеализировать. Наоборот, все сохранившиеся источники IV—VI вв. единодушно характеризуют его как крайне тяжелое.

Убедительнее всего о неблагополучии и бедственном положении населения метрокомий и vici publici IV—VI вв. свидетельствует то обстоятельство, что свободное земледельческое население империи целыми деревнями отдавалось под патронат сильных людей, заключая с ними с соблюдением всех формальностей юридическую сделку, в силу которой их земля становилась собственностью магната. По существу эта сделка была фиктивной, но результаты ее были вполне реальны. Земля переходила в собственность патрона. При этом патрон обычно отдавал землю прежнему собственнику в пользование в качестве прекария с правом в любое время взять ее назад и получал за пользование с клиента часть продуктов. Богатство, влиятельное положение, общественная роль магнатов ставили их земли и держателей этих земель в привилегированное положение. Неудивительно, что в патронат отходили целые селения. Переходящие под патронат теряли свою собственность, а затем и свободу, но освобождались, по крайней мере, от притеснения агентов фиска и сильных людей, приобретая себе надежную защиту.

Динаты захватывали земли и увеличивали количество зависимых от них людей. Государство теряло налогоплательщиков в лице мелких земледельцев и справедливо рассматривало патронат как попытку ускользнуть от несения налогов, и потому пыталось вести с ним борьбу. Императорское законодательство свидетельствует, что отдача мелких земледельцев под патронат сильных людей имела широкое распространение во всех провинциях империи в IV—VI вв., и попытки правительственной борьбы с этим злом были мало действительны.

В конституции 360 г.,[2] адресованной префекту претория Востока мы читаем: „По твоему показанию множество колонов в Египте прибегло к патронату тех, кто отличен почетными званиями вплоть до дуксов (Colonorum multidutinem indicasti per Aegyptum constitutorum ad eorum sese, qui variis honoribus fulciuntur, ducum etiam patrocinia contulisse)". Дальше излагается сущность патроната: „они (патроны) дошли до такого безрассудства, что предоставляют убежище и, обещая защиту, препятствуют выполнению долга (quos tantum sibi claruerit temeritatis adsumere ut praebeant latebram et defensione repromissa aditum implendae devotionis obclaudant)". Патроны должны быть принуждены „возместить те государственные платежи, которые односельчане, от кототорых они (колоны) убежали, внесли из собственных средств (ut debita, quaecumque vicani, quorum consortio recesserunt, e propriis facultatibus fisci docebuntur commodis intulisse, idem cogantur expendere)". Патроны должны возвратить деревен-

[1] Historia arcana, VII, 8—12.
[2] Cod. Theod., XI, 24, 1.

ской общине сумму, которую она уплатила за убежавших односельчан. Лица, взятые под патронат, должны быть возвращены. Земледельцы, отдающиеся под патронат, называются coloni и vicani. По правильному разъяснению Готофреда, „колонами здесь называются сельчане, которые имеют собственную землю и владеют собственностью (coloni hic sunt rusticani, qui proprias terras habebant, qui propria possidebant)“.[1] Деревня здесь образует consortium, связанный круговой порукой в уплате налогов. Патронат здесь используется как защита против налоговых сборщиков.

В Cod. Theod., XI, 24, 2, Валентиниана, Валента и Грациана (370 г.) патронируемые земледельцы подвергаются телесному наказанию.

Патроны должны за каждое взятое под патронат хозяйство уплатить штраф в размере 25 фунтов золота. Дальше следует положение: et non quantum patroni suscipere consuerant sed dimidium ejus fiscus adsumat, т. е. что государство получает половину того, что клиенты уплачивают патронам в качестве вознаграждения за их защиту.

Конституция Cod. Theod., XI, 24, 3, Аркадия и Гонория 395 г., адресованная комиту Египта, направлена больше всего против злоупотреблений его оффиция. Там подтверждаются наказания, установленные для патронов. Деревни, которые сопротивляются взысканию налогов, полагаясь на силу патрона или свою многочисленность (defensionis potentia aut multitudine freti), должны быть силой принуждены выполнять свой долг по отношению к государству и должны быть подвергнуты наказанию.

В Cod. Theod., XI, 24, 4, 399 г. эти правительственные кары еще более усиливаются. Штраф для патрона увеличивается с 25 до 40 фунтов. Клиенты должны уплатить 80 фунтов штрафа. Очевидно, этот штраф имеет в виду целое селение, отдававшееся под патронат. В этой конституции интересно перечисление тех лиц, которые выступают в качестве патронов. Это — magistri utriusque militiae, comites, proconsules, vicarii, Augustales, tribuni, ex ordine curiali, vel cujus libet alius dignitatis.

Характерно, что в этом перечислении мы видим всех, кто был достаточно силен, чтобы безнаказанно обманывать государство. На первый план выступают высшие представители военной и гражданской правительственной администрации — комиты, каковое звание являлось принадлежностью высших военных и гражданских должностей, magistri militum, командиры армии; подчиненные им дуксы, командующие территориальными частями; трибуны, подчиненные дуксам командиры отдельных воинских частей, начальники диоцезов и провинций, высшие церковные сановники и даже куриалы. Насколько быстро развивались патронатные отношения в Египте во второй половине IV в. и в V в., свидетельствует то обстоятельство, что правительственное законодательство в своей борьбе против патроната главное внимание уделяет Египту. Из восьми императорских конституций, посвященных борьбе с патронатом за время 366—534 гг., шесть конституций, обращенных к префекту претории Востока, имеют в виду восточные провинции империи и прежде всего Египет.[2] Специальное внимание, уделяемое правительством Египту, объясняется тем, что Египет был главным поставщиком хлеба в империи и для прокормления Константинополя ежегодно должен был доставлять в столицу 8 млн. артаб зерна.[3] Естественно, что правительство было весьма заинтересовано

[1] M. Gelzer. Studien zur byzantinisch. Verwaltung Aegyptens. Leipzig, 1909, 72.
[2] Zulueta. De Patrociniis vicorum. Oxford Studies in Social and Legal History, 12.
[3] M. Gelzer. Altes u. neues aus der byzantinisch-ägyptischen Verwaltungsmisere. Archiv für Papyrusforschung, V, 1913, 348.

в устранении всего, что могло сорвать египетские хлебные поставки, но попытка правительственной борьбы против патроната закончилась полной неудачей.

В конституции Cod. Theod., XI, 24, 6, Гонория и Феодосия 415 г., содержание которой мы уже разбирали, правительство частично капитулировало перед крупными земельными собственниками. Конституция этого года, узаконив патронатные отношения, сложившиеся до 397 г., признавала подчинение клиентов и власть над ними патронов и возлагала на последних ответственность за исправное поступление налогов с их клиентов.[1] Патрон получал право автопрагии. Он собирал налоги со своих клиентов и уплачивал их непосредственно в провинциальное казначейство, минуя налоговых сборщиков. Возложив на крупного землевладельца ответственность за исправное поступление в казну подати с сидевших на его земле земледельцев, империя тем самым усиливала его значение и способствовала закрепощению непосредственных производителей.

Правительство Восточной Римской империи не прекратило, однако, своих попыток борьбы против патроната. В Cod. Just., XI, 54, 2, обращает наше внимание правительственное деление ищущих покровительства селений на две категории — δοῦλοι и ἐλεύθεροι, причем под δοῦλοι могли законодателем подразумеваться и энапографы.[2] С жителей свободных селений взыскивается штраф в размере 20 фунтов золота. Здесь говорится: „пусть никто не обещает свой патронат (προστασίαν) деревенским жителям и не принимает земледельцев под свое покровительство за обещание определенной ренты или другой выгоды. Если кто-либо нарушит это предписание, он будет наказан... Сверх того жители деревень несвободного состояния будут возвращены их господам, а если они свободны, то подвергнутся телесному наказанию и вечному изгнанию 10 старшин селения, при условии, однако, что это оставление покровительства государства произведено с согласия всех“.

В законе 468 г.[3] говорится: „Если кто-либо, чтобы ускользнуть от податей, прибегает к патронату какого-угодно лица, то все, что сделано с этой целью под предлогом дара, продажи, аренды и при помощи всякого другого договора, будет недействительным. Нотариусы, осмеливающиеся составлять такие акты, будут наказаны конфискацией имущества, а владения тех, которые будут отдаваться под патронат, будут конфискованы. Что касается лиц, о которых будет установлено, что в ущерб общественному интересу они принимали налогоплательщиков в качестве клиентов, они будут оштрафованы в 100 фунтов. Если они среднего состояния, они будут наказаны потерей имущества, и таким же наказаниям будут подвергнуты соучастники, по дурным мотивам оказавшие содействие этим преступным актам“. В своей новелле XVII „De mandatis Principum“ Юстиниан пишет начальнику провинции: „патронаты, которые, как я знаю, имеют широкое распространение в наших провинциях, уничтожай всеми способами, не позволяя никому присваивать жизнь других (ἐνεργολαβεῖν τοὺς ἑτέρους βίους) или селения, никогда им не принадлежащие... и противопоставлять свое могущество государству“.[4] Юстиниан приглашает начальника провинции не страшиться никого, с каким бы сильным лицом ему ни пришлось иметь дело.

---

[1] Cod. Theod., XI, 24, 6.
[2] См. также Cod. Just., XI, 48, 21.
[3] Ibid., XI, 54, 1.
[4] Nov., XVII, 13.

В инструкции 535 г. областным начальникам Юстиниан особенно настойчиво указывает, как на одну из их функций, на беспощадное искоренение титулов. Он требует от лица, назначенного правителем области, чтобы он, сознавая за собой поддержку и благоволение императора, обратил особое внимание на лиц, осмеливающихся ставить tituli со своими именами на чужих землях или на чужих промышленных заведениях (ἐργαστερίοις ἐν πόλεσι διακειμένοις) и чтобы губернатор наказывал их конфискацией собственного имущества для устрашения других. Посылая правителя с усиленной властью в провинцию Понт, где находилось много императорских и казенных имений, Юстиниан требует от него искоренения tituli частных лиц на чужих землях, как явления, сильно развитого в этой области.

Клиентами выступают coloni, vicani,[1] agricolae, vici, rustici, agricolae vel vicani propria possidentes, possessiones, possessores, homologi coloni, metrocomiae vel aliquod in his, vici publici, κωμῆται или γεωργοί, свободные и рабы (δοῦλοι).

Таким образом в правительственном законодательстве на первый план выдвигаются в качестве клиентов мелкие самостоятельные земледельцы — minores possessores, имевшие меньше 25 югеров, каковой ценз являлся минимальным для curiales personas.[2]

Императорские конституции при перечислении категорий сельскохозяйственного населения, попадающего под патронат, делают ударение на мелких свободных землевладельцах, metrocomiae и vici publici, так как уход этих элементов под патронат причинял непосредственный крупный ущерб государственному казначейству, но несомненно в числе клиентов попадали, как это засвидетельствовано Ливанием, и колоны, и рабы.[3]

Наконец, в числе клиентов упоминаются и куриалы. Нам известно, что положение большинства splendidissima ordo было отнюдь не блестящим, и патронат над куриалами — факт, засвидетельствованный императорским законодательством — multos (куриалов) animadvertimus, ut debita praestatione patriam defraudarent sub umbra potentium latitare.[4]

И действительно, куриалы как клиенты нам гораздо более понятны, чем куриалы как патроны. Но, как уже указывалось, и среди куриалов было расслоение, находящее отражение в императорском законодательстве, в котором куриалов мы встречаем и в качестве клиентов и в качестве патронов. В своем анализе конституций о патронате Цулюэта правильно показал, что развитие патронатных отношений наносило сильнейший удар именно городским куриям.[5]

Переход целых селений в разряд agri excepti под патронат дината или церкви являлся для курии значительно бо́льшим ударом, чем бегство отдельного куриала. Когда восточно-римские vici встречали налоговых сборщиков-декурионов камнями (defensionis potentia aut multitudine freti),[6] то ставился одновременно вопрос, должны ли эти vici publici оставаться publici juris или сделаться vici privati juris — владениями дината или церкви.[7] В последнем случае речь шла об отрыве от civitas части его территории и потери значительной части денежных поступлений, что

---

1 Cod. Theod., XI, 24, 1.
2 Ibid., XI, 7, 12; XII, 1, 33.
3 Cod. Just., XI, 54, 2.
4 Cod. Theod., XII, 1, 146 от 395 г.
5 Zulueta. De Patrociniis vicorum. Oxford Studies in Social and Legal History, 19.
6 Cod. Theod., XI, 24, 3.
7 Ibid., XI, 24, 6.

отнюдь не влекло для курии сокращения ее фискальных обязательств перед центральным правительством. Разумеется, подобные явления — а они были весьма часты — могли иметь место только при наличии ослабления центрального правительственного аппарата; они свидетельствовали о господстве права сильного на местах, о серьезном политическом кризисе, переживаемом империей в целом.

Клиенты, отдаваясь под патронат, могли преследовать разные цели, но императорское законодательство ясно показывает нам, что главной целью мелких самостоятельных земледельцев было стремление избавиться от налогов, повинностей и литургий, а колоны и рабы, отдаваясь под патронат третьего лица, вступали тем самым в борьбу с своими господами. Цели патронов в императорских конституциях менее очевидны, но в основном они сводятся к стремлению получить добавочные доходы, как это видно из речи Ливания и Cod. Just., XI, 54, 2, где патрону приписывается стремление получить ὑπόσχεσιν προσόδων ἢ ἕτερος κέρδος и еще более сильному стремлению захватить чужие земельные владения, как это вытекает из Cod. Theod., XI, 24, 2; Cod. Theod., XI, 24, 6 и Cod. Just., XI, 53, 1, где объявляются недействительными всякие фиктивные акты, которыми прикрывается передача земли клиентами патрону. Наиболее распространенная форма сделки заключалась в том, что, передавая патрону свою землю, клиент продолжал сидеть на этой земле и платить патрону ренту, которая называлась πατρωκίνιον.[1]

Но положение клиента было не обеспеченным и, если он раньше был самостоятельным, то теперь он постепенно превращается в зависимого колона. О том, что земля клиента действительно переходила во владение патрона, свидетельствует уже тот факт, что само правительство по истечении известного времени иногда узаконивало владельческие права патронов, как это ясно вытекает из Cod. Theod., XI, 24, 6, узаконивало, очевидно, потому, что предпочитало иметь дело при уплате налогов с фактическим владельцем земли.

Общая же тенденция правительственного законодательства V—VI вв. состояла в том, чтобы сохранить metrocomiae и vici publici от захвата их динатами в качестве объекта правительственной эксплоатации. С этой целью законодательство усиливало корпоративные связи, объединяющие эти деревенские общины, не останавливаясь перед запрещением посторонним отчуждать земли этой общины.

Юстиниановское законодательство пыталось ограничить эксплоатацию мелких земледельцев ростовщиками и кредиторами. Во время сева и жатвы земледельцы не должны были привлекаться к exstraordinaria munera.[2]

У них нельзя было брать под залог то, что относится к сельскохозяйственному производству.[3] Равным образом кредитор не мог брать в залог землю, быков, овец, рабов. Земледельцы своему кредитору должны были уплачивать не свыше кератия за номисму, $4^1/_2$%, или натурой $12^1/_2$%.[4]

[1] Zachariae v. Lingenthal. Gesch. d. griechisch-römisch. Rechts, 219.
[2] Cod. Just. De agric., XI, 55.
[3] Cod. Just. Quae res pignori, VIII, 16, 3.
[4] В работе Биллетера (Geschichte des Zinsfusses im griechisch-römischen Alterthum bis auf Justinian. Leipzig, 1898) можно найти оценку этих мероприятий Юстиниана. Получать деньги на льготных условиях было привилегией знати: с illustres запрещено было брать более 4% деньгами и 12% натурой. Постановление Юстиниана было нововшеством, потому что со всех не illustres можно было брать до 8%. „Но, очевидно, это мероприятие, — говорит Биллетер, — не могло принести существенной пользы. Что

Необходимость этих правительственных мероприятий в VI в. особенно сильно чувствовалась во фракийском диоцезе и иллирийских провинциях. В новелле XXX „о дающих заем земледельцам“ Юстиниан пишет: „по причине жадности кредиторов, использующих трудные обстоятельства и захватывающих земельные участки несчастных селян (angustia temporum abutentes terrulas infelicium agrestium sibi acquirunt), и за малое количество хлеба — все их имущество, издаем закон, который прежде всего имеет отношение к Фракии и всем ее провинциям, а в настоящее время распространяется и на иллирийские провинции“. О содержании этого юстиниановского закона мы уже говорили. Юстиниан вооружается не только против частных кредиторов, но и против военных командиров, оказавшихся кредиторами, и грозит ослушникам лишением воинского звания и полагающимися по закону наказаниями. В новелле XXXII, обращенной к президу Гемимонта, Юстиниан в сильных выражениях бичует безбожное корыстолюбие кредиторов. „Некоторые, — говорит Юстиниан, — из провинции, которой ты управляешь, используя голодное время, дали [нуждающимся] ничтожное количество хлеба, а взамен забрали всю их землю, так что когда одни земледельцы бежали, другие погибли от голода, произошла страшная убыль людей, ничем не меньшая, чем при варварском вторжении (ἔγνωμεν γάρ ὡς τινες ἐπὶ τῆς ἐπαρχίας, ἧς ἄρχεις, ἐτόλμησαν ἐπιλαβόμενοι τοῦ καιροῦ τῆς ἀφορίας τοῦ σίτου δάνεισμα, πρᾶξαι πρός τινὰς ἐπ᾽ἐλαχίστῳ μέτρῳ τῶν καρπῶν καὶ τὴν αὐτῶν λαβεῖν γῆν ἅπασαν ἀντ᾽ αὐτοῦ ὥστε τοὺς μὲν τῶν γεωργῶν φεύγειν, τοὺς δὲ διεφθαρῆναι λιμῷ, δεινήν γεγενῆσθαι φθοράν οὐδὲν τῆς βαρβαρικῆς ἐπιδρομῆς ἐλάττονα)“.[1] Дигесты сохранили многочисленные правительственные распоряжения, ставящие своею целью борьбу с разнообразными юридическими ухищрениями и махинациями, позволявшими динатам разорять и ставить от себя в зависимость окружающее население. Юстиниановское законодательство запрещало: 1) alienatio judicii mutandi causa facta,[2] 2) уступку спорных объектов, 3) наложение tituli, 4) вводило exceptio non numeratae pecuniae, 5) признавало недействительными заведомо невыгодные для одной стороны сделки.[3] Чтобы оградить мелких землевладельцев от этой двойной опасности — лишения своей земли и эксплоатации на земле дината, Зинон издал закон, по которому locator и conductor могли без платежа пени расторгнуть заключенный между ними арендный договор, даже если не было оговорки о свободе расторжения.[4] Но этот закон едва ли представлял humilior достаточно времени, чтобы разобраться в махинациях своего патрона, который мог в течение года сдерживать свои аппетиты и раскрыть их потом.

Современные источники единогласно свидетельствуют, что экономическая и политическая действительность были таковы, что слабым все труднее становилось в Восточной Римской империи жить в обществе сильных, если они не отдавали себя и свое имущество под покровительство кому-либо из них. Неурожаи, тяжелые налоги, поборы коррумпированных

касается ссуд зерном, то в эпоху, предшествующую Юстиниану, обычной нормой было 50%; так как остальные условия кредита не изменились, мы имеем право предполагать, что эта норма встречалась так же часто, как прежде. А денежных ссуд в 4%, выдаваемых только под самое верное обеспечение, эти бедные крестьяне, конечно, никогда не получали, особенно в неурожайные годы. Следовательно, им или совсем не оказывали кредита, или, что вернее, обходили закон“ (стр. 342).

[1] Nov., XXXII.

[2] Digesta, IV, 7.

[3] Testaux. Des rapports des puissants et des petits propriétaires ruraux, 119—125.

[4] Digesta, XXXIV, 4, 65.

чиновников, прямое насилие динатов — продолжали загонять мелких земледельцев под власть динатов и их патронат — προστασία. Постоянное повторение одних и тех же законодательных предписаний и запрещений является верным признаком их неудачи.

Чтобы понять причины неудачи этих правительственных попыток, мы должны остановиться на роли крупного землевладения и взаимоотношениях императорской власти и сенаторской аристократии в эти века.

II. ИМПЕРАТОРСКИЕ ДОМЕНЫ

Главным землевладельцем в Восточной империи был император, в руках которого были сосредоточены и его собственные и государственные земли разных наименований и категорий (fundi fiscales, patrimonium, praedia tamiaca и т. д.).

Многие императорские земли, находившиеся в восточных провинциях, представляли наследие эллинистических царей. Как мы знаем, в Египте, Месопотамии, Малой Азии значительная часть земли до римского владычества считалась „царской" (χώρα βασιλική). Наследники азиатских и египетских царей, римские императоры сделались наследниками громадных доменов, которые непрерывно пополнялись путем завещаний, конфискаций, присоединений земель выморочных, земель преступников (bona vacantia, caduca).[1] Весь Египет и в римское время до IV в. продолжал оставаться громадным императорским доменом. Нам известно, что в IV—VI вв. императорские земли находились в обеих префектурах Восточной империи.[2] Мы находим их в Египте,[3] в диоцезах Азии, Понта, провинциях Финикии, Месопотамии, Озроэне,[4] Сирии, Каппадокии, Сицилии, Италии, Африке, Далмации и др.

Какую площадь они занимали по отношению к другим землям мы, разумеется, сказать не можем, но некоторые данные об их громадных размерах мы все-таки имеем. В Каппадокии, как можно вывести из слов Юстиниана в новелле XXX, они составляли не менее половины всей площади провинции. Здесь Юстиниан говорит: „Территория провинции разделена на две части: одна принадлежит казенному ведомству, другую называют свободной. Городская община одна и в то же время разделена надвое (καὶ μεμερισμένα γε τὰ τῆς πόλεώς ἐστι καὶ τὸ μὲν ταμιακὸν ἐστιν αὐτῆς, ἐλευθερικὸν δὲ καλοῦσιν θάτερον, καὶ μία μὲν ἐστιν ἡ πόλις τῷ περιβόλῳ, διπλῆ δὲ ταῖς γνώμαις)".[5] Здесь противопоставляются друг другу две части провинции: императорское землевладение и частное, которое называется ἐλευθερικόν. Здесь сохраняется старое, идущее еще от эллинистического времени деление страны. Все, что не является городской территорией, является χωρίον ταμιακόν, ταμιακὴ κτῆσις. Население этой χώρα противопоставляется населению городской территории, являясь непосредственными потомками λαοὶ βασιλικοί, превращенных в императорских колонов. Платежи населения городской территории назывались δημόσιοι φόροι, платежи колонов императорских доменов — ταμιακὴ πόρος; они шли непосредственно на содержание императорского двора. В V в. епископ города Кирр Феодорит сообщает, что на территории Кирр площадью 1600 кв. миль находится 50 тысяч „свободных" тягл (ἐλευθερικῶν ζυγῶν) и 10 тысяч ка-

[1] O. Hirschfeld. Der Grundbesitz der Römischen Kaiser in den ersten drei Jahrhunderten. Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Leipzig, 1902.

[2] Nov., CXLVII (553); CXLVIII. — Cod. Theod., 5, 13; 10. — Nov. Tiber., 578/82 г.

[3] Ediet. Just., XIII.

[4] Cod. Just., XI, 62.

[5] Nov., XXX, 1.

зенных тягл (ταμιακῶν ζυγῶν).[1] Из этого можно заключить, что императорские земли составляли приблизительно одну пятую территории Кирр. В 1905 г. в Эфесе была открыта надпись, относящаяся к 370—371 гг., и представляющая указ императора Валента правителю провинции Азии.

Из этой надписи видно, что домены этой провинции, принадлежащие res privata, составляли 6736 югеров плодородной и обрабатываемой и 703 югера неплодородной и заброшенной земли. Ratio privata получала с этих земель денежную ренту и натуральные поставки в виде вина. По вычислениям Шультена эти императорские земли образовали площадь в 400 кв. км, тогда как площадь всей провинции равнялась приблизительно 6000 кв. км.[2] Сицилию после ее отвоевания императоры официально называли своим патримонием. Назначая Трибониана высшим судьей по апелляциям этого острова, Юстиниан говорит: „по старой традиции дела этого острова подлежат юрисдикции комита патримония (nam publicas ejusdem insulae functiones sub jurisdictione viri excellentissimi comitis sacri patrimonii per Italiam esse antiqua consuetudo tradidit)“.[3]

Дальше император говорит, что Сицилия всегда принадлежала императорам как некое частное имущество (quia semper Sicilia quasi peculiare aliquod commodum imperatoribus accessit) или в другом месте — Siciliam, nostrum quodammodo peculium constitutum.

Далмация после ее оккупации Восточной Римской империей также являлась, вследствие большого количества запустевших земель, которые, естественно, попадали в руки правительства, одним громадным patrimonium императора.

При Константине res privata выросла за счет обширных конфискованных земель языческих храмов и городских территорий,[4] получала в дальнейшем постепенные приращения за счет bona proscriptorum et damnatorum, напр., громадных владений Руфина и Евтропия, причем вместе с землями конфисковалось и все имущество осужденных, в том числе рабы, скот и сельскохозяйственный инвентарь.[5]

Особенно крупные приращения давали городские храмовые земли, захваченные императорами и их чиновниками, поскольку они не были розданы различным petitores.[6] Юлиан вернул городам отнятые у них земли. По его смерти на Востоке произошли новые захваты городских земель.

Важным документом для истории этих захватов является уже цитированный нами эдикт императора Валента, упорядочивающий хозяйство домена Λεῖχαι, образованного на месте ликвидированного города. Из этого документа мы узнаем, что стены городов провинции Азии в 370/371 г. находились в состоянии разрушения после недавних землетрясений. И так как средства городов заключались, главным образом, в земельной собственности, большая часть которых после торжества христианства была конфискована императорами, то города были бессильны восстановить разрушенное.[7] Император предписывает возвратить городам

[1] Migne. Patrologia Graeca, 83, 42.
[2] Schulten. Zwei Erlasse des Kaisers Valens über die Provinz Asia. Jahreshefte des Oesterreichischen Archaeologischen Instituts, IX, 47.
[3] Nov., LXXV.
[4] His. Die Domänen der Römischen Kaiserzeit, 35.
[5] Cod. Theod., X, 84.
[6] Ibid., 10, 3.
[7] Liebenam. Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Leipzig, 1910.

столько их бывшей земли, чтобы они из доходов земли могли восстановить стены. Далее мы знаем, что Феодосий II возвратил городам некоторую часть тех земель, которые были у них отняты в течение 80 последних лет, хотя это возвращение сопровождалось различными стеснительными для городов условиями. В 496 г. при Анастасии доходы с πολιτικὰ χρήματα, т. е. тех городских земель, которые не были разданены любимцам императоров и не попали в руки христианского духовенства, делились на две части. Одна шла на нужды городов, другая в императорскую казну.

О том громадном количестве земель, которое сосредоточивалось в руках императоров, об их большом удельном весе в экономике империи и в доходах государственного казначейства лучше всего говорит то обстоятельство, что должностные лица, возглавлявшие управление ими, являлись высшими сановниками империи.

Об этом же говорит и многочисленный бюрократический аппарат, ими управлявший.

Comes rerum privatarum возглавлял управление доменами, следил за повышением их доходов путем организации самостоятельного хозяйства и сдачи в аренду, за их отчуждением, расширением их площади путем присоединения bona sterilia, vacantia, caduca, bona proscriptorum, за аккуратным и своевременным сбором ренты-налога (канона), был высшим судьей по делам своего ведомства, имел большой officium, распадающийся на scrinia, насчитывающий до 300 чиновников. С начала V в. ответственность за своевременное взимание канона с императорских доменов была передана начальникам отдельных провинций. Представителями res privata в диоцезе являлись rationales rei privatae, контролировавшие работу провинциальной администрации, причем эти контролеры, как показывают новеллы Юстиниана, получали все более важное значение. Rationalis имел и судебную власть в провинциях над чиновниками своего ведомства.

В главном городе каждой провинции существовала особая канцелярия ведомства res privata, возглавляемая numerarius, позднее τρακτευτής.[1]

В подчинении rationalis находились прокураторы отдельных имений ἐπίτροπος или προεστὼς τῆς θείας οἰκίας.[2] Прокураторы, теперь, как правило, являющиеся свободными, были представителями правительственной власти.

Прокуратор контролировал хозяйство actor'a там, где велось самостоятельное хозяйство, контролировал кондуктора там, где имение сдавалось в аренду, являлся представителем имения в суде, принимал участие во взимании ренты с колонов. Таким образом comes rei privatae, rationalis, procurator образовывали иерархическую лестницу по управлению доменами. К ним следует также причислить advocati fisci, отстаивавшие интересы доменов в суде.

До Анастасия в ведомстве comes rei privatae, который в Византии V—VI вв. назывался κόμης τῶν θείων πριβάτων, были также и fundi patrimoniales, а до Юстиниана и большая часть domus divinae.

Имения частного императорского имущества носили название fundi patrimoniales, emphyteutici (так как эмфитевзис, повидимому, вначале

---

[1] Nov., CLVII, c. 2. — Edict. Just., IV.
[2] Ibid., XXX.

находил преимущественное применение на этого рода землях), fundi saltuenses, так как многочисленные saltus еще существовали в восточных провинциях в V—VI вв.

Император Анастасий, быть может в связи с расширением патримония после разгрома вождей исаврийских кланов, резко отделил управление fundi patrimoniales от res privata и установил для их управления особую должность κόμης τοῦ πατριμονίου τῆς ἰδικῆς κτήσεως, который был причислен к рангу illustris и был уравнен в правах с comes rei privatae. От res privata во второй половине VI в. отделяется особый вид земель, domus divina. Впервые имения этого рода встречаются в Каппадокии. Они находятся под управлением comes domorum, который подчинен praepositus sacri cubiculi. В других частях империи domus divina появляется позднее. Юстиниан организует вполне самостоятельное управление им. Он поставил во главе управления dominicae domus двух кураторов.[1]

С этого времени domus divina является самостоятельным ведомством, равноправным с res privata и sacrum patrimonium.[2]

Из документов VI в. мы узнаем, что земли domus divinae имелись в различных областях империи: в префектуре Иллирика, в диоцезе Понта, в провинции Армении Третьей и Геленопонте, в Финикии и Аравии.[3]

Опасности запустения подвергались и громадные императорские домены.

Для борьбы с этим злом правительство настойчиво пыталось превратить в земледельцев ветеранов после их отставки. Им предоставлялись льготные условия для хозяйствования: свободные земли, временное освобождение от налогов, необходимые средства на покупку скота и земледельческих орудий, семенной материал.

Правительство давало ветеранам не только землю, но первоначальное хозяйственное обзаведение с тем, чтобы они были в состоянии заниматься хлебопашеством. Сообразно званиям и заслугам ветеранов одним выдавалось по две пары волов и по 100 модиев овса или другого зерна. Это можно считать нормальным снаряжением крестьянского хозяйства описываемого времени. По свидетельству римских писателей-экономистов[4] нужно было $4\frac{1}{4}$ или 5 модиев зерна на засев одного югера земли, так что своими 50 модиями ветеран мог засеять 10 югеров.

Предполагается, что он мог и обработать это количество земли парой волов. Другими 50 модиями он мог засеять другое поле и, предполагая трехпольное хозяйство, мы должны представить его участок в 30 югеров по 10 в каждом из трех полей.

Надел ветерана, получившего два ярма и по 100 модиев двух сортов зерна, должен быть вдвое больше, т. е. около 60 югеров. Югер определялся, как мера quod juncti boves uno die exarare possint. По вычислению Ф. И. Успенского, югер соответствовал четверти нашей десятины. На обсеменение одного югера требовалось 5 модиев. Таким образом ветеранский надел колебался от $7\frac{1}{2}$ до 15 десятин.[5] Каждый мог сде-

---

1 Cod. Just., VII, 37, 3.

2 τὸ θεῖον πατριμόνιον, τὰ θεῖα πρίβατα, ὁ θεῖος οἶκος. — Nov., CII, 1 (536).

3 Nov., CXLVIII (565). — Edict. Just., XIII, c. 2. — Nov., XXX, 38, 102.

4 Varro. De re rustica, I, 44. — Columella, II, 9.

5 Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. Журнал Мин. нар. просв. 1885 г., июль.

латься владельцем запустевшей земли после двух лет ее запустения, причем бывший собственник после этого лишался своих прав. Агент фиска peraequator объявлял владельцем земли того, который пообещает возделать землю.

Поскольку опасность запустения была реальна и для императорских земель, администрация доменов для привлечения добровольных арендаторов этих имений должна была разработать особые формы льготной и длительной аренды.

Императорские земли использовались трояким способом: или на них велось собственное хозяйство, или они сдавались в аренду на самых различных условиях, или, наконец, продавались, к чему часто побуждала правительство нужда в деньгах. Собственное хозяйство, повидимому, не являлось массовым явлением. Этому препятствовали трудности подбора соответствующих кадров, огромные расстояния затрудняли надзор. В уже цитированном нами рескрипте императора Валента хозяевами императорских имений в провинции Азии являются actores (Z. 7, 22 греч. πραγματευταί).[1] Несмотря на ясный приказ императора передать городам соответствующие имения со всеми доходами, они передали городам, как это видно из надписи, только часть доходов и то после долгих пререканий (ab actoribus privatae rei et diu miserabiliterque poscantur et vix aegreque tribuantur). Остальные же доходы от хозяйства они, как заявляет император, направили не в императорские кассы, а в собственные карманы (Z. 7 — isdem civitatibus pereat eorundem fraudibus devoratu). Их хозяйственная деятельность отличалась хищениями и нерадивостью. Они, заявляет Валент, забросили обработку худших по качеству земель, для которых трудно было найти арендаторов. Поэтому император ожидает от передачи городам имений повышения их доходов.

Валент не был одинок в своей характеристике администрации, управляющей доменами, и плохого хозяйствования на этих доменах. Такие оценки и характеристики очень часто встречаются в Кодексе Феодосия и Кодексе Юстиниана. Cod. Theod., II, 17, 1 и X, 2, 1 (367) выносит прокураторам суровый приговор.

Rationales и procuratores часто осуждаются за вымогательство. Cod. Just., III, 2, 6 обещает провинциалам защиту против притеснений actores rei privatae.

По вопросу, как домены Ἀσίας во времена Валента были использованы, из цитируемой надписи узнаем следующее: часть сдавалась в аренду наследственным держателям, qui habita licitatione possident, т. е. эти земли сдавались с аукциона предлагающим наибольшую ежегодную ренту (annona praestatio) или в jus perpetuum или в jus privatum salvo canone. Последнее, как мы увидим дальше, означало скорее продажу, чем аренду.

От используемых, таким образом, земель в доменах Ἀσίας отличалась вторая категория земель — земли opimi ac fertiles, земли лучшие и плодородные, которые продолжали сдаваться с аукциона в краткосрочную аренду.

Их отделение от первой категории земель показывает, что земли, сдаваемые juro perpetuo или privato, не были opimi и fertiles. Как это

---

[1] Schulten. Zwei Erlasse des Kaisers Valens über die Provinz Asia. Jahreshefte des Oesterreichisches Archaelogischen Instituts IX, 47.

нужно понимать, вытекает из закона Cod. Just., XI, 59, 7, по которому jus perpetuum ac privatum дается тем quicumque defectum fundum patrimonialem exercuerit fertilem idoneumque praestiterit. Отсюда вытекает что в jus perpetuum или privatum сдавались прежде всего земли неполноценные, земли запустевшие. Это правило имело место для всех категорий императорских земель как для патримония, так и для res privata.[1]

Способ использования второй категории земель цитируемая нами надпись Валента определяет следующим образом: домены, qui opimi atque utiles fisc(o) grati singulis quibus que potentissimis fuerint elocati, земли плодородные, приносящие значительный доход фиску, были сданы в аренду отдельным наиболее мощным лицам. Таким образом, лучшая земля снимается наиболее влиятельными людьми на условиях краткосрочной аренды. Если землю в провинции Азии снимают potentissimi, то они, очевидно, являются не мелкими, а крупными арендаторами, так как только благодаря своей экономической мощи они могли выполнить обязательства по крупной аренде.

В Египте, повидимому, дело обстояло несколько иначе. В P. Oxyr., 195, выясняется, почему один участок земли, принадлежавший императорскому имению, с незапамятных времен обрабатываемый земледельцами из деревни Пемпа, перешел в другие руки. Администрация имения требовала в качестве арендной платы один солид за аруру пахотной земли и три солида за аруру виноградника. Между тем жители Пемпа соглашались платить по одному солиду за аруру всей земли. Кабальные условия, предъявляемые жителям деревни Пемпа, отнюдь не являлись исключением. Но, как правило, арендаторами императорских доменов выступают potentissimi. Эти сообщения подтверждаются официальным правительственным законодательством. Так, Cod. Just., XI, 59, 10 говорит о тех, кто благодаря своей мощи захватил земли лучшие и наиболее плодородные.

Правительственное законодательство IV—VI вв. помогает нам в некоторой степени расшифровать и классовый состав этих potentissimi, являющихся арендаторами лучших императорских имений. В законодательных памятниках potentiores или potentissimi — крупные сановники, высшие администраторы,[2] сенаторы.[3]

В последнем случае речь, несомненно, идет о сенаторах, а не о декурионах, так как последним законом Валентиана от 372 г. самым категорическим образом была запрещена аренда императорской и городской земель.[4] Обе категории земель — сданных в краткосрочную аренду и переданных наследственным держателям — различаются не только в нашей надписи, но и в правительственном законодательстве. В Cod. Just., XI, 59, 7 говорится о землях, нуждающихся в мелиорации и потому используемых jure perpetuo ac privato, и об арендаторах opimi ac fertiles fundi. В Cod. Just., XI, 66, 3 (376) упоминаются земли rei privatae, сдаваемые vel jure perpetuo vel titulo conductionis. То же мы видим в Cod. Theod., XI, 16, 20 — seu conductionis titulo, seu perpetuo jure.

---

[1] Cod. Just., XI, 71, 2: „Fundi rei publicae ab his, qui nec titulo conductionis eos detinent, quique meliores cuetu patrocinante reddiderunt".

[2] Cod. Theod., XI, 24, 6.

[3] Ibid., XI, 7/2.

[4] W. Liebenam. Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche. Leipzig, 1910, 3—7.

Подобных примеров можно привести очень много.[1] Сдача земли на условиях jus perpetuum чаще встречается в законодательных источниках для земель res privata.[2] Jus privatum чаще встречалась на землях патримония, чем на землях res privata.[3]

Но формулировка надписи qui habita licitatione possident относится к обоим разрядам императорской земли, т. е. сдача в jus perpetuum и фактическая продажа в jus privatum также производятся с аукциона. Сохранились законы времени Аркадия и Гонория, которые требуют сдачи fundi rei publicae в наследственную аренду, если канон путем аукциона поднят настолько, что дальнейшее его повышение уже не представлялось возможным.

Кроме вышеперечисленных категорий земель, наша надпись говорит еще о третьей категории земель — запустевшей, плохой и непригодной для сдачи в аренду, которая, являясь бременем для фиска, находится в непосредственном хозяйственном управлении actor'a (qui contra infecundiam steriles in dammum rei nostrae penes actores fuerint derelicti). Непосредственное хозяйство в доменах Λεῦκαι, повидимому, незначительно, и в другой надписи его доход обозначается как некий добавок или излишек, который может получиться в доходах имения сверх ренты держателей (Z. 6 — id quod amplius ex iisdem fundis super statutum canonem colligatur, и в Z. 18 — si quis extrinsecus lucri est).

Кроме этой надписи, ценный материал по императорскому землевладению VI в. нам дает большая XXX новелла Юстиниана (536), посвященная делам Каппадокии, где, как мы знаем, были сосредоточены большие имения domus divinae и владения императрицы. Из новеллы Юстиниана мы узнаем, что каппадокийские домены распадались на 13 округов — групп имений (οἰκίαι), из которых каждое имело своего управляющего (ἐπίτροπος). Этим управляющим прямо подчинялись колоны. Крупной аренды в каппадокийских доменах не было.

Управляющий каппадокийскими доменами — comes domorum — принадлежал по рангу к spectabiles и находился в подчинении praepositus sacri cubiculi. Каппадокия с 386 г. была разделена на две провинции: Каппадокия I и Каппадокия II, но его управлению подчинялись домены обеих провинций. Он обладал своим обширным officium, сотрудники которого назывались comitiani (κομιτιανὴ τάξις).

В VI в. высшим персоналом каппадокийского officium являлись 13 πρωτεύοντες, — очевидно, по одному на каждый из 13 округов, на которые распадались каппадокийские домены, называемые magistri primi et secundi.

Кроме того, мы видим в числе подчиненных comes domorum чиновников административного персонала доменов tractatores — τρακτευταί, summarii и καταστευασταί. Τρακτευταὶ и καταστευασταί были ответственны за своевременный и полный сбор ренты с держателей доменов. Summarii являлись счетными работниками.

Каппадокийские колоны отнюдь не благоденствовали под опекой администрации доменов. Сам император вынужден был признать, что эта администрация, особенно в лице τρακτευταί, подвергала подвластное ей население жестоким вымогательствам. В свою очередь τρακτευταί обирались

[1] Cod. Just., X, 48, 15; XI, 71, 5: Sane si quis non perpetuo jure, sed ad tempus locatum ab illo comite rei privatae possessionem videtur adeptus. — Cod. Theod., V, 65, 20: qui ex his fundis patrimonialibus vel ad privatorum jura transierunt... vel fisco locationibus tenerentur.

[2] Ibid., XI, 66, 3; II, 71, 1.

[3] Ibid., XI, 62, 2.

чиновниками оффиция комита. Эти вымогательства были настолько сильны, что доведенное до отчаяния население открыто восставало, не ограничиваясь уже бесплодными жалобами императору. Положение в Каппадокии приняло столь угрожающий характер, что Юстиниан должен был произвести коренную реорганизацию как гражданского управления этой областью, так и управления доменами. Юстиниан, усиливая и объединяя управленческий аппарат в Каппадокии, пишет: „непристойно вручать эту область для управления малому магистрату, в особенности потому, что она всегда поднимает восстания против управляющего доменами (ταύτην δέ τήν χώραν ἀρχῇ παραδιδόσθαι μικρᾷ σφόδρα ἡμῖν ἐφάνη τοῦ προσήκοντος ἀνάξιον, ἄλλως τε καὶ στασιάζουσαν αὐτὴν ἀεὶ πρὸς τὴν ἐφεστῶσαν τοῖς ἡμετέροις οἴκοις θεωροῦμεν ἀρχήν)“.[1]

Дальше он признает, что там происходят раздоры, возмущения и всякое зло, которое только может удручать людей (ὥστε καὶ στάσεων ἀφορμαὶ καὶ διχονοίας καὶ εἴ τι κακὸν ἀνθρώποις ἐνοχλεῖ).[2]

Кроме всевозможных злоупотреблений императорской администрации, вспыхнул резкий конфликт между гражданской администрацией провинции и ведомством доменов. Юстиниан жалуется, что через бессовестность прокураторов и захваты магнатов большая часть императорских доменов в Каппадокии и особенно ценных конских заводов оказалась расхищенной. Все эти обстоятельства и побудили Юстиниана к изданию своей новеллы, которая должна была, по его мысли, радикально оздоровить обстановку Каппадокии. Должности comes domorum так же, как обоих правителей провинций, были упразднены. Военная и гражданская власть во всей Каппадокии была объединена в руках проконсула, который одновременно возглавил управление доменами и, по выражению Юстиниана, был таким образом облечен тройной властью. Его же управлению были подчинены и praedia tamiaca в прочих провинциях Понтийского диоцеза, причем в управлении domus divina он должен был попрежнему подчиняться praepositus sacri cubiculi. Низший административный аппарат был также реорганизован. Оба оффиция комита домена и правителя провинции, хотя и сохраняли раздельное существование, теперь подчинялись проконсулу. Τρακτευταί и procuratores были упразднены.[3] Тринадцать πρωτεύοντες были названы экзакторами и сделаны ответственными за своевременный сбор ренты по своим округам.

В отношении размеров оброков предлагалось руководствоваться forma Nicetae (τύπος), очевидно доменіальным статутом, изданным одним из бывших префектов претория или praepositus sacri cubiculi. „Сами же экзакторы ничего больше не взимают с колонов или плательщиков (ἢ τῶν ὅλως ὑπομενόντων δι᾽αὐτῶν τὴν εἴσπραξιν), кроме того, что им определено «типом» Никиты и предназначено сборщикам“. По словам новеллы, самым большим облегчением колонов явится их освобождение от грабительских и пагубных поборов τρακτευταί, которые не давали возможности колонам, их разоряя, выплачивать казенные повинности (μάλιστα γὰρ αὐτοὺς ἐλευθεροῦμεν τοῦ πονηροῦ τε καὶ ὀλεθρίου δασμοῦ ὃν τοῖς κατὰ καιρὸν παρέχοντες τρακτευταῖς ἠλαττοῦντο περί τε τὸ δημόσιον, περί τε τὰς οἰκείας ἀπογραφάς).[4]

---

[1] Nov., XXX, c. 1.

[2] Ibid.

[3] Ibid., XXX, c. 2: „Мы желаем, чтобы не было даже и имени прокураторов и трактевтов, принимая во внимание старые и громадные несправедливости, причиненные ими несчастным плательщикам (τὸ μὲν τῶν ἐπιτρόπων καὶ τῶν τρακτευτῶν ὄνομα οὐδὲ εἶναι παντελῶς βουλόμεθα πρὸς τὰ ἔμπροσθεν βλέποντες παραδείγματα καὶ τὴν πολλὴν αὐτῶν ἐπήρειαν ἣν τοῖς ἀθλίοις ἐπῆγον συντελέσιν)“.

[4] Ibid., XXX, c. 3.

Дошедшие до нас документы не позволяют установить, в каких размерах практиковалось самостоятельное хозяйство в доменах. Мы не говорим здесь о рудниках, ружейных мастерских, ткацких гинекеях и императорских мануфактурах. Источники говорят нам об императорском коннозаводстве в Греции, Малой Азии, Фракии, но никаких дополнительных сведений об организации этих отраслей хозяйства мы не имеем.

Арендаторами императорских имений, как мы установили, являлись в большинстве случаев богачи, чиновные и титулованные лица, командный состав войска, сенаторы (viri senatoriae fortunae).[1] Законодательные памятники сообщают также, что они причиняли императорскому доманиальному управлению много забот и неприятностей. Они неисправно выполняли свои обязательства, несвоевременно платили канон, позволяли себе всякие насилия и вымогательства в отношении окружающего населения. Рядом с крупным арендатором в имении стоял прокуратор, императорский чиновник, следивший, чтобы интересы фиска не были нарушены, но иногда занимавшийся и непосредственным хозяйствованием. По существующей в V в. практике казенные земли сдавались в аренду таким образом, что арендатор для обеспечения интересов фиска представлял поручительство, или залог.[2] За надежность поручительства отвечал сдающий в аренду чиновник со своим officium. Иногда на опустевшие земли нельзя было найти добровольных арендаторов. Тогда правительство не стеснялось прибегать к ἐπιβολή. Но эта мера могла достигнуть цели только там, где adiectio была навязана достаточно экономически сильным элементам, имеющим необходимые средства, чтобы произвести мелиорацию, восстановить заброшенные участки и выдержать бремя повинностей. Такими элементами могли быть только крупные землевладельцы, а не нищие колоны. При этом в IV—V вв. принудительная аренда государственной земли захватывала уже не только земли запустевшие, но распространялась все в большей степени и на культивируемые земли. Одновременно, постоянно нуждаясь в средствах, желая извлечь немедленно из доменов как можно более крупные средства, императорская власть должна была прибегать к таким формам аренды, которые по существу были равносильны отчуждению и оставляли за императором только вид собственности.[3] Этим объясняется развитие на императорской земле самых разнообразных форм крупной аренды. Такими формами являлись: 1) jus perpetuum — держание, не ограниченное временем с неизменяемой рентой, 2) jus privatum salvo canone — не являющаяся собственно арендой почти полная собственность держателя, обусловленная только уплатой ежегодной ренты, 3) jus privatum dempto canone — полное право собственности без обязанности уплаты ежегодной ренты, 4) jus emphyteuticum — наследственная аренда, соединенная с обязанностью мелиорации со стороны держателя. Jus perpetuum и обе формы jus privatum приобретались арендатором только при единовременной уплате более или менее крупной вступительной суммы.[4]

Распоряжением Анастасия запрещалась насильственная прикидка (ἐπιβολή) заброшенных частных земель к fundi patrimoniales. С этой стороны держатели fundi patrimoniales и вообще доменов были обеспечены. Но они отнюдь не ограждались от принудительной накидки доманиальной

---

[1] Cod. Theod., V, 15, 15 (395).
[2] Ibid., V, 15. 20.
[3] E. Stein. Geschichte des Spätrömischen Reiches, I. Wien, 1928, 390.
[4] L. Mitteis. Abhandlungen d. Sächs. Gesellsch. der Wissenschaft. Phil.-Hist. Klasse XX, 4, 1901, 33—50.

земли. Кто брал praedia opima, тот должен был брать и участки неплодородной земли.[1] Вопросами adiectio занимались особые чиновники peraequatores, которые имели право облегчать бремя чрезмерного обложения путем перераспределения ἐπιβολή.

Рента за землю уплачивалась деньгами и натурой: зерном, полотном, шерстяными тканями, составлявшими продукт труда домашней промышленности колонов. В главе 6 новеллы XXX Юстиниана говорится, что доходы каппадокийского domus divina состоят ἐν χρυσῷ καὶ ἐσθῆτι, в деньгах и одежде, причем под „одеждой" следует понимать полотняные и шерстяные ткани, изготовляемые держателями императора. Если мы поставим вопрос, являлась ли крупная аренда и крупным хозяйством, имело ли место и теперь деление арендуемого имения на две части — господскую землю и участки колонов, то некоторые источники подтверждают сохранение такого деления. Мы узнаем, напр., из законодательных памятников, что колоны засаживают, очевидно в порядке барщины, господскую землю оливковыми деревьями и виноградными лозами, что вода на эмфитевтической земле в первую очередь предназначалась для орошения господской земли, что колоны для своих участков могли получать только абсолютно необходимое количество воды, а добавочную должны были оплачивать особо.[2] Кондуктор являлся арендатором всего имения, как господской земли, так и участков колонов. Предметом аренды являлось имение со всем инвентарем, заключающимся в рабах, скоте, сельскохозяйственных орудиях, постройках и т. д., причем к этому инвентарю причислялись и повинности колонов.[3] На господском дворе villa rustica сидит, как и раньше, господский приказчик actor — большей частью принадлежащий к свободному сословию. Он обрабатывал господскую землю трудом рабов и колонов. Но большая часть колонов обрабатывает свои парцеллы, за которые выплачивает определенную ренту. Императорские колоны были фактически и юридически привязаны к земле, жили в отдельных деревнях и доставляли арендатору ренту, выполняя также и барщину.[4] Размер рент и барщин определялся обычаями — consuetudines имения. Императорские конституции запрещали требовать уплату ренты деньгами там, где это не предусмотрено уставом имения, но, как показывает XXX новелла Юстиниана, это запрещение мало ограждало колонов и в значительной степени оставалось благими пожеланиями. Наравне с колонами и известная часть рабов, так называемые servi casati, была посажена на отдельных парцеллах и отличалась от колонов только величиной ренты и числом барщинных дней. На ряду с колонами в состав населения домена входили так называемые инквилины — торговцы, ремесленники, садовники, пастухи. Мы мало осведомлены относительно положения этого разряда населения, их взаимоотношений с администрацией имения. Несомненно только, что и они принадлежали к категории зависимого населения и выполняли определенные повинности для кондуктора или прокуратора.

В источниках IV—VI вв. jus perpetuum выступает как своеобразный институт, отличный, с одной стороны, от обычной locatio conductio, а с другой стороны — от jus privatum salvo canone; с эмфитевзисом он сливается во второй половине V в. Перпетуарий получал право

[1] Cod. Theod., V, 14 (386).
[2] Cod. Just., LXIII, 1.
[3] Cod. Theod., X, 8; XI, 25.
[4] Ibid., V, 14.

не только передавать землю по наследству, но и продавать, и дарить, и в свою очередь отдавать в аренду.[1] Владение у перпетуария могло быть отнято только персональным распоряжением императора. Но если перпетуарий передавал землю человеку несостоятельному, не обеспечивавшему доходов государству, то он обязан был платить за своего заместителя из собственных средств, а если он сам оказывался несостоятельным, если уплата канона задерживалась им свыше двух лет, то имение по закону должно было быть передано другому состоятельному перпетуарию. Jus privatum salvo canone отличался как от свободной собственности jus privatum dempto canone, так, с другой стороны, и от наследственной аренды. В отличие от perpetuarius, получившему jus privatum salvo canone представлялось право собственности в полученном им имении (dominium), право освобождения рабов, находящихся в имении. Кроме регулярной уплаты канона, possessor для получения этого права уплачивал единовременно покупную плату. Таким образом jus privatum salvo canone следует рассматривать как покупку, при которой часть покупной цены уплачивается единовременно, а часть в виде вечной ренты, причем, само собой разумеется, канон, уплачиваемый по jus privatum salvo canone, был ниже, чем у jus perpetuum.

Но наиболее употребительной формой льготной и постоянной аренды, постепенно вытесняющей все прочие, с IV в. выступает эмфитевзис. Эмфитевзис, являвшийся обычной формой аренды в греческих городах, по разъяснению Mitteis, первоначально представлял хотя долгосрочную, но все же ограниченную временем аренду.[2] Сущность эмфитевзиса хорошо показывает надпись Тисбы в Беотии, относящаяся ко II—III вв. н. э. Проконсул Ахайи предлагает желающим получить в аренду пустующую землю Тисбы освобождение от всяких податей и от арендной платы на пять лет, но вменяет им в обязанность засадить лозами и деревьями (φυτεύειν) арендуемый участок. Арендатор получает наследственное право пользования этим участком, право владеть им при жизни и завещать по смерти, но только гражданам города Тисбы. Обязанный своим возникновением практике греческих городов, эмфитевзис по мере роста пустующих земель начинает применяться и на землях императорских, церковных и частновладельческих. Для того чтобы привлечь арендатора, способного восстановить обработку пустующей земли, нужно было предложить ему условия еще более благоприятные, чем jus perpetuum.

При помощи эмфитевзиса императорская власть могла рассчитывать на обработку пустующей земли и на получение хотя небольшого, но верного дохода. Сам же эмфитевт получал наследственное держание и освобождение от налогов на известное время. В IV в. эмфитевзис получает широкое распространение и на культивируемой земле.

В конституции Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 386 г. берущий в аренду пустующую землю пользуется трехлетним иммунитетом.[3] Берущий emphyteuticario nomine земли среднего качества обязывается также взять участок пустующей земли и по истечении двухлетнего промежутка платить аренду и за этот участок. Таким образом, уже во времена Феодосия I эмфитевзис распространялся не только на agri deserti, но находил применение и на обрабатываемых землях. Обязанность мелиорации представлялась для эмфитевта само собой разумеющейся. Долгое время

[1] Cod. Theod., V, 13, 4.

[2] L. Mitteis. Zur Geschichte des Erbrechts im Alterthum. Abh. der Philolog. Cl. d. Köngl. Sächs. Gesellsch. der Wissensch. Leipzig, 1903, 13.

[3] Cod. Theod., V, 14, 30.

jus emphyteuticum подводился под формулу locatio-conductio,[1] но в документах IV—V вв. уже встречается выражение emphyteuticarius-possessor, резко отличающее эмфитевта от арендатора. Право пользования эмфитевзисом устанавливается путем специального договора. Эмфитевт имел право пользования землей в том же объеме, как perpetuarius. Его владение не могло быть у него отнято, кроме определенных законами случаев, в частности неуплаты канона в течение определенного времени. Констанций, когда эмфитевты не согласились на произвольное повышение канона, увидел в этом нарушение договора и отнял у эмфитевтов их земли, но Валент поспешил восстановить старый порядок и обеспечил эмфитевтам спокойное пользование их владениями. По строгому смыслу восточноримских законов эмфитевт не являлся собственником fundi, хотя его права иногда обозначались как dominium. Поэтому он, например, не имел права освобождать рабов, принадлежащих fundus. Различие между jus perpetuum и jus emphyteuticum выступает еще в 449 г., но дальше это различие уничтожается. Эмфитевзис вытесняет jus perpetuum и остается единственной общеупотребительной формой наследственной аренды. При Юстиниане jus perpetuum впало в такое забвение, что составители кодекса Юстиниана были вынуждены разъяснять этот термин указанием, что jus perpetuum — это то же, что jus emphyteuticum. Во второй половине V в., когда эмфитевзис, как форма аренды, получил самое широкое распространение в империи, среди юристов возник спор, является ли эмфитевзис отчуждением или арендой. Император Зинон разъясняет, что эмфитевзис не может рассматриваться, как отчуждение или аренда, что это особый вид договора, имеющий свою специфику. Зинон подчеркивает необходимость со стороны эмфитевта неуклонного платежа ренты и вообще выполнения всех условий контракта за исключением случаев особо тяжелых стихийных бедствий.[2]

Нам известно, что крупные арендаторы rei privatae платили канон, куда входила и поземельная подать. Res privata не освобождалась от анноны, зато держатели государственных земель освобождались от superindictiones, хотя это освобождение и не было безусловным. По существующему законоположению там, где крупные землевладельцы вместо поставки рекрутов платили деньгами, это обязаны были делать и держатели res privata.[3]

Они освобождались от munera sordida, которые падали исключительно на плебейскую часть населения. Колоны rei privatae были освобождены от поголовной подати; колоны патримония, повидимому, этим освобождением не пользовались. От муниципальных поборов колоны были освобождены.

Несомненно, во всяком случае, что императорские земли пользовались настолько крупными привилегиями, что humiliores, как показывает новелла Тиверия „περὶ θείων οἴκων“, соглашались получать их ценой потери своей свободы. По этой новелле императорские имения освобождались от таких обременительных повинностей, как принудительная поставка хлеба (συνωνή), квартирная повинность, подводная повинность, починка дорог, мостов, добавочные налоговые раскладки и прикидки.[4]

Большинство императорских доменов было экстерриториально, но некоторые входили в состав городских территорий. Население доменов

[1] Cod. Theod., V, 13.
[2] Cod. Just., IV, 66.
[3] Cod. Theod., XI, 16 (395).
[4] K. Zachariae v. Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, 24.

подлежало юрисдикции обычных судов, но маловажные споры по гражданским делам разрешались прокураторами и чиновниками доменов. Колоны каппадокийских доменов, согласно закону, изданному Феодосием II, должны были подлежать суду comes domorum и его оффиция. Но постепенно вырабатывалась практика, по которой судоговорение в криминальных делах, в которых дело шло о колоне или другом обитателе домена, должно было производиться президом обязательно в присутствии чиновников домена (rationalis или procurator). Чиновники rei privatae должны были представлять в суд обвиняемых колонов. Но на деле чиновники rei privatae далеко превышали предоставленные им законом права и склонны были рассматривать себя полными хозяевами домена и находящихся в нем колонов. Их самоуправство облегчалось тем, что провинциальная администрация, повидимому, лишена была возможности пребывания на территории домена. В XXIII конституции о викарии Pontici tractus Юстиниан дает викарию специальное разрешение проникать во все места и селения, кому бы они ни принадлежали — церквам, монастырям или императору (omnibus locis vicis sive sanctissimorum sunt monasteriorum, vel sacrorum nostrorum privatorum, aut sacri patrimonii, aut nostrae domus et generaliter dicere nullum locum foras ejus jurisdictionis relinquimus, c. II).

Если потребовалось это специальное разрешение, то, очевидно, раньше провинциальная администрация не могла проникать на территорию доменов, а также в церковные и монастырские имения.

На практике арендаторы и прокураторы сильно превышали предоставленные им права. Что касается императорских земель, то динаты, используя слабость центрального правительственного аппарата при молчаливом содействии коррумпированной провинциальной администрации, иногда без всяких договоров захватывали императорские земли в Египте, Каппадокии и других областях. В результате, можно полагать, к началу VI в. значительная часть императорских земель уплыла, таким образом, из рук императоров в руки динатов. О том, что это явление действительно имело место в Каппадокии, говорит официально в XXX новелле император Юстиниан. Он пишет здесь: „Мы узнали, что в провинции творится нечто ужасное, так что частными исправлениями ничего не достигнешь. Простые управляющие магнатов (но мы краснеем от стыда) с поразительной дерзостью расхаживают в сопровождении целых отрядов из жителей и челяди и без стыда, без совести грабят. Мы даже удивляемся, как сами наши подданные терпят такое насилие. До нас доходят многочисленные жалобы духовных и женщин на захват их собственности. Но и наши земли также растащены в частные руки, расхищены императорские конские табуны, и никто слова не сказал, ибо у всех уста были закрыты золотом“. Пример такого беззастенчивого хозяйничанья магнатов и попирания ими прав центральной императорской власти не ограничивается одной Каппадокией. Юстиниан указывает и другой пример — Египет. В эдикте XIII (περὶ τῶν Ἀλεξανδρέων καὶ τῶν Αἰγυπτιακῶν ἐπαρχιῶν) Юстиниан пишет: „Дела в Египетском диоцезе до того запутаны, что мы удивляемся царящему там беспорядку, так как нельзя знать, что там творится (ὥστε μηδὲ ὅτι πράττεται κατὰ χώραν ἐνταῦθα γιγνώσκεσθαι, ἐθαυμάζομεν τὴν μέχρι νῦν τοῦ πράγματος ἀταξίαν). Бросая (προσρίπτουσι) нам хлеб, они (египетские управители) не желают вносить ничего больше. Но подданные утверждают, что все причитающееся с них требуется. Пагархи же, декурионы (οἱ πολιτευόμενοι) и сборщики общественных налогов и в особенности сменяющие друг друга президы так вели дела, так руководили что никто не мог ничего знать. Одним им оно было выгодно (οὕτω τὸ,

πρᾶγμα μέχρι νῦν διετίθεσαν, ὡς μηδενὶ δύνασθαι γενέσθαι γνώριμον, αὐτοῖς δὲ μόνοις ἐπικερδές)".

Указанные официальные заявления императора VI в. очень интересны. Они показывают воочию, что было бы глубокой ошибкой считать Восточную Римскую империю VI в. „правовым", упорядоченным государством. Мы видим, что центральная императорская власть часто настолько слаба, что не в состоянии действительно контролировать управление отдельных провинций, в которых развиваются феодализирующие процессы. Императорская власть, способствующая росту крупного землевладения своей системой использования доменов, все же не могла не видеть растущей опасности и при Юстиниане повела энергичную борьбу за укрепление центральной правительственной власти на местах и за сохранение доменов. Обстоятельства как будто благоприятствовали Юстиниану. Подавление восстания Ника означало решительный разгром всех враждебных правительству группировок и дало возможность правящей иллирийской группировке закрепить свои позиции, усесться в седле прочнее, чем это удавалось какому-либо другому византийскому правительству.

Поэтому правительство Юстиниана могло тверже и настойчивее проводить свою политику и в области аграрных отношений, чем это удавалось делать его предшественникам. Политика эта была направлена на сохранение и дальнейший рост императорских доменов и на борьбу с самоуправством и захватами динатов на местах, с их узурпациями прав и функций правительственной власти. Уже с конца IV в. императорские конституции запрещали насильственные захваты земли, содержание частных дружин, постройку частных тюрем, патронат. Юстиниан повторяет эти запрещения еще настойчивее и энергичнее. Прокопий даже обвиняет Юстиниана, конечно с сильным преувеличением, в конфискация имущества почти всего сенаторского сословия.[1] Евагрий рассказывает о гибели при Юстиниане II сенатора Эфория, который в бытность свою при Юстиниане в должности curator domus divinae грабил во имя своего ведомства имущества живых и мертвых.[2] Агафий рассказывает о землетрясении 557 г. и о погибшем во время этого землетрясения кураторе Анатолии: когда несли прах убитого, некоторые из народа громогласно заявили, что он по справедливости наказан, так как являлся отъявленным мерзавцем, отнимал имения состоятельных лиц у их детей и наследников под предлогом сделанного якобы завещания или дара императору, ставя на частных землях каменные tituli (σανίδες) и вешая пурпуровые флаги в знак императорской собственности.[3]

Каковы были меры домениальной администрации и арендаторов, применяемые ими для увеличения казенного и императорского земельного имущества, показывает XII новелла Тиверия περὶ τῶν θείων οἰκιῶν. Новелла была вызвана чрезвычайно многочисленными жалобами как столичных жителей, так и провинциалов почти всех областей, имевших несчастье быть соседями императорских имений или вступить с ними в деловое отношение. Землевладельцы отовсюду жаловались на „разнообразные способы несправедливостей со стороны управляющих, хартуляриев, и арендаторов дворцовых имений (παρά τε προνοητῶν καὶ χαρτουλαρίων καὶ μισθωτῶν καὶ τῶν ἄλλως προσηκόντων ταῖς βασιλικαῖς οἰκίαις)".[4] Проси-

[1] Procopii Historiae arcana, XII, 12.
[2] Evagr., V, 3.
[3] Περὶ Ἰουστινιανοῦ βασιλείας, I, 4.
[4] K. Zachariae v. Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, 24.

тели указывали на захваты не только движимого, но и недвижимого имущества.

Из этой новеллы мы узнаем, что сами управляющие императорскими имениями — προνοηταί или κουράτωρες — занимались наглым грабежом окружающего населения, захватывая чужой скот, переманивая колонов, ставя императорские титулы на чужой недвижимой собственности и присваивая движимое имущество, заставляя силой подписываться под долговыми обязательствами, являясь самовластными судьями в тех делах, в которых они были заинтересованы, расправляясь без церемоний со своими противниками и даже с противниками своих друзей.[1] Мы знаем, что управляющие имениями, равно как и служебный персонал, по крайней мере до издания новеллы, не подчинялись местной судебной власти, а подлежали суду своей центральной администрации, и они умели в своих интересах использовать эту привилегию. Чтобы увидеть, как далеко заходило самоуправство агентов доменов, остановимся на содержании новеллы. Тиверий пишет: „прокураторы, хартуларии, арендаторы делают со своими соседями все, что им заблагорассудится, и даже отнимают земли, имения и колонов, налагают на чужое имущество императорские титулы, а на движимое — императорские печати, раздувают неосновательные тяжбы одних против других, в которых самолично выступают судьями, без всякого суда производят взыскания фиктивных долгов, продажи“. Тиверий запрещает на будущее время персоналу императорских имений ставить на чужих землях императорские tituli или накладывать печати на движимом имуществе умершего, или овладевать чужими колонами, освобождать от долгов чужих должников, фиктивно переносящих их на императорские домены. Все колоны, принадлежащие другим, должны быть возвращены их владельцам. Освобождение от долговых обязательств, незаконно производимое чиновниками доменов, объявляется не имеющим никакой силы. В судебных процессах управители имений не должны приводить к себе обвиняемых и становиться самозванно своими собственными судьями, а обязываются вести тяжбы законным путем перед законно установленными судьями. Если кто-либо обвиняет возглавляющих ведомство доменов — светлейших кураторов, то судьей в столице явится назначенный императором префект, если обвиняется провинциальная администрация в провинции — презид. Если обвинению подвергается по делам, касающимся доменов, какой-либо хартуларий, эмфитевт или арендатор, то возбудивший против них дело имеет право добиваться судебного разбирательства в присутствии самого куратора domus divina или третейского суда, установленного по согласию обеих сторон. В той же XII новелле в главе III Тиверий говорит, что некоторые, чтобы не платить кредиторам своих долгов, делают фиктивные продажи, дарственные императорским доменам. Подобные махинации объявляются недействительными. Тиверий строжайшим образом запрещает патронат в чьих-либо чужих селениях или так называемых „свободных“, или принадлежащих крупным землевладельцам или декурионам, или вообще целиком принадлежащих кому-либо (ἀλλ' οὐδὲ ἐνοίκους τῶν ταῖς βασιλικαῖς οἰκίαις προσηκόντων οἰκημάτων, οὐδὲ γεωργοὺς ἀλλοτρίους ἢ ἕτερόν τινα τῶν πάντων ἐνεργολαβεῖν τοὺς τῶν θείων οἴκων προεστῶτας καὶ προστασίαν αὐτοῖς ἀπονέμειν, ἢ τὸ λεγόμενον πατρωνικίον ἀπὸ χωρίων τινῶν ἐλευθερικῶν ἢ ἐξακτορικῶν ἢ βουλευτικῶν ἢ ἑτέροις ὅλως προσηκόντων λαμβάνειν, ἀποστῆναι δὲ τουτων ἁπάντων). Тиверий предлагает пострадавшим снять со своего

[1] M.-G. Platon. Observations sur le Droit de Protímesis en droit byzantin, 147.

имущества императорские tituli и печати. Администрации доменов запрещается какое-либо вмешательство в чужие дела. Что касается принудительной поставки хлеба, квартирной повинности, подводной повинности, починки дорог, мостов, дополнительных налоговых раскладок и прикидки (τῶν τε συνωνῶν τὸ καὶ μετατῶν καὶ ἀγγαρειῶν καὶ διαγραφῶν καὶ ἐπιβολῶν), от чего по старым привилегиям домены были избавлены, то эти привилегии Тиверий уничтожает, очевидно, потому, что все это принадлежало к тем привилегиям, которые управляющие или арендаторы — магнаты — соглашались продавать humiliores ценой закрепощения последних.

Новелла Тиверия хорошо показывает, как хозяйничали восточноримские аристократы в качестве управителей и арендаторов императорских имений.

Разница между теми правами, какие им предоставлялись договором, и тем, что они захватывали сами, была огромная. Подобные методы хозяйства нас не должны удивлять, поскольку в IV—VI вв. императорские домены в преобладающем большинстве случаев сдавались в аренду, которая являлась вечной и наследственной, какое бы имя она ни носила. Силой вещей наследственный и постоянный арендатор, имеющий права в домене, почти равняющиеся правам собственности, quasi dominus, охотно приобретал навыки, привычки и играл роль настоящего dominus. Поэтому попытки правительства, начиная с Феодосия II, который еще в 426 г. запрещал держателям доменов захватывать не принадлежащую им судебную власть, и кончая Тиверием, увенчивались незначительным успехом.[1]

Из сказанного мы можем сделать следующие выводы.

1. Восточно-римские императоры имели и сохраняли огромные домены. Подтверждением этому может служить сложный бюрократический аппарат, ими управлявший, и дальнейшая дифференциация этого аппарата при Анастасии и Юстиниане. Императорская власть V—VI вв. прилагала энергичные усилия к сохранению и расширению своих доменов. Если в V в. обозначилась угроза уменьшения земельного фонда, находящегося в руках императоров, то Юстиниан применяет самые энергичные меры к устранению этой угрозы.

2. Императорские домены пользовались крупными привилегиями по части налогового обложения, настолько крупными, что, как показывает новелла Тиверия, humiliores соглашались жертвовать своей свободой, чтобы укрыться под сенью этих привилегий.

3. Но ведение самостоятельного хозяйства, как показывает пример имения Λεῦκαι IV в. и каппадокийских доменов VI в., плохо удавалось доменияльной администрации. Поэтому большинство доменов сдавалось в держание богатым и высокопоставленным лицам (potentissimi), притом на условиях льготной, долгосрочной или даже постоянной аренды.

4. Держателями императорских имений в основном являлись наиболее состоятельные представители правящего класса. Однако эти последние лишь принимали на себя ответственность за обработку и поступление соответствующих сборов. Они обрабатывали землю трудом сидящих на этой же земле рабов и колонов, возможно снабжая их при этом необходимыми средствами производства и в то же время лишними поборами отягощая условия их труда.

5. Поскольку императорская земля в большей части попадала в руки представителей сенаторской аристократии, последняя была тем самым

[1] E. Beaudouin. Les grands domaines dans l'Empire romain. Paris, 1899, гл. IV (Nouvelle revue historique de droit français et étranger, XXI).

заинтересована в эксплоатации, а следовательно в сохранении императорского землевладения. Однако источники нам указывают, что отдельные динаты, не довольствуясь условным держанием императорских земель, стремились к их захвату без всяких условий. Отсюда назревали противоречия между крупным землевладельцем и государственной властью в лице императора и его чиновников.

Возникает вопрос, как велика в V—VI вв. была степень этих противоречий. Некоторые историки склонны считать эти противоречия очень глубокими. Пытаясь дать анализ аграрных отношений в Восточной империи VI в. и игнорируя ожесточенную классовую борьбу между верхами и низами общества этого времени, К. Успенский все свое внимание устремляет на противоречия внутри эксплоататорской верхушки. Экономическую и политическую историю Византии VI в. К. Успенский понимает „как бурно вспыхнувшую борьбу между двумя противоположными силами: церковно-бюрократическим императорским правительством и сенаторской знатью, опирающейся на свое автономное землевладение“.[1]

Политика Юстиниана, по мнению К. Успенского, была направлена на разгром сенаторского землевладения, уничтожение их громадных вотчин-княжеств. „Разгром сенаторской аристократии, уничтожение громадных вотчин-княжеств, — по его мнению, — удались в известной мере Юстиниану“, но крупное землевладение со всеми характерными свойствами осталось. Только оно стало передвигаться на иной социальный базис — это были церкви и монастыри. По мнению К. Успенского, мы имеем основание констатировать более или менее полный успех решительного и систематического натиска на старую аристократию, которая уже не оправлялась от великого царского террора.[2] Эти взгляды К. Успенского были восприняты нашими историками, распространяются в нашем университетском преподавании и в наших вузовских учебниках. Это налагает на нас обязанность проверить их по существу и выяснить, какую роль крупное частное землевладение играло в экономике и социальном строе Восточной империи V—VI вв., выступает ли здесь крупное землевладение с теми чертами, какие мы наблюдаем на Западе, или оно здесь имеет свои особенности, каковы были действительные взаимоотношения императорской власти с классом крупных землевладельцев — сенаторской аристократией в эти века.

III. КРУПНОЕ ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ

Можно считать, что в римскую эпоху на Востоке господствовало государственное и императорское землевладение. Но в римское же время на Востоке вырастало и крупное частное землевладение. Римские крупные землевладельцы смогли с течением времени привести мелких арендаторов в состояние, мало отличное от положения крепостных. Римский сенат, сам состоявший из крупных землевладельцев, способствовал образованию крупных латифундий, превышающих иногда по своим размерам соседние городские территории. Большое количество сенаторов было привлечено на Босфор Константином, причем они были наделены огромными земельными владениями в Понте и Малой Азии. Революции рабов и усиливающиеся варварские вторжения заставляли западных магнатов искать спасения на Востоке, и восточное правительство охотно

---

[1] К. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I, М., 1917, 98.
[2] Ibid.

их наделяло крупными владениями. Владения сенаторов, по большей части подходившие в значительной своей части под тип saltus, являлись экзимированными, как и императорские домены. На Востоке, не менее, чем на Западе, представители крупного землевладения умели превосходно перекладывать тяжесть государственных налогов с себя на маленьких людей, и притом не только с себя, но и с тех, кого они брали под защиту, что благоприятствовало развитию патроната.[1]

Развитию крупного землевладения на Востоке благоприятствовала также сдача подлежащих мелиорации императорских доменов экономически мощным крупным арендаторам (conductores), подчинявшим себе и ставившим от себя в зависимость мелких держателей.

Таким образом, уже к середине IV в. в обладании сенаторских фамилий на Востоке собрались очень обширные земельные владения, расширявшиеся за счет разоряющихся посессоров-куриалов и за счет земель фиска и патримония. Само правительство, которому все труднее становилось справляться со всеми подробностями управления местной жизнью, находило в крупном землевладельце как бы готовый общественный орган, которым можно было воспользоваться в своих административных целях. На него возлагаются права и обязанности фискального порядка и полицейской власти. Автономный в хозяйственном отношении магнат наделяется атрибутами административной власти над населением своих земель.

Мы ставим своею целью уяснить, какую роль крупное землевладение играло в экономике и социальном строе Восточной империи в IV—VII вв. н. э., выступает ли здесь крупное землевладение с теми чертами, которые мы наблюдаем на Западе, или же оно имеет здесь некоторые особенности. Решение этой задачи затрудняется неразработанностью вопроса для Востока. Однако задача эта не безнадежна, если мы, не ограничиваясь, как это обычно делается, данными кодексов Феодосия и Юстиниана и отрывочными сообщениями византийских историков IV—VI вв., привлечем еще почти совершенно неиспользованный значительный эпиграфический, папирологический материал и данные агнографии. Мы лишены возможности дать детальный анализ строения крупного владения, системы хозяйствования и системы рабских и колонских держаний. Тем не менее эпиграфические данные и египетские папирусы, несмотря на отрывочные и неполные сведения, все же дают важный и ценный материал в этом отношении.

Папирусы подтверждают показания надписей, что византийское крупное владение этого периода не представляло одной сплошной обширной территории. До нас дошли некоторые остатки поземельного кадастра, которые велись для каждой civitas. Для Восточной империи мы имеем надписи из Феры и Астипалеи,[2] Лесбоса,[3] Тралл[4] и др. Все эти кадастры принадлежат империи V—VI вв. Они подтверждают, что крупное владение вносилось в особый кадастр и рассматривалось фиском как единое целое, даже если с течением времени было раздроблено между разными наследниками. Они знакомят нас с преобладающими сельскохозяйственными культурами и строением отдельных крупных владений, распадающихся на ряд имений, обрабатываемых рабами и колонами. Владения,

---

[1] Kornemann. Real Encyclopaedie. 1924, 81—95. — Z. Hartmann. Wirtschaftsgeschichte Italiens, 1904, 190.

[2] C. I. Gr., 8056, 8057.

[3] Bulletin de corresp. hellénique, IV, 417.

[4] Ibid., IV, 336.

как видно из надписей, имеют сотни югеров земли и десятки сидящих на них рабов и колонов. В надписях, сохранивших остатки этого кадастра, вслед за именем собственника мы читаем названия имений, ему принадлежащих, и для каждого из них показано в югерах количество пахотной земли, виноградников, оливковых насаждений. Для образца воспроизводим первые пять строк кадастра острова Феры.[1] Эти пять строк знакомят нас с владением некоей Ефросинии, дочери Париея.

Первая строка содержит имя владельца: „Собственность Ефросинии, дочери Париея". Четыре следующие строки посвящены описанию имений, из которых слагается владение Ефросинии. На каждое из них отводится одна строка. Каждое имение (χωρίον) имеет свое название: Меса, Серапион, Апопсидин, Икомерос. В каждом имении записывается 1) пахотная земля (γῆς), 2) виноградники (ἀμπέλου), 3) земли, засаженные оливами (ἐλεῶν). Площадь пахотной земли и виноградников указывается в югерах (ἰο). Для земли, засаженной оливковыми деревьями, площадь обозначается не в югерах, а или количеством деревьев, или приносимым урожаем в условных единицах, называемых в нашей надписи γύρον или γύρομα, равнозначных латинскому scrobis (яма). Следовательно, мы имеем для указанных четырех имений такой кадастр:

1. Имение Меса, пахотной земли 40 югеров, виноградников 2 югера, оливковых насаждений 3.

2. Имение Серапион. Пахотной земли 28 югеров, виноградников 63 югера, оливковых деревьев 67.

3. Имение Апопсидин. Пахотной земли 30 югеров...

4. Имение Икомерос. Пахотной земли 18 югеров, оливкового поля 28 γύρομα.

В надписи Астипалеи земли и виноградники записаны сообразно количеству ζυγα (ζυ в надписи) или μεδίμνοι (με в надписи).

Первое — мера площади; второе — показатель урожайности, и следовательно, земли здесь записывались не по площади, а по урожайности. Дошедшие до нас в надписи остатки кадастра Феры составлены почти таким же образом. Имена землевладельцев, название имений, количество югеров, пахотной земли, виноградников и оливковых насаждений, естественно, различаются, но план и порядок сохраняются те же. Для некоторых имений указаны сидящие в них рабы и колоны, с указанием их имен и возраста.[2] В строках 6-й и 9-й надписи Феры обозначено владение и имя собственника (Δεσποτίας такого-то) и далее добавлено ἐξάπογραφῆς Σκεπτικοῦ (строка 9-я) или ἐξάπογραφῆς Λουκιανοῦ (строка 6-я), что показывает имена составителей данного кадастра. И этот кадастр, относящийся к V или VI в., следует forma censualis Ульпиана. Каждое имение показано со своим названием, количеством югеров пахотной земли, количеством югеров виноградника и числом оливковых деревьев.

Надпись C. I. Gr., 8657, к сожалению, сильно испорченная, знакомит нас с земельными владениями некоего Феодула.[3]

Δε[σπο]τίας Θεοδούλου
χω Αχιλλικος ζυ... ανθρ κθ...
χω Βαρρος με... ζυ... ανθρ...κθ
χω Βατράχου με δ... ζυ. ἄνθρ. κ
χω Δαφνιον ζυ...

---

[1] C. I. Gr., IV, 309. — Mommsen, Hermes, III, 436.
[2] C. I. Gr., 8657.
[3] Bulletin de corresp. hellénique, IV, 336. — Mommsen, Hermes, III, 430.

Относительно значения ζυ мы уже говорили. Ανδρ, несомненно, означает прикрепленных к имению рабов и колонов. У означенного Феодула в двух имениях, где цифры сохранились, количество рабов и колонов достигает 49.

Крупные владения в Египте обычно распадаются на так называемые κτήματα или ἐποικία, фермы, часто расположенные вблизи селения, а иногда и на его территории. Это ясно обнаруживается из отчетов проноэтов, собирающих ренту с целого ряда отдельных друг от друга κτῆμα, или ἐποικία, или барской собственности, находящейся на территории селения. Неоднократные правительственные запрещения посторонним приобретать земельные участки на территории крестьянских общин, особенно четко выраженные в Cod. Just., XI, 54, в 468 г. оставались мертвой буквой. Мы часто встречаем, как показывают отчеты проноэтов, собственность динатов в египетских селениях. Официально они являлись только местными владельцами на ряду с другими. Но этим открывался путь для всякого рода давления крупных собственников на мелких. До нас дошли папирусы, свидетельствующие о беспроцентной ссуде зерна со стороны Апиона протокометам селения Таконы, но вероятно имение позаботилось о том, чтобы эта щедрость не осталась невознагражденной. Мы имеем письмо крупного землевладельца к протокометам селения, где он властно вмешивается в дело раскладки податей, предлагая освободить от обложения указанное им лицо. До нас дошли два документа, говорящие о том, что администрация крупного имения бросила в тюрьму все деревенское руководство,[1] и это показывает реальное соотношение сил крупных землевладельцев и сельской общины. Но, как правило, имения крупного землевладельца в Египте были заселены зависимыми колонами. Таких отдельных имений Апионы имели не менее 20. P. Oxyr, 130, 4: κτήμα Θαχρα; 134, 17: ἐποίκιον Νῆσος Λευκαδίου, 25 κτῆμα Ταρουσθ(ινου); 1, 135, 14: κτῆμα μεγαλης Ταρουσθίνου; 136, 16: προνοησια τῶν ἑ(ξ)ῆς δηλομένων κτημάτων καὶ ἐξωτικῶν αὐτῶν τόπων: κτημα Ματρέου, οἱ ἐν ταῖς κώμης Ἐπισήμου καὶ Αδχίου καὶ τῶν ἐξωτικῶν αὐτῶν τόπων τῶν διαφερόντων τῇ ὑμῶν ὑπερφυεία 137, 11: ἐποίκιον Ἀμβιοῦντος; P. Lond., III, 279: ἐποίκιον Ἑκαιδέκατου; 290: κτῆμα Μεσεμπούνιος, ἐποίκιον Μέγα χωρίον; 281: ἐποίκιον Θωλθέως; P. Oxyr., VI, 396: ἐποίκιον μεγαλου Μουχεως, ἐποίκιον Εὐτυχιαδος; P. Oxyr., VI, 993: προ(νοησία) Παργουλείου... Μαργαρίτου καὶ Αμβιουτος καὶ Μχιουμᾶ καὶ ἄλλων ἐξωτικ(ων) τόπων; P. Oxyr., VI, 998: ἀπὸ Παλόσεως, ἀπὸ Εὐαγγελείου, καὶ Τιλλωνος, ἀπὸ Μεκονθέως, Ταμπετι, Σεφω, Παχφεκη, Μεσαννούσεως, Σκέλους, Τερύθεως καὶ Θεαγένους καὶ Νικήτου, Μελίτα, Νησου Λαχανίας Θαησιος, Παγγουλείον.[2]

Папирусы упоминают о прямой обработке части земли самим имением ἰδιοσπείραι ἄρουραι. Но собственные посевы не занимали, повидимому, особенно крупного места в экономике византийского крупного землевладения.[3] Встречаются упоминания о самостоятельных посевах кормовых трав в двух Апионовых владениях для его конюшен.[4] Некоторые имения имеют собственные стада и держат пастухов. В отчете пастухов неизвестного собственника из Афродито указывается количество овец, количество самцов и самок, количество приплода зимой, количество полученной шерсти.[5] Видное место в хозяйстве египетского крупного имения

[1] P. Oxyr., 1835.
[2] **Matthias Gelzer.** Studien zur Byzantinischen Verwaltung Aegyptens, 86.
[3] P. Stud. Pal., 251.
[4] P. Oxyr., 1911, 178—180.
[5] P. Cairo, 67.

занимали виноделие и садоводство. В апионовских владениях производилось большое количество вина. Но роль имения в производстве сводилась к доставке лоз и в изготовлении громадного количества тары для вина, доставляемого колонами. Виноградники, обычно, сдаются в аренду землевладельцам, объединенным в артели κοινὸν — виноградарей. Для контроля во время сбора винограда имением посылаются хартуларии. Многочисленные папирусы, сохранившие нам денежные отчеты различных византийских имений, дают возможность познакомиться со статьями дохода и расхода крупных землевладельцев. Для примера возьмем отчеты Гермополитанского имения в P. Bad., 95, принадлежавшего трем комитам. Из этого отчета видно, что в имении применялся труд наемный и труд рабский. Свободные поденщики получали хлеб и деньги, рабы — хлеб и платье. На наемный труд 8 индикта было израсходовано 12 кератиев; на содержание рабов — 15 номисм $12^1/_2$ кератиев; 9 индикта на наемный труд не было израсходовано ничего, на рабский труд — 16 номисм 13 кератиев; 10 индикта на наемный труд затрачено 5 номисм 4 кератия, на рабский — 15 номисм 1 кератий, 11 индикта на наемный труд было истрачено 5 номисм $22^1/_2$ кератия, на рабов — 14 номисм $14^1/_2$ кератиев. Из этого видно, что рабский труд превышал свободный по крайней мере в три раза в самостоятельном хозяйстве имения. Но собственное хозяйство в данном имения было незначительным, если судить по скромным цифрам затрат по этой статье. Валовой доход имения достигал 8 индикта 230 номисм $3^1/_2$ кератиев, 9 индикта — 277 номисм 1 кератия. Доход имения составлялся из пшеницы, ячменя и наличных денег. Преобладали денежные доходы.[1] Главными статьями расхода были новые виноградные насаждения, постройки, тара для вина. Чистый доход 8 индикта равнялся 101 номисме $13^1/_3$ кератиям = 44.12% валового дохода, 9 индикта — 149 номисмам 23 кератиям, или 54.13% валового дохода. Самую значительную часть расходов составляли государственные налоги, достигавшие 9 индикта 25.79%, а 10 — 24.79% чистого дохода. В неурожайный же год по случаю ἀβροχία 11 индикта они составляли 34.36% чистого дохода. При этом нужно заметить, что если государственные налоги достигали такой высоты на землях комитов, пользовавшихся всякими привилегиями, то легко можно представить, с какой тяжестью они падали на хозяйство мелких землевладельцев.

Крупные имения византийского Египта имеют ряд хозяйственных предприятий: мельницы, хлебопекарни, бани, виноградные прессы, маслобойни.[2] Все они обычно сдаются в аренду.

Описания проноэтов показывают стремление крупных землевладельцев все свои натуральные доходы перевести поскорее на деньги. Зерно в Апионовых имениях собиралось главным образом для ἐμβολή и отправлялось в Александрию собственной флотилией Апиона.

В отличие от Египта, можно думать, что в Малой Азии скотоводство играло несравненно более крупную роль, чем в Египте, иногда, быть может, преобладающую. Это, естественно, вытекает из природных условий внутренних областей Малой Азии. В этом нас убеждают и дошедшие до нас сведения о составе имения Филарета Амнийского, сведения, правда, относящиеся к VIII в.[3]

---

[1] $1010^2/_3$ артаб пшеницы стоили 63 номисмы; $109^1/_2$ артаб ячменя — 5 номисм $11^1/_2$ кератиев.

[2] P. Baden., 95. — P. Cairo, II, 67, 138.

[3] Byzantion, IX (1934).

Этот знатный человек (ἦν εὐγενὴς τῶν ἀπὸ Πόντου καὶ Γαλατικῆς χώρας)[1] обладал многочисленными стадами скота, имел в своем хозяйстве 600 быков, 100 пар волов подъяремных, лошадей в табунах 800, 80 ездовых лошадей и ослов и 12 тысяч овец. Таким образом его хозяйство было в значительной степени животноводческим. Но и земледелие в нем занимало видное место. Филарет был собственником 48 ферм (προάστεια), имеющих большое количество земли, и притом высокой ценности и тщательно обрабатываемой. У него были οἰκέται (рабы) πολλοὶ καὶ κτήματα πολλὰ σφόδρα.

Этимологическое значение слова προάστειον означает подгородное имение, но обычно этим термином обозначалось имение с усадьбой владельца или без нее, разделенное на держания колонов.

Крупные малоазиатские города в V—VI вв. были окружены загородными имениями магнатов. Некоторые из них были сильно укреплены и имели зависимое население, не уступающее по своей численности переполняющим города монахам. В 404 г. в Кесарию Каппадокийскую приехал высланный из Константинополя Иоанн Златоуст. Он был болен. Дальнейшее путешествие делали невозможным бродящие вокруг Кесарии разбойничьи шайки исавров. Иоанн рассчитывал отдохнуть в Кесарии, но наткнулся на ожесточенную ненависть местного епископа Фаретрия и кесарийских монахов. В XIV письме к Олимпиаде Иоанн так рассказывает о последующих событиях: „Ни страх перед исаврянами, ни болезнь, так сильно угнетавшая нас, ни что другое не сделали их снисходительными. Они наступали дыша такой яростью, что и сами преторианские воины испугались их, молили и просили: «освободи нас от этих зверей, пусть даже попадемся в руки исаврян». Городской префект, услышав об этом, приезжал к нашему дому, желая помочь нам, но и сам он оказался бессилен перед ними.... Несмотря на то, что грозили такие ужасы, несмотря на то, что почти очевидна была смерть и меня убивала лихорадка, в самый полдень, бросившись в носилки, я был вывезен оттуда“.

Помощь гонимому константинопольскому епископу решила оказать представительница местной аристократии: „Когда услышала и увидела это прекрасная Селевкия, благородная жена моего господина Руфина (она весьма о нас позаботилась), то увещевала и просила, чтобы я заехал в ее загородный дом, находящийся на расстоянии 5 миль от города, и вместе с нами послала людей, и мы удалились туда. Но и там эти злоумышленники не думали отстать от нас. Поэтому она приказала управляющему, находящемуся там, чтобы он доставил нам всякий покой и, если бы напали на нас монашествующие, желая оскорбить нас или побить, чтобы он собрал земледельцев из остальных ее поместий и таким образом приготовился бы к бою против них. Приглашала она укрыться и в ее жилище, имеющем крепость и неприступном, чтобы мне избежать рук епископа и монахов.[2]

Крупное восточно-римское хозяйство имеет сложный управленческий аппарат. Из данных, приводимых Василием в беседе 7-й, вытекает, что в Каппадокии и Малой Азии крупные земельные владения во второй половине IV в. сохраняли характер крупных хозяйственных предприятий, располагавших и крупными денежными средствами и массами несвобод-

[1] Ibid., 112—113.

[2] Творения Иоанна Златоуста, изд. СПб. духовной академии, т. III, кн. 2, Письма к Олимпиаде, XIV, стр. 641.

ных, полусвободных и свободных рабочих рук, причем сельскохозяйственное производство соединялось с промышленным: кирпичными, валяльными, ткацкими, красильными, горшечными и другими предприятиями. „У них, — говорит Василий, — тысячи колесниц. На одних возят всякую поклажу, другие покрыты медью и серебром. И на них ездят сами. У них множество коней, и им, как людям, водят родословные, уважая за благородство отцов: одни возят их по городу, другие участвуют с ними в охоте, иные объезжены для дороги. Узды, хомуты, подпруги — все серебряные, все осыпаны золотом, попоны из багряницы украшают коней, как женихов. У них множество мулов, разделенных по цвету; возничие сменяют друг друга, одни спереди, другие сзади. У них несметное множество других домашних слуг для услуг всякого рода: управители, ключники, землепашцы, ремесленники, обученные всякому ремеслу, и необходимому и изобретенному для наслаждений и роскоши, повара, рыбники, виночерпии, охотники, ваятели, живописцы, учредители удовольствий всякого рода. У них стада верблюдов, то развозящих тяжести, то пасущихся, табуны лошадей, быков, овец и свиней“.[1]

В VI в. во главе оксиринхских и кинополитанских владений Апионов в Египте стоял управляющий ἀντιγεοῦχος. Ему подчинялись диойкеты, управлявшие отдельными частями имения.[2] Сборщиками ренты и налогов в отдельных имениях являлись проноэты, передающие деньги в кассу имения, а хлеб грузящие на суда, принадлежащие Апионам, для отправки в Александрию.[3] Для сбора, хранения и выплаты денег крупное имение имеет кассы и многочисленный счетный аппарат в лице хартуляриев и трапезитов, которые ведут денежную и материальную отчетность — ἐντάγιον καὶ πιττάκιον.[4] Имение Апионов имеет целую флотилию на Ниле (боты, большие и малые либурны), употреблявшуюся, главным образом, для перевозки зерна в Александрию.

В услужении крупных имений находятся также адвокаты (σχολαστικοί), нотарии, составляющие юридические документы, гонцы и курьеры (σύμμαχοι);[5] наконец, вооруженные отряды так называемых букеллариев для защиты действительных или мнимых прав владельцев.[6] Правительственные законы, запрещавшие существование частных дружин, оставались мертвой буквой.

Ряд папирусов свидетельствует и о существовании частных тюрем для непокорных колонов.[7] Крупные имения имели также разные ремесленные предприятия.

В 361 г. Констанций освободил от торгового патента lustralis collatio — людей и колонов сенаторов, продающих на рынке продукты своего хозяйства. Эта привилегия послужила причиной того, что торговцы скрывались в имениях сенаторов, опираясь на деньги, кредит и имя их владельцев, составляя опасную конкуренцию городским торговцам, обложенным патентом.

Это явление имело место в самой столице. XLIII новелла Юстиниана показывает, что частные промышленные предприятия (ἐργαστήρια) церквей, монастырей, придворных чиновников, кубикуляриев, сенаторов разоряли

---

1 Migne. Patrologia Graeca, XXXI, 285.
2 P. Oxyr., 1854—1855.
3 Ibid., 136.
4 PSI, 384. — P. Oxyr., 136, 22.
5 P. Oxyr., 2945.
6 PSI, 953, 17.
7 P. Oxyr., 1835, 2056.

городские торговые корпорации столицы своей конкуренцией именно потому, что они не платили патента. Другие новеллы убеждают нас в том, что повсеместно многие торговцы тайно обосновывались на землях знати, чтобы торговать без уплаты соответствующих налогов.

Администрация благотворительных учреждений также находится в зависимости от крупных землевладельцев. Pap. Amherst рассказывает, что нуждающееся население ἐποίκιον Пиабот собралось к больнице с просьбой выдать ячмень и фураж для их ослов. Администрация больницы им отвечала, что запасы больницы предназначены для благотворительных целей, а не для содержания ἐποίκιον. Однако население Пиабот получит то, в чем нуждается, в случае разрешения почтеннейшего секретаря или нашего общего господина — illustris. Важное значение в общественной жизни страны играли димы зеленых и голубых. И папирусы нам сообщают, что египетские земельные магнаты принимают деятельное участие в жизни этих партий, субсидируют их, имеют определенные места в цирке.[1]

Крупное имение проявляет заботу о местных церквах и монастырях. Всякий денежный отчет о расходах в имениях Апиона начинается выдачами местным церквам и монастырям. Если расходы имения на приходские церкви сравнительно скромны, то выдачи монастырям носят гораздо более щедрый характер.

Мы анализировали строение и состав византийского земельного владения IV—VI вв. и знакомились с его хозяйственной деятельностью, как она нам представляется по египетским папирусам. Из этого анализа можно сделать вывод, что, и распадаясь на ряд колонских держаний, крупное имение сохраняло характер крупного предприятия. Те же причины, которые делали необходимым дробление его на ряд мелких хозяйственных организмов, в то же время приводили к усилению владельческих прав. Хозяйственный строй этих владений имел своеобразный характер. Держания колонов являлись самостоятельными хозяйственными единицами и в то же время были тесно связаны с руководящим ими центром тем более, что зачастую крупный землевладелец снабжал своих мелких держателей семенами и инвентарем. Мы мало знакомы с хозяйственным строением крупных земельных владений других провинций империи, но имеются некоторые данные, говорящие о том, что такой же характер крупное земельное владение сохраняло и в Малой Азии, в частности в Каппадокии, где Василий Кесарийский говорит о богачах, „имеющих несметное количество домашних слуг: управителей, ключников, землепашцев, ремесленников, обученных всякому ремеслу, и необходимому и изобретенному для наслаждений и роскоши, поваров, хлебников, виночерпиев, охотников, ваятелей, живописцев; о богачах, обладающих огромными стадами верблюдов“.[2]

Таким образом мы видим, что и в Восточной империи так же, как и на Западе, образовались крупные имения, владельцы которых зачастую узурпировали права и функции правительственной власти. Так же, как и на Западе, наблюдается процесс поглощения и порабощения крупным землевладением свободного крестьянства. Но при всем сходстве крупное землевладение выступает здесь не совсем с теми чертами, которые мы наблюдаем на Западе. Здесь не было такой экономической замкнутости крупного имения, как на Западе. Крупное имение здесь не превра-

---

[1] P. Oxyr., 1911, 47.

[2] Migne. Patrologia Graeca, XXXI, 285.

тилось в самодовлеющий хозяйственный организм, покупающий лишь предметы роскоши, по существу не связанный ни с городом, ни с каким-нибудь более широким рынком. Оно живейшим образом было втянуто в торговый оборот империи, так как крупные города с сотнями тысяч жителей нуждались в значительных массах сельскохозяйственных продуктов, в крупных поставках съестных припасов.

Мы имеем довольно подробные сведения о внешней обстановке и образе жизни восточно-римского дината.

Церковные проповедники и писатели в своих обличениях роскоши и богатства, несмотря на банальность и риторику этих проповедей, дают все же немало живых, схваченных с натуры картин, знакомящих нас с бытом восточно-римских динатов V—VI вв. Они показывают, что магнатские виллы на Востоке продолжали блистать своею роскошью и комфортом.

Ученик Ливания Иоанн Златоуст дает живые описания крикливой роскоши антиохийских и константинопольских богачей, у которых домашняя мебель — столы, стулья и постели — были обложены серебром, золотом и слоновою костью, которые злоупотребляют парчой и шелком, дорогим фазосским вином, флейтистками и кифаристками. Дачные дома, по описанию Иоанна, у антиохийских богачей не менее великолепны, чем городские чертоги, хотя живут там очень редко, так что эти дачи строятся скорее для обитания ворон, чем для себя. Иоанн возмущается теми приготовлениями, какие делает богач для прогулки в свои имения: число рабов, сопровождающих его, равняется тысяче, а иногда и двум; везомый в повозке пышно запряженными мулами, богач пускается в путь с огромной свитой слуг и евнухов. Иоанн недоволен тем, что крупные землевладельцы устраивают в своих деревнях бани и рынки. Предлагая им строить вместо бань церкви, Иоанн говорит: „вы вводите туда изнеженные городские нравы, развращаете своих колонов, и роковым следствием является то, что они непокорны учению“.[1]

Хроника Ишо Стилита и другие сирийские хроники знакомят нас с богатством крупных землевладельцев города Эдессы, „именитыми“ и „богатыми“ людьми, которые играют в Эдессе решающую роль во всех делах, тяжесть государственных повинностей перекладывают на городских ремесленников и земледельцев, а по отношению к своим колонам отличаются такой жестокостью, что даже центральное правительство должно было их призывать к порядку.

Церковные проповедники Малой Азии убеждают нас в том, что крупное землевладение было здесь не менее развито, чем в Сирии и Месопотамии, и каппадокийские магнаты в своей роскоши ни в чем не уступали сирийским и месопотамским.

Феодорит Киррский дает нам красочные описания, как зимой „богач лежит в жарко натопленном доме, разметавшись на мягкой постели, укутавшись во множество теплых одежд, имея вокруг себя несколько жаровен, чтобы побороть холод. Летом же его, наоборот, помещают в другом доме, открытом для наружного воздуха, в который свободно проходят веяния ветров, а, если они прекратятся, слуги опахалами ухитряются производить ветер. Повсюду расставлены древесные ветви, наподобие сада, превращающие дом в рощу. В верхних аппартаментах устраивают специальные фонтаны, чтобы журчанием своим наводили сон на его вежды“.[2]

---

[1] Э. Пюш. Иоанн Златоуст и нравы его времени. СПб., 1897, стр. 254.
[2] Migne. Patrologia Graeca, LXXXIII, 663.

Малоазийский магнат, по характеристике Феодорита, горд и заносчив: „выступает на концах ногтей", озирается по-львиному, ездит на возвышенной колеснице, окруженный множеством слуг и копьеносцев. Он „имеет хорошо выезженных коней с блестящими украшениями на лбу и на груди, голосистого глашатая, высоко возвышающийся дом, гостиные, расцвеченные эвбейскими и фессалийскими мраморами, испещренные искусством живописи, усыпанное цветами ложе, драгоценные тарелки, приборы, кубки, благовонные вина и все, что только служит к жизни раздольной, изнеженной и роскошной".

Красочные описания роскоши малоазийских магнатов дает и Василий, епископ кесарийский, сам выходец из очень богатой семьи и потому дающий описание с полным знанием дела. По сообщению Григория Нисского, брата Василия, их мать платила налоги трем начальникам провинций, так как ее владения были рассеяны в трех областях.

Василий пишет, что у местных магнатов „дома сияют мраморами всякого рода — один из фригийского камня, другой из лакедемонской и фессалийской плиты, и одни дома согреваются зимой, другие прохлаждаются летом. Полы испещрены разноцветными камнями, потолки вызолочены. Где нет по стенам мрамора, там они украшены живописными цветами".[1]

Василий говорит далее: „они разделяют богатство на нужду настоящую и на нужду будущую, часть отлагают себе и часть детям, потом и это делят на покрытие разных трат. Послушай, какие у них распоряжения: эта часть, говорят, пойдет в употребление, а эта отложится про запас, и часть, назначенная на покрытие нужд, пусть превысит пределы необходимости: вот это послужит на домашние расходы, а это отделится на то, чтобы показать себя людям. Этого станет на пышность в дороге, а это сделает, чтобы и сидя дома, жить светло и уютно. А когда по разделе на бесчисленные траты богатство остается еще в избытке, его берегут в тайных местах потому, что будущее неизвестно и опасно".[2]

Иоанн Златоуст, Феодорит, Василий подробно и без существенных разногласий между собою познакомили нас с внутренним видом магнатских жилищ, их обстановкой, их выездами, инвентарем их имущества. Григорий Нисский дает подробное описание малоазийской виллы начала V в. Это описание мы приведем почти целиком, так как, если до нас дошло значительное количество описаний вилл западноевропейских магнатов, то для Восточной империи описание виллы Ванот, данное Григорием, является почти единственным.

В письме к владельцу имения Адельфию Схоластику Григорий пишет следующее: „Пишу тебе из священных Ванот, если только не обижу той местности, называя ее по-туземному... Это галатийское наименование не дает ни малейшего понятия о великой красоте этой местности. Нужно видеть, чтобы представить всю ее прелесть. Внизу течет река Галис, берегами своими украшающая местность. Лес, самой природой насажденный, спускаясь по наклонности горы, соприкасается с произведениями земледелия. Ибо тут же виноградные сады, раскинувшиеся по сторонам, по отлогостям и углублениям подошвы горы, покрывают всю внизу находящуюся местность... Потом издали, как бы пламя какое от великого костра, засияла пред нами красота зданий. По левую руку на нашем

---

[1] Migne, XXXI, 285.
[2] Ibid., XXXI, 284—285.

пути виден молитвенный дом, построенный в честь мучеников. Правда, постройка его еще не доведена до конца, он не имеет еще крыши, но при всем том он блистателен. По прямому пути здесь идут красивые здания. Каждое из них представляет что-то особенное, придуманное для удовольствия. Выдающиеся башни, постройки для пиршеств, широкие и высокие ряды деревьев перед дверями, увенчивающие вход. Потом около домов феакийские сады, но нет — красоты Ванот да не унизятся сравнением с этими садами. Гомер не знает здешней яблони, «золотыми плодами обильной», яркостью своих красок не уступающей краскам своего цветка. Не видел он груши, которая белее вновь отполированной слоновой кости. А кто опишет разновидность и разнообразие персидской яблони и того, что произошло с ней от смешения и соединения ее с другими породами. Природа, вынужденная искусством, произвела такое смешение, что и по имени и по вкусу она кажется то миндальным деревом, то орешиной, то доракиной. И все эти сады сверх красоты отличаются обилием каждого рода деревьев, распорядком всех насаждений и стройной живописностью. Ибо, поистине, это — дивное зрелище, больше достойное произведений живописца, чем земледельца. До какой степени природа легко повиновалась желанию тех, которые давали такой распорядок, я не нахожу возможности передать на словах. А дорожку под привязанными к деревьям виноградными лозами и приятную тень от гроздьев и нового ряда стен по сторонам из кустов роз и виноградных ветвей, переплетающихся между собой и вместе с тем преграждающих ход по сторонам, и в конце каждой дорожки водоем, и в нем выкармливаемых рыб, кто по достоинству может описать все это. И среди всего этого управляющие домом твоего благородия с свободной приветливостью и усердием водили меня и показывали мне, изъясняя порознь все работы, производимые для тебя, как будто через нас доставляя удовольствие тебе самому. Здесь один молодой человек, подобно чудодею какому, показал нам зрелище, не совсем обыкновенное в природе. Ибо спустившись на дно водоема, по своему произволу вынимал рыб, каких ему захотелось, и они не пугались прикосновения ловца, как бы ручные гусята и повинующиеся ему. Потом привели меня к некоему дому, назначенному как бы для отдохновения, ибо крыльцо заставляло нас думать о доме, но, переступив порог, мы очутились не в доме, а в галерее. Галерея же стояла на возвышении, весьма высоко поднимаясь над глубоким прудом. Вода ударяла в фундамент, поддерживающий галерею, которая как бы служила преддверием внутренней роскоши. Ибо по правую руку галерея заканчивалась домом с высокой кровлей, отовсюду освещаемым солнечными лучами, расцвеченными различными живописными изображениями так, что мы, будучи на этом месте, почти позабыли то, что видели прежде. Но галерея над прудом также представляла исключительное зрелище. Ибо лучшие породы рыб, как бы намеренно играя с нами, стоящими на земле, выплывали из глубины на поверхность, подпрыгивая как бы какие птицы в самый воздух. Сделавшись наполовину видимыми и выставив голову на воздух, потом опять скрывались в глубине. Другие же стаями и рядами, следуя друг за другом, представляли любопытное зрелище для непривычных к тому. В ином же месте можно было видеть целую стаю рыб, наподобие виноградных гроздьев, грузно столпившихся около куска хлеба. Одна из них отгоняла прочь другую, одна набегала, другая уходила книзу. Но и об этом заставил нас забыть принесенный виноград в ветках и корзинках, угощение разнообразными плодами, приготовленный

завтрак, различные кушанья, лакомства, печенье, кубки гостеприимства и чаши.

Затем, когда насытившись, я собирался отойти от стола, то поставив около себя писца, как бы некие грезы, набросал тебе это письмо. Но желал бы я не на бумаге и при помощи чернил, а собственным моим голосом и языком, подробно рассказать тебе самому и любящим тебя обо всем, что видел у тебя чудесного".[1]

Роскошь виллы показывает, что для ее поддержания у Схоластика Адельфия была солидная материальная база, но в чем она заключалась, из письма не видно.

Вилла, несомненно, представляла крупное имение и имела значительное население, поскольку в ней строилась церковь. Автор упоминает о многих зданиях, но здания эти носят, главным образом, увеселительный, а не хозяйственный характер. Письмо Григория свидетельствует о высоком развитии в имении отдельных отраслей сельского хозяйства, особенно садоводства и рыбоводства, но ни одним словом не упоминает о непосредственных производителях, чьими трудами поддерживалось это великолепие.

Но, несомненно, и в этой идиллически красивой вилле непосредственные производители не благоденствовали. Дошедшие до нас современные источники свидетельствуют, что и малоазийские магнаты так же жестоко и деспотически относились к зависимому от них населению и вообще мелким земледельцам, как их антиохийские и эдесские собратья. „Ничто, — пишет Василий, — не противится силе богатства, все преклоняется пред его самовластием, все трепещет пред его владычеством потому что всякий из обиженных более думает о том, как бы еще не потерпеть какого зла, нежели о том, как бы отомстить за претерпенное. Богатый приводит волов, пашет, сеет, жнет на земле, ему не принадлежащей. Если станешь противоречить, тебе удары. Если станешь жаловаться, обвинят тебя в оскорблении, осудят, будешь сидеть в тюрьме; готовы клеветники, которые доведут тебя до опасности лишиться жизни, рад будешь и еще что-нибудь отдать, только бы освободиться от тяжбы".[2]

Крупные землевладельцы в подавляющем большинстве были лицами сенаторского сословия и высшими представителями императорской администрации.

Восточно-римская аристократия V—VI вв. была больше служилая, чем родовая. Это не значит, конечно, что не было в империи в эти века и родовой аристократии. Достаточно указать на друга Ипатии Синезия. Большую часть своей жизни он не занимал никаких государственных должностей, не принадлежал и к сенаторскому сословию, но его родовитость (он принадлежал к одной из знатнейших фамилий Пентаполя) вместе с образованностью и способностями выдвинули его на одно из первых мест в Пентаполе, где он всю свою жизнь играл очень крупную роль. Синезий выводил свой род от спартанских Гераклидов, которые, выселившись в 631 г. до нашей эры по приглашению дельфийского оракула с острова Феры, явились первыми греческими колонистами Кирены. Скоро после восшествия на престол Аркадия курия Кирены решила послать к молодому императору посольство, чтобы добиться облегчения налогового бремени, тяготевшего над Киреной так же, как

[1] Migne, XLVI, ep. XX, 1080—1086.
[2] Ibid., XXXI, 293.

и над другими городами Пентаполя. Курия поручила это трудное посольство Синезию именно потому, что он был представителем знатнейшей фамилии Пентаполя, несмотря на то, что Синезий едва достиг тридцатилетнего возраста. Синезий блестяще справился с своей нелегкой задачей. Он даже вышел за ее пределы, выступив перед императором со смелой речью, выражавшей программу антигерманской, римской партии, речью, смело затронувшей самые больные вопросы современности. После этого Синезий был освобожден от тяжелых личных повинностей декурионата, но, несмотря на это, он принимал и в дальнейшем самое живое участие в судьбах своей провинции и старался быть ей полезным чем только мог, охотно используя свое личное влияние и при Константинопольском дворе и у префекта-августала Александрии в интересах своих земляков. Его личное влияние в Константинополе было значительно не только при Аркадии, но и при Феодосии II. Если он не стоял в таких близких личных отношениях к префекту претория Анфимию, как к Аврелиану, то он оставался другом софиста Троила, который, по сообщению Сократа (VII, 1), был первым советником Анфимия.

29-е письмо Синезия показывает, какие дружеские связи у него были с префектом-августалом Александрии.[1] При помощи этих связей ему неоднократно удавалось призывать к порядку коррумпированную администрацию Пентаполя. По возвращении из Константинополя Синезий жил многие годы как состоятельный независимый частный человек то в городе Кирене, то в своем деревенском имении Ангимахе, занятый хозяйством, научными и литературными занятиями. Деревенскую жизнь Синезий описывает в своем „Дионе" и многочисленных письмах. Он получил от своего отца значительное наследство — частью землей, частью деньгами.

Синезий считает себя плохим хозяином. Он заботился не об увеличении своего имущества, а только пополнении своей библиотеки, которая была незаурядной. В ней можно было найти редкие вещи, как, например, малоизвестные мемуары Птоломея Лага, редкие сочинения Архилоха, Диона и др.[2] Но хотя Синезий и считал себя плохим хозяином, все же его письма показывают, что в деревне он был окружен достаточным комфортом и благосостоянием. Его имение было расположено внутри Киренаики, почти на самых южных ее границах, вдали от моря, вблизи соляных копей Аммония, в местности красивой и плодородной. В 114-м письме, адресованном своему брату Евоптию, проживающему в Фике, Синезий посылает восторженное описание своей резиденции: „Ты еще удивляешься, — пишет Синезий, — что ты похудел и испортил свое здоровье у этих засушенных фикутийцев. Напротив, ты должен удивляться, что твой организм еще выдерживает тамошнюю жару. Но с божьей помощью ты можешь притти к нам и здесь получить облегчение... Как хорошо здесь скрываться под тенью деревьев, и если тебе надоест одно, ты можешь перейти к другому и даже из одной рощи в другую. Как хорошо здесь переходить журчащие ручейки. Как хорошо здесь, когда легкий ветерок колышет листья деревьев. Сколько тут разнообразия в пении птиц, в окраске цветов, в кустарниках лугов. Все это — или плоды земледельческих работ, или подарки природы, но все это благоухает. Все это — произведения здоровой земли. Я не могу описать гроты нимф. Для этого нужен Феокрит".[3]

[1] Migne. P. Gr., LVI, 1358.
[2] K. Volkmann. Synesius von Cyrene, 100.
[3] Migne. P. Gr., LVI, 1495.

Имение Синезия, повидимому, было довольно крупных размеров, потому что в дальнейшем оно оказывалось в состоянии выдерживать осады и нападения мацетов.

В имении Синезия преобладало, повидимому, скотоводческое хозяйство; тут разводились большие стада лошадей, коз, овец, быков.

В письме к своему другу Олимпию (147) Синезий описывает жизнь, которую он ведет в деревне, как жизнь самую простую, патриархальную, как „жизнь во времена Ноя, когда справедливость не была еще подавлена".[1] Своих рабов Синезий по большей части освободил, а с оставшимися обращался гуманно и дружественно.[2] Он удивляется бегству отдельных рабов из его владений при таком его к ним отношении.[3]

Преобладали в деревне, повидимому, свободные крестьяне, которые относятся к Синезию с известной независимостью и без всякого подобострастия. Синезий рассказывает, что жители по-соседски помогают друг другу в полевых работах, разведении скота и на охоте. Кругозор деревенских жителей весьма ограничен, и они не знают ничего, что делается на белом свете за пределами их округи. Они с глубоким недоверием слушают рассказы Синезия о море, морских судах, парусах, о том, что море в состоянии доставлять людям пропитание. Когда Синезий однажды показал им кусок соленой морской рыбы, полученной им из Александрии, они приняли увиденное за ядовитую змею, а один старый крестьянин, считавшийся среди них наиболее разумным, заявил: „Как может в соленой морской воде появиться что-либо съедобное, когда даже прекрасная ключевая вода порождает только лягушек и пиявок, которые ни один разумный человек не станет употреблять в пищу?[4]

Политикой они совершенно не интересовались. Они знали о существовании императора, так как об этом им ежегодно напоминали налоговые сборщики, но большинство даже не знало его имени, а „некоторые из нас, — пишет Синезий, — до сих пор думают, что царствует Атрид Агамемнон, который некогда предпринимал поход на Трою".[5] Деревенское население в изображении Синезия — веселый народ, распевающий под аккомпанимент самодельной лиры простые деревенские песни, сюжетами которых является овца, приносящая много ягнят, охотничья собака, которая не боится гиены и хватает за горло волка, охотник, обеспечивающий сохранность стад и снабжающий людей обильным питанием, и, наконец, призывы к богам о ниспослании счастья и благоденствия людям, животным и растениям.

Из этого можно сделать вывод, что деревенское население Ангимаха оставалось языческим.

Население Ангимаха, по словам Синезия, не испытывало недостатка в продуктах питания. Белый хлеб и всякие фрукты и овощи, замечательный мед и козье молоко имелись в достаточном количестве. Добывалось много вина, оливкового масла, настолько жирного, что оно могло быть хорошо использовано для горения. Своим друзьям Синезий посылает в подарок превосходных лошадей, страусов, вино, оливковое масло, сильфий и другие продукты страны.[6]

---

[1] Migne. 1545.
[2] Ibid., 1359.
[3] Ibid., 1559.
[4] Ibid., 1550.
[5] Ibid., 1550.
[6] Ibid., 1522.

Но эта деревенская идиллия была нарушена для Синезия самым неприятным способом. Пентаполь в начале V в. страдал не только от тяжести налогов. К этому времени пришла в полный упадок военная охрана провинции, и она оказалась беззащитной перед набегами кочевых ливийских племен.

В военном отношении Пентаполь представлял самостоятельный военный округ, во главе которого стоял дукс. Но должность эта часто продавалась желающим ее купить и совершенно непригодным для руководства войском. Подобные люди, естественно, думали только о собственном обогащении. Пограничные крепости забрасывались. Воины стекались в города, представляя здесь тяжелую обузу для гражданского населения.

Разложение воинской охраны Пентаполя скоро заметили и хорошо использовали мацеты, кочевое ливийское племя. Объединившись с другими варварами в многочисленные отряды, они с каждым годом усиливали свои набеги на Пентаполь, сжигали деревни и фермы, захватывали скот, уводили женщин в рабство и истребляли мужское население.[1]

В 404 г. мацеты нападали уже на укрепленные пункты и небольшие города. Жестокий урон от этих набегов потерпел и Синезий. Но он не был похож на западноевропейских аристократов V в., пассивно созерцавших гибель империи. Уведомив Константинопольское правительство, что военные власти провинции не выполняют своего воинского долга, Синезий призвал к оружию своих крестьян и все население провинции.

Благодаря своим связям ему удалось достать для своего отряда оружие[2] и организовать нечто вроде ополчения, во главе которого он сам и стал.

Сознание своего славного происхождения от спартанских Гераклидов, по его словам, повышало его мужество. Несколько раз он храбро выдерживал осаду варваров в своем имении, а затем и выступал в боях против них в открытом поле. Он явился хорошим примером для окружающих, в частности для своего брата Евоптия, который подумывал уже о том, чтобы покинуть Киренаику. По примеру Синезия все население провинции организовало самозащиту, и в войне с варварами удалось добиться перелома. Спасти Ангимах Синезию все же не удалось. В 408 г. он должен был его покинуть, имея мало надежды вернуться обратно и перебраться в Кирену. Но, несмотря на тяжелые испытания, несмотря на потерю трех сыновей, Синезий и теперь не потерял мужества. Выдвинутый общественностью на пост епископа и вынужденный, несмотря на крайнее нежелание, принять это назначение, Синезий до конца своих дней защищал Киренаику в упорной борьбе против кочевых ливийских племен и против коррумпированной императорской бюрократии, управлявшей провинцией. Синезий был представителем родовой аристократии. Но преобладание в Восточной Римской империи все же имела служилая аристократия.

Описывая массовое разорение в Антиохии декурионов в конце IV в., Ливаний сообщает, что их земля без всякого затруднения скупали разбогатевшие на грабеже населения императорские чиновники, военные начальники, „члены высочайшего синклита".[3] В глухой Евфратисийской провинции на территории города Кирр раскинулись обширные владения патриция Ареовинда, консула в 434 г.[4]

---

[1] Migne. 1505.
[2] Ibid., 1490.
[3] Речи Либания, II, Казань, 1916, 136.
[4] Феодорит Киррский. Творения. Письма. Перев. Н. Н. Глубоковского, Сергиев-Посад, 1907, 28.

В Египте в IV—VI вв. в числе крупных собственников папирусы называют Флавия Серена, комита императорского консистория, Флавию Христодору, дочь патриция Иоанна, патрицианку Софию из Файюма, комита Аммония, дукса Фиваиды Афанасия и, наконец, Апионов, принадлежавших к высшим кругам восточно-римской знати, занимавшим должности префекта Египта, и достигавшим высшего звания — консула. Экономическая мощь крупных землевладельцев соединялась, таким образом, с мощью провинциального правительственного аппарата, который они в значительной степени держали в своих руках.

Провинциальная администрация или от них зависела или ими возглавлялась. Так, представители фамилии Апионов были пагархами и трибунами номов, в которых имели собственность, соединяя, таким образом, в своих руках и военную и гражданскую власть, и это господство провинциальной администрации отнюдь не являлось исключительной принадлежностью апионовой фамилии.

Неудивительно, что крупное сенаторское землевладение пользовалось многими налоговыми льготами. Отстраняя сборщиков правительственных налогов, пользуясь в большинстве своем правом автопрагии, крупные землевладельцы сами собирали поземельный налог со своих колонов и отправляли собранное в кассу начальника провинции. Как не принадлежащие к числу граждан того или другого муниципия, сенаторы — крупные землевладельцы — не несли никаких муниципальных повинностей, хотя бы они жили в пределах городской территории. Избавлены они были по большей части от так называемых munera sordida, т. е. поставки провианта для проходящих войск, помолки зерна, выпекания хлеба, устройства и починки дорог и мостов, доставки лесного материала, доставки телег, доставки почтовых лошадей и лошадей для перевозки грузов, от участия в общественных постройках и др.[1] Избавлены они были также от разных munera extraordina и литургий, которыми были обременены куриалы и мелкие земельные собственники.

Сильная тяга куриалов в сенаторское сословие показывает, как велики были налоговые привилегии сенаторов и как много куриалы могли выиграть от этой перемены.

Нужно сказать, что в V в. значительно облегчается и специально сенаторское обложение. При императоре Маркиане сенаторское сословие было освобождено от уплаты follis. При этом же императоре были освобождены от бремени претуры clarissimi, spectabiles.[2] Императорская власть была озабочена поддержанием престижа и достоинства сенаторского сословия. Занимали крупные землевладельцы особое положение и в применении „эпиболэ“. К ним применялось ἐπιβολὴ ὁμοδούλων. Крупное имение вносилось в особый кадастр и рассматривалось фиском как единое целое, даже если оно с течением времени было раздроблено между разными наследниками. Если какая-либо часть этого имения пустела, и владелец не мог за нее уплачивать подати, то она передавалась его бывшим владельцам или владельцам остальных частей того же имения, которые и вынуждались уплачивать за нее казенные подати (parcellae ex eadem substantia conservae).[3] Но фактически сенаторы находили средство избавиться от бесплодных земель. А правители провинций не имели

[1] Cod. Just., XII, 9. — Cod. Theod., XI, 12.
[2] H. Monnier. Études de droit byzantin. Nouvelle Revue historique de droit francais et étranger, XVI, 1889, 639.
[3] Ibid., 637.

ни необходимой силы, ни желания противиться притязаниям местной знати. Кодексы это подтверждают на каждом шагу.

Сенаторы имели широкие судебные привилегии. Они не могли быть подвергнуты пытке, за исключением случая оскорбления величества.

Если сенатор являлся истцом, его дело решалось у начальника провинции, если ответчиком — у префекта претория, который являлся судьей сенаторов.[1] В уголовных делах по сенаторским делам провинциальным судьям предоставлялось только предварительное расследование. Окончательный приговор для сенаторов, живущих в столице, исходил от префекта города, для провинциальных сенаторов — от префекта претория.[2] Позднее юрисдикция префекта города распространилась на всех сенаторов, городских и провинциальных,[3] причем префект судил сенатора совместно с сенаторской комиссией, состоявшей из пяти человек.

Валентиниан I постановил, что осуждение сенатора по уголовному делу должно санкционироваться императором, и он не может быть лишен свободы до окончания судебного следствия. С середины V в. привилегии сенаторов в этом отношении еще более расширяются. При Феодосии II ни один приговор против иллюстриев не должен был вступать в законную силу без его утверждения. Зинон оставлял за собой право вынесения окончательного приговора по отношению к иллюстриям.

Таким образом, мы видим, что все те перемены, которые происходили в восточно-римском обществе, послужили на пользу аристократии, земельные владения которой расширялись за счет разоряющихся куриалов и мелких земледельцев и обеспечивались закрепощенной за ним государством рабочей силой. Широкие привилегии, предоставляемые императорами сенатскому сословию в IV—V вв., не должны нас удивлять. Они исходили номинально от императора, а в действительности от императорского консистория, представляющего в значительной степени ту же сенаторскую аристократию. Член сенаторского сословия являлся естественным кандидатом на все высшие административные посты в имперском управлении, и это обстоятельство создавало самую тесную связь и солидарность между бюрократическим аппаратом империи и ее сенаторским сословием.

Агенты центральной власти — префекты претория, комиты финансов, palatini имели больше власти, чем провинциальные судьи, но они были не менее коррумпированы, чем провинциальная администрация, и крупнейшие из них принадлежали к сенаторскому сословию и щадили людей своего сословия. Самым важным делом налогового аппарата было распределение налогов — peraequatio, jugorum discussio, но те, которые этим делом занимались — peraequatores, — почти все принадлежали к сенаторскому сословию. По закону 442 г. они набирались между высшими командирами армии, адвокатами фиска.[4] Honorati по большей части были чиновные лица, бывшие правители провинций. Кучка местной знати принимала уполномоченных центральной власти, обсуждала новые индикты, принимала со спокойным духом новые налоги и распределяла их способом, наиболее выгодным для себя.

---

[1] Cod. Just., III, 25.
[2] Cod. Theod., IX, 1, 13.
[3] Lecrivain. Le Sénat Romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople. Paris, 1888, 92.
[4] Lecrivain, 92.

Эти широкие привилегии крупных землевладельцев объясняют причины широкого распространения патроната и бесплодность борьбы правительства с этим явлением в V—VI вв.

Из императорских конституций мы знаем, что основной причиной, побуждавшей мелких земледельцев отдаваться под патронат динатов, было огромное неравенство в распределении государственных налогов и повинностей. Тот класс, из которого преимущественно комплектовалась высшая военная и гражданская администрация — крупные землевладельцы, — имел возможность облегчать положение своих клиентов уже по одной той причине, что крупные имения во многих случаях являлись agri excepti, выделенные из территории civitas и находившиеся в прямой зависимости от центрального правительства. Уже у Гигина мы читаем: „Выделенными считаются земли лиц с высокими заслугами, так что они в целом поступают в частное владение и не обязаны никакими повинностями по отношению колонии и находятся на земле римского народа (Excepti sunt fundi bene meritorum ut in totum privati juris essent nec ullam coloniae munificentiam deberent et essent in solo populi Romani)“.[1] В теории agri excepti не были освобождены от государственных налогов, но они и по закону имели ряд привилегий, еще более расширяли их на практике и, во всяком случае, были освобождены от тяжелых муниципальных повинностей. Ряд имений был изъят из территории civitas в качестве собственности императора, divina domus, церкви или сенаторов. Эти имения, заключавшие в себе целые селения, управлялись земельными магнатами при помощи прокураторов,[2] и мы находим уже в Cod. Theod. различия между civitates и possessiones, из которых позднее развились византийские χωρία ἐλευθερικά и ἰδιόστατα.[3] Одним из мотивов правительственной борьбы против патроната было то обстоятельство, что правительственная власть учитывала привилегии динатов и церковников, учитывала трудность получения с них тех налогов и повинностей, которыми были обложены мелкие земледельческие общины. Но именно эта трудность, эти привилегии и объясняют естественное желание мелких земледельцев избавиться от тяжелых фискальных поборов под сенью agri excepti. Именно эти agri excepti и их привилегии можно рассматривать как один из важнейших факторов в упадке муниципальных учреждений, на которых строилась вся налоговая политика правительства, а патронат — как своеобразный протест против вопиющей неравномерности в раскладке налогов, против системы привилегий и изъятий. Патронатные отношения развивались не только среди земледельческого населения. Кодекс Феодосия показывает, что подобная же практика была усвоена ремесленниками городов для избежания collatio lustralis,[4] navicularii,[5] для избежания своих транспортных повинностей, pistores и suarii относительно их специальных повинностей. Среди всех этих групп населения наблюдается одна тенденция: пользуясь признаваемым законом широким и эластичным правом патроната, освободиться полностью или частично от подавляющего бремени государственных повинностей. Но земельный патронат занимал, разумеется, центральное место,

---

[1] Gyg., 197, 10.

[2] S. Dill. Roman Society in the last century of the Western Empire. London, 1905, 222.

[3] K. Zachariae v. Lingenthal. Geschichte d. griechisch-römischen Rechts, 281.

[4] Cod. Theod., XIII, 1.

[5] Ibid., XIII, 7, 1, 2.

поскольку сельское хозяйство являлось источником существования огромного большинства населения империи, и поземельный налог — главным источником правительственных доходов.

Действительная борьба против патроната могла быть проведена уничтожением agri excepti, т. е. уничтожением привилегий крупного землевладения, равномерным распределением налогового бремени, но эти мероприятия было неспособно провести в жизнь правительство, отстаивавшее интересы крупных землевладельцев и ценившее metrocomiae и vici publici только как объект правительственной фискальной эксплоатации.

Если potentissimi являлись основными держателями императорской земли, то так же обстояло дело и в отношении церковных земель, которые в V—VI вв. быстро росли и в VI в. разрослись до того, что, по данным проф. В. В. Болотова (отнюдь не преувеличенным), занимали одну десятую часть всей территории империи, притом лучшую часть этой территории.

Несомненно, что обширные церковные владения были для магнатов постоянным соблазном. Они стремились овладеть ими силой или заставить церковников „добровольно" их уступить. То они насильственно вступали в церковные владения со своими вооруженными людьми, то привлекали к себе церковных колонов обещанием патроната,[1] то вынуждали епископов продавать им церковные земли.[2] Таким образом церковные земли переходили незаметно и по низкой цене в руки частных лиц.[3]

В новелле LXV, обращенной к правителю Мезии, разрешалось продавать церковное недвижимое имущество для выкупа пленных. Юстиниан пишет: „епископу города Одиссы было запрещено продавать церковные имущества, чтобы кто-либо из динатов не вынудил у него передачи ему церковного имущества за бесценок (sed etiam hoc in nostram venit memoriam, quod Martino viro sanctissimio episcopo Odessitanae civitatis formam et ante legem dedimus, prohibentem eum ecclesiasticas res vendere, ne qui ex potentioribus ei necessitatem imponant secundum suum propositum res ecclesiasticas vendere)".[4]

Решительно запрещая эту практику, VII новелла вооружается и против разных злоупотреблений и распоряжений церковными имуществами. А именно, церковные власти, угодничая перед знатными эмфитевтами, взимали с них уменьшенную ренту, гораздо ниже фактического дохода и передавали церковные земли в наследственное владение этим эмфитевтам: καὶ ἠλάττωσαν πολλῷ τὸ ποσὸν τῆς ἀληθοῦς προσόδου τοῖς ἐμφυτευταῖς χαριζόμενοι.

Поэтому, по словам новеллы, многие весьма ценные подгородные имения, которые имеет константинопольская церковь, приносят ничтожный доход или не приносят никакого.[5]

Эти новеллы убеждают нас в том, что potentissimi являлись держателями также значительной части церковных земель в качестве эмфитевтов, притом на очень выгодных для себя условиях. Для примера приведем один из денежных документов крупного земельного собственника Аммония, который являлся в VI в. эмфитевтическим держателем земли одного египетского монастыря. Из этого документа видно, что

1 Nov., XVII, 13, 14.
2 Ibid., LXV, 5.
3 Ibid., XLVI, praef.
4 Ibid., LXV, praef.
5 Ibid., VII, 11.

для каждого колона велся особый денежный счет, в котором указывалось, сколько с него получено деньгами и натурой, сколько уплачено монастырю и казне и сколько осталось для собственника. По счету Тсебинктора 9 индикта поступило пшеницы $93^1/_2$ артаб, ячменя $95^1/_2$ артаб, деньгами 1 номисма без 2 кератиев. Расходы же по этому счету составили на аннону 9 индикта 60 модиев, или 20 артаб, денежные налоги — 1 номисма без 3 кератиев и монастырю Афродито, держателем которого являлся означенный комит, только 21 артаб.[1]

Если вести счет на артабы, то видно, что в „каноне", выплачиваемая Аммонию Тсебинктором, в противоположность установившимся взглядам, доля эмфитевта значительно выше доли государства и собственника: государственный налог равнялся примерно 40 артабам, тогда как доли, получаемые Аммонием, составляют $113^1/_2$ артаб пшеницы и $25^1/_2$ артаб ячменя.

Мы видим, что автономные императорские сальтусы, магнатские поместья, патроцинии, букелларии свидетельствуют о нарастающей феодализации восточно-римского общества V—VI вв. и в то же время мы установили, что крупное землевладение выступает не совсем с теми чертами, какие мы видим на Западе.

Некоторые историки, как, например, К. Успенский в его „Очерках по истории Византии", игнорируя классовую борьбу народных низов против эксплоататорского класса, на первый план выдвигают противоречия внутри господствующего класса: предполагаемую борьбу Юстиниана против сенаторской аристократии или борьбу между крупным светским и церковным землевладениями, кончившуюся, по мнению Успенского, разгромом экономической мощи сенаторов и победой церковного землевладения.[2] Источником этих суждений является „Тайная история" Прокопия, сообщающая, что после подавления восстания Ника в 532 г. было сослано большое количество сенаторов. Прокопий рассказывает, что Юстиниан овладел после смерти Зинона, внука императора Анфимия, его огромным имуществом,[3] а также имуществом Татиана, Демосфена, Илария, Дионисия — богача Ливана, Иоанна — богача Эдессы.[4] Юстиниан, по мнению Прокопия, вел вообще войну против богатых. Чтобы воспользоваться их богатствами, он „без всякой вины осуждал их, одних обвиняя в многобожии, других в ересях и в неправом исповедании христианской веры, иных в педерастии и в любовных связях с монахинями или в других каких-либо незаконных сожительствах, или в подготовлении заговора и оскорблении его личности, как императора, или приписывая им какое-либо другое слово и выражение, или вдруг оказываясь наследником умерших, а бывало иногда еще и живых, как будто еще усыновленный ими".[5] До восстания Ника Юстиниан, по словам Прокопия, „поодиночке прибирал имущество богачей. После же восстания он попросту конфисковал имущество почти всех членов Сената, присвоив себе все их движимое имущество и из имений самые лучшие, какие только хотел. Из остальных земельных владений, выбрав те, которые были обложены очень тяжелыми и несправедливыми налогами, он под видом гуманности отдал их прежним владельцам. Поэтому-то, схваченные за горло сборщиками податей и мучимые все нарастающими каким-то образом процен-

---

[1] P. Cairo, 67, 138.
[2] К. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I, М., 1917, 98.
[3] Procopii Historia arcana, XII.
[4] Ibid., 12.
[5] Ibid., XIX, 11.

тами по своим обязательствам, они жаждали смерти, конца несчастной своей жизни, против воли влача свое жалкое существование".[1] Таким образом, если верить Прокопию, сенаторское землевладение при Юстиниане потеряло всякое экономическое и политическое значение и влачило самое жалкое существование. Если бы это было верно, то такое положение означало бы решительный разрыв правительства с его старой политикой и изменение самой социальной базы, на которой держалась империя. Но можно ли всецело полагаться на такой источник, каким является „Тайная история". Как опасно верить единичному свидетельству памфлета Прокопия, показывает то обстоятельство, что Иоанн Антиохийский аналогичные обвинения возводит на Анастасия, при котором Константин Успенский хочет видеть золотой век старой сенаторской аристократии. По словам Иоанна Антиохийского, Анастасий „целиком устранил аристократию", продавал должности людям нечестным, „обратился к ненасытной жажде денег", „водворил всеобщую бедность".[2]

В настоящее время не подлежит никакому сомнению, что „Тайная история" является продуктом творчества резко враждебной Юстиниану группы, в основном состоявшей из сторонников восточной политики Анастасия.

Оттесненная на задний план после смерти Анастасия, ущемленная в своих экономических интересах, разгромленная после подавления восстания Ника, эта группа питала бешеную ненависть к Юстиниану и его политике, ненависть, так ярко проявившуюся в „Тайной истории".

Прокопий сам был выходцем из восточных провинций и был, повидимому, тесно связан с этой группировкой. „Было бы нелепостью, — говорит Диль, — слепо принимать все, что дают 'Ανέκδοτα. Есть в этом памфлете явная ложь и чистейшие глупости, и, однако же, нельзя сказать, чтобы в нем совершенно не было правды. Излюбленный метод Прокопия в «Тайной истории» состоит в том, что в основу обвинений против Юстиниана берутся бесспорные факты. Но эти бесспорные факты преувеличиваются и доводятся до крайних пределов. Отдельное происшествие, единичный случай Прокопий возводит в общую практику, и из него возводит самый принцип управления. Он постоянно преувеличивает и таким образом из действительных фактов ухитряется выводить самые ложные заключения".[3]

Бесспорным фактом является то, что Юстиниан круто расправился с той частью сенаторской аристократии, которая выступила против него во время восстания Ника.

Из других источников — Пасхальной хроники, Малалы, Феофана — мы знаем, что после подавления восстания Ника 18 иллюстриев подверглись конфискации имущества и были отправлены в ссылку.[4]

Таким образом факт конфискаций не приходится отрицать. Но можно ли усматривать в этих конфискациях сознательное стремление Юстиниана ликвидировать аристократию? Не была ли это простая расправа императора со своими политическими врагами, столь часто встречающаяся в истории императорского Рима, и одним из легких способов расширить свои владения, примеры чего были часты и при предшествующих императорах! Мог ли Юстиниан, напрягая все силы для осуществления своего

[1] Ibid., XII, 12—13.
[2] F. H. Ir. Jo. Ant. frg. 215.
[3] Шарль Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, стр. XII.
[4] Chron. Pasch., 628, — Mal., c. 41. — Theoph., 185.

химерического плана восстановления единой Римской империи, подавляя постоянные восстания димов, армии, восстания в провинциях, ведя жестокую борьбу с ересями, взвалить на себя еще задачу разгрома экономической мощи сенаторов и крупного светского землевладения и во имя каких целей?

Юстиниана никак нельзя представлять борцом за интересы народных низов. Не подлежит никакому сомнению, что он усердно защищал интересы крупного землевладения и на Востоке и на Западе Европы в течение всего своего 38-летнего правления. В конфискованных землях он отнюдь не ликвидировал экономической и социальной зависимости колонов и большую часть конфискованных земель раздавал также облеченным в сенаторское звание своим приближенным и любимцам или монастырям. Во всяком случае, ни одна из многочисленных привилегий сенаторского сословия не была у него отнята Юстинианом.

Императорская власть попрежнему видела в сенаторском сословии свою социальную опору и правящий класс империи. Характерна в этом отношении появившаяся в 537 г., уже после восстания Ника, LXII новелла Юстиниана. В этой новелле Юстиниан говорит о старом величии сената. „В древнейшее время авторитет Римского сената подкреплялся такой силой власти, что весь мир был подчинен римскому ярму, его управлением внутренней и внешней политикой“. Упомянув затем, что „к благу для республики права римского народа и сената были переданы императорскому величию (quum ad majestatem imperatoriam jus populi Romani et senatus felicitate rei publicae translatum est.)“, Юстиниан подчеркивает, что и после этого сенаторы остались правящим классом империи: „И теперь сенаторы оставались во главе правления, продолжали командовать войсками“. Разница лишь в том, что управляли „те сенаторы, которых избирал император и ставил во главе управления делами. Остальные сенаторы в это время оставались на покое“.

Далее Юстиниан констатирует, что в его время количество таких „находящихся на покое сенаторов“ сведено до минимума. „Вследствие многих различных предприятий, которые наше величество неутомимо осуществляет во внутренней и внешней политике, количество не состоящих на действительной службе сенаторов крайне уменьшилось“. Подразумеваются, конечно, иллюстрии.

Юстиниан поэтому считает необходимым увеличить количество членов сената „людьми, отличающимися знатностью происхождения и своим авторитетом с тем, чтобы одна часть сената на действительной службе проявляла свою мудрость, другая же, которая остается на покое, иным способом проявляла свои способности в пользу республики“. Юстиниан, очевидно, хочет, чтобы вообще не было сенаторов, находящихся „на покое“.

С этой целью Юстиниан объединяет сенат с императорским консисторием, сделав его высшей апелляционной палатой по судебным делам для „распространения чистого права и света справедливости“. Далее он включает сенаторов вместе с proceres в состав императорского силенциума. Таким образом, если рассматривать эту новеллу без всякой предвзятости и видеть в ней только то, что там действительно написано, то можно вывести заключение, что Юстиниан, в котором некоторые буржуазные историки хотят видеть врага сенаторского сословия, относился к сенату с большим почтением и заботился о расширении функций его деятельности.

Он увеличил количество его членов и объединил его с консисторием для решения судебных дел, сделав высшей апелляционной судебной

палатой. Нельзя отрицать, что Юстиниан круто расправился с той частью сенаторской аристократии, которая выступила враждебно против него во время восстания Ника, но нельзя говорить о разгроме им экономической мощи крупного землевладения, так как, во-первых, Юстиниан не ставил себе такой задачи, а, во-вторых, целый ряд источников, как, напр., папирусы византийского Египта, документы византийской Италии, свидетельствуют о том, что крупное светское землевладение сохранилось и даже усилилось после Юстиниана. При его преемниках роль крупного землевладения еще более возросла, о том свидетельствует новелла 569 г., официально передавшая провинциальное управление в руки крупного землевладения.[1]

Местным крупным землевладельцам предлагалось выдвигать кандидатуры на пост президa провинции, и Юстин обещал утверждать их безвозмездно. Нельзя отрицать, что одновременно со светским и, быть может еще в большей степени, росло крупное церковное землевладение, но ни в одном источнике нельзя найти указания на борьбу между сенаторским сословием и церковью в VI в. Обе прослойки эксплоататорского класса в своем большинстве одинаково поддерживали завоевательные планы Юстиниана и способствовали подавлению движения эксплоатируемых народных масс.

Разноплеменное население империи объединял и эксплоатировал государственный аппарат в том виде, как он был сформирован еще Диоклетианом и Константином. Во главе его стоял император, считавшийся неограниченным повелителем. Фактически империей управляла многочисленная бюрократия, которая пополнялась в значительной степени из разночинцев и даже варваров, продвигавшихся на высшие посты обычно через армию, но которая по источнику своего происхождения, по назначению и характеру своей деятельности выражала интересы крупных землевладельцев.

Деятельность высших сановников объединял совет императора, называемый со времени Диоклетиана консисторием. На ряду с консисторием сохранялся сенат или синклит. Функции его трудно точно определить, но, во всяком случае, он играл крупную роль как политический фактор в вопросе избрания императора, при решении важнейших дел международной политики, а также особо важных судебных дел. Его значение заключалось в том, что он объединял всех настоящих и бывших носителей ответственных должностей в государстве и выражал интересы богатейших и влиятельнейших элементов населения. Сенаторское землевладение, естественно, стремилось использовать императорскую власть как свое послушное орудие, но само сенаторское сословие не представляло монолитного класса. В нем образовывались различные группировки, ведшие ожесточенную борьбу за власть и влияние. Возглавляя одну группу, императорская власть, естественно, вынуждалась вести борьбу с другими, откуда у буржуазных историков (Bury, Runciman, К. Успенский) создается иллюзия о непрерывности борьбы между императорской властью и сенаторской знатью до IX в.

Хотя на Востоке, как и на Западе, процесс развития общественных отношений неизбежно приводил к известной децентрализации, росту самостоятельности отдельных земельных магнатов, пытавшихся присвоить себе в своих владениях политические права, создавая тем угрозу единству государства, однако в Восточной империи оказались налицо фак-

[1] K. Zachariae v. Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, nov. V, 11.

торы, затормозившие этот процесс. Крупное землевладение здесь все же не вполне сходно с западным. Крупное имение здесь, как мы видели, не превращается в самодовлеющий хозяйственный организм, не связанный ни с городом, ни с каким-нибудь более широким рынком. Оно оставалось втянутым в торговый оборот, так как крупные города с десятками и сотнями тысяч жителей нуждались в значительных массах сельскохозяйственных продуктов. Но крупное землевладение было заинтересовано в укреплении государства не только потому, что оно нуждалось в охране своих торговых интересов. Напуганное революционным движением рабов и колонов, которое, хотя, наружно подавленное, всегда готово было вспыхнуть вновь, крупное землевладение в основной своей массе на Востоке сознавало необходимость сплочения вокруг императорской власти и сохранения централизованного государства.[1]

Это ярко проявилось в событиях 400 г. во время ликвидации варварской опасности, борьбы с Трибигильдом и Гайной и во время долгого 42-летнего правления Феодосия II, получившего императорский престол семи лет отроду. В истории Рима кажется не было случая, чтобы малолетний наследник мог спокойно наследовать трон отца. И, однако, Феодосий II правил империей в течение 42 лет, хотя он и по достижении совершеннолетия не обнаружил никаких качеств правителя, больше всего интересуясь искусством красивой переписки рукописей, отчего получил от своих подданных прозвище „каллиграфа". Напуганная событиями на Западе, высшая служилая знать и сенаторское сословие, сознавая необходимость сплочения, прочно держала в своих руках власть и при Аркадии и во время долгого правления его сына. Не изменилось по существу положение и в VI в., что доказывается тем, что всякие восстания против императорской власти в V и VI вв. обычно терпели поражение.

До нас дошли фрагменты одного политического трактата VI в., показывающие, как сама аристократия расценивала свою роль в государственном управлении. Эти фрагменты не оставляют в нас никакого сомнения в том, что и в VI в. сенаторская аристократия была проникнута уверенностью, что правление государством составляет ее неотъемлемое право и обязанность. Среди произведений византийской литературы, знакомящих нас с состоянием и развитием политической мысли византийцев, важное место принадлежит трактату „περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης", от которого, к сожалению, сохранились только фрагменты, опубликованные Angelo Mai во втором томе его „Scriptorum veterum nova collectio" (pp. 590—609), автором которого, по предположению Mаи, являлся Петр Патрикий. Об этом Петре, который был одним из выдающихся деятелей юстиниановского времени, мы знаем как о богатом землевладельце, владельце острова Аконитис,[2] и как об одном из самых выдающихся, образованных и талантливых представителей восточноримской аристократии VI в. Поэтому, если этот политический трактат принадлежит действительно его перу, то политические идеи, в нем выраженные, приобретают для нас тем более выдающийся интерес. Как это и естественно для восточно-римского аристократа VI в., автор трактата отрицательно относится к демократии и не верит в целесообразность участия масс в государственном управлении. По его мнению, обязанность государства не просто управлять, но хорошо управлять

[1] Е. А. Косминский. Лекции по истории средних веков, ч. I, М., Учпедгиз, 1938, 83.
[2] A. Mai, 600.

(οὐ πράξεως ἁπλῶς, ἀλλὰ καὶ εὐπραξείας). Эти обязанности не могут быть выполнены массами, так как народ склонен к раздору. Нужно держать его в узде (χαλιναγωγία) и вести его к счастью помимо его воли посредством морального воспитания и совершенствования. Этот социальный пессимизм и педагогическая концепция государства сближают Петра с Платоном и с современником Петра Агапитом, предназначавшим массам также только пассивную роль. Автор не подвергает сомнению необходимость монархии и в первом своем основном законе государственного управления говорит о царстве, данном богом и переданном гражданам (βασιλεία παρὰ θεοῦ δεδομένη καὶ παρὰ τῶν πολιτῶν προσφερομένη), но подчеркивает, что глава государства должен ограничиваться дачей общих директив и избегать мелочного вмешательства в дело государственного управления. Только при этих условиях можно добиться справедливости и прочного порядка (ἡ πολιτεία δικαιοτέρα τε καὶ εὐσταθεστέρα γένοιτο).[1]

У автора трактата нет и тени сомнений в огромной важности сената (σύγκλητος βουλή) для дела государственного управления, и он говорит о сенате, как опоре монархического государства во втором своем основном законе государственного управления, причем специально подчеркивает, что сенат должен состоять из аристократии (τῶν ἀρίστων σύγκλητος). Подобно Платону, все свои надежды автор возлагает на аристократию, способности высшего класса общества и не считает необходимым, чтобы все население империи было политически просвещено.

Указывая, что сенат должен комплектоваться из аристократии, он представляет его как классовую организацию не только по составу, но и по функциям. Все носители высших должностей должны комплектоваться из аристократии, и этот принцип автор производит в четвертый основной закон государства (τέταρτος περὶ τῶν μεγίστων ἀρχῶν καὶ τῆς τῶν ὁμοίων ἀρχόντων ἐκ τῶν ἀρίστων ἐπιλογῆς).

Автор доказывает, что, по его мнению, для благоустройства государства (εὐταξίας) μέγισται ἀρχαί должны назначаться только из лиц, принадлежащих к высшему классу. Автору, очевидно, неприятна установившаяся в Восточной империи практика, по какой и лица незнатного происхождения зачастую проникали в высшие ряды правительственной администрации. Он требует, чтобы между правительственной администрацией и земельной аристократией была самая тесная и неразрывная связь.[2] Только при этом условии может быть обеспечено господство законности, которая составляет истинную основу силы и могущества государства. Таким образом автор оправдывает господство аристократии тем, что она является носителем „законности", оплотом правового порядка, тем, что только она может обеспечить господство законности в управлении государством. В своем прославлении „законности" автор трактата не одинок. Одновременно с ним эту законность прославляют Иоанн Лид[3] и сам Юстиниан.[4]

Но, как мы видели, практика управления и администрации значительно отходила от предписаний закона, и само правительство часто нарушало издаваемые им же законы. Это особенно часто наблюдалось при Юстиниане, которого Прокопий обвиняет в несоблюдении им самим опубликованных законов.[5] Поэтому можно считать, что Петр, уделяя такое

---

[1] Ibid.
[2] Ibid., 103.
[3] De magistratibus, Bonnae, 1837, 123.
[4] Nov., CXIII, praef.
[5] Procopii Hist. arcana, XIII, 20,85.

внимание идее законности, придавая такую важность идее легального порядка, касался вопроса действительно актуального и, так сказать, одной из язв существующего строя. Петр хочет укрепить легальность на непоколебимой базе, выдвигая ее в разряд конституционного принципа. Далее автор намечает те условия, которым должна отвечать восточно-римская аристократия, чтобы оправдывать свое высокое назначение.

Аристократия, по мысли автора, не должна замыкаться в узкий круг своих классовых интересов (ἰδιοπράττειν); она должна развивать деятельность, только исходя из общественных интересов, играть роль в государстве, аналогичную той, которую на рынке играют эдилы и торговые надзиратели (V, 20: ὥσπερ οὓς ἀγορανόμους καλοῦσιν ἐν ταῖς πόλεσιν καὶ τῶν ὠνίων ἐπόπτας, οὕτω δὴ καὶ ἡμᾶς τοὺς ἀρίστους ἐπιστήσοντας τῆς πόλεως καὶ πολιτείας δόγμασιν).

Держась на почве права и справедливости, аристократия должна защищать народ, покровительствовать ему и не позволять сильным действовать в ущерб закону.[1] Политические взгляды автора можно рассматривать как программу и политический манифест наиболее передовой и сознательной части восточно-римской аристократии VI в., хорошо сознающей свои общественные интересы. С этой точки зрения было крайне важно обуздать феодализирующие тенденции провинциальных магнатов, ограничить эксплоатацию непосредственного производителя известными нормами, сгладить все глубже расширяющуюся пропасть между верхами и низами восточно-римского общества. Это побуждало автора рекомендовать своим собратьям по классу не позволять сильным действовать в ущерб закону и ставило перед ним задачу защиты непосредственных производителей. Но экономическая и политическая действительность мало соответствовала этим пожеланиям императорских новелл и трактатов передовых представителей самой аристократии.

В области внешней политики Восточная Римская империя при Юстиниане переходит от обороны к наступлению и производит отчаянную попытку „реставрации" старых порядков на Западе. С 533 г. Византия обрушивается на варварские королевства на Западе, и в течение десятков лет на это бросаются лучшие военные силы и средства империи. С внешней стороны завоевания Юстиниана были достаточно велики, но эти внешние успехи были куплены слишком дорогой ценой — ценой разорения Востока. Политика эта закончилась крахом. Идеологическая опора правительства—православная церковь, стоила очень дорого, причиняла массу трудностей своей политикой церковного фанатизма и нетерпимости и не могла обеспечить единство эксплоататоров и эксплоатируемых. Монофизитство явилось знаменем сепаратизма восточных провинций и подготовило их политическое отделение. Уже давно назревшее грозное недовольство народных низов прорвалось с могучей силой в начале VII в.

Переворот 602 г., произведенный войском и константинопольским плебсом, сбросил правительство крупных земельных собственников и поставил у власти солдатского императора центуриона Фоку.

Сенаторская аристократия была изрядно потрепана террористическим режимом Фоки, и хотя ей удалось сбросить Фоку и восстановить свою власть при Ираклии, однако глубокая враждебность народных масс к правительству и земельной аристократии не позволили ей ликвидировать

---

[1] В. Вальденберг. Политические идеи в фрагментах, приписываемые Петру Патрикию. Βυζάντιον, II, (1925).

последствия событий 602—610 гг. В результате империя потерпела жестокий военный разгром в 40-х годах VII в. и лишилась двух третей своей территории, захваченной арабами на юге и славянами на севере. Она утратила характер мировой империи и превратилась в восточное греческое государство, которое в своем этническом составе и социальной структуре представило ряд новых черт. Массовое вселение на территорию империи в VII в. славян, армян, мардаитов значительно увеличило удельный вес мелких свободных земледельцев. Славяне целыми массами заселили европейские провинции. Даже в Малой Азии они насчитывались десятками и сотнями тысяч. В связи с этим в империи умножаются свободные крестьянские общины, усиливается мелкое крестьянское землевладение, исчезает колонат. Крупное частное землевладение подвергается тяжелым ударам в обстановке беспрерывных варварских вторжений и не может сохранить старые формы эксплоатации земледельческого населения.

В связи с упадком крупного частного землевладения слабеет и роль сенаторского сословия. Образование же в Византии класса свободных крестьян, оживление общинных порядков в связи с внедрением славян и других варваров имели огромное значение для дальнейших судеб империи. На базе малых крестьянских хозяйств создается сильное военно-служилое сословие, которое в течение веков в обстановке почти непрерывных войн, иногда на два-три фронта, упорно отстаивало границы империи, защищая теперь не землю господ, а свою собственную землю.

Е. Э. ЛИПШИЦ

ВИЗАНТИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

(преимущественно по данным земледельческого закона)

Вопрос о положении византийского крестьянства и состоянии сельского хозяйства в период славянской колонизации Балканского полуострова VI—VIII вв. является одним из наиболее сложных и трудных.

Это обусловлено в значительной степени тем обстоятельством, что документация, имеющаяся для периода VII—IX вв. вообще крайне скудна. Большинство документов, составленных деятелями иконоборческой ориентации, а также и сочинений, принадлежащих перу писателей-иконоборцев, было уничтожено восторжествовавшими в IX в. их противниками.

Единственным сохранившимся источником, более или менее детально освещающим положение крестьянства в эту эпоху, является Земледельческий закон. Содержащиеся в нем сведения о крестьянской общине и условиях сельскохозяйственного быта византийской деревни имеют бесспорно исключительное значение. Один уже тот факт, что насчитывается много десятков греческих рукописных версий закона (относящихся к периоду времени от X до XVIII в.) и что существует несколько переводов закона на славянские языки, указывает на большую практическую важность закона и для Византии и для государств, унаследовавших частично византийские правопорядки.

Именно по этой причине закон с самого момента опубликования его рукописных версий привлекал к себе самое пристальное внимание исследователей политической и социальной истории Византии.

В то же время использование закона в качестве исторического источника и анализ его представлял и представляет значительные трудности, так как вопрос о месте и времени его издания и даже о его точном первоначальном тексте остается и до сих пор предметом дискуссий.

За время почти столетнего изучения Земледельческого закона было высказано немало ценных и интересных соображений по его поводу. Однако среди разнообразных попыток разрешения проблемы, подчас взаимно исключающих друг друга, нет ни одной общепризнанной и окончательной. Все они требуют самой тщательной проверки. Это тем более необходимо, что за последнее время были приведены в известность новые материалы, которые не могли быть прежде использованы исследователями, в свое время создавшими наиболее авторитетные и основательные гипотезы по вопросу о происхождении закона.

Правда, нельзя не отметить, что отсутствие еще и в настоящее время публикаций всех имеющихся материалов (сосредоточенных пре-

имущественно в зарубежных собраниях) ставит перед советским исследователем известные препятствия для всестороннего освещения вопроса. Но все же даже и тот материал, который уже приведен в известность, дает возможность наметить некоторые (и притом важнейшие) вехи по пути разрешения проблемы.

I. РУКОПИСНЫЕ ВЕРСИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ЗАКОНА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЕГО ТЕКСТА

В рукописной традиции текст закона представлен чрезвычайно многообразно и богато. В собраниях Западной Европы и СССР насчитывается до сотни списков Земледельческого закона X—XVI вв., разнящихся друг от друга во многих существенных чертах.

Еще более отличный текст Земледельческого закона содержат в себе позднейшие законодательные сборники балканских народов. Текст этот включает лишь незначительную часть статей, входящих в состав древнейших рукописей, и в то же время дополнен многими другими постановлениями, отсутствующими в более древних рукописях.[1] Однако исследование этих последующих этапов развития закона и связанных с ним вопросов позднейшей истории балканских и соседних стран выходит за рамки настоящей статьи. Вопросы эти рассматриваются в ней лишь в той степени, в какой освещение их необходимо для установления первоначального состава закона. Что касается последнего, то его точное определение представляет весьма значительные, часто даже непреодолимые, трудности именно вследствие огромного разнообразия рукописной традиции.

Если обратиться к более древней группе рукописей X—XVI вв., то можно убедиться в том, что среди них имеются две резко отличающиеся между собой редакции текста закона.

В первой редакции текст закона имеет предисловие и членение на 10 глав. Число статей достигает иногда до девяносто одной. Текст закона в этой редакции представляет собой одно из приложений к „руководству" права, составленному в середине XIV в. фессалоникским законоведом Константином Арменопулом.

Именно в этом виде текст Земледельческого закона и был первоначально опубликован.

Но уже в середине XIX столетия Цахариэ фон Лингенталь обратил внимание на наличие иной редакции Земледельческого закона. Эта редакция нередко встречается в рукописях, относящихся к эпохе, предшествующей времени составления руководства Арменопула (к XI—XIII вв.). В рукописях этого — второго — типа редакция текста даже внешне сильно отличается от первой. Предисловие отсутствует. Нет и подразделения на главы. Сохраняется лишь членение закона на статьи, число которых значительно меньше, чем в рукописях первого типа (83—86). Обычно в этой группе рукописей текст закона сопровождает другие сборники византийского права VIII—IX вв. (Эклогу, Прохирон, Эпанагогу и т. д.), нередко в сочетании с так называемым „Морским законом".[2]

---

[1] Напр., в рукописи закона XVIII столетия, хранящейся в Румынской Академии Наук под № 378, из сборников Юстиниана заимствованы три статьи, не находящие аналогий в древних списках закона.

[2] В рукописи закона XI в. собрания Гос. Исторического музея (№ 318/467), подготовляемой нами в настоящее время к изданию, за Земледельческим законом следует Морской закон.

Некоторые из вариантов текста этой группы были с тех пор опубликованы К. Феррини и В. Эшбернером. Кроме того, А. С. Павловым был издан славяно-русский перевод закона с параллельным греческим текстом рукописи Московской синодальной библиотеки и разночтениями из пергаменной рукописи XI в. того же собрания.

Очень близкий по своему характеру текст закона содержит и так называемая „Эклога, измененная по Прохирону", составленная, по всей вероятности, во второй половине XII в.[1]

Однако постановления Земледельческого закона рассеяны в этом законодательном сборнике среди других статей и приводятся с нарушением обычной (в других вариантах) последовательности постановлений.

Как уже было указано выше, в распоряжении современного исследователя имеется множество вариантов текста памятника даже в пределах лучшей древнейшей группы рукописей X—XIII вв. Возникает вопрос, можно ли выявить среди этой множественности вариантов тот, который воспроизводит текст закона в его первоначальном виде.

Эшбернер, проделавший большую работу над семью рукописями Земледельческого закона X—XIII вв., пришел к заключению, что их можно разбить на семьи. К первой семье им отнесены две рукописи XI и XII вв. библиотеки Марка в Венеции (Marcianus graecus fondo antico 579 и 167). Эшбернер считал, что именно эти рукописи дают лучшую из сохранившихся редакций текста. Вторую семью, значительно уступающую первой, составляют, по его мнению, три рукописи XI—XII—XIII вв. (Vaticanus graecus 2075, Valicellianus E. 55 и Ambrosianus Q. 25). Наконец, к третьей семье им отнесены две парижские рукописи XII в. (Paris. graec. 1367 и Paris. graec. 1384).[2]

Если принять эту классификацию за основу, то последнюю семью можно расширить, включив в нее вышеупомянутую рукопись Гос. Исторического музея (ГИМ) № 318/467. Сходство в деталях этой рукописи с рукописью Par. gr. 1367 так велико, что напрашивается предположение о единстве руки переписчика или, во всяком случае, о безусловном тождестве оригинала, использованного в обоих случаях.

Однако предложенную Эшбернером классификацию можно признать правильной лишь в части установления родства между отдельными рукописями, да и то с оговорками. Сопоставление всех этих рукописей друг с другом показывает с очевидностью, что ни одна из них не являлась первоисточником для других и что нередко именно те рукописи, которые отнесены к третьей, „худшей", семье, содержат редакцию текста, вероятно, более близкую к неизвестному первоначальному оригиналу, чем рукописи первой, „лучшей", семьи. В то же время в отдельных деталях члены различных семей часто оказываются в гораздо более близком родстве между собой, чем со своими ближайшими „родственниками".

Таким образом нет оснований ни одной из семей отдавать безусловное предпочтение перед другими. Но все же, даже при отсутствии возможности установления безусловного первенства какой-либо из известных редакций в смысле верности передачи оригинала, весь материал в целом открывает пути для определения первоначального состава закона. Критерием — более или менее верным — при этом может служить факт наличия того или иного постановления во всех древнейших рукописях

[1] Кроме старого издания греческого оригинала этого сборника (K. Zachariae v. Lingenthal. Jus Graeco-Romanum. Leipzig, 1856—1886, IV), в 1927 г. Э. Фрешфильдом издан новый английский перевод.

[2] Journ. of Hell. Studies, v. XXX, 1910; v. XXXII, 1912.

закона. Разумеется, в тех случаях, когда редакции статьи сильно расходятся друг с другом, решение может быть лишь гипотетическим. Практически оказывается, однако, что из числа статей, входящих в этот неизменно повторяющийся в разных вариантах в древнейшей группе рукописей текст, лишь очень немногие имеют расхождения, существенно меняющие смысл постановлений.

В то же время изучение этого основного ядра даже в частях наиболее бесспорных показывает, что и оно представляет собой в достаточной мере сложное образование. В нем различимы и сейчас следы многократных дополнений, напластований, несомненно отражающие длительный и сложный процесс формирования норм и обычаев, запечатленных в законе. Если некоторые из этих наслоений и добавлений и должны быть отнесены за счет последующего перередактирования уже записанного текста закона, то другие, по всей вероятности, объясняются самим специфическим характером памятника, представляющего собой в значительной мере запись веками слагавшихся обычаев и отдельных случаев правонарушений.

Такова, напр., ст. 28, производящая впечатление уточнения и дополнения предшествующей ей ст. 27.

Ст. 27	Ст. 28
Если пастух утром принял у земледельца быка невредимого и здорового и случилось ему пораниться или ослепнуть, пусть поклянется пастух, что не поступал с ним злонамеренно и да будет неответственным за убытки.	Если пастух о гибели, ранении или ослеплении быка поклялся, затем же изобличен двумя или тремя свидетелями, достойными доверия, что убил (*вар.* дал ложную клятву), то да будет у него отрезан язык и пусть возместит убытки хозяину быка.

Вторая из статей предусматривает возможность случаев клятвопреступления, которую не учитывала первая. В то же время наличие обеих статей во всех известных древнейших списках закона не дает оснований подозревать разновременность включения в текст его этих постановлений.

Тот же эмпирический характер закона обусловил собой появление целой группы статей (также повторяющихся во всех редакциях), которые рассматривают взаимоотношения между испольщиком и владельцем участка земли (ст. 12, 13, 14, 15). Все они производят впечатление записи единичных случаев жизненной практики, потребовавшей внесения поправок и дополнений в первоначальное постановление. И для этих статей возможность их последующего включения в уже существовавший текст закона едва ли мыслима. Их взаимно уточняющий характер должен быть, по всей вероятности, отнесен за счет специфики самого памятника.

Дополнения и перередактирования уже готового текста имели место либо в позднейших рукописях закона, либо в той редакции его, которая была включена в „Эклогу, измененную по Прохирону".

В древнейшей группе рукописей число явных напластований, внесенных в порядке перередактирования, очень незначительно. Из 83—86 статей, закономерно повторяющихся в этих списках, лишь две или три должны быть отнесены к этому числу (ст. 85, 86), так как они отсутствуют в некоторых из древних рукописей. В прочих 83—84 статьях в четырех случаях расхождения в тексте постановлений заставляют предполагать разновременность происхождения редакций этих статей. Таковы, напр., ст. 18 и 19 (см. ниже, стр. 131).

В этих случаях выяснение первоначальной редакции представляется очень затруднительным и решение вопроса может рассматриваться лишь как более или менее убедительная гипотеза. Но в огромном большинстве статей различия в редакциях носят лишь стилистический характер, так что смысл и содержание постановлений могут быть установлены с полной достоверностью.

II. О ДАТЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ЗАКОНА

Во многих из древних списков закона имеется заглавие: „Главы земледельческого закона с выборкой из Юстиниановых книг“ (κεφάλαια νόμου γεωργικοῦ κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῶν Ἰουστινιανοῦ βιβλίων), либо „из Юстиниановой книги“ (βιβλίου).[1] Иногда в заглавии перечисляются и самые книги: „Земледельческий закон: дигесты — узаконения (διάταξις) Марка, Олимпиана, Модеста, Гермогениана и Павла антикинсоров; институции — введение в закон Феофила, Доротея и Стефана антикинсоров“. Другими словами, указываются те источники — переводы на греческий язык (и парафразы) законодательных сборников Юстиниана, частично известные и по другим данным, которыми, вероятно, пользовался составитель закона.[2] В некоторых случаях (как, напр., в рукописи ГИМ 318/467) название закона приводится в сильно сокращенном виде: „Земледельческий закон“; слова же „царя Юстиниана“ приписаны позднейшим почерком дважды.[3] Наконец, иногда заглавие бывает такое: „Земледельческий закон с выборкой из Юстиниана“ (νόμος γεωργικὸς κατ' ἐκλογὴν ἐκ τοῦ Ἰουστινιανοῦ).[4] Равным образом и в древнеславянском переводе закон именуется сокращенно „Закон царя Юстиниана“.

Основываясь на упоминании имени Юстиниана в заглавии закона и на отсутствии каких-либо иных указаний в нем на его автора, некоторые исследователи пытались построить гипотезу о том, что закон был издан в VII в. Юстинианом II. Это предположение было высказано еще Куяцием, Бахом, Райцем и Шеллем, но было отброшено как неосновательное, уже Цахариэ Лингенталем и Мортрейлем. Та же точка зрения была выдвинута, однако, вновь Г. Вернадским в качестве „новой“ в 20-х годах текущего столетия.[5] Но уже приведенное выше сопоставление названий Земледельческого закона, где явно указывается, что речь идет о выборке из Юстиниановых книг (т. е., несомненно, свода, составленного при Юстиниане I в VI в.), говорит против подобного предположения. Даже в том случае, если считать первоначальным сокращенный текст заглавия, не упоминающий о выборке из Юстиниановых книг (что весьма сомнительно), то и тогда это указание явно недостаточно для атрибуции закона Юстиниану II.

В литературе уже высказывалось мнение, что имя Юстиниана I в силу его большого авторитета в юридической традиции легко могло приписываться и к позднейшим законодательным сборникам с целью придания им большего веса. В данном случае, где речь идет о чрезвычайно своеобразном памятнике, сочетающем в себе нормы, почерпнутые

---

[1] Vatic. gr. 2075 (XI в.) — Ambros. Q. 25 (XI в.). — Vallicell. E. 55 (XIII в.). — Marc. gr. f. ant. 167 (XII в.).

[2] В рукописи Par. gr. 1367.

[3] В заголовке и на полях.

[4] В рукописи Венской библиотеки. — Очевидно, слово „книг“ просто опущено.

[5] G. Vernadsky. Sur les origines de la loi agraire byzantine. Byzantion, 1925, II, 172.

из Юстинианова права с новыми, идущими с ними вразрез, постановлениями, для большей авторитетности последних и для придания закону „почтенной" юридической традиции, это тем более могло случиться. Таким образом и здесь, вероятно, речь идет не о Юстиниане II, а о Юстиниане I — авторе свода законов.

Подводя итог всему предшествующему рассмотрению, нельзя не признать, что никаких точных данных о времени, месте и издателе закона в нем не имеется. Трудность разрешения вопроса усугубляется тем, что и в других источниках не содержится каких-либо указаний не только на издателя или на время издания Земледельческого закона, но и на самый факт его существования. Это тем более удивительно, что закон, как было указано выше, многократно переписывался и воспроизводился уже в древнейшие времена и использовался при составлении таких компиляций, как, напр., Эклога, измененная по Прохирону.

Если даже принять предположение Цахариэ Лингенталя, Васильевского и др., что закон был издан императорами-иконоборцами, то и тогда умолчание о нем и в документальных источниках иконоборческой и последующей эпохи, и в византийских хрониках остается непонятным.

И Прохирон, и Василики, невзирая на все осуждение законодательной деятельности иконоборцев, заимствовали не мало своих постановлений из „нечестивой" Эклоги.

Но ни в упоминаниях о государственных реформах иконоборцев в актах Никейского собора, ни в предисловии к Прохирону Василия I, где подвергается резкому осуждению „нечестивое" законодательство иконоборцев, никаких указаний на издание Земледельческого закона не имеется. Авторы Прохирона, проклинающие своих предшественников за их „еретическую" законодательную деятельность, упоминают лишь Эклогу, как плод юридического творчества иконоборцев. О Земледельческом законе просто не упоминается, точно его не существовало. В то же время значительная часть рукописей закона, как было указано выше, относится ко времени правления македонской династии.

Факт полного замалчивания издания Земледельческого закона в официальных и неофициальных источниках требует своего специального объяснения. Он указывает либо на то, что закон представлял собою частную компиляцию какого-либо юриста, либо, скорее, на то, что он имел какое-то специфическое назначение. Быть может, он являлся не обычным законом, вводившим единым законодательным актом какие-либо новшества, а документом, фиксировавшим законодательным порядком уже установившиеся в жизни отношения, сложившиеся помимо воли и без участия византийских законодателей.

Следует отметить, что первое из предположений в свое время уже высказывалось Цахариэ Лингенталем. Цахариэ первоначально считал закон частной компиляцией какого-то неизвестного юриста и относил время его составления к VIII—IX столетию. Эту точку зрения поддерживал и другой историк греко-римского права — Мортрейль.[1]

Однако впоследствии Цахариэ отказался от своего первоначального взгляда на Земледельческий закон.[2] По высказанному им вновь мнению, закон по самому своему стилю, по повелительному тону изложения постановлений, едва ли мог явиться частной компиляцией и представляет собой, по всей вероятности, документ официального происхо-

[1] J. Mortreuil. Histoire du droit byzantin, 1847, t. II, 395.
[2] K. Zachariae v. Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts, Berlin, 1892. 250.

ждения. Дата его определяется, по мнению Цахариэ, большой внутренней близостью закона с Эклогой, совпадением отдельных выражений и, наконец, тем, что закон входит вместе с Эклогой в единые сборники, являясь ее постоянным приложением. Исходя из этих соображений, Цахариэ Лингенталь пришел к выводу, что закон является памятником официальной законодательной деятельности императоров-иконоборцев (Льва III и Константина V) и что он был издан либо одновременно с иконоборческой Эклогой (739—740 гг.), либо вскоре после нее. Точка зрения Цахариэ была принята и развита крупнейшим русским историком Византии В. Г. Васильевским и получила широкое, хотя и не всеобщее, признание.

Возражения против точки зрения Цахариэ — Васильевского идут в двух основных направлениях.

Сторонники первого направления стараются приурочить время возникновения закона к доиконоборческой эпохе. Так, по мнению Б. А. Панченко и К. Н. Успенского, варварский и наивно-эмпирический характер закона скорее соответствует не иконоборческой эпохе, а VII в.[1] — времени наибольшего упадка образованности. Как уже было указано выше, и Г. Вернадский, пытающийся связать закон с деятельностью Юстиниана II, является сторонником первого из указанных направлений.

Представителем второго направления является автор лучшей из наличных публикаций Земледельческого закона В. Эшбернер. Эшбернер, главным образом, направляет свою критику против утверждения Цахариэ о непосредственной близости закона с Эклогой. По его мнению, неопровержимое сходство в стиле и лексике этих обоих памятников, на которое указывал Цахариэ, свидетельствует не о близком их родстве, а лишь о том, что оба они возникли приблизительно в одно и то же время. Отнюдь не менее поразительное сходство в фразеологии может быть установлено, по его мнению, и при сопоставлении закона с византийскими папирусами VII—VIII вв. Установленное же Цахариэ сходство в содержании отдельных постановлений Земледельческого закона и Эклоги (в тех случаях, когда оно действительно бесспорно) обусловлено с точки зрения Эшбернера тем, что оба памятника заимствовали свои многие постановления из Кодекса, Дигест и других сборников римско-византийского права. Так, напр., Цахариэ установил наличие в обоих памятниках близко родственных постановлений, трактующих о гибели чужого животного не на той работе, для которой оно было взято. Эшбернер, не отвергая факта сходства, объясняет его простым воспроизведением норм римско-византийского права. Последние же вполне аналогичны с многочисленными их повторениями в других византийских и западноевропейских законодательных памятниках.

Земледельческий закон, ст. 37	*Эклога, XVII, 7*	*Институции, IV, 1, 6. Дигесты XLVII, 2(77—78)*
Если кто-либо взял быка для работы и бык издох, то пусть обследуют сведущие люди; и если он издох на той работе, для которой его спрашивали, пусть будет не оштрафован (взявший быка). Если же он издох на другой работе, пусть отдаст вполне здорового быка.	Если кто-либо взял лошадь до определенного места и увел ее или послал далее назначенного места, то возместит хозяину лошади ущерб, нанесенный предумышленно по этой причине, или в случае гибели взятого животного.	Кража имеет место не только тогда, когда кто-либо уносит чужую вещь, желая ее присвоить, но и вообще, когда кто-либо захватывает чужую вещь без воли хозяина ее... например, когда кто-либо лошадь, данную ему для известной поездки, уведет куда-либо дальше.

[1] Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, 1904, 29—30. — К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917, 164.

Приведенное сопоставление показывает, что заключение Эшбернера трудно признать основательным.

При сопоставлении этих статей друг с другом прежде всего бросается в глаза коренное отличие между постановлениями Институций и Земледельческого закона. Постановление Земледельческого закона носит ярко выраженный конкретный характер. Оно ограничивается рассмотрением единичного случая, без тени какого-либо обобщения. Статья Институций — как это и вообще свойственно римскому праву — ставит во главу угла обобщение, которое поясняется рядом примеров.

Среди примеров нет ни одного вполне аналогичного тому, о котором идет речь в Земледельческом законе. Поэтому здесь никак не могло иметь места простое заимствование.

Черты сходства между сопоставляемыми узаконениями еле ощутимы и ограничиваются почти неуловимыми признаками (общей оценкой правонарушения). В то же время черты отличия чрезвычайно ярко выступают. Иначе обстоит дело со статьей Эклоги, воспроизводящей почти в точности один из примеров, предусмотренных Институциями. Однако и в ней нет никаких следов обобщения, и в этом отношении конкретный ее характер гораздо ближе стоит к Земледельческому закону, чем к Институциям.

Но из этого вытекает, что узаконение Эклоги сходно с Земледельческим законом именно в тех чертах, которые отличают оба эти памятника от римского права и от Институций в частности. Поэтому и вывод Эшбернера, старавшегося доказать, что сходство между обоими памятниками послеюстиниановского права определяется тем, что они заимствовали свои постановления из единого источника, оказывается при ближайшем рассмотрении совершенно неверным.

Столь же мало результативна и вся дальнейшая детальная аргументация Эшбернера, хотя отдельные утверждения его и правильны и хотя она и содержит ряд чрезвычайно интересных наблюдений, которые, однако, остаются им не полностью использованными при анализе памятника.[1]

Следует отметить, что и сам Эшбернер, не взирая на свою развернутую аргументацию, в сущности, в своих конечных выводах подвергает сомнению лишь факт издания закона императорами-иконоборцами. Сближая Земледельческий закон и по лексике, и по фразеологии с византийскими папирусами и, частично, с западноевропейскими варварскими правдами, он относит время появления закона к VII—VIII вв., признавая его вслед за Цахариэ памятником официального происхождения. В итоге, следовательно, не оспаривая даты закона, предположенной Цахариэ, он берет под сомнение лишь авторство закона.

Отсутствие точных данных для датировки памятника и в нем самом, и в других источниках заставляет ограничиться в вопросе о дате закона лишь гипотезами. Однако представляется, что, помимо вышеприведенных доводов разных исследователей и в первую очередь Цахариэ, можно найти и в самом законе еще одно косвенное указание на время его происхождения и установить terminus ante quem закон возник.

Сопоставление двух вариантов ст. 19 показывает, что во втором из них ответственность за уплату налоговых платежей с отсутствующего владельца участка земли перекладывается полностью на его односель-

[1] Более подробное рассмотрение вопроса см. в нашем вышеупомянутом исследовании.

чан, приобретающих за то право пользования участком и плодами урожая. Это постановление, представляющее собой подтверждение и развитие издавна применявшейся в Византии ἐπιβολή — „прибавки" или „прикидки", думается, идет по той же линии, что и мероприятие Никифора I, о котором упоминает Феофан.

Ст. 19 (1-й вариант)	*Ст. 19 (2-й вариант)*	*Феофан (под 6302 г.)*
Если земледелец, убежавший с своего поля, платит (платил) ежегодно казенные экстраординарные налоги, то пусть собирающие плоды и пользующиеся полем понесут ответственность в двойном размере.	Если земледелец бежал с своего поля, то пусть платят ежегодно казенные экстраординарные налоги собирающие плоды и пользующиеся полем; если же не будут, то понесут ответственность в двойном размере.	Он (Никифор) приказал вербовать на военную службу бедных (πτωχούς) и снаряжать их за счет их односельчан (ὁμοχώρων), которые должны вносить к тому же в казну 18½ номизм и платить подати одни за других.

Но если это так, то вероятнее всего можно было бы отнести возникновение 2-го варианта к началу IX в. (к годам правления Никифора I — 802—811 гг.), а первый, вероятно, возник еще в VIII столетии. Если принять во внимание, что первый вариант статьи подтверждается всеми известными древнейшими рукописями и что он в то же время не имеет никаких аналогий в предшествующем законодательстве, так, что никак не мог быть откуда-либо заимствован, то тем самым получает новое подтверждение предположение о возникновении закона до IX столетия. Более точных данных для определения времени издания закона или для атрибуции его тому или иному императору в нем не имеется. Однако убедительность доводов Цахариэ и Васильевского и неоспоримое родство закона с Эклогой дают основание считать наиболее вероятной гипотезу об издании его при первых императорах-иконоборцах.

Помимо всей вышерассмотренной аргументации, в пользу этого предположения говорит и вся историческая ситуация эпохи. Именно в VIII в. борьба императоров за новые земледельческие кадры для пополнения населения в опустошенных войнами, голодом и эпидемиями округах, проводившаяся и путем экспедиций против варварских племен и путем внутренней колонизации, достигла высшей степени напряжения. При этих условиях издание узаконения, ориентированного на официальное признание установившихся к этому времени новых сельскохозяйственных отношений, на приведение законодательства в соответствие с изменившимися условиями жизни крестьянства, становится весьма и весьма вероятным. Тем более, что императоры-иконоборцы проводили и другие мероприятия законодательного порядка и, несомненно, уделяли много внимания всему внутреннему устроению империи.

Итак, следовательно, на основании всех вышеизложенных соображений можно притти к следующим выводам.

1. Земледельческий закон возник в период после VI и до IX вв. Terminus post quem дает упоминание в заглавии парафраз и переводов Институций и Дигест, относящихся частью к середине, частью ко второй половине VI столетия: Стефан Антикинсор работал после 556 г.. Terminus ante quem дает рассмотренное выше сопоставление двух редакций ст. 19, древнейшая из которых должна была существовать уже в период до 802 г. — времени воцарения Никифора I.

2. В пределах этого длительного периода можно сделать и дальнейшее ограничение. Сходство Земледельческого закона с Эклогой, именно

в тех чертах, которые отличают Эклогу от предшествующего законодательства (в системе членовредительных и телесных наказаний, распространенных и на свободных, в совпадении отдельных выражений и во всем стиле памятника и пр.), указывает на одновременность или, по крайней мере, на хронологическую близость обоих памятников.

3. Принимая во внимание, что Земледельческий закон трактует о вопросах частного порядка, в то время как Эклога является сборником значительно более всеобъемлющим, нельзя не притти к выводу, что первый должен был скорее всего возникнуть после второй, восполняя ее в части, мало в ней разработанной. Другими словами, сопоставление всех вышеприведенных данных скорее всего указывает на вторую половину VIII в. как на наиболее вероятную дату появления Земледельческого закона. Таким образом вся совокупность данных подтверждает предположение Цахариэ — Васильевского, относивших закон к числу памятников права, созданных при первых императорах-иконоборцах.

4. Однако ощутимые в составе древнейшего текста памятника следы последовательных напластований, дополнений и уточнений, лишь частично объяснимые перередактированием уже готового текста, свидетельствуют о том, что нормы и обычаи, фиксированные законом, складывались длительно. Запись подвела итог сложному и продолжительному процессу, который, вероятно, растянулся на несколько столетий.

III. ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ VI—VIII вв. СИСТЕМА И ВИДЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Из указаний Земледельческого закона, характеризующих географическую обстановку страны, можно сделать некоторые выводы о локализации поселений, а, следовательно, и о территориальных границах применения закона.

Обычный пейзаж, на фоне которого развертываются рассматриваемые законом действия, — гористая и лесистая местность,[1] прорезанная проточными водами.[2] Достаточно перелистать византийские хроники, трактующие об азиатских и европейских делах византийских правителей, чтобы убедиться в том, что именно та географическая обстановка, о которой упоминается в законе, являлась почти повсеместной для многочисленных византийских сел и деревень в малоазийских и балканских провинциях.[3] Таким образом ландшафт, рисуемый законом, совпадает с границами империи VII—VIII вв.

В эту обобщенную картину можно внести и дальнейшее уточнение — вся она, в целом, имеет в себе черты, характерные для освоения новых и сильно запущенных земель. Постоянные упоминания о лесной чаще, населенной дикими зверями, о нападении диких зверей на скот,[4] о разработке и выжигании лесных участков,[5] о распашке нови,[6] об использовании целины для посадок[7] в этом отношении достаточно показательны.

[1] Ст. 57, 45.
[2] Ст. 83.
[3] Ср., напр.: Лев Диакон. История, I, 4; IV и т. д.
[4] Ст. 75, 46, 55, 42, 23 и 43.
[5] Ст. 17, 20, 39, 40, 56.
[6] Ст. 1 и 4.
[7] Ст. 82.

Черты эти, без сомнения, указывают на то, что закон исходил в первую очередь из условий жизни и хозяйственного быта поселений, расположенных в округах заброшенных, опустошенных и разоренных и затем вновь осваиваемых.

Самая терминология закона является лучшим подтверждением этого положения.

Хлебопашество

Постоянно встречающийся на протяжении текста термин „новь"[1] (с производными от него глаголами — νεώσειν и др.), лишь в позднейшем тексте уступающий место другим терминам для обозначения пахоты, с очевидностью показывает, что дело идет по преимуществу о разработке лядины, лесных зарослей, целины. Этот вывод подтверждается и другими данными, рассеянными во многих статьях закона.

Возникает вопрос — каковы были орудия сельскохозяйственных работ, которыми располагало крестьянское хозяйство по данным Земледельческого закона?

В тексте можно найти лишь два случая, когда о них идет речь. В двух статьях закона, трактующих о краже во время сельскохозяйственных работ (ст. 22 и 62), перечисляются предметы кражи, среди которых упомянуты плуг, сошник, заступ (лопата), мотыга (δίκελλα), серп, топор, садовый нож и ярмо. Из этого перечисления можно сделать выводы лишь о составе сельскохозяйственного инвентаря, но закон не дает каких-либо прямых сведений о форме орудий.

Однако, если обратиться к данным о формах сельскохозяйственных орудий, бытовавших на территории империи и в последующую за законом и в предшествующую ему эпоху, эти неполные сведения могут быть значительно уточнены.

По всем имеющимся наблюдениям, формы сельскохозяйственных орудий в балкано-малоазийском районе характеризуются чрезвычайной устойчивостью, сохраняя до самого последнего времени свои архаические черты.

Так, по данным новейших исследований (1935), не только в Болгарии, но и на всей территории Балканского полуострова, поля вплоть до последнего времени обрабатывались в крестьянских хозяйствах посредством примитивной деревянной сохи (coutrier), запряженной быками или буйволами.[2]

Наблюдениями Иречека в районе Старой Загоры в конце 80-х годов XIX столетия установлено, что способ хлебопашества в крестьянских хозяйствах еще был, пользуясь его термином, „прадедовским". Поэтому при огромной затрате сил результаты оставались ничтожными. По его словам, поле обрабатывалось с помощью плуга (рала), очень простого по своей форме, без колес. Деревянный остов был обычно снабжен небольшими железными частями — лемехами (в некоторых местах они носят наименование čikel, ogribka, optruzka и т. д.), которые особенно важны при обработке нерасчищенной целины. В редких случаях (на север от Кюстендила) Иречек встречал и деревянный плуг без железного сошника. Плуг двигался с помощью парной воловьей запряжки. Конская тяга не применялась.[3]

---

[1] На возможность такого толкования термина нам указал проф. Л. А. Мацулевич.

[2] С. Костов и Е. Петева. Селски бит и изкуство в Софийско. София, 1935, стр. 89 болгарск. текста, стр. 195 франц. перев. — Ср. также вполне аналогичные данные: Leser. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. 1931, 269—282.

[3] K. Irеček. Cesty po Bulharsku. Praga, 1888, 132.

В Малой Азии (на территории бывших восточных провинций Византийской империи) материалы путешествий рисуют совершенно сходную картину. Еще в конце прошлого столетия, по описанию путешествовавшего там Ф. Дэвиса, форма плуга была аналогична с только что рассмотренными (рис. 1).

На деревянный стержень с разветвлением (рассоху) насажен железный сошник, который и представляет собой важнейшую рабочую часть плуга.[1]

Общая картина технического оснащения крестьянского хозяйства Балкан и Малой Азии, таким образом, чрезвычайно близка к той, которую констатировал в сопредельной с Болгарией Венгрии В. И. Ленин. По характеристике В. И. Ленина, основанной на материалах венгерской статистики 1895 г., вплоть до конца XIX в. в $2^1/_2$ миллионах венгерских крестьянских хозяйств „безусловно преобладают плуги с деревянным дышлом, бороны с деревянной рамой и почти на половину распространены телеги на деревянном ходу“.[2]

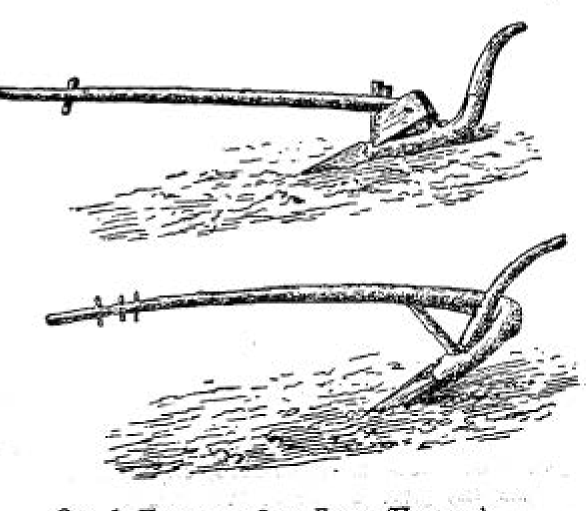

Рис. 1. Плуги в районе Буяка (Писидия).

Если обратиться к более старым данным, то можно убедиться в том, что и тогда не имелось сколько-нибудь существенных отличий.

В первой половине XVIII столетия монастырские хозяйства Афона, Эпира, островов Эгейского моря были обследованы и частью зарисованы русским паломником Василием Барским (Григорович-Барским). Обычной картиной, если судить по зарисовкам Барского, была обработка поля двумя видами орудий: 1) плугом без колес, чрезвычайно простым по форме, приводимым в движение парной воловьей запряжкой, и 2) двузубой мотыгой.[3]

Любопытно, что те же формы и виды орудий можно констатировать и по данным византийских миниатюр XI столетия (рис. 2).

На рис. 2 можно увидеть обработку земли плугом, движимым парой быков, причем плуг и здесь, без сомнения, деревянный, с ясно различимым на рисунке металлическим сошником, сходный по форме с тем, который воспроизведен выше на рис. 1. На второй миниатюре (рис. 3, см. вклейку) изображена обработка земли (виноградника) крестьянами с помощью мотыги, напоминающей те, которые были зарисованы семь веков спустя В. Барским.

Данные миниатюр вполне точно, по всей вероятности, отражали современную им действительность, так как они подтверждаются во всех

---

[1] E. Davis. Anatolica. 1874, 196.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 558.
[3] Василий Барский (Григорович-Барский). Странствования, тт. I—IV.

своих существенных частях археологическими находками, сделанными на бывшей византийской и сопредельной территориях.

Прежде всего обращают на себя внимание с этой точки зрения археологические исследования, производившиеся в районах придунайской Болгарии Русским археологическим институтом еще в конце прошлого столетия.[1]

Исследования территории древней столицы Болгарии Плиски (близ села Абобы) обнаружили среди прочих остатков несколько сошников плоской и подковообразной форм. Абобские сошники сделаны из кованого железа. Они были заострены или по всей внешней дуге или же только в ее средней части. Внутри сошник расщеплен, и в расщепление вставлялся деревянный стержень, остатки которого местами сохранились. Следовательно, и плуг был деревянный, снабженный железным рабочим окончанием, как это изображено и на вышеприведенной миниатюре. Как отмечал руководивший раскопками акад. Ф. И. Успенский, форма абобских сошников была распространена и в других районах Балкан. Так, в частности, Ф. И. Успенский сопоставляет абобские находки с плугом, изображенным на одном из рельефов в Фессалии. В. В. Шкорпил, специально исследовавший знаки на строительных камнях абобских построек, нашел также и на одном из камней изображение плуга „самой простой формы", какая, по его словам, „встречается еще и теперь в некоторых местах Болгарии".

Кроме сошников, были найдены и другие земледельческие орудия. Среди них близ села Амадан в юстиниановской крепости и в старом поселении у Мадары было обнаружено две мотыги, вполне сходные по форме с изображенными на миниатюре (рис. 3).

Помимо сошников и мотыг, любопытна также находка серпов и кусков их (у северных ворот). Один из серпов, части дуги и железной ручки которого сохранились, служил, по мнению Ф. И. Успенского, для жатвы, „ибо в том месте, где он наиболее искривлен, он и наиболее стерся".

В настоящее время эти данные могут быть еще дополнены материалами последних археологических исследований. Так, в 1934 г. болгарским археологом И. Велковым было раскопано „варварское" укрепленное поселение близ деревни Садовицы, которое относится к VI в. и носит название в настоящее время Садовско Кале (т. е. Садовская крепость).[2] В результате исследования городища был обнаружен на месте значительный сельскохозяйственный инвентарь — плуги с принадлежностями, мотыги и ряд предметов, дающих основание автору исследования предполагать наличие на месте мастерской, где эти орудия изготовлялись. Плуг имел металлический сошник и, вероятно, нож для подрезывания пласта земли. Мотыги совершенно аналогичны по форме с абобскими (рис. 4).

Спрашивается, в какой мере применимы приведенные данные и характеристики технического инвентаря позднейшей балканской и малоазийской деревни и изображения на миниатюрах XI в. при определении состояния техники земледелия в Византии во времена издания Земледельческого закона, т. е. в VIII в.?

Думается, что многократно подчеркнутый всеми вышеприведенными свидетельствами „прадедовский" характер техники и орудий земледель-

[1] Изв. Русск. археологич. инст. в Константинополе, т. X, 1905.
[2] Germania, 1935, H. 2.

Рис. 2. Изображение плуга с парной воловьей запряжкой на византийской миниатюре XI в.
(G. Schlumberger. L'Epopée byzantine à la fin du X-me siècle. Jean Tzimiscès, 1896, 517)

Рис. 3. Работа мотыгами. Византийская миниатюра XI в.
(G. Schlumberger, op. cit., 473)

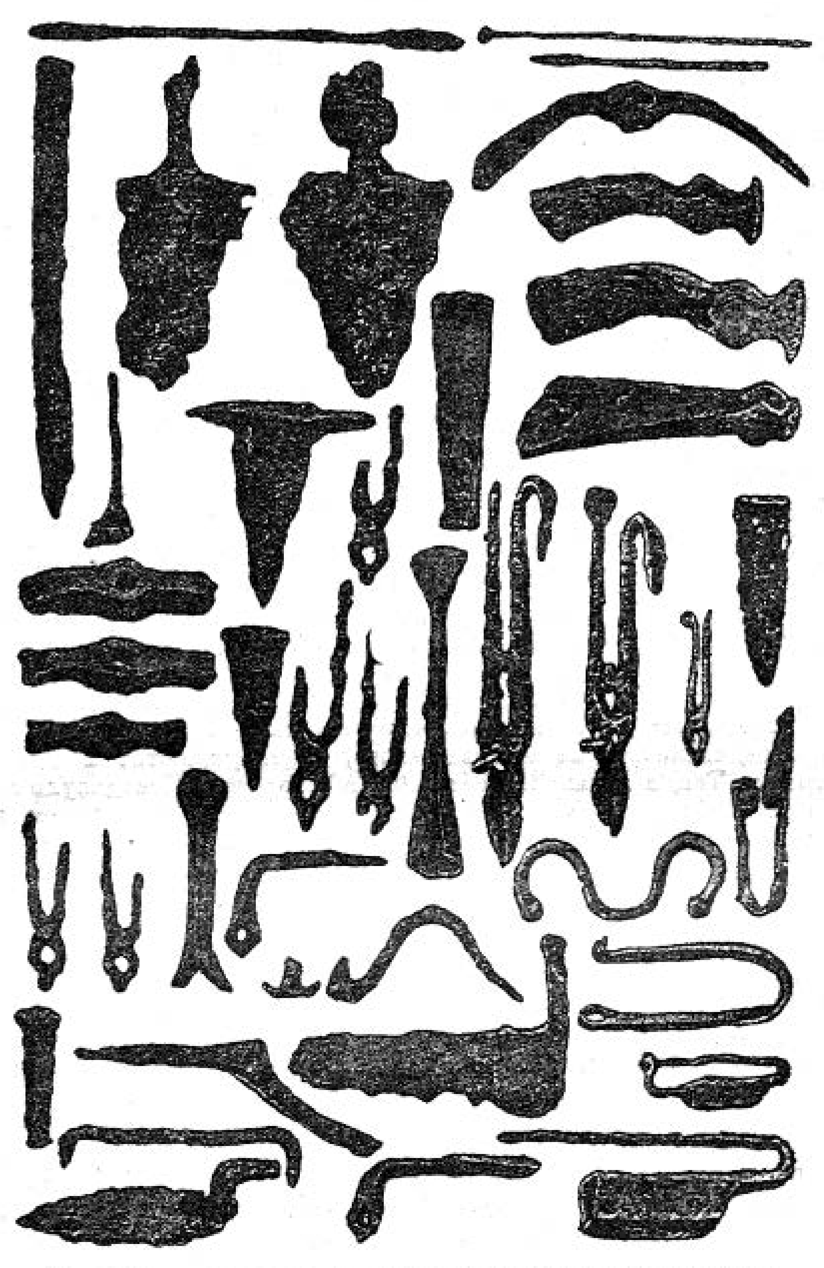

Рис. 4. Земледельческие и ремесленные орудия из Садовско Кале.
[J. Welkov. Eine Gotenfestung bei Sadowetz (Nordbulgarien). Germania, 1935, H. 2, 155].

ческого производства в этих районах в позднейшие времена, с одной стороны, и с другой — материалы, вскрытые археологическими исследованиями в районах древней Болгарии в современную и предшествующую закону эпоху, делают весьма вероятным предположение о том, что эти орудия имели применение и в Византии VIII в.

Как уже было указано, данные закона ограничиваются простым перечислением орудий, без какого-либо уточнения их форм. Однако в двух статьях, трактующих о краже орудий, все же можно найти некоторые моменты, подтверждающие высказанное выше предположение.

Статья 22 упоминает о краже лыскаря (λίσγος) или мотыги (δίκελλα) во время пахоты. Статья 62 — о краже плуга, сошника и ярма. Из этого можно сделать следующие заключения: 1) плуг был с сошником; 2) сошник (важнейшая рабочая часть плуга, кража которой была приравнена к краже всего плуга) был, по всей вероятности, железным, так как о нем упоминается как о самостоятельной, отдельной части плуга; 3) наряду с ними указано и ярмо, что свидетельствует о том, что плуг приводился в движение рабочим скотом; 4) если принять во внимание, что во всех древнейших списках закона отсутствует упоминание о лошадях, то можно ввести в это определение и дальнейшее уточнение. Повидимому, под этим рабочим скотом следует прежде всего подразумевать крупный рогатый скот, быков или волов, постоянно упоминаемых законом в другой связи.

Интересно, что наказание за кражу плуга, сошника или ярма установлено в законе в размере двенадцати фоллов (равном обычному дневному заработку сельскохозяйственного работника), умноженных на число дней, истекших с момента совершения кражи. Но из этого вытекает, что каждое из этих орудий мыслилось как необходимая и неотделимая от другой в работе принадлежность землепашца. Без каждой из этих частей, следовательно, он не имел возможности выйти на работу.

Выводы, сделанные из анализа закона, подтверждаются и данными агиографии. Так, в житии Евстратия (IX в.), изданном Пападопуло-Керамевсом в 1897 г., упоминается об одном поселянине, потерявшем вола и обратившемся к Евстратию с просьбой дать ему другого вола для запашки, „дабы не погибнуть от голода со всем семейством". Из этого следует с полной очевидностью, что запашка производилась и в Малой Азии IX в. (район Прусы: πλησιάζοντος μετοχίου τῷ ἄστει τῆς Προυσαέων πόλεως) с помощью рабочих волов.

Применение мотыги (δίκελλα) и лопаты (λίσγος) могло, с одной стороны, служить заменой плуга в малоимущих хозяйствах. С другой стороны, лопата (лыскарь) могла применяться вместо отсутствующего отвала в этом, простом по своим формам, плуге. Горизонтальный пласт земли, отрезанный сошником, мог переворачиваться верхом вниз с помощью лопаты.[1]

По данным закона, хлебопашество производилось, повидимому, весьма часто на участках, поросших лесом и требовавших предварительной основательной расчистки и рубки деревьев. На помощь недостаточно совершенным орудиям труда приходил огонь, применение которого значительно облегчало труд по расчистке леса под пашни.

О возделывании участков, освобождаемых из-под леса, упоминается в ряде статей закона. В этом отношении очень характерна, напр.,

[1] Мысль о таком техническом назначении лыскаря была нам подсказана проф. Л. А. Мацулевичем.

ст. 20-я, рассматривающая случай самовольной обработки чужой земли без ведома владельца ее. Статья гласит: „вырубающий чужой лес без ведома его хозяина и возделывающий и засевающий ничего не получит из плодов".

Процессу распашки земли, после расчистки ее, предшествовало выжигание хвороста и сорных трав.

В ст. 56 предусмотрено, что „если кто-либо развел огонь в своем лесу или поле и случилось, что огонь распространился и сжег дома или плодоносные поля, то он не осуждается судом, если не делал этого при сильном ветре". Техническое значение разведения огня в лесу выступает еще с большей яркостью при сопоставлении данной статьи с соответствующими статьями Эклоги и Эклоги, измененной по Прохирону. И в первой, и во второй указывается, что речь идет именно о выжигании жнива или сорных трав на своем участке (τὴν καλάμην τοῦ ἰδίου χωραφίου ἢ τὰς ἀκάνθας). В славянском переводе, изданном А. С. Павловым, этим словам соответствует термин „стернище своея нивы". Как правильно отметил Б. А. Панченко, термин „стернище" в славянском переводе Земледельческого закона имеет два значения. В первом случае для обозначения соломы, остающейся на корню после жатвы, для перевода греч. „τὴν καλάμην" (ст. 66 Земледельческого закона); во втором — для обозначения лядины, леса, выжигаемого под пашню (ср. ст. 56: ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῷ).[1]

Как первое, так и второе значения термина указывают на применение огня, как на необходимое звено в системе подготовки земли для вспашки. Эта черта, характерная для так называемой подсечной, лядной или огневой системы полевого хозяйства, может быть констатирована не только в Земледельческом законе, но и в ряде других византийских законодательных памятников последующей (Прохирон, Эклога, измененная по Прохирону и др.) и предшествующей эпохи (Дигесты).

В специальных исследованиях в области системы полевого хозяйства сущность производственного процесса, характеризующего лядную систему, определяется следующими основными признаками. На расчищенных из-под леса участках, после того как срубленные деревья вывезены, сжигается оставшийся из-под леса хворост; затем производится довольно поверхностная обработка почвы и потом в течение ряда лет участок засевается. При выжигании хвороста достигается не только уничтожение сорной растительности, но и остается зола, пополняющая собой запас минеральных веществ в почве, и повышается усвояемость последних. Таким образом расчищенное поле засевается подряд два, три, четыре года и дальше. Когда почва истощается, участок забрасывают, и он снова зарастает лесом. Нередко такие участки после посева используются под пастбище для скота.

Приведенные выше данные, содержащиеся в Земледельческом законе, указывают на наличие всех основных моментов, характеризующих эту систему хозяйства — рубку леса, выжигание хвороста, сравнительно поверхностный характер обработки почвы, многолетнее использование ляда.

Именно широким использованием огня в хозяйстве земледельческого населения можно объяснить наличие целого ряда постановлений закона, направленных к упорядочению форм пользования им. Закон неоднократно возвращается к рассмотрению связанных с огнем правонаруше-

[1] Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1904, 18.

ний, защищая интересы владельцев соседних участков, которым неосторожное обращение с огнем или злоупотребления могли нанести тот или иной ущерб. Поджог ограды виноградника, сарая и особенно гумна или риги с хлебом карались по нормам Земледельческого закона крайне жестокими телесными и членовредительными наказаниями. За злоумышленный поджог стогов хлеба виновник предавался сожжению.

Самая трудоемкая работа при лядном хозяйстве это — первоначальная подготовка и расчистка ляда. По данным Земледельческого закона эта работа расценивалась чрезвычайно высоко: за одну лишь первичную обработку чужой лядины земледелец получал право трехлетнего безвозмездного пользования землей, разумеется, лишь в том случае, если он делал это с ведома хозяина участка (ст. 17). Если же он производил эти работы без разрешения владельца, то терял все плоды своего труда (ст. 20). Из анализа ст. 17 можно сделать два заключения: 1) о чрезвычайной трудности обработки почвы, расчистки и корчевания пней в условиях существовавшей сельскохозяйственной техники и 2) о том, что установленный законом трехгодичный срок безвозмездного пользования участком, очевидно, не исчерпывал всего срока беспрерывного использования почвы до полного ее истощения. Иначе владельцу земли не имело бы смысла отдавать ее в обработку.

Хорошим подтверждением данных закона может служить факт, сообщаемый в житии Николая Сионита. Там имеется упоминание об одном ликийском крестьянине, который в течение целых 20 лет подряд засевал свой участок 25 модиями зерна, но к концу этого срока так сильно истощил почву, что не получил урожая и сам-второй.[1]

Отсутствие в Земледельческом законе каких-либо упоминаний о той сравнительно высоко рационализированной интенсивной обработке почвы, которая применялась в Греции и Риме в античную эпоху и частично отразилась в византийской сельскохозяйственной энциклопедии, так называемой „Geoponica“, требует своего специального объяснения. Из данных закона, во всяком случае, вытекает с полной очевидностью, что в той категории поселений сельского люда, которую имел в виду закон, эта система не имела никакого практического применения.

Очень яркой иллюстрацией данного положения может служить ст. 12 Земледельческого закона, указывающая на исключительно поверхностный характер обработки почвы: „если земледелец взял землю, чтобы засеять исполу и к требуемому времени не распашет нови (οὐ νεώσει), но разбросает семя по поверхности, пусть ничего не получит от плодов, потому что, обманув, надсмеялся над хозяином земли“. Правда, из статьи совершенно ясно, что случай этот являлся необычным, но все же самая возможность подобного случая (причем, однако, урожай все же получался) указывает на то, что он не представлял собой значительного отклонения от нормы. П. В. Безобразов, комментируя ст. 12, указывал, что ему лично приходилось наблюдать подобные факты в „юго-западном крае“. По его словам, там имели место факты, когда крестьяне „не вспахав предварительно поля, только боронуют его и затем бросают семена, которые, таким образом, оказываются тоже на поверхности земли и дают некоторый урожай только благодаря необыкновенному плодородию почвы“.[2]

[1] Ср.: А. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным агиографии. М., 1917, 181.

[2] П. В. Безобразов. Крестьяне. Приложение к русскому переводу книги Г. Герцберга „История Византии“. СПб., 1898, 618.

Как вытекает из сопоставления Земледельческого закона с западноевропейскими законодательными памятниками современной ему эпохи (варварскими правдами), уровень сельскохозяйственного производства в первом вполне совпадал с уровнем в последних. В западноевропейской деревне, так же как и в византийской, имела широкое применение лядная система хозяйства.[1]

Из сельскохозяйственных культур в законе, помимо хлебных злаков (σῖτος), лишь в одном случае упоминаются бобы (ὄσπρια). Нет никаких указаний на применение правильного плодосмена, севооборота. Кроме продуктов сгорания, удобрение давала пастьба скота на участках поля после снятия с них урожая (ср. ст. 78 и 79; в законе нет упоминания о наличии лугов).

О последующих стадиях производственного процесса закон не сообщает почти никаких сведений. В одном случае упоминается гумно (ст. 64), но без какой-либо дальнейшей конкретизации его форм. Барский сообщает в своих путевых заметках, что ему пришлось увидеть в одном из монастырей (в Неа Мони на о. Хиосе) „прекрасный, камением посланный ток, от древних времен, еже в иных обителех не обретается“.

О мельнице речь идет в двух статьях (81 и 82), но в обоих случаях только о водяной. Вероятно, и следующая ст. 83 трактует о том же, определяя права владельцев соседних участков, по которым проходят водопроводы.

Виноградарство и виноделие

Из других отраслей земледельческого хозяйства Земледельческий закон уделял наибольшее внимание виноградарству и виноделию.[2] Вопросам бережного ухода за виноградником, своевременной его обрезки, окапывания, огораживания закон отводит значительное место в своих постановлениях. В ст. 13 специально предусмотрена возможность различных злоупотреблений в этой области, при обнаружении которых виновник терял все плоды своего труда. Взявшему виноградник в обработку исполу предписывалось своевременно производить обрезку его (с помощью садового ножа κλαδευτήριον, ср. ст. 22 и рис. 5, см. вклейку), окапывание, огораживание его частоколом.

В ст. 69, трактующей о краже вина, перечислены и основные сосуды, в которых вино приготовлялось и выдерживалось. Возможно, что ληνός служил давильней для винограда.

В некоторых вариантах текста, кроме бочки (πίθος) и чана (ληνός), упоминается и бутыль (βουττίον).[3] После снятия винограда, виноградники, как и поля, обращались в пастбища для скота, как это видно из ст. 79.

Наличие в законе постановлений, определяющих обязательные формы ухода за виноградником, указывает на существование хорошо разработанной практики в этой культивировавшейся в Византии в течение многих веков отрасли хозяйства. Данные Земледельческого закона находят свое подтверждение и в других источниках.

[1] Oeck, Ackerbau. Pauly-Wissowa, Neue Bearbeitung, Bd. I, 1893, 261—284. — E. Oder. Beiträge zur Geschichte der Landwirtschaft bei den Griechen. Rheinisch. Museum, 1890, Bd. 45, 58—99, 212—222 и др. Более детально вопрос о взаимоотношениях Земледельческого закона с варварскими правдами рассматривается ниже, стр. 132 и сл.

[2] О виноградарстве и виноградниках упоминается в ст. 13, 16, 18, 21, 38, 50, 51, 52 (?), 61, 69, 70, 79, 80, 83, 85.

[3] Ст. 69.

Так, напр., в сирийской, египетской и малоазийской агиографии можно найти множество упоминаний о крестьянах-виноградарях (ἀμπελουργοί). „Насколько важной отраслью византийского сельского хозяйства являлось культивирование виноградных лоз, показывает существование особых странствующих артелей виноградарей, к которым присоединился в своем скитании Полихроний и с которыми он добрался до Константинополя“.[1] Множество виноградников было зарисовано Барским в позднейших монастырских хозяйствах во время его пешеходных странствий.

Обработка виноградника нашла свое отображение и в византийских миниатюрах (рис. 3).

Садоводство

Кроме виноградарства, закон упоминает и о садоводстве.[2] Напр., в ст. 31 предусмотрена необходимость для владельца соседних с садом участков производить посадки таким образом, чтобы не лишать сад падающих на него солнечных лучей. В противном случае хозяину соседнего участка предписывается обрубать ветви деревьев, затемняющие соседний сад (ст. 31). Сады, как и виноградники, ограждались частоколом, деревья окапывались, специально охранялись (ст. 33, 51 и 52).

Помимо виноградников и садов, в одной статье упомянуты и смоковничные рощи.

В то же время закон совершенно не содержит никаких указаний на существование других видов сельского хозяйства, как, напр., пчеловодства, рыболовства и т. д., процветавших в малоазийских деревнях в период появления Земледельческого закона. Напр., в житии Филарета (написанном в первой половине IX в.) — богатого пафлагонского землевладельца, владевшего крупными имениями с большим количеством зависимого люда (οἰκέται πολλοί), многими тысячами голов скота — лошадей, быков и пр., упомянуто и о 250 ульях.[3]

Животноводство

Но совершенно несомненно, что важнейшим видом хозяйства являлось животноводство.

В некоторых списках закона даже выделен особым подзаголовком раздел, трактующий о пастухах — περὶ ἀγελαρίων. И во всех древнейших редакциях статьи, рассматривающие вопросы, связанные с содержанием скота и ухода за ним, составляют наиболее многочисленную группу постановлений.[4] Контингент домашних животных, упоминаемых законом, был достаточно разнообразен: крупный рогатый скот, свиньи, овцы, бараны, ослы, собаки — объекты, постоянно встречающиеся на протяжении всего текста памятника. Выше уже было указано, что рабочая сила скота использовалась при земледельческих работах.

В упомянутом житии Филарета (IX в.) красочно описан случай утраты бедняком-крестьянином рабочей скотины — волов, повергающий его в полное отчаяние и лишающий его возможности вести земледельческие работы.

---

[1] А. Рудаков, указ. соч., 182.

[2] О садоводстве и уходе за садовыми деревьями упоминают ст. 31, 32, 33, 50, 51, 52.

[3] M. Fourmy et M. Leroy. La vie de Philarète. Byzantion, t. IX, partie 1, 1934 133—135.

[4] О скотоводстве упоминают статьи 23—30, 34, 36—55, 71—79, 85; упоминания о лошадях имеются не во всех списках, преимущественно, в позднейших.

Рис. 5. Работа садовым ножом. Византийская миниатюра XI в.
(G. Schlumberger, op. cit., 513)

Об использовании скота в молочном и мясном хозяйстве закон не упоминает. Лишь в ст. 34 можно усмотреть указание на первое из них. В качестве пастбищ использовались лесные угодья и поля после снятия с них урожая. Пастьба скота в лесу нашла свое яркое отражение в тексте закона. В нем предусмотрены случаи возможных ранений и гибели скота во время рубки леса. Наказание виновных, даже и неумышленно причинивших подобный ущерб владельцу скотины, указывает на большую ценность животных в хозяйственной жизни деревни. Согласно ст. 40, если кто-нибудь рубящий дерево в неведении сбросит топор и убьет чужую скотину, он должен возместить ее равноценной. О том же трактует и ст. 39, рассматривающая случай гибели животного от срубленного в лесу дерева вследствие невнимательности работника. Неудивительно, что предумышленное похищение скотины (быка в ст. 44) влекло за собой еще более суровое наказание — отсечение руки.

Статьи закона о краже колокольчика со скотины находят много аналогий в варварских правдах. Но, если в Земледельческом законе наказание было приравнено к ст. 40, т. е. к возмещению погибшего по этой причине животного, то варварские правды вводили в большинстве случаев совершенно иную, гораздо более сложную систему. Ближе всего стоит к Земледельческому закону лангобардский закон Ротари, по которому наказание за кражу колокольчика с быка или лошади ограничивается денежным штрафом. Салическая, Визиготская и Баварская правды вводят дифференциацию штрафа в зависимости от вида животного. Бургундская правда вводит дифференциацию наказания в зависимости от социального положения виновника: свободный возмещает ущерб, нанесенный покражей, другим равноценным животным, раб же — подвергается бичеванию.[1]

Как уже было отмечено выше, в качестве выгонов для пастьбы скота, помимо лесных участков, использовались поля и виноградники, с которых был снят урожай. Так, согласно ст. 78 разрешалось приводить свой скот на предварительно убранный участок, однако с тем обязательным условием, чтобы это было сделано тогда, когда и прочие участки уже убраны. В противном случае виновный в нарушении постановления должен был подвергнуться бичеванию и возместить весь ущерб потерпевшим владельцам соседних участков. Следовательно, законом воспрещается лишь несвоевременный привод скота на чужие участки. Отсюда можно заключить, что после снятия урожая снимались и изгороди и вся земля обращалась в общее пастбище для скота, как это было и в других местах при господстве системы „открытых полей“.

В этом отношении Земледельческий закон совершенно сходен с Салической правдой, в старейших редакциях которой также не имелось решительного запрещения пасти скот на чужом участке после снятия жатвы до новых всходов.[2]

В Земледельческом законе нет указаний на практиковавшуюся в некоторых горных районах империи систему пастьбы скота в горах, засвидетельствованную другими современными закону источниками. О таком способе ведения скотоводческого хозяйства в западных областях Малой

[1] Ed. Rothari, 142. — L. Sal., XVII, 1, 2. — L. Visig. Recess. antiqua., VII, 2, 11. — L. Baiuw. IX, 11. — L. Burg., IV, 5.

[2] Halban-Blumenstock. Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums, Bd. I. Grundlagen, 1894, 237 и 240. — См. также L. Sal., IX, 2.

Азии сообщают, например, жития Иоанникия Вифинского (754—846), написанные его младшими современниками.[1]

Более поздние источники содержат детальные сведения о практике, существовавшей в этой области, как в малоазийских, так и в придунайских районах империи. Например, житие уроженца Пергама Павла Латрского, составленное, вероятно, в X столетии, упоминает о пастьбе скота в горах в течение всего зимнего и весеннего периодов. Лишь в летнее время в пору полевых работ крестьяне спускались — по данным жития — в равнины в свои селения.[2] Замечательно интересную аналогию к этим сведениям для европейских районов империи представляет один из отрывков рукописи Московской синодальной библиотеки, изданной В. Г. Васильевским и В. К. Ернштедтом.[3]

Повествование сообщает, что в фессалийской Великой Влахии практиковался совершенно сходный обычай: „у них (влахов, — *Е. Л.*) — такое правило, что скот и семьи их от апреля месяца до сентября пребывают на высоких горах и в самых холодных местах".

Способ пастьбы скота на участках возделанной земли после снятия урожая, описанный в Земледельческом законе, не имеет ничего общего с вышеописанной системой, характерной для полукочевых, скотоводческих по преимуществу, хозяйств малоазийских и балканских горцев. На фоне этой системы ярко выступает о с е д л о - з е м л е д е л ь ч е с к и й характер поселений, о которых говорит закон. По данным закона скотоводство, при всем его большом удельном весе, все же отнюдь не являлось доминирующим. Однако вопросам ухода за скотом, бережному обращению с ним пастухов мирского стада и других лиц закон уделяет очень много внимания. В его статьях детальнейшим образом предусмотрены возможные случаи увечья и гибели скота на пастбище и при иных условиях, жестоко преследуется кража скота и т. д. Виновный в краже быка, присвоивший себе его тушу, наказывался отсечением руки (ст. 44). Но, если за смертью животного-вожака следовала и гибель стада, то вор карался ослеплением (ст. 42). Если же виновником кражи был раб, то он карался смертной казнью (ст. 46).

Рассмотренный материал дает возможность сделать некоторые заключения и об отраслях сельскохозяйственного производства, и об уровне технического оснащения византийской деревни VI—VIII вв. Выводы эти могут быть сведены к следующим основным пунктам.

1. В византийской деревне VI—VIII вв. было развито земледельческое хозяйство в его разнообразных видах (хлебопашество, виноградарство, садоводство, скотоводство).

2. Данные Земледельческого закона и других источников свидетельствуют о том, что в процессе пашенного земледелия имела значительное применение огневая или лядная система хозяйства (удержавшаяся в некоторых районах Балкан вплоть до XIX в.).

3. В процессе обработки почвы при хлебопашестве применялись два важнейших типа орудий — плуг с металлическим (железным) сошником и простая мотыга. Вспомогательным орудием является лыскарь.

---

[1] Acta Sanctorum, Ноябрь, II, Bruxelles, 1894, стр. 341.

[2] Anal. Boll., XI, Bruxelles, 1892, стр. 44 и 49.

[3] Cecaumeni strategicon ed. B. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Записки Ист.-фил. факультета Спб. Университета, ч. XXXVIII, 1896, 68—69.

4. Указанные черты характеризуют собой систему сельского хозяйства, применявшуюся преимущественно на разбросанных по всей территории империи опустошенных и покинутых землях, впервые или вновь осваиваемых.

IV. ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ VI—VIII вв.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ. ОБЩИННОЕ (СВОБОДНОЕ) КРЕСТЬЯНСТВО

Приведенная выше характеристика системы и техники сельскохозяйственного производства, основанная на всей наличной для рассматриваемого времени документации, вероятно, далеко не полно отражает все многообразие действительности. Источники — в первую очередь, наиболее содержательный из них Земледельческий закон — характеризуют лишь одну определенную категорию поселений. Первоочередной задачей должно явиться выяснение социальной природы этих сельскохозяйственных единиц и определение классового облика носителей засвидетельствованной законом сельскохозяйственной техники.

Наиболее часто упоминаемой в законе социальной категорией являются γεωργοί — „земледельцы", которые одновременно выступают и в качестве владельцев участков поля, виноградников, садов и скота.

Первое значение термина γεωργός как земледельца, непосредственного производителя, обрабатывающего свой участок собственными силами, отчетливо выступает в ст. 1, где регулируются взаимоотношения между γεωργός, возделывающим свое поле (ἐργαζόμενον τὸν ἴδιον ἀγρόν), и его соседом: „Земледельцу, возделывающему свое поле, следует быть справедливым и не переступать межи соседа; если же кто-нибудь переступит и умалит долю соседа своего, то если он сделал это во время распашки нови (ἐν νεάτῳ) — лишается своей нови, если же он сделал это нарушение во время посева, то лишается и посева, и пашни своей, и урожая переступивший границы земледелец".

Второе значение термина раскрывается не менее ясно в ст. 3, 4 и 5, где рассматриваются случаи обмена землями между двумя γεωργοί. Если два γεωργοί договорились об обмене земель, то их обмен признается „законным, прочным и непоколебимым" (ст. 3).

Статьи 4 и 5 более детально рассматривают условия обмена. В ст. 4 предусмотрена возможность временного обмена землями между двумя γεωργοί, на время посева. Земледельческий закон предписывает равные условия для обеих сторон при расторжении соглашения: если расторгающий соглашение еще не распахал нови, а второй участник договора уже произвел вспашку, то первому вменяется в обязанность тоже вспахать поле. Если семя уже засеяно, то расторжение соглашения вообще невозможно: очевидно, договор в этом случае остается в силе до окончания первоначально установленного срока.

Статья 5 вносит новое важное уточнение. В то время как предшествующая ограничивала договор определенным сроком, по истечении которого участок возвращался к первоначальному владельцу, в ст. 5 речь идет об обмене не только временном, но и об обмене земель н а в с е г д а (εἰς τὸ διηνεκές).

Из этих статей вытекает с полной очевидностью, что γεωργοί, о которых здесь идет речь, являлись не только непосредственными производителями, возделывающими поля своими руками (ст. 1). Они

являлись одновременно и владельцами участков, полноправно распоряжающимися своей землей вплоть до возможности обмена ее со своими односельчанами на вечные времена (ст. 3, 4, 5).

На ряду с термином γεωργός, в Земледельческом законе неоднократно встречаются и другие обозначения владельцев земли. Наиболее часто встречающимся обозначением является термин κύριος (τῆς χώρας, τοῦ ἀγροῦ и т. д.).[1]

Термин κύριος имеет в византийских (как и в античных) текстах чрезвычайно многообразное значение. Κύριος нередко обозначает господина — крупного землевладельца. Именно в этом смысле его употребляет, напр., Прокопий в своей „Тайной истории“, упоминая о τῶν χωρίων κύριοι в связи с описанием последствий восстания крестьян в Палестине. Совершенно ясно, что владельцами целых сел (τῶν χωρίων) могли быть только крупные землевладельцы.

Однако подобное истолкование термина едва ли можно приложить к κύριοι Земледельческого закона. Речь в нем идет не о τῶν χωρίων κύριοι, т. е. не о владельцах сел и деревень, а о владельцах земельных участков, участков поля, виноградников, нередко обозначаемых термином „доля“ или „жребий“ (μερίς, μέρος, σκάρφιον). Но с особой ясностью значение термина κύριος в словоупотреблении Земледельческого закона выступает в ст. 17. Согласно этой статье земледелец (γεωργός), пришедший и возделавший лядину, принадлежащую другому земледельцу (ἄλλου γεωργοῦ), сохраняет трехлетнее право пользования землей, затем же обязан снова возвратить ее владельцу (τῷ κυρίῳ αὐτῆς). В приведенной статье о хозяине земли упоминается дважды. В первый раз он обозначен рассмотренным уже выше термином γεωργος — „земледелец“. Во второй — термином κύριος τῆς χώρας. Следовательно, последний здесь вполне равнозначен первому. Другими словами, из данной статьи явствует, что хозяин земли (κύριος) такой же земледелец (γεωργός), как и тот, который взял его землю в обработку.

Не менее убедительно в пользу такого истолкования термина говорят также статьи, характеризующие того же κύριος, как „ἄπορα“, неимущего, не имеющего средств для обработки своего участка земли. Именно в этом узком значении термин κύριος и применяется на всем протяжении текста закона. И, следовательно, земледелец Земледельческого закона является одновременно владельцем участка земли, скота, средств труда.

Двойственность терминологии κύριος = γεωργός здесь точно отражает двойственность природы основного непосредственного производителя Земледельческого закона, характеризуемой, как правило, неразорванным еще единством труда и собственности на средства производства.

Лишь в одной из позднейших редакций Земледельческого закона, относящейся к XII в., термин κύριος употреблен в первом из указанных значений — в смысле крупного землевладельца-феодала — владельца селения. О τοῦ χωρίου κύριος там говорится в новом абзаце, включенном в ст. 81, отсутствующем во всех древнейших редакциях закона.

Прежде чем перейти к более детальному анализу социального состава изучаемых поселений, необходимо, однако, остановить внимание на самом объекте владения κύριοι = γεωργοί. Спрашивается, что представляла собой

[1] Термин κύριος встречается в ст. 2, 12, 15—17, 20, 21, 24, 28, 31, 32, 34, 36, 38, 43, 45, 47, 48, 49, 53, 72—74, 76, 77, 81 и 85. Термин αὐθέντης — в ст. 84. В поздних редакциях встречается термин δεσπότης.

χώρα, γῆ или τόπος — „земля", „участок земли", о которых постоянно упоминается в статьях закона?

Из ст. 5, трактующей об обмене земель (χώρα) можно сделать вывод, что под χώρα в более узком и специальном значении понималась в законе доля, обозначаемая термином μέρος: „если два земледельца (γεωργοί) обменялись землями (καταλλάξωσι χώρας)... и обнаружено, что одна доля (μέρος) меньше другой... пусть отдаст имеющий больше соответствующее количество земли имеющему меньше..." О той же „доле" в видоизмененной форме слова μερίς упоминается и в двух других статьях закона. В ст. 31 говорится о „соседней доле", представляющей собой сад (εἰ μὲν κηπός ἐστιν ἡ σύνεγγυς μερίς); ст. 78 — о сжавшем свою долю (τὴν ἑαυτοῦ μερίδα), „в то время как доли соседей еще не сжаты (τῶν πλησίων αὐτοῦ μερίδων μὴ θερισθέντων)". В одном случае (ст. 8) участок земли обозначен не менее выразительным, чем „доля", термином — „жребий" (σκάρφιον).

Весьма вероятно, что именно о таких „доле" или „жребии" речь идет в ст. 2 и 6, преследующих земледельца за самоуправство при захвате чужого участка без ведома хозяина поля. По постановлениям Земледельческого закона, как и по соответствующим нормам эдикта Ротари и Бургундской правды, земледелец, виновный в самовольном захвате и обработке чужого участка земли, терял все плоды своего труда.

Каждый участок земли — „доля", „жребий", включавший и пашню, и виноградник или сад, — находился, по данным закона, в собственности отдельных земледельцев. Последние имели право распоряжения своими участками (лишь о возможности полного отчуждения участков закон нигде не упоминает). Однако, как показывает самая терминология закона, собственность эта в то же время несла в себе ярко запечатлевшиеся в терминах следы своего общинного происхождения. И „доля" (μέρος или μερίς), и „жребий" (σκάρφιον) — термины, явственно указывающие на предшествующее расчленение, разбивку (μερισμός, μερισία) некогда единой территории, очевидно, находившейся в коллективной собственности всего села, „мира", на отдельные части (μερίδες). Характерно, напр., то специальное внимание, которое закон уделяет случаю, когда дерево взращено на неразделенном месте (букв. — неразделенном на доли — ἀμερίστῳ; ср. термин μερίς — «доля») и затем „при проведении раздела (μερισμός) досталось в долю другому..." (ст. 32).

В этой статье можно ясно видеть указание на наличие разделов всей сельской территории до поступления ее в частную собственность каждого из членов общины, сельского „мира".

Во всех древнейших рукописях закона, помимо приведенной статьи, имеется еще одно не менее выразительное в указанном отношении постановление: „если раздел (μερισμός) был произведен несправедливо для некоторых в жребиях и в местоположении, пусть дозволено будет аннулировать произведенный раздел" (ст. 8).

Приведенная статья является, несомненно, бесспорным свидетельством о наличии раздела общинных земель. Но в то же время ни в Земледельческом законе, ни в других современных ему источниках нет указаний на существование периодических переделов земли. Против предположения о наличии периодического перераспределения земель говорит предусмотренная законом в ст. 5 возможность обмена землями между земледельцами „навсегда" (εἰς τὸ διηνεκές).

Правда, Ф. И. Успенским была высказана мысль, основанная на данных разъяснения византийского юриста X столетия — магистра Косьмы, что все же периодические переделы земли имели место в византийской

деревне. Косьма, в ответ на обращенный к нему запрос о возможности передела земли, разъяснил, что „если местность находится в одном административном подразделении и обложена единой суммой налога и если доли (αἱ μερίδες) принадлежали к общине (ἀνακεκοίνωνται), но не прошло еще тридцатилетия со времени раздела — пусть будет снова объединено в общину все подразделение и будут слиты границы, а затем может быть произведен раздел сельской территории (καὶ γένηται μερισμὸς τῆς γῆς τοῦ ἀγροῦ) между каждым из них соразмерно жребиям (κατὰ κλήρων ἰσότητα) с учетом не только количества наделяемой земли, но и качества".

Если прав Ф. И. Успенский, толковавший заметку Косьмы в том смысле, что „определением предусматривается случай, когда сельская община может приступить к переделу земли, не дожидаясь истечения тридцатилетнего периода, когда такой передел требовался господствующим обычаем",[1] то естественно было бы предполагать, что обычай переделов земли существовал и во времена Земледельческого закона. Тогда не следует ли подразумевать под „вечным" обменом земель Земледельческого закона обмен не „навсегда", а лишь на все время до очередного передела? Но даже в том случае, если понимать разъяснение Косьмы лишь как свидетельство о том, что возможность общего перераспределения участков прекращалась после истечения тридцатилетнего срока давности владения землей, то и тогда из указания Косьмы вытекает с полной очевидностью, что разбивке на „доли" предшествовал общий раздел всей деревенской территории.

Тем самым предположение Б. А. Панченко о том, что в ст. 8 Земледельческого закона речь идет об одном лишь дополнительном разделе земли, теряет всякую степень доказательности. Утверждение Б. А. Панченко о том, что в этой статье нет „не только признаков периодического передела, но и вообще всякого передела, понимая под таковым дележ земли на основании изменившихся условий",[2] вступает в полное противоречие с фактами, засвидетельствованными еще и для X столетия магистром Косьмой.

Заметка Косьмы, несомненно, указывает на реально происходивший на практике даже и в позднейшую, чем Земледельческий закон, эпоху передел всей общинной земли, хотя в ней может быть и нет достаточно прочных оснований видеть прямое доказательство существования в эту эпоху периодических переделов земли. Факт сохранения живой традиции регулярного перераспределения всей общинной земли в виде тридцатилетней периодичности, с другой стороны, указывает на то, что практика подобных переделов земли существовала в византийской общине в сравнительно недалеком прошлом, быть может до издания Земледельческого закона.

Возвращаясь к рассмотрению содержания последнего, необходимо поставить вопрос о субъекте верховной о б щ и н н о й собственности, о „мире", который являлся верховным собственником всей деревенской территории. Село, как целое, как верховный собственник земли, выступает как тяжущаяся сторона в ст. 7, споря о границах с другим подобным же коллективом — χωρίον. Чрезвычайно характерно, что в законе при рассмотрении этого случая не упоминается о тяжбе между какими-либо отдельными заинтересованными лицами, а лишь только о защите общей сельской территории.

[1] Ф. И. Успенский. Журн. Мин. нар. просв., 1888, ч. CCLIX, стр. 248.
[2] Б. А. Панченко, указ. соч., стр. 70.

„Если два села спорят о границе или о поле (ниве), пусть обследуют сведущие люди (судьи) и признают право за владеющим более долгий срок; если же есть и старая граница, пусть будет старое владение непоколебимо". Но наиболее интересной с этой точки зрения является, несомненно, ст. 81, рассматривающая вопрос о построении мельницы на общинной земле.

Древнейшие редакции закона при наличии незначительных расхождений в деталях воспроизводят единообразный текст этой статьи, свидетельствующий о наличии в византийской деревне общинных форм собственности, запечатленных с исключительной четкостью. В статье говорится, что „если кто-либо, живущий в селении (ἐν χωρίῳ) определил, что общинная земля пригодна для сооружения мельницы, и займет ее (землю, — *Е. Л.*), и если затем после окончания сооружения сельская община (ἡ τοῦ χωρίου κοινότης или κοινῇ) заявит хозяину мельницы, что он присвоил себе общинную землю, пусть отдадут ему все причитающиеся платежи за издержки по устройству и станут сотоварищами с прежде сделавшим".

Из статьи вытекает, что „мир" имел права на всю общинную территорию, не подвергнувшуюся еще разбивке на отдельные „доли". В полном соответствии со ст. 81 находится и ст. 32 о взрастившем дерево на неподеленной общинной земле. Если место посадки после раздела досталось в долю другого, „пусть не имеет права распоряжения деревом никто, кроме взрастившего его. Если же хозяин участка заявляет, что я, мол, терплю неудобства от дерева, пусть отдаст вместо этого дерева другое взрастившему дерево и получит это". Статья замечательно ярко подчеркивает первоначальную трудовую основу собственности в общине, защищая права члена общины, проявившего инициативу и затратившего свой труд на посадку.

С другой стороны, она ясно свидетельствует, на ряду с вышерассмотренной статьей о мельнице, о наличии неразделенной общинной территории, находящейся в коллективной собственности села, после того как отдельные доли поступили уже в распоряжение его членов.

Но возникает вопрос, в какой мере простирались эти „верховные" права общины на отдельные участки, уже переданные членам общины?

Рассмотрение всей совокупности данных закона дает основание утверждать, что в этом отношении права „мира" были уже сильно ограничены. И все же в них ярко сказывались черты, свидетельствующие о былом неограниченном и всеобъемлющем господстве этих прав. В остатках общинных прав отчетливо видны следы общинной собственности первоначально распространявшейся на все виды земель и угодий села.

При сопоставлении Земледельческого закона с хронологическими и стадиально близкими к нему памятниками Западной Европы черты эти выступают еще с большей рельефностью. Ни в одной из этих записей обычного права обществ, находившихся на грани перехода от „варварства" к „цивилизации", система общинно-родовых форм собственности не отражена с той степенью четкости и полноты, как в нормах Земледельческого закона.

И постановления о переделах земли (ст. 8), и система превращения всех земель в общее пастбище для скота после снятия с них урожая (ст. 78 и 79), и право неограниченного потребления плодов в чужих виноградниках (ст. 61), и отсутствие полной кристаллизации права частной

собственности на определенный участок[1] — все это черты, объяснимые лишь как остатки обычаев и порядков общинно-родового строя, следы исчезающего господства некогда неограниченно существовавших общинных прав. Любопытно постановление Земледельческого закона о праве пользования чужими плодами на месте. Специальная статья, трактующая об этом предмете, предусматривала право неограниченного потребления плодов виноградника или смоковницы на месте. Лишь в том случае, если имело место злоумышленное вторжение в чужой виноградник или смоковничную рощу с целью воровства, закон предусматривал определенное наказание (сечение со снятием одежды).

Земледельческий закон идет в отношении признания прав односельчан гораздо дальше, чем, напр., лангобардский закон короля Ротари — памятник приблизительно современной Земледельческому закону эпохи. Эдикт Ротари устанавливал норму безнаказанного потребления плодов на месте, в пределах до трех гроздьев винограда. При уничтожении большего количества плодов, виновный уплачивал штраф. Земледельческий закон карал только злоумышленника за кражу.

Но не менее показательна при определении соотношения форм общинной и частной собственности по данным закона и статья, рассматривающая случай занятия чужой пустоши и разведения на ней виноградника. Возвратившиеся хозяева не имели права разрушения дома и уничтожения виноградника, но обязаны были удовлетвориться равноценным участком. Они получали право уничтожения построек и насаждений, а, следовательно, и вытеснения лица, захватившего участок, лишь в том случае, если последнее отказывалось возместить захваченный участок другим, очевидно равным ему по своим достоинствам (ἀντιτοπίαν).

Земледельческий закон в этом отношении резко отличен от законодательных установлений предшествующих византийских памятников. Закон Юстиниана 532 г. приравнивал самовольный захват брошенных земель в отсутствие их владельцев к краже и насильственному вытеснению. Тем самым на эти случаи был распространен деликтный иск против самоуправства, приводивший к устранению самовольно сделанного.[2]

В полном соответствии с определениями римского права и лангобардский закон устанавливал в аналогичном случае полную защиту прав законного первоначального владельца и вытеснение захватившего участок, „потому что все должны знать, — заключал лангобардский законодатель, — что̀ есть свое, и что̀ есть чужое“. Такое ярко выраженное определение права частной собственности, повидимому, было чуждо обществу, о котором идет речь в Земледельческом законе. В Земледельческом законе ст. 21 даже не ставит вопроса о самоуправстве или о каких-либо исключительных и преимущественных правах владельца именно на данный участок — все сводится лишь к справедливому возмещению понесенного ущерба с предоставлением самовольно захватившему землю всех законных прав на нее.

Но даже при наличии всех этих ограничений, значительно суживавших право каждого из членов общины в распоряжении своим участком, последнее было все же достаточно обширно. Частная собственность уже отвоевала у общины не только дома, но и поля, которые находились в полном, длительном и, по всей вероятности, наследственном распоря-

---

[1] См. ст. 21 о постройке дома и посадке виноградника на чужом участке.
[2] Cod. Just., VIII, 4, 11. — Ср.: Г. Дернбург. Пандекты, т. I, ч. 2, 1905, 178 и сл.

жении члена общины при условии соблюдения им общеобязательных для всей общины условий системы „открытых“ полей. Он имел право обмена земли, мог отдавать ее на различных условиях в обработку и даже закладывать ее за деньги (ст. 67).

V. ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ VI—VIII вв.

РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА (А́ПОРЫ, ИСПОЛЬЩИКИ, МОРТИТЫ, МИСТОТЫ, РАБЫ)

До сих пор речь шла о важнейшей социальной группе в общине: о владельцах участков и земледельцах — γεωργοί, без учета ее внутренней дифференциации. В действительности же, по данным закона, внутри этой социальной категории имелось множество оттенков и градаций, свидетельствующих о нарождении имущественных и классовых противоречий, которые зашли уже довольно далеко.

А́поры и испольщики

Различия в экономическом благосостоянии в среде γεωργοί могут быть отчетливо прослежены на материале постановлений закона. Некоторые из членов общины являлись не только владельцами скота, рабов, орудий труда, но и простирали уже свои щупальцы для захвата владений своих малосостоятельных соседей. Последние, характеризуемые в древнейших редакциях закона выразительным эпитетом ἄποροι — „неимущие“, не имея необходимых средств для обработки своих участков, были вынуждены отдавать их для обработки другим лицам на условиях получения половины плодов урожая, а иногда просто покидали свои земли, уходя в чужие края.[1]

Едва ли есть достаточные основания для принятия взгляда Цахариэ Лингенталя, предполагавшего, что владельцами отдаваемых исполу участков были не рядовые члены общины, а крупные землевладельцы. Б. А. Панченко правильно указал ряд противоречащих этому предположению фактов. Утверждению Цахариэ можно противопоставить прежде всего показания самого текста закона.

В трех статьях из четырех, трактующих об испольщине, о сдающем землю в обработку прямо говорится, как об „а́поре“, „неимущем“ или „обедневшем“ (ἄπορος, ἀπορήσας). В то же время в ст. 18 и сдающий землю и испольщик обозначены обычным термином „земледелец“ — γεωργός. В статье говорится: „если земледелец (γεωργός) взял у какого-либо обедневшего земледельца (παρά τινος γεωργοῦ ἀπορήσαντος) виноградник для обработки исполу и не обрезал его, как полагается, не обкопал и не обнес его частоколом, пусть не получит ничего из плодов“. Из контекста совершенно ясно, что речь идет о взаимоотношениях между крестьянами, членами общины. Но в то же время все смысловое содержание этой статьи, взятое в совокупности с прочими статьями об испольщине, свидетельствует о наличии имущественного неравенства внутри общины. Отсутствие необходимых средств для обработки поля, заставляющее а́пора отдавать землю другому, является тому достаточным доказательством.

1 Термин ἄπορος с производными встречается в ст. 11, 13, 14 и 18. О сдаче земли в обработку исполу речь идет в ст. 12—15; вероятно, о том же трактует и ст. 11, хотя самые термины „испольщина“, „половина“ в ней отсутствуют; о бегстве с земли говорится в ст. 18 и 19.

Мортиты

Что касается крупных землевладельцев, то в древнейших редакциях текста имеется лишь две статьи, в которых таковые может быть имеются в виду (ст. 9 и 10). Обе статьи характеризуют землевладельца неопределенным и сравнительно редко встречающимся в источниках термином χωροδότης (буквально „земледавец“). Однако из текста статей вытекает, что речь идет о совершенно иной категории взаимоотношений, чем те, о которых говорилось выше. В первой из этих статей десятиннику-мортиту (μορτίτης) воспрещается жатва и уборка снопов без ведома земледавца. Виновный в нарушении этого предписания терял весь свой урожай. Во второй статье устанавливается норма десятины (в размере десятой части всего урожая в пользу земледавца), точное соблюдение которой было обязательно для мортита под страхом божьей кары. Отсутствие какого-либо упоминания о договоре, обусловившем описанные взаимоотношения двух сторон, наличие в тексте обеих статей термина „десятина“ и „десятинник“-мортит и сакральный характер угрозы нарушителю в ст. 10 дают основание для некоторой расшифровки малоговорящего термина „земледавец“.

Весьма вероятно, что в этих обеих статьях, в отличие от предшествующих, речь идет о взаимоотношении двух неравноправных и классово-различных сторон. Первой является все тот же земледелец — мортит, возделывающий поле, второй же — крупный землевладелец, взимающий с этого крестьянина ренту в форме десятины. Можно предполагать далее, что здесь речь идет о десятине, уплачиваемой духовному землевладельцу — церкви или монастырю. На это указывает, думается, угроза нарушителю „проклятием божьим“.

Случаи установления подобной зависимости свободных общин от церквей и монастырей хорошо известны в исторической практике Византии VIII—IX вв., не говоря уже о позднейшей эпохе.

Яркой иллюстрацией может служить, напр., судьба славянских общин, участвовавших в восстании 807 г. и ставших жертвой правительственной расправы. По сообщению византийского императора Константина Багрянородного, славянские общины (ὁμάδες), участвовавшие в этом противоправительственном возмущении, были приписаны к церковной митрополии Андрея Патрского со всеми проистекающими отсюда крайне тягостными для них последствиями. Общины должны были содержать за свой счет без всякой помощи со стороны митрополии всех приезжих стратигов, императорских посланцев, чужеземных послов и прочих лиц, деля между собою тяготы (ἀλλ' αὐτοὶ οἱ Σκλαβηνοὶ ἀπὸ διανομῆς καὶ συνδοσίας τῆς ὁμάδος).[1]

В позднейшие же времена можно найти и прямые указания на взыскания с крестьянских общин десятины в пользу церковных и монастырских землевладельцев.

По наблюдениям В. Г. Васильевского, термин „десятина“ (μορτή) часто встречается в монастырских актах, относящихся к позднейшей эпохе. Примером может служить хрисовул 1234 г. императора Иоанна Ватаци, пожалованный монастырю Марии на горе Лембо (близ Смирны). В хрисовуле говорится, что император, узнав про каких-то соседей, засеявших некоторые из полей, ранее отведенные монастырю, „определил взыскать с них в пользу монастыря надлежащую „десятину“ (τὴν ἀνήκουσαν μορτήν).[2]

---

[1] Constantini Porphyrogeniti. De adm. imp. Bonn, 1840, 219.

[2] Miklosich et Müller. Acta et diplomata, t. IV, № 77. В. Т. Васильевский. Материалы. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, ч. CCX, 119.

Комментируя приведенный текст, В. Г. Васильевский высказал предположение, что под мортой следует подразумевать дань, уплачиваемую крестьянами известным процентом с жатвы в тех часто имевших место случаях, когда „крестьяне садились на чужой земле с согласия владельца".

В том, что морта представляла собою ренту, уплачиваемую крестьянами землевладельцам известным процентом с жатвы, не может быть никаких сомнений, если исходить из показания приведенной грамоты. Однако в дальнейших рассуждениях В. Г. Васильевского, думается, содержатся некоторые спорные моменты. Если принять во внимание те исторические условия, в которых возникли эти грамоты, то едва ли можно будет согласиться с В. Г. Васильевским, безоговорочно принявшим на веру то толкование спорного случая, которое изложено в грамоте, а именно, что крестьяне действительно захватили землю монастыря и поэтому подлежали обложению „справедливой" данью за пользование чужой землей. Учитывая реальное соотношение классовых сил в рассматриваемую эпоху (т. е. силу, могущество и влияние монастырей, пользовавшихся покровительством императорской власти, — с одной стороны, и слабость и беззащитность крестьянства — с другой стороны), в эту концепцию необходимо внести существенные поправки. При анализе грамоты нужно иметь в виду, что в ней отразилась та точка зрения, которую отстаивал монастырь, добивавшийся расширения своей земельной территории и увеличения „даней", высасываемых с окрестных крестьян. Монастырь — победившая сторона — был заинтересован в том, чтобы дело было представлено таким образом, что крестьяне сели на его земле и потому, мол, подлежат справедливому обложению. Но весьма сомнительно, чтобы это изложение спорного случая, зафиксированное в императорском хрисовуле, дарованном монастырю, отражало действительное положение вещей. Скорее можно предполагать, что монастырь, пользуясь покровительством „сильных мира", претендовал на присвоение земель окрестных крестьян, никогда до того ему не принадлежавших. Успешный результат претензии монастыря и привел к изданию хрисовула, осветившего дело выгодным для монастыря образом, придав его притязаниям „законный" и „справедливый" вид.

Подобное разрешение вопроса в пользу сильной стороны тем легче могло иметь место в тех случаях, когда крестьяне принадлежали к числу „неспокойных" элементов, замешанных в противоправительственных восстаниях. В таком случае дело кончалось иногда и вовсе не ограниченными тяготами в пользу монастыря. Такова именно была судьба крестьянских общин — участников восстания в Патрах. Константин Багрянородный сообщает, что лишь при Льве VI, т. е. к концу IX столетия, они получили (очевидно, в результате упорной борьбы) точную фиксацию повинностей.

В других случаях дело заканчивалось наложением определенной дани, менявшейся в зависимости от различных конкретных условий и соотношения сил борющихся сторон.

Так, славянские общины Греции — милинги и езериты, сначала (в IX в. после походов Феоктиста) были обложены данью в размере 60 номизм — милинги и 300 номизм — езериты. Затем же после нового восстания и отказа от уплаты дани, после того как были сожжены все их поля и опустошены все их земли, дань была увеличена до 600 номизм с каждого племени (в начале X в.). Но в ответ на учиненную правительством расправу они вновь восстали и добились уменьшения дани до прежней суммы (360 номизм с обоих племен).

При нормальном же, не осложненном военными столкновениями положении вещей, очевидно, дело ограничивалось уплатой десятины в пользу соседнего монастыря или крупного землевладельца. Такова именно и была „морта", о которой идет речь в Земледельческом законе — равная десятой части урожая.

Следовательно, упоминание о γεωργὸς μορτίτης в Земледельческом законе указывает, по всей вероятности, на наличие зависимости крестьянина-общинника от крупного собственника, будь то монастырь или светский землевладелец.

Интересно отметить, что в некоторых позднейших редакциях Земледельческого закона зависимость выражена гораздо более прямым и общезначимым способом. Развитие феодализационных процессов и захваты общинных земель крупными землевладельцами, ставшие правилом в позднейшую эпоху, когда наличие свободных общин стало почти полным анахронизмом, заставило законодателей внести в закон изменения. И, в частности, в вышеупомянутую ст. 81 о мельнице, построенной на общинной земле, был включен новый абзац, подчеркивающий изменившиеся условия. В этом абзаце появилась отсутствовавшая в старых редакциях закона ссылка на хозяина селения (τοῦ χωρίου κύριος).

Мистоты

Но и в самой общине можно установить нарождение и развитие форм зависимости крестьянства. Рост имущественного неравенства уже запечатлен в законе с достаточной силой. Как уже было отмечено, в самой среде крестьян-общинников были лица, владевшие и рабами, и скотом и более совершенными орудиями труда. Весьма возможно, что именно в зависимости от таких более имущих слоев села и находился тот ποιμὴν μισθωτός, о котором в одном случае (ст. 34) упоминает закон в отличие от обычного „мирского" пастуха, обозначаемого термином ἀγελάριος, и в отличие от пасущего скот несвободного — раба (δοῦλος).

Земледельческий закон не сообщает никаких дальнейших сведений, по которым можно было бы точнее определить социальную природу этого пастуха-мистота. В законе предусмотрено лишь наказание пастуха-мистота сечением и лишением наемной платы (τὸν μισθόν) в случае кражи молока и продажи его тайком от хозяина скотины. Однако наблюдение над историей термина „мистот" в византийских памятниках права дает возможность до известной степени приоткрыть завесу и расшифровать смысл этого термина, как обозначавшего одну из форм феодальной зависимости свободных.

Одним из важнейших определений содержания термина „мистот" является знаменитое место в кодексе Юстиниана, зафиксировавшее закон императора Анастасия (491—518) о прикреплении колонов к земле по истечении тридцатилетнего срока.

Закон Анастасия различает две группы крестьян-земледельцев (γεωργοί). Первой из них являлись несвободные — энапографы (приписные), пекулий которых принадлежал их господам; вторые же — „становятся мистотами по истечении тридцатилетия, оставаясь свободными вместе со своим имуществом (οἱ δὲ χρόνῳ τῆς τριακονταετίας μισθωτοὶ γίνονται, ἐλεύθεροι μένοντες μετὰ τῶν πραγμάτων αὐτῶν) и эти принуждаются (καὶ οὗτοι ἀναγκάζονται) и землю обрабатывать и платить налоги".[1]

Итак, по определению закона Анастасия, мистоты имели следующие существенные черты отличия от других крестьян: 1) они были юриди-

[1] Cod. Just., XI., 47, 19.

чески свободными людьми и оставались таковыми даже после прикрепления их к земле (по истечении тридцатилетия), — чем они и отличались от энапографов; 2) мистоты прикреплялись к земле в том случае, если они оставались на своей земле более тридцати лет, не взирая на сохранение своей личной свободы. Другими словами, если мистот в силу своей экономической несостоятельности был лишен возможности избрать себе (до истечения тридцатилетия) другое местожительство, он фактически прикреплялся к земле и превращался в зависимого человека уже в силу внеэкономического принуждения.

Следовательно, уже в этом определении в фигуре мистота диалектически совмещались два противоречивых признака — юридической свободы и фактической зависимости, не только экономической, но при определенных условиях и внеэкономической.

Тех же свободных и одновременно зависимых мистотов мы встречаем через четырехвековой, примерно, промежуток времени — в X в., в эдикте константинопольского эпарха среди непосредственных производителей в ремесленных мастерских и лавках Константинополя.

„Книга эпарха“[1] упоминает о мистотах в четырех статьях. В первой из них метаксопрату (т. е. торговцу грубым шелком-сырцом), нанявшему мистота (μισθωτὸν προσλαμβάνων) в свою мастерскую, запрещается заключать с ним договор на срок более одного месяца и выдавать ему наемную плату (τὸν μισθόν) вперед более чем за тридцать дней. Совершенно аналогично предписание и по отношению к серикарию (т. е. ремесленнику, изготовляющему пурпурные и шелковые ткани), заключающему договор найма с мистотом. Третье постановление запрещает метаксопрату переманивать к себе чужого мистота (обозначенного в данном случае, очевидно, равнозначным ему термином μίσθιος) до окончания им работ у прежнего хозяина в счет полученной вперед платы (τὸν μισθόν).

И, наконец, в четвертой статье строго воспрещается под угрозой тяжелого членовредительного наказания (отсечение руки) продавать раба, мистота и эклекта (вероятно, подмастерья) чужеземцам или варварским племенам (Ὁ οἰκέτην ἢ μισθωτὴν ἢ ἐκλέκτην ἐξωτικοῖς ἢ ἐθνικοῖς πιπράσκων χειροκοπείσθω).

Итак, по данным документа X в. социальная природа мистота, или мистия, определялась следующими важнейшими признаками.

1. Мистот — юридически свободный человек, в отличие от раба δοῦλος. Юридическая правоспособность его засвидетельствована тем, что с мистотом заключается особый договор — договор найма.

2. Мистот — экономически неимущий. Запрещение неограниченного сроком и суммой аванса договора могло иметь единственный смысл: создать препятствие для полного закабаления мистота хозяином мастерской вследствие необходимости бессрочной отработки „долга“, т. е. выплаченной вперед в счет наемной платы суммы денег.

3. Мистот фактически, на ряду с рабом (значительно изменившим свой облик в средневековых условиях) нередко продавался и покупался.

Таким образом, по определению эдикта, мистот — юридически свободный, фактически же близкий к рабу человек, в силу своей экономической неустойчивости, очевидно, нередко попадающий в кабалу и даже теряющий свою свободу (о последнем свидетельствуют случаи продажи и покупки мистота наравне с рабом). Но эдикт трактует о мистоте в условиях византийского города. Как обстояло дело в деревне?

Для ответа на этот вопрос можно найти чрезвычайно интересный

[1] J. Nicole. Le livre du préfet. Génève, 1893.

материал в так наз. „Руководстве по сбору налогов“[1] — документе, примерно, современной „Книге эпарха“ эпохи.

В „Руководстве“ о мистиях упоминается лишь один раз: при анализе категорий сельских поселений, подлежащих налоговому обложению.

Одним из типов поселений являются так наз. проастии (προάστεια). По определению „Руководства“ специфической чертой, отличающей проастии от других видов сельских поселений является то, что „в проастиях имеют жительство не сами господа (μὴ τοὺς δεσπότας τοὺς τὴν κατοίκησιν ἔχειν), но некоторые из их подданных (τινὰς τῶν ὑπ' αὐτούς), т. е. рабы, мистии и пр. Таковы именно те проастии, которые полностью входят в деревенскую округу“. Значит, проастий — место жительства зависимого люда — был населен „подданными“ землевладельца, в том числе и мистиями, жившими там на ряду с рабами. Попутно следует отметить, что указанное определение специфики проастия подтверждается и данными монастырских грамот того же времени.

В грамоте 1073 г. при описании земельных владений, дарованных монастырю, перечислено множество проастиев, в которых нет господских домов и которые являлись местом жительства пáриков-крепостных.

Мистии, наряду с пáриками, упоминаются и в грамоте 1189 г., где говорится, что „дука и переписчик, подобно своим предшественникам, подтвердил за монастырем все его имения и метохи с пáриками и мистиями“.

Если подвести итог рассмотренным данным, то можно притти к заключению, что в X—XI вв. в социальной фигуре мистота-мистия отчетливо выступают черты, характеризующие его как феодально-зависимого, лишь формально (юридически) свободного члена средневекового византийского общества — черты, лишь отчасти намеченные в законе Анастасия.

В процессе средневекового развития формы зависимости мистота пережили значительную эволюцию, прямо противоположную той, которую прошел в средневековой Византии несвободный — раб. Усиление зависимости свободных, с одной стороны, и улучшение положения раба — с другой, привели к фактическому сближению мистота с рабом и с средневековым пáриком-крепостным. Думается, что приведенные здесь материалы, характеризующие основные этапы истории византийского мистота, достаточно убедительно показывают полную несостоятельность взгляда Штекле и некоторых других буржуазных исследователей, пытавшихся усмотреть в мистоте собрата современного наемного рабочего. Игнорирование подлинно феодальной сущности полукабальной зависимости мистота вносит совершенно неоправданное фактами искажение в картину исторического развития средневековой Византии.

Гораздо более правильной представляется точка зрения А. С. Павлова,[2] высказанная им, к сожалению, лишь в самой общей форме. Павлов, сопоставляя основную группу крестьян Земледельческого закона с „ролейными смердами“ Русской правды, „получившими впоследствии название черных и численных людей, т. е. свободных крестьян, сидевших на тяглых общественных землях“, обратил внимание на сходство других крестьян Земледельческого закона с ролейными закупами, подчеркивая тем самым феодальный характер зависимости этих крестьян.

Равным образом и В. Г. Васильевский при рассмотрении упомянутой выше грамоты 1189 г. переводил термин „мистий“ — словом „закуп“.

[1] Изд. в „Journ. of Hell. Studies“, v. XXXV, 1915, 78—86 и в „Byzantinisches Archiv“. H. 9, 1927.

[2] А. С. Павлов. Книги законные. СПб., 1885, 31.

Если для установления полного тождества между византийским мистотом и древнерусским закупом, может быть, нет достаточных данных, то, во всяком случае, сопоставление это является вполне правомерным и основательным. Мистот — собрат по лексическому составу древнерусского термина „наймит" (греч. μισθόν—др.-русск. „мзда" или „найм") — органически связан в византийском праве с понятием личной зависимости свободных, возрастающей с ходом закрепощения свободных к X—XI вв.

Таким образом в ποιμὴν μισθωτός Земледельческого закона (как и в садовом стороже) есть все основания предполагать свободного в феодальном смысле, но фактически зависимого человека.

Рабы

Помимо феодально-зависимых свободных людей, в законе упоминаются и рабы (δοῦλοι). О положении рабов Земледельческий закон сообщает немного сведений, хотя и упоминает о них в пяти статьях.

В двух случаях речь идет об использовании рабов в качестве пастухов. Статьи эти подчеркивают полную юридическую неправоспособность раба: „если рабу передана для пастьбы скотина без ведома хозяина и если затем раб продаст ее или как-либо иначе сделает ее непригодной, пусть не ответственен будет и раб, и хозяин его" (ст. 71); если же это произошло с ведома хозяина раба, то последний несет полную ответственность за сохранность животных (ст. 72). О судьбе раба ничего не говорится. Очевидно, в случае совершения преступления раб отдается полностью „на суд и расправу" своему господину. Аналогичным образом и в ст. 45 ответственность за убитых рабом животных полностью возложена на его господина (вероятно, эта статья, как и ст. 72, подразумевает осведомленность господина о передаче животных для пастьбы его рабу).

Личная юридическая ответственность раба перед законом предусматривается лишь в двух случаях: 1) если овцы, выведенные из загона рабом с целью совершения кражи, окажутся растерзанными дикими зверями. В этом случае раб подлежал смертной казни на „фурке", как убийца (ст. 46); 2) при совершении рабом неоднократных краж скота. Наказание в этом случае предусмотрено то же, что и в первом с дополнительным взысканием с владельца раба возмещения за погибших животных, как с знавшего о виновности раба (ст. 47).

Таким образом рассмотрение содержания Земледельческого закона в целом показывает следующее: 1) на ряду с членами общины, обрабатывающими свои участки собственными силами и средствами труда, были среди них и такие, которые эксплоатировали труд свободных и несвободных зависимых людей (мистотов, рабов), и 2) некоторые из членов общины разорялись, бежали с своих участков, не имея средств для обработки их, превращаясь в áпоров — неимущих.

VI. ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ VI—VIII вв.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

При анализе всех указанных явлений нельзя не притти к выводу, что на общине Земледельческого закона ярко сказывались черты взрывающего ее изнутри дуализма, которые, по определению К. Маркса, являлись важнейшим законом развития для сельской общины.[1]

[1] Черновые наброски письма К. Маркса к В. Засулич (3 III 1881). К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 694—695. Отрывки, взятые ниже в кавычки цитируются оттуда же.

Если судить по данным закона, то нельзя не признать, что первоначальная общая собственность, ведущая свое происхождение от более древних общин, где „работа производилась сообща“ и где „общий продукт, за исключением доли откладываемой для воспроизводства, распределялся постепенно, соразмерно надобности потребления“, уже далеко продвинулась по пути своего разложения. Частная собственность уже не только вторглась в общину в виде дома с его сельским двором, но уже „превратилась в крепость, из которой стало подготовляться наступление на общую землю“. Обработка каждым отведенных ему полей и единоличное присвоение урожая — парцеллярный труд, как источник частного присвоения, создали условия для разложения первоначального экономического и социального равенства. Наличие неравенства, сосредоточение в руках одних членов общины движимого имущества, скота и даже рабов, за счет обеднения других, лишенных необходимых средств производства — черты, характерные для стадии сельской общины — марки — могут быть констатированы и в общине Земледельческого закона. „Борьба интересов и страстей, выросшая на основе парцеллярного труда“, уже подорвала в значительной степени общую собственность на пахотную землю. Недалек уж был, казалось, тот час, когда леса и пастбища, „которые, будучи однажды превращены в общинные придатки частной собственности, постепенно достанутся последней“.

Но в то же время рассмотренные выше данные закона бесспорно показывают вторую — не менее важную сторону развития форм собственности. Использование земель под общее пастбище, сохранение возможности переделов всей земли, сохранение старого права потребления плодов на месте, независимо от принадлежности участка тому или иному лицу, наличие общинных угодий, отсутствие полной кристаллизации права собственности на определенный участок, свидетельствуют, несомненно, о наличии остатков некогда существовавшей полной и неограниченной общинной собственности. Только она и могла обусловить собой сохранение подобных установлений, противоречиво вклинивающихся в общую картину неуклонно развивающихся новых, разрушающих эту первоначальную общинную основу, процессов.

По замечательному определению К. Маркса, именно этот свойственный сельской общине дуализм и вливал в нее огромную жизненную силу. „Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, сельская община получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин. Но не менее очевидно, что с течением времени тот же дуализм может стать зерном разложения“.

Ростки разложения уже отчетливо сказываются в византийской общине по данным Земледельческого закона.

Однако все особенности изучаемых здесь процессов не исчерпываются присущим сельской общине подтачивающим ее изнутри дуализмом. Как и в других общинах, о которых писал К. Маркс, эти внутренние противоречия между общей и частной собственностью — прогрессирующий ход расслоения общины — в значительной степени форсировались и осложнялись вмешательством внешних разрушительных сил и влияний.

Изучение данных закона не может дать вполне эффективных резуль-

татов без анализа этой стороны дела, незаслуженно оставленной почти без внимания в большинстве предшествующих исследований. Правда, закон нигде не дает подробных сведений об этой внешней обстановке, ограничиваясь преимущественно вопросами регулирования внутренних взаимоотношений членов общины. Но при детальном ознакомлении со всеми его данными в целом не трудно вывести заключения, определяющие важнейшие характерные черты этой внешней обстановки и вместе с тем сделать некоторые уточняющие выводы о назначении закона.

Прежде всего обращает на себя внимание наличие двух статей (уже в древнейшей редакции текста), упоминающих о налоговых тяготах, возложенных на членов общины. Согласно ст. 18, в случае бегства неимущего земледельца с своего участка, право сбора плодов на покинутом участке переходило к односельчанам бежавшего. Последние же охарактеризованы термином οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαιτούμενοι, т. е. как лица, ответственные перед казной за подати: „если обедневший земледелец (ἀπορήσας γεωργός) бежал от возделывания своего поля (*вар.*: виноградника), то пусть ответственные перед казной за подати соберут плоды; и не имеет права возвратившийся назад земледелец взыскивать с них что-либо". Следующая статья (19) вносит дополнение чрезвычайно важное для определения сущности этих постановлений. Если покинувший землю земледелец был исправным налогоплательщиком, т. е. „платит ежегодно казенные экстраординарные налоги", то он сохраняет все права на свой урожай независимо от своей отлучки. Виновным же в пользовании его полем во время его отсутствия закон угрожает штрафом в двойном размере. Из этих постановлений закона можно сделать следующие заключения.

1. Селения, о которых трактует закон, принадлежали к числу облагаемых государственными налогами.

2. Закон охраняет прежде всего не право частной собственности каждого из членов общины, а бесперебойность поступления причитающихся с них налогов в казну. Закон защищает права владельца участка лишь как исправного налогоплательщика.

3. Налоговое обложение за покинутые участки уплачивали односельчане бежавшего, в порядке взаимной ответственности — круговой поруки.

Что касается последней, то ее существование подчеркнуто с еще большей решительностью и определенностью во второй — позднейшей — редакции ст. 19. Согласно этой редакции, в случае бегства земледельца с своего участка, закон прямо возлагает обязанность платить ежегодно казенные экстраординарные налоги на односельчан бежавшего ἄπορα с предоставлением им права пользования полем и плодами его. С невыполнивших постановление закона взыскивается удвоенная сумма платежей.

Совершенно несомненно, что здесь речь идет о подтверждении обычной в Византии ἐπιβολή — „прибавки", о которой упоминают и другие памятники. Наличие круговой поруки, в условиях развивавшегося внутри общины имущественного неравенства, ложилось особенно тяжелым бременем на малосостоятельных членов общины. Раскладка поровну между неравными имущественно хозяйствами не могла не способствовать ускорению процесса внутреннего расслоения общины и разорению маломощных хозяйств. Именно этой тяжестью налогового гнета можно объяснить часто упоминаемые законом случаи бегства из сел и забрасывания участков их владельцами. Нужда в деньгах, необходимых для взноса

платежей в казну, создавала благоприятные условия и для развития ростовщичества (ст. 67). Неимущие члены общины отдавали в заклад свою землю, уходя в поисках заработков в другие места или превращаясь в зависимых людей.

VII. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ЗАКОН И ВАРВАРСКИЕ ПРАВДЫ. ВИЗАНТИЙСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ МАРКА

Выше уже было отмечено, что заглавие закона содержит указание на использование законодательных установлений Юстинианова права в виде переводов и парафраз, созданных уже в VI в. Однако ближайшее ознакомление с содержанием текста закона указывает на то, что это указание соответствует действительности лишь в очень незначительной степени. В древнейшем тексте заимствований из Юстинианова права очень немного. Число их возрастает в позднейших рукописях закона за счет пропуска некоторых других статей. Огромное большинство статей закона представляет собой совсем новое право, частично находящее себе аналогии в сборниках западноевропейских народов, так наз. варварских правдах VI—VIII вв.

И следует сказать, что по всему своему ярко выраженному эмпирическому характеру, по отсутствию строгой системы в расположения отдельных постановлений, по отсутствию каких-либо обобщенных норм Земледельческий закон имеет с варварскими правдами сходство гораздо более поражающее, чем с сборниками римского и римско-византийского права, которые упоминаются в его заглавии (см. стр. 100).

Сходство в узаконениях Земледельческого закона с постановлениями варварских правд с наибольшей определенностью сказывается в самом конкретном подборе разбираемых случаев правонарушений. Свыше двадцати статей Земледельческого закона трактуют о сюжетах, вполне аналогичных с теми, о которых говорится в соответствующих им статьях Салической и других правд (см. таблицу на стр. 134).

Однако при наличии большого сходства в сюжете статей закона и правд, между постановлениями первого и вторых имеется и весьма существенное отличие в системе санкций. В качестве характерного примера можно привести статьи, регулирующие приемы обращения с огнем при сельскохозяйственных работах и в сельском быту:

Земледельческий закон	*Салическая правда*	*Бургундская правда*
Ст. 56. Если кто-либо развел огонь в своем лесу или поле и случилось, что огонь распространился и сжег дома или плодоносные поля, то он не осуждается судом, если не делал этого при сильном ветре.		
Ст. 58. Сжигающий ограду виноградника не только подвергнется сечению и клеймению руки, но и ответит вдвойне за ущерб.	*Ст. XVI, 5.* Если кто-либо сожжет чужой двор или изгородь, присуждается к уплате 600 динариев, которые составляют 15 солидов.	*Ст. XLI.* Если кто-либо разведет на своей заимке костер, и огонь при отсутствии ветра побежит по земле и сожжет чужую изгородь или ниву, то виновник пожара возместит убыток. Если же пламя перейдет на чужую
Ст. 64. Бросающие огонь в гумно или стога из враже-	*Ст. XVI, 2.* Если кто-либо подожжет амбар или ригу с хле-	

ской мести, пусть будут преданы сожжению.

Ст. 65.

Бросающие огонь в сарай для сена или шелухи подвергаются отсечению руки.

бом, присуждается к уплате 2500 динариев, которые составляют 63 солида.

Ст. XV, 2.

Если кто-либо подожжет дом, пристройки или жнивье и будет опознан, присуждается к уплате 63 солидов.

изгородь или ниву силой ветра, то причиненный ущерб не взыскивается с того, кто развел огонь.

Вместо системы членовредительных и телесных наказаний варварские правды придерживаются системы денежных штрафов. Различие наказаний при совершенно сходных правонарушениях ясно видно из таблицы.

Таблица
наказаний по нормам Земледельческого закона
и варварских правд

Характер правонарушения	Наказание по нормам Земледельческого закона	Наказание по нормам варварских правд
Поджог ограды виноградника	Наказание плетьми, клеймение руки и денежное возмещение в двойном размере (ст. 58)	Денежный штраф (L. Sal., XVI, 5)
Поджог сарая	Отсечение руки (ст. 65)	Денежный штраф (L. Sal., XVI, 2)
Поджог гумна и стогов	Сожжение (ст. 64)	Денежный штраф (L. Sal., XVI, 2; Алем. пр. 76)
Кража колокольчика с животного	Наказание плетьми (ст. 30)	Денежный штраф (L. Vis., VII, 2, 11; L. Baiuv., IX, 11; Ed. Roth., 142 греч.; L. Burg. — для свободных IV, 5). Наказание плетьми для рабов (L. Burg., IV, 5)
Кража плодов в винограднике	Наказание плетьми со снятием одежды (ст. 61)	Денежный штраф при краже более 3 гроздьев (Ed. Roth., 296)
Убийство пастушеской собаки	Плети и двойное возмещение стоимости собаки (ст. 75)	Денежный штраф и возмещение стоимости собаки и ущерба (L. Sal., VI, 2)

Вместо клеймения, отсечения руки, сожжения, наказания плетьми, варварские правды предусматривают систему денежных штрафов. Единственным исключением является одно постановление Бургундской правды, дифференцирующее наказание в зависимости от социального положения виновного. Применяя по отношению к свободному обычный денежный

Таблица

соответствия статей Земледельческого закона и варварских правд.[1]

Земл. закон	Lex Sal.	Lex Burg.	Lex Baiuv.	Lex Visig.	Ed. Roth.	Lex Alam.	Примечания
2	XXVII, 24	XXXI, 2	—	—	354*		* Лат. верс.
7	—	—	—	275*			* Cod. Euriciani fragm.
21	—	XXXI	—	X, 1, 6*	151**		* Recessvind. antiqua emend. ** Лат. верс.
30	XXVII, 1—2	IV, 5	IX, 11	VII, 2, 11*	289**		* Recessvind. antiqua ** Лат. верс. id. 142 греч. верс.
36	—	IV, 8	—	VIII, 4, 9*			* Recessvind. antiqua
38	—	—	—	VIII, 3, 17*			* Idem
39	—	—	—	VIII, 3*			* Idem
48	—	—	—	VIII, 3, 17*			* Idem
49	—	XXIII, 4	—	VIII, 5,1—5*			* Idem
50	—	—	—	—	305*		* Лат. верс. id. 153 греч. верс.
51	—	—	XIV, 1	—	304*	Fr. III, 18	* Лат. верс. id. 152 греч. верс.
53	—	—	XIV, 17	VIII, 13*			* Recessvind. antiqua
56	—	XLI	—	—	—	—	
58	XVI, 5	—	—	—	—	—	
61	—	—	—	—	296*		* Лат. верс. id. 146 греч. верс.
62	—	XXVII, 9	—	—	—	—	
64	XVI, 3	—	—	—	—	76—77 (id. 81)	
65	XVI, 2	—	—	—	—	76—77 (id. 81)	
75	VI, 2	LVIII	XX	—	—	78 (id. 82)	
78	IX, 2	XXVII,4	—	VIII, 3, 10*			* Recessvind. antiqua
85	IX, 2	XXIII,2	XIV, 3	VIII, 3, 13*	304**		* Recessvind. antiqua ** Лат. верс. id. 152 греч. верс.

[1] Звездочки указывают, что статья имеется в версии или редакции правды, поименованной в примечании к соответствующей строке таблицы.

штраф, Бургундская правда предусматривает для раба наказание плетьми — то же, что и в Земледельческом законе. Однако в последнем нет никакого определения социальной принадлежности виновного и какого-либо разграничения наказания для раба и свободного.

Система санкций Земледельческого закона роднит его не с варварскими правдами, а с византийской Эклогой и предшествующим римско-византийским законодательством. И отрезание языка, и клеймение, и ослепление и отсечение руки применялись в Византии задолго до Земледельческого закона преимущественно по отношению к рабам и частично к низшим категориям свободных — humiliores.[1]

Таким образом на фоне сопоставления Земледельческого закона с варварскими правдами отчетливо выступает специфика закона, а вместе с тем и тех поселений, о которых в нем идет речь. Своеобразное сочетание обычаев свободной сельской общины с римско-византийскими правовыми нормами, пронизанными пережитками рабовладельческой системы, имеет в этом отношении определяющее значение. Наличие в законе элементов римско-византийской правовой системы отличает его от законодательства свободных варваров. Вместе с тем черты сходства с варварскими правдами — сохраненные в постановлениях закона обычаи свободной общины — выдвигают его на особое место и в кругу источников римско-византийского права.

Сам закон не содержит никаких точных данных о месте своего происхождения и пределах своего применения. Нет в нем и сведений об удельном весе описанных в нем общинных правопорядков в аграрном строе империи этой эпохи. Однако, если поставить в связь своеобразный характер этого памятника с историческими событиями, которые переживала империя в VI—VIII вв. (т. е. в эпоху сложения и фиксации постановлений закона), то можно, думается, найти ответ и на эти важнейшие вопросы.

Изучение путей происхождения общины в Византии, взятое в совокупности с результатами анализа показаний закона, выясняет происхождение закона, а также и меру распространения описанных в законе условий жизни в среде византийского крестьянства.

VIII. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ЗАКОН И СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Как уже было указано выше, рассмотренные явления находят свое полное объяснение лишь при изучении тех исторических предпосылок, которые определили собой своеобразный характер закона и все особенности его формы и содержания. С этой точки зрения детальное изучение этих предпосылок приобретает первостепенное значение.

Но задача эта, требующая при постановке ее во всем объеме самостоятельного и подробного рассмотрения ряда дополнительных материалов и вопросов, далеко выходит за рамки настоящей статьи. Мы ограничиваемся поэтому здесь лишь изложением некоторых наиболее важных выводов, к которым приводит детальное исследование проблемы.

Изучение всей наличной документации показывает, что еще в период IV—V вв. в балкано-малоазийских областях бытовали свободные крестьянские общины, сохранявшие в себе черты родового строя и ряд свойственных этой стадии общественного развития обычаев и порядков. Одни из этих общин издавна существовали на территории империи.

[1] Ср.: Nov., XVII, 8 (535); Nov., XLII (537); CXXXIV, 18 и др.

другие представляли собой новые поселения варварского происхождения.[1]

На фоне общего развала, обнаружившегося в Римской империи со всей глубиной к III—IV вв., восточные провинции выделялись своим сравнительным благосостоянием. Гибельные последствия римского латифундиального рабовладельческого хозяйства, — значительно менее распространенного в этих областях, — сказывались здесь в меньшей степени. В восточной части империи даже в условиях повсеместного разорения и упадка сохранились „уцелевшие остатки торговли“ (Ф. Энгельс).

Если судить по данным анонимного „Описания всего мира“ конца IV в., то можно заключить, что в части сельскохозяйственного и ремесленного производств Малая Азия в эту эпоху занимала одно из первых мест в империи. Киликия, Каппадокия и Галатия, Фригия, Малая Армения и Пафлагония, Исаврия, Памфилия и Ликия, Кария, Азия и Геллеспонт проходят друг за другом в этом описании как области, производящие множество разнообразных продуктов — важнейших предметов потребления — и снабжающие ими другие районы империи. Хлеб, вино, растительное масло, пурпур, меха и одежды постоянно упоминаются автором описания при характеристике производительной деятельности населения малоазийских провинций. Из этого можно заключить о сравнительно высоком уровне сельскохозяйственного производства в этих областях, который не мог бы быть возможен при тогдашнем состоянии сельскохозяйственной техники без наличия многочисленного и деятельного земледельческого населения.

Во всех областях Малой Азии процветали отдельные города с сильно эллинизированным и романизированным торгово-ремесленным населением. Но основные ее богатства отнюдь не исчерпывались в рассматриваемую эпоху городскими центрами. Местное население горных районов полуострова сохраняло в большой степени свои старые родовые обычаи. Население Малой Азии жило в своей преобладающей части в сельских поселениях, слабо связанных с городами. Типичны в этом отношении такие поселения из числа более крупных, как Αὐλίου κώμη (в провинции Азии), Mastaura (в Ликии), δήμου Λυκαῶν (во Фригии Салютарис) и др. В Исаврии, судя по письму Василия Великого иконийскому епископу Амфилохию, и в IV в. сохранялось деление на кланы.[2]

Малая Азия не представляла исключения среди других восточных провинций. Фракия, даже и после переноса столицы в Константинополь, способствовавшего быстрому развитию прилегающего к нему района, не утратила своего ярко выраженного аграрного характера, так же как и соседние с ней области Македонии, Фессалии, Дардании.

Условия существования крестьянских общин и в европейских и в азиатских областях были, по единогласным показаниям всех наличных источников, крайне тяжелыми. Сообщения о восстаниях и протестах

---

[1] См., помимо нашей работы „Земледельческий закон и сельская община в Византии“, исследования: М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. (данный сб., стр. 12—95). — A. Jones. The cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937 (с подробной библиографией по отдельным провинциям). — W. Ramsay. The historical geography of Asia Minor. London, 1910. — Его же. Cities and bishophrics of Phrygia. Oxford, 1895—1897. — Mc Lean Harper. Village administration in roman province Syria. Yale, 1928 и другие работы.

[2] Чрезвычайно интересные данные содержит в этом отношении Синекдем Иерокла, составленный в VI в. по данным, восходящим к V в. Иерокл упоминает среди населенных пунктов Малой Азии (на ряду с городами) ряд поселений сельского типа, носящих в самом своем наименовании указание на их общинный характер.

крестьянских масс проходят красной нитью через письменные документы этого времени. Несмотря на пополнение числа общин за счет новых варварских поселений количество свободных крестьян в империи все уменьшалось.

Однако и в VI в., во времена Юстиниана, в малоазийских горных областях продолжало существовать множество больших селений (κωμῶν τε ἐστὶν αὐτῇ πλῆθος μεγάλων), население которых отличалось в глазах византийского правительства „своеобразием" своего образа жизни (διότι τὰ τῆς καταστάσεως αὐτῶν ἰδιωτικήν), т. е., очевидно, сохранением своих родовых обычаев.

На Балканах в VI в. некоторые из общин варварского происхождения, расположенные в стратегически важных пунктах в пограничном придунайском районе, были укреплены. Данные новейших археологических исследований, произведенных в районе Балканских укреплений империи, вскрывают условия повседневного существования и гибели некоторых из этих общин, разрушенных штурмом аваро-славянских племен. Население их, занимавшееся в мирное время сельскохозяйственным трудом, несло также и важнейшие защитные функции.

Начиная с VI в., по свидетельству современников, на территории империи появляются прочные поселения славянских племен. Острая гражданская война, разгоревшаяся на востоке империи в VII в., восстание димов в Константинополе, военные мятежи — события, которыми был отмечен период правления последних предшественников Ираклия, подготовили почву не только для успешного продвижения иранских, но затем и арабских войск. В условиях обострившихся классовых противоречий внутри империи и слабости и расшатанности центральной власти, терпевшей удар за ударом на востоке, империя не могла противостоять прочному заселению большей части Балканского полуострова славянами в конце VI и первой половине VII в.

С середины VII в. начинается целая серия экспедиций византийских императоров и полководцев против славянских племен. Первоначально, связанные по рукам и ногам напряженной войной на востоке, императоры выступали лишь против македонской — северной — группы племен, представлявшей более непосредственную опасность для столицы. Однако походы эти (657, 678, 687 гг.) привели лишь к незначительному успеху. Некоторые племена признали верховенство империи и частью были переселены (Юстинианом II) в малоазийский округ Опсикий. Прочие же остались независимыми, хотя территория, занятая их поселениями, и считалась номинально византийской.

В дальнейшем, в течение первой половины VIII в., никаких известий о походах императоров против славян до Константина V (поход 758 г.) не имеется.

Внутренние смуты, которые заполняли историю империи в начале VIII столетия, дворцовые перевороты, арабская осада Константинополя 717 г., павликианское и иконоборческое движения поставили в центр внимания правительства иные животрепещущие вопросы.

Итак, к предполагаемому времени издания Земледельческого закона (т. е. к середине VIII в.) значительная часть территории империи была заселена славянскими племенами.

Племена эти могут быть подразделены на две большие группы. Одни — бо́льшая часть — сохраняли независимость от империи; другие — были в большей или меньшей степени подчинены императорами (Констаном II, Константином Погонатом и Юстинианом II). И хотя империя

сохранила во всех своих балканских провинциях отдельные укрепленные посты — фемы, как Фессалоники, Стримон, крепости на Эвбее, укрепления Патр, Коринфа, Никополя и т. д., все же основная масса населения этих районов удерживала в большей или меньшей степени независимость от империи, и обычаи и порядки, отличные от византийских.

На основании фрагментарных сведений источников трудно установить точную локализацию этих общин и хронологию процесса колонизации. Но даже и имеющиеся данные позволяют заключить, что поселения славянских племен (не всегда известных по имени) имелись не только на европейской, но даже — в результате внутренней колонизации, проводившейся императорами, — и на малоазийской территории.

В Македонии в VII в. близ Фессалоник жило племя верзитов (βερζῆται), участвовавшее в осаде Фессалоник 676 г. Далее к востоку от верзитов по реке Струмице (впадающей в Струму) жили, по всей вероятности, участники осады 685—687 гг. струменцы и стримонцы (στρυμονῖται у Камениаты и σκλαβῖνοι οἱ ἀπὸ τοῦ Στρυμῶνος в „Легенде о Димитрии Солунском"). Нидерле считает, что поселения их простирались до озера Лангаза. Вероятно, именно в эти районы Македонии и ходил Юстиниан II в 687 г., о чем глухо сообщают Феофан и Константин Багрянородный. По реке Мести (Нестос), по сообщению Никиты Хониата (1199 г.), жили смоляне (σμολένοι). Никита упоминает о τὸ θέμα τῶν Σμολένων. Их селения доходили, по мнению Нидерле, до верхней Арбы.[1] На юго-запад от смолян на неидентифицированной реке Ринхине, на берегу Орфанского залива жили ринхины (ῥυγχῖνοι), о которых говорится в легенде о Димитрии. Близ ринхинов жили и сагудаты (σαγουδάται, σαγουδάοι, σαγουδᾶτοι). На запад от Фессалоник по реке Вистрице находились поселения другувитов (δρουγουβῖται) в легенде о Димитрии. Одноименные с ними драгувиты жили и в северо-западном углу Фракии в районе соединения Родопа с Балканами. Там и сейчас имеется речка, носящая наименование Дреговицы.

Кроме этих племен, на побережье южного Эпира к северу от залива Арты, жило племя ваюнитов (βαιουνῖται), также участвовавшее в осаде Фессалоник 676 г.

В окрестностях Фессалийских Фив и Димитриады находились селения велегезитов, выступавших в союзе с ваюнитами.

В Греции близ древней Спарты на восточных и западных склонах Тайгета жили милинги и езериты, многократно отважно выступавшие против византийских властей, несмотря на применявшиеся по отношению к ним репрессии (о них сообщает Константин Багрянородный).

В Малой Азии уже в середине VII в. в Вифинии существовали славянские поселения. Об этом свидетельствует сохранившаяся печать славян федератов, относящаяся ко времени около 750 г.[2] Были и некоторые другие поселения.

Славянские племена, поселившиеся на территории империи и в ближайшем соседстве с ней, вошли в тесное соприкосновение с местным населением. По всей вероятности, в рассматриваемую эпоху их объединения уже не представляли собой родовых общин, объединенных единством родового происхождения, а сельские территориальные общины. И здесь происходили те же процессы, которые были констатированы Ф. Энгельсом на западе: „переселение на римскую территорию разрывало

---

[1] L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, I. 1923, 107.

[2] Б. А. Панченко. Памятник славян в Вифинии. Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. VIII, № 1—2, 1902.

областной союз, основанный на кровном родстве. Имелось, правда, в виду, что будут селиться племенами и родами, но нельзя было провести это в жизнь. Продолжительные походы перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народности".[1]

По мнению Дринова, балканские славяне были разделены около половины VII в. на множество отдельных колен, соединенных не столько общим происхождением, сколько общим сожительством — большинство из них называлось не по имени родоначальника, а по местности.[2]

Отдельные общины, под руководством своих князей жупанов, объединялись в крупные союзы племен для совместной борьбы против византийских властей.

Таков был, напр., союз другувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других племен при осаде Фессалоник в 676 г. Иногда же, как, напр. в 685—687 гг., такого полного единства действий не было: в то время как одни племена (ринхины, стримонцы и сагудаты) осаждали Фессалоники, другие (велегезиты) поддерживали осажденных, доставляя им съестные припасы.

Как известно, славянские общины оказывали упорное сопротивление византийским властям, пытавшимся наложить на них тяжелые путы византийского подданства. Добиться полного осуществления своих целей империи удалось лишь через много столетий. Даже еще в XIII в., в эпоху франкского завоевания, фессалоникских славян характеризовали, как смелых людей, не имеющих почтения к императору (ἀνθρώπους ἀλαζομένους κ'οὐ σέβονται αὐθέντην.)

В VII—VIII вв. дело обстояло, следовательно, еще значительно хуже для империи. Степень подчинения отдельных племен византийскому императору была различна, определяясь в каждом отдельном случае исходом борьбы.

В одних случаях признание византийского верховенства влекло за собой насильственное переселение покоренных в другие области. Таков был результат борьбы Юстиниана II против македонской группы славян. В других — следовали иные, тягостные для подчиненных последствия. Репрессии против пелопонесских племен милингов и езеритов включали обложение их данью, сумма которой впоследствии неоднократно менялась в зависимости от соотношения сил борющихся сторон. Наконец, иногда расправа приводила к полному закрепощению побежденных. Такова была, напр., судьба славянских общин, участвовавших в осаде Патр в 807 г. Константин Багрянородный сообщает, что они превратились в энапографов метрополии и должны были содержать за свой счет, деля между собой тяготы, всех приезжих в метрополию сановных и должностных лиц.

Константин приводит любопытное донесение пелопонесского протоспафария Иоанна Протея императору Роману Лекапину (по поводу восстания милингов и езеритов), где упоминается три пункта обязательств, которые правительство стремилось налагать на покоренных. Пункты эти следующие: 1) признавать архонтов, назначенных византийским стратигом, 2) отбывать военную службу и 3) платить известную подать.[3]

Однако, как показывают имеющиеся далеко не полные, вероятно, данные источников, таких результатов византийским властям удавалось

[1] Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т 91
[2] М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873, 150.
[3] Constantini Porphirogeniti. De adm. imper. Bonn, 1840, 217 сл.

добиваться далеко не всегда. В отношении первого пункта между племенами были существенные различия. Сакулаты, по свидетельству Константина Багрянородного, еще и в X в. сами избирали своих вождей, лишь затем утверждавшихся стратигом.[1] В некоторых племенах, с другой стороны, вожди были прямыми ставленниками империи. Так, напр., в 807 г. некоторые из вождей сообщили заранее правительству о подготовляемом восстании. Наконец, смоляне, славяне Стримона, Опсикия и др. просто подчинялись византийским начальникам. То же, вероятно, имело место и по отношению к другим пунктам, перечисленным в донесении Протея.

Но из этого вытекает, что даже из числа славянских племен, подчиненных империи, многие в рассматриваемую эпоху еще должны были, вероятно, сохранить в более или менее неразрушенном виде свои обычаи и порядки — обычаи и порядки, свойственные высшей стадии варварства. И именно благодаря этому обстоятельству общины, широко распространившиеся на территории империи в VI—VIII вв., и могли внести струю новой жизни в византийское общество и государство в переживаемый им критический момент. Именно поэтому они и сыграли роль более или менее аналогичную роли общины-марки на Западе.

Источники сохранили мало сведений о внутреннем строе этих общин, об условиях их хозяйства и повседневного существования, уделяя преимущественное внимание описанию военных достоинств и тактических приемов славянских племен, которые, естественно, особенно интересовали их противников. Однако в тактике стратига Маврикия (источнике, относящемся, по всей вероятности, к концу VI или началу VII в.) можно найти на ряду с специфически военными вопросами и чрезвычайно интересные данные хозяйственно-бытового порядка. Отмечая, что „племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе“, Маврикий Стратиг делает некоторые любопытные наблюдения и в части характеристики этого образа жизни и особенностей, вероятно, наиболее бросавшихся в глаза. По его словам, у славян „имеется большое количество скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы“, что, несомненно, указывает на широкое развитие скотоводства и земледелия. Селятся же они, по сообщению Маврикия, в лесах, у непроходимых рек, болот и озер. Кроме того, описывая их военные приемы, он замечает, что они не имеют над собой главы и враждуют друг с другом, из чего можно заключить об их догосударственном состоянии, характерном для высшей стадии варварства.[2]

Итак, в итоге обследования важнейших черт истории славянской колонизации на территории империи, нами установлены следующие наиболее существенные моменты.

1. Славянские поселения представляли собой в VI—VIII вв. сельские территориальные общины с чертами, характерными для высшей стадии варварства.

2. Они получили в рассматриваемую эпоху широкое распространение по всей территории империи, располагаясь и в балканских и в мало-

---

[1] Constantini Porphyrogeniti De cer., II. Bonn, 1830, 37; De adm. imper., 223 и сл.

[2] Те же черты отмечает и Прокопий (De bello Goth., III). Первое славянское (болгарское) государство возникло в Придунайском районе в последней четверти VII в. и охватило на первых порах лишь незначительную часть славянских племен.

азийских ее областях (в последних в результате насильственных переселений, практиковавшихся византийскими императорами).

3. Излюбленными районами поселений славянских племен были глухие, лесистые местности, часто у рек и озер.

4. Хозяйство их включало в себя широкое развитие скотоводства и земледелия (злаки).

5. Признание ими верховенства империи влекло за собой подчинение византийским властям или их ставленникам и отбывание воинской повинности, уплату налогов и податей (наравне с низшими категориями свободных византийского общества); в худших случаях следовало закрепощение.

Но и по данным Земледельческого закона нами констатировано следующее:

1. Закон был ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты сельской территориальной общины-марки.

2. Поселения эти локализовались в глухих и заброшенных лесистых областях близ проточных вод.

3. Хозяйственная жизнь этих сельских общин характеризуется широким развитием скотоводства и разнообразных видов земледелия (в том числе и хлебопашества).

4. Система санкций закона приравнивала юридическое положение членов общины к положению низшей категории свободных, подлежащих налоговому обложению.

Сопоставление тех и других, независимо друг от друга полученных, выводов дает основание высказать предположение, что происхождение Земледельческого закона стоит в связи с распространением славянских поселений на территории империи. Именно этим, думается, можно объяснить бросающееся в глаза сходство отразившихся в законе обычаев с описаниями быта славянских племен, игравших столь важную роль для империи в современную закону эпоху.

Однако вывод этот требует существенного уточнения. Вряд ли можно считать, что пределы применения закона ограничивались одними лишь славянскими общинами. Против такой интерпретации памятника говорит ряд веских соображений.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в законе какой-либо этнической характеристики. Географическая же характеристика памятника совпадает с пределами империи в эту эпоху. Экстенсивная система сельского хозяйства, рассчитанная на разработку заброшенных и вновь осваиваемых земель, в сочетании с характером ландшафта — наиболее распространенного в империи — не вносит в этом отношении какого-либо более узкого локального ограничения. В результате военных событий VI — VIII вв. число покинутых и разоренных земель должно было быть очень значительно и в европейских и в азиатских областях. Достаточно напомнить о широком размахе аваро-славянских нападений, которые неоднократно опустошали Фракию, Македонию и Грецию и доходили до самого Константинополя. Не менее пострадала и Малая Азия от военных вторжений иранских и арабских войск, заполняющих историю этого времени.

Запущенное и разоренное хозяйство во всех этих областях в равной степени нуждалось в восстановлении.

При этих условиях наиболее жизнеспособной формой сельского хозяйства в Византии оказалась свободная крестьянская община

с ее традициями коллективного труда и остатками коллективной собственности на землю. Огромную роль в распространении общинных порядков несомненно сыграла славянская колонизация.

Однако община отнюдь не была специфически и только славянской. Данные источников полностью опровергают распространенный в старом византиноведении, как и вообще в буржуазной науке, „забавный предрассудок, будто бы форма естественно развившейся общинной собственности является специфически славянской“.[1] „Местные“ общины, находившиеся еще недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи с славянской колонизацией VI—VIII вв., т. е. в связи с процессом варваризации восточных (как и западных) областей бывшей „мировой“ Римской империи.

Вместе с тем в глазах византийского фиска естественно выросшие и сплоченные коллективы сельских общин имели важные преимущества с точки зрения интересов казны. К ним легко была приложима система круговой поруки. Эти коллективные налогоплательщики, принадлежавшие к тому же к незащищенному привилегиями классу населения, служили наиболее надежным источником налоговых поступлений. Они же несли на себе тяготы воинской повинности.

Таким образом сельская община превратилась в основную экономическую опору византийского централизованного государства, придя на смену полурабской форме колоната.

О степени распространения крестьянской общины и ее удельном весе в общей экономике византийского государства, можно судить по многократным мероприятиям византийских императоров уже X—XI вв., направленным к защите общинных земель от расхищения их и закрепощения крестьянства местными феодалами. По характерному определению новеллы Романа II (935 г.), „крестьянские общины из числа многих других выполняют многочисленные полезные функции, как платежом государственных налогов, так и отбыванием воинской повинности“.[2]

На востоке, по гениальной характеристике К. Маркса, — „простота производственного механизма этих самодовлеющих (selbstgenügenden) общин, которые воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий“.[3] Не так ли обстояло дело и в Византии, где общинное свободное крестьянство, являвшееся одним из основных источников налоговых поступлений и неиссякаемым резервом воинских кадров, стало жизненным условием существования византийского централизованного государства? Спецификой развития византийского феодализма являлись упорные старания византийского правительства приостановить процесс прогрессировавшего закрепощения крестьянства местными динатами и захвата общинных земель местной землевладельческой знатью. Политика эта оказалась не вполне безуспешной. Не только в X—XI вв., отмеченных целой цепью императорских указов (новелл) этого рода, но еще и в XIII—XIV вв., когда от империи остались одни лишь обломки, на территории ее уцелели крестьянские общины.[4]

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. Партиздат, 1932, 55.
[2] K. Zachariae v. Lingenthal. Jus Graeco-Romanum. Leipzig, 1856—1886, III, 247.
[3] K. Marx. Das Kapital, I, M., 1932, 374—376.
[4] Ср.: В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства. Труды, т. IV, Л., 1930, 265 и сл. — Ср. также: Ф. И. Успенский. К исто-

Думается, что именно в этой специфической особенности византийского „восточного" феодализма, отличающей его от западноевропейского, и следует искать одну из определяющих причин своеобразного консерватизма и устойчивости форм всей византийской цивилизации, находящейся и здесь в поразительном контрасте с быстрой сменой императоров на византийском престоле. Так же как и в восточных деспотиях, в Византии община надолго становится важнейшей опорой бюрократически-централизованного государства, а вместе с тем и основанием самых грубых форм византийского деспотизма.[1]

Все изложенное дает основание полагать, что Земледельческий закон, очевидно, имел назначением фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в глубоком внедрении в него общинных порядков.

В своем содержании закон, естественно, исходил прежде всего из правопорядков, свойственных славянским общинам, как наиболее важной для империи в рассматриваемую эпоху группы новообразованного крестьянства. Черпая материал своих постановлений из неразрушенных еще обычаев славянских племен, закон использовал их в интересах империи и для этого втискивал их в „прокрустово ложе" римско-византийских правовых норм. Таким образом Земледельческий закон явился своеобразной кодификацией славянского обычного права (хотя и сплавленного с византийским), что и создало ему исключительную популярность у славянских народов.

Однако значение этой кодификации выходило далеко за пределы одних только славянских общин. Закон с полным основанием может рассматриваться, как замечательный памятник новых — более прогрессивных, чем колонат, — общинных отношений, установившихся в аграрном строе раннефеодальной Византии. Закон, разумеется, не исчерпывал всего многообразия сельскохозяйственных условий своей эпохи. Задачей его являлась регламентация только наиболее актуальных для того времени форм крестьянского землевладения, именно сельской территориальной общины — своеобразной византийской параллели западноевропейской марки.

Образование кадров свободного крестьянства в империи не могло не вызвать подъема производительных сил, оживления экономики страны. Запущенные и заброшенные прежде пашни возделывались вновь. Покинутые округа оживали. Именно благодаря этому экономическому подъему империя успешно вышла из кризиса VII—VIII вв. и приобрела силы для дальнейшего длительного существования.

рии крестьянского землевладения в Византии. Журн. Мин. Нар. Просв., 1883, ч. CCXXV, кн. II, 508 и сл. — Его же. Вазелонские акты. Л., 1927, 101 и сл. — Детальное рассмотрение этого важного вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

[1] См. у Ф. Энгельса: „там, где уцелел древний общинный быт, он всюду от Индии до России служил целые тысячелетия основанием самых грубых форм восточного деспотизма" (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, 183).

ВИЗАНТИЙСКИЙ СБОРНИК

ПРОФ. А. П. ДЬЯКОНОВ

ВИЗАНТИЙСКИЕ ДИМЫ И ФАКЦИИ (τὰ μέρη) в V—VII вв.

ВВЕДЕНИЕ

Сорок семь лет тому назад в первом томе „Византийского временника“ появилась небольшая статья Ф. И. Успенского „Партии цирка и димы в Константинополе“.[1] Работа русского ученого произвела заметный перелом в изучении византийских димов, относительно которых долгое время господствовала точка зрения Гиббона. Отождествляя димы с факциями, Гиббон рассматривал их как партии цирка и их борьбу как „безрассудство“, унаследованное новым Римом от старого вместе со зрелищами.[2] Эта точка зрения не была преодолена ни в первой посвященной димам обстоятельной работе Вилькена,[3] ни в богатых материалом и остроумных работах Рамбо,[4] который, впадая в явное противоречие с собранными им фактами, особенно настойчиво доказывал, что борьба факций не имела ни социально-политических, ни религиозных оснований, что венеты и прасины были только факциями ипподрома и „возникли сами собою“, а вражда их объяснялась „психологией игры“.[5] Однако ни Вилькен, ни Рамбо не отрицали, что „из цирка вырастали гражданские войны“,[6] и особую заслугу Рамбо я вижу в том, что он первый показал различие межфакционной борьбы, затрагивавшей лишь „поверхность“ общественной жизни, и глубоких народных движений, вытекавших из причин социальных,[7] хотя он не усматривал никакой связи этих движений с димами — факциями. Справедливость требует отметить, что новейшие авторы, не перестающие критиковать Рамбо, многим обязаны его собственным ценным наблюдениям (напр. о топографии димов). Из неспортивных противоречий между факциями впервые были подмечены религиозные противоречия.[8] Ф. И. Успенский, на основании, главным образом, позднего источника („Церемоний“ Константина Порфирородного), показал, что факции не только партии цирка, что они имели военные и гражданские функции и были организациями народа, а потому „партии цирка не должны заслонять историю народа“.[9]

[1] Византийский временник, т. I (1894), 1—16.

[2] Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи, ч. IV, М., 1894, стр. 321.

[3] Wilken. Hist. phil. Kl. Berlin, 1830, 217—244.

[4] De Byz. hipp. — A. Rambaud. Le monde Byzantin. Revue de deux mondes, 1871 t. 91, pp. 761—794. — Его же. Études sur l'histoire Byzantine. Paris, 1912, 3—61.

[5] De Byz. hipp., 23, 25, 43.

[6] Ibid., 22, 29.

[7] Ibid., 43, 48—51.

[8] J. B. Bury. A history of the later Roman Empire, I. London, 1889, 334 sq.

[9] Виз. врем., т. I, 9—12, 16.

Теперь никто не отрицает за димами и факциями политического значения. Однако в новейших общих построениях византийской истории вопрос о социальной основе факций и их борьбы обычно оставляется в стороне. Мы читаем, что „димы были последним отзвуком древнегреческих демократий, которые ассоциировались с цветами римского цирка",[1] что „собрания ипподрома были субститутом исчезнувших комиций, убежищем свобод римского народа",[2] что „кроме собственно цирковых дел, димы обычно выступали в делах политических и религиозных",[3] что „факции цирка обратились мало-по-малу в большие народные партии",[4] что они представляли собою „могущественные самоуправляющиеся муниципальные корпорации", причем „синие и зеленые принимали прямо противоположные точки зрения" в политике.[5] Но на вопрос о том, за что именно и почему факции боролись, и что их разделяло, мы в лучшем случае узнаем только то, что одни были монофиситами, а другие православными. Первая попытка раскрыть социальную основу факций была сделана сербо-кроатским ученым Манойловичем, работа которого, написанная в 1904 г. на кроатском языке, стала широко известна только в последние годы.[6] Исходя из установки Ф. И. Успенского и развивая некоторые наблюдения Рамбо, Манойлович доказывает, что факции были „настоящими народными партиями", „кристаллизовавшимися" в цирке, в связи с общенародными издержками на ипподром, и что различия цветов имеют в основе классовые различия, как это видно из территориального распределения факций по богатым, или бедным кварталам столицы: зеленые — „низшие классы", синие — „высшие".[7] Таким образом, межфракционная борьба синих и зеленых оказывается классовой борьбой „склонных к революционной агитации, смелых и импульсивных" масс городского населения — „рабочих, моряков и коммерсантов" против богатой аристократии, опирающейся на клиентов, служащих и пригородных крестьян.[8] Эта теория принимается и в новейших специальных исследованиях о димах: Ивонны Янссенс — о времени Маврикия, Фоки и Ираклия[9] и Г. Братиану — о византийской „демократии" вообще; последняя работа бесспорно наиболее ценная.[10] Однако „социальная" теория Манойловича, которая берется объяснить все движения византийских димов, тогда как „цирковая" теория Рамбо просто устраняется от объяснения движений „народных", явно не отвечает своей задаче. Движение димов не ограничивалось межфакционной борьбой, которая играла второстепенную роль в сравнении с общими восстаниями димов обеих факций. Совершенно необъяснимо, почему во время этих восстаний синие жгли свои аристократические „икии", а зеленые грабили

---

[1] W. S. Holmes. The age of Justinian and Theodora, I. London, 1905, 98, 99. 103

[2] Norman H. Baynes. The Byzantine Empire. London, 1925, 31—32.

[3] Ш. Диль. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI в. СПб., 1908, 458.

[4] N. Jorga. Histoire de la vie Byzantine, I. Bucarest, 1934, 153, 148. — Ср.: Его же. The Byzantine Empire. London, 1907, 11.

[5] St. Runciman. Byzantine civilization. London, 1933, pp. 71—72.

[6] S. Manojlovič. Le peuple du Constantinople de 400 à 800 après J. C. Byzantion, 1936, XI, 2, pp. 617—716. — Перевод с сербо-кроатского по „Nastavni Vjestnik", Zagreb, 1904.

[7] Ibid., 634, 641—643, 669.

[8] Ibid., 654.

[9] Yv. Janssens. Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas et Heraclius. Byzantion, 1936, XI, 2, pp. 499—536.

[10] G. J Bratianu. Empire et „démocratie" à Byzance. BZ, 1937, I, 86—111. — Мне остались недоступными работы: G. Zoras. Le corporazioni byzantine. Roma, 1931. — G. M. Monti. Le corporazioni nell' evo antico. Bari, 1934.

свои „эргастирии“. Таким образом вопрос о димах и факциях Византии пока не может считаться разрешенным. Между тем разрешение его могло бы дать ключ к пониманию социальной структуры и социальных противоречий ранневизантийского общества. В основе обеих теорий, мне кажется, лежит одна и та же методическая ошибка: и Рамбо, и Манойлович, как и все другие известные мне авторы, не делают никакого различия между димами и факциями. Рамбо видит в димах только факции и вполне правильно с этой точки зрения отделяет „народные“ движения от движений „димов“, обесценивая последние. Манойлович видит в факциях самые димы и потому все движение димов сводит к межфакционной борьбе, которая таким образом переоценивается. Предлагаемая работа имеет целью показать, что димы были действительно народными организациями, имевшими свой корень в древних общинах, а факции были позднейшими, не только цирковыми, но и политическими, организациями двух групп населения, которые организовали димы в две факции для своих целей. Я вполне согласен с тем, что от общих споров о димах давно пора перейти к работам специальным. Замечание Ф. И. Успенского, что для решения вопроса о димах „требуется много предварительной работы“,[1] сохраняет свое значение и до сих пор. Немало остается неразрешенных вопросов в отношении источников. Экономические, политические и религиозные отношения Византии еще недостаточно изучены. „Вопрос о димах, — как правильно заметил М. Гельцер, — можно трактовать только в широкой связи“.[2] Наконец, нельзя трактовать этот вопрос вне времени и пространства, как это иногда делается, так как положение и роль димов и факций не всегда и не всюду в Византии были одинаковы; требуются работы узко специальные. С этой точки зрения предлагаемая работа имеет слишком общий характер, так как обнимает большой период времени (V—VII вв.), — период наивысшего развития движения димов, хотя имеет в виду только столицу Византии, привлекая другой материал лишь в качестве комментария. Задача настоящей работы — не разрешить проблему, а еще раз ее поставить, в расчете на то, что предлагаемая постановка будет учтена в дальнейших работах, более специальных.

Необходимо сделать несколько замечаний об источниках, главным образом для того, чтобы видеть, чего мы не вправе от них ожидать. Первоисточники относятся по своему происхождению или ко времени Юстиниана, или ко времени Ираклия, следовательно, являются первоисточниками только для первой половины VI в. и для начала VII в.; другие периоды, естественно, остаются в тени. Все относящиеся сюда авторы делятся на гражданских и церковных. Лучше сохранившиеся гражданские авторы — Прокопий[3] и его продолжатели: Агафий,[4] Менандр[5] и Феофилакт Симокатта[6] — интересуются почти исключительно историей войн и о фактах внутренней истории говорят лишь мимоходом. „Тайная история“ Прокопия[7] дает гораздо меньше того, чего от нее можно бы ожидать, и что в ней иногда хотят видеть. Она страдает свойственною личному памфлету односторонностью не только в освещении, но и в под-

1 Ф. И. Успенский, ibid., 11.
2 M. Gelzer. Studien zur Byzantinischen Verwaltung Aegyptens. Leipzig, 1909, 19.
3 Procopii de bello Persico. Ed. Dindorfii, I—II. CSHB, Bonn, 1833.
4 Agathiae Historiarum, libri V, rec. Niebuhr. CSHB, Bonn, 1828.
5 Menandri Protect. Fragmenta. FHG. IV, 260 sq.
6 Simoc. Historiarum libri VIII. CSHB, Bonn, 1834.
7 Procopii Anecdota.

боре фактов и способна иногда запутать и затемнить картину действительных отношений. Иоанн Лидиец[1] имеет задачи не исторические и также упоминает о димах лишь случайно. Кроме того, авторы этой группы (особенно Феофилакт Симокатта и Иоанн Лидиец) страдают несчастной склонностью к риторике, фразу предпочитают факту и дают произвольную терминологию; между тем, при недостатке фактических данных, терминология имеет существенное значение для определения характера и внутреннего строя димов и факций. Большое значение должно бы иметь сочинение Петра Патрикия „О государственном устройстве", но из него мы имеем лишь немногие выписки в книге Константина Порфирородного „О церемониях византийского двора", причем принадлежность Петру Патрикию наиболее интересных в данном случае выписок (1, 91—95) не вполне ясна, хотя и весьма вероятна. Больше сведений сохранили церковные авторы, но не историки, которые слишком мало уделяли внимания гражданской истории,[2] а хронисты, которые широко включали в свои записи и нецерковные события. Но, во-первых, эти произведения гораздо хуже сохранились и имеются лишь в позднейших сокращенных компиляциях, или в немногих фрагментах. Во-вторых, они рассказывают лишь об отдельных фактах выступлений димов и факций и ничего не говорят об их устройстве. Кроме того, заметна тенденция замалчивать участие димов и факций в движениях, имевших религиозную окраску. Основными источниками этого рода были Иоанн Малала, закончивший свою хронику около 534 г. и имевший продолжателя до 565 г., и Иоанн Антиохийский, писавший при Ираклии, но имевший хорошие источники и для предшествующих двух веков. Интересно, что оба автора, уделявшие особенное внимание димам, происходили из Антиохии, которая в организации факций, повидимому, была образцом для всего не только византийского, но и римского мира. Оба автора стояли вне факций, но, поскольку первый был монофисит, а второй православный, первый имел прасинский, второй — венетский уклон в оценке политики императоров. Однако произведение Иоанна Антиохийского, который, повидимому, давал особенно подробные сведения и использовал протокольные записи димотских выступлений в ипподроме,[3] сохранилось только в немногих „Константиновых эксцерптах"[4] и в сокращениях позднейших хронистов (особенно Феофана и Никифора IX в.). Таким образом, до половины VI в. главным источником является Малала, хроника которого в первоначальной редакции была много полнее сохранившегося Оксфордского сокращения, и частично восстанавливается на основании немногих „Константиновых эксцерптов" Малалы[5] и особенно его компиляторов, отчасти близких к нему по времени, как Иоанн Ефесский со всеми зависимыми от него сирийскими хронистами,[6] Пасхальная хроника, Иоанн Никиуский, автор конца VII в.,

---

[1] Lyd. de mag. Wuensch, Lipsiae, 1903. — Lyd. de mensibus. CSHB, Bonn, 1837. — Lyd. de ostentis. Ed. C. Wachsmuth. Lipsiae, 1863.

[2] Из них должны быть названы: греческие историки Феодор Чтец, ок. 540 г. (Cramer. Anecd. graeca. Paris, II, Oxonii, 1839, 89 sq.) и Евагрий конца VI в. (ed. J. Bidez et L. Parmentier, London, 1898); сирийские — Псевдо-Захария до 569 г. (ed. E. W. Brooks, I—II, Paris, 1919, 1923, CSCO, Syr., V—VI) и Иоанн Ефесский — самостоятельная III часть его истории с 571 до 584 г. (ed. Brooks, 1935—1936, CSCO, Syr., III).

[3] P. Maas. Metrische Akklamationen d. Byzantiner, BZ, 1912, XXI, 28—51.

[4] Joannis Antiocheni. Fragmenta. FHG, IV, 612 sq; V, 29—38.

[5] Bruchstücke des Johannes Malalus. Hrsg. v. Mommsen. „Hermes", VI, 1872.

[6] Имеется в виду несохранившаяся II часть истории Иоанна Ефесского. Ее извлечения: Chronicon Pseudo-Dionysianum (ed. J. B. Chabot, I—II, Paris, 1921—1933. CSCO,

хроника которого, написанная на греческом языке, сохранилась лишь в эфиопском переводе с арабского, и Феофан (нач. IX в.), который пользовался обоими антиохийцами и которого поэтому приходится особенно часто цитировать. Эти позднейшие редакции, за исключением Феофана и Пасхальной хроники, монофиситские, дополняют друг друга, но не могут заменить утраченного подлинника. Из латинских хронистов отрывочные, но ценные сведения дают современники Юстиниана, жившие некоторое время в столице, Марцеллин Комит и Виктор Тонненнский.[1] Для первой половины VII в. главными церковными источниками являются, кроме Иоанна Антиохийского, Пасхальная хроника, написанная при Ираклии, Иоанн Никиуский, заканчивающий свою хронику арабским завоеванием Египта, и так называемое „Учение новокрещенного Иакова", написанное в 634 г. и содержащее несколько ценных упоминаний о факциях при имп. Фоке.[2] Недавно открытые в Египте и Малой Азии ипподромные надписи, содержащие эвфимии факций императорам,[3] весьма важны в том отношении, что устанавливают наличие факций в провинциальных городах при Фоке и Ираклии, но едва ли из этих официальных эвфимий можно делать выводы о принадлежности императоров к той или другой факции. Из позднейших хронистов для VII в., кроме Феофана, особенное значение имеет его современник патриарх Никифор, пользовавшийся неизвестным нам утраченным источником, которым пользовался, между прочим, и Феофан.[4] Другие поздние хронисты (как Георгий Амартол IX в., Георгий Кедрин XI в., Зонара XII в. и др.), пользовавшиеся почти исключительно источниками, названными выше, не дают существенных к ним дополнений. Вообще поздние источники представляют некоторую опасность, так как они могли переносить на отдаленные времена современные им отношения, когда димы и факции стали уже только воспоминанием и предметом легенд. Это особенно относится к анонимным произведениям археологического содержания XV в., часть которых приписывалась Кодину и которые известны под общим названием Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως. Совершенно особое положение занимает произведение Константина Порфирородного „О церемониях византийского двора", которое дает подробные, хотя и далеко неясные, сведения об устройстве византийских димов в X в. Однако, было бы странно, вместе с Рамбо, считать X век „зрелым возрастом" димов и „удобным временем для обозрения их институтов".[5] В книге церемоний димы и факции представляют уже не живой организм, а окостеневший труп: они выступают в придворных церемониях, как марионетки в кукольном театре. В этих кукольных постановках могло быть немало выдумок постановщиков, но, вероятно, в основе здесь даны пережитки прошлого, когда факции были еще живы. Однако, в какой мере эти пережитки относятся к V—VII вв., об этом можно догадываться только

Syr., II); — Michele Syrien, Chronique (ed. J. B. Chabot, I—IV, Paris, 1899—1905); — Gr. Bar-Hebraei. Chron. Syr. (ed. Bedjan, London, 1890).

1 Chronica minora saec., IV—VII. Ed. Th. Mommsen (MGH, XI), vol. II. Berolini, 1894, p. 70 sq., 194 sq.

2 Doctrina Jacobi nuper baptizati. Hrsg. v. N. Bonvetsch. Berlin, 1910. — Для контроля текста может служить славянский перевод: Памятн. слав.-русск. письм. Великие Минеи Четьи. Дек. 18—23. Изд. Археограф. ком., 1907.

3 H. Grégoire. Recueil d'inscriptions d'Asie Mineure. Цит. по названной статье Janssens, 526 sq. — L. Pareti. Di inscrizioni di Ozyrinchos. Studi Italiani di Filologia Classica, XIX, 1912, 305 sq.

4 Nicephori Patriarchae Breviarium. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880.

5 De Byz. hipp., 85.

по сравнению книги „Церемоний" с первоисточниками интересующей нас эпохи. Таким образом книга „Церемоний" может служить до известной степени только комментарием к первоисточникам. Но с неменьшим правом таким комментарием могут служить и те исторические известия, которые мы имеем относительно димов от более древних времен, как то будет видно из дальнейшего.

I. ДИМЫ

Манойлович различает три смысла слова δῆμος: народ вообще, дим в техническом смысле этого слова, т. е. городской район, и факцию (τό μέρος).[1] Совершенно правильно, что δῆμος, кроме технического смысла, имеет общее значение „народа" вообще, или точнее, собрания граждан. Но ниоткуда не следует, что слово δῆμος обозначает факцию. Наоборот, такие выражения, как οἱ δῆμοι τοῦ πρασίνου μέρους, или οἱ δῆμοι τῶν Πρασίνων,[2] „димы прасинской факции", или „димы прасинов" и им подобные, показывают, что димы и факции не одно и то же, что факции разделяются на димы, или димы объединяются в факции. Так прямо и говорит Прокопий: „димы в каждом городе с древнего времени делились на прасинов и венетов" (Pers., 1, 24), а в параллельном месте (Anecd., VII, 1): „на две мойры" (ἐς μοίρας δύο), — этот термин Прокопий употребляет вместо τά μέρη, как и Иоанн Лидиец. Часто упоминаются просто οἱ δῆμοι без различия факций; в таком случае в параллельных местах совершенно последовательно иногда употребляется просто ὁ δῆμος.[3] Поэтому и такие выражения, как ὁ δῆμος τοῦ πρασίνου μέρους, или τῶν πρασίνων,[4] не говорят о том, что прасины, или прасинская факция составляли один дим, так как здесь ὁ δῆμος, очевидно, обозначает „народ прасинов"; но этот народ, как уже известно, делился на димы. Когда около начала VII в. из димов выделились два постоянных военных отряда (συντάξεις) по факциям,[5] эти отряды могли составлять более сплоченные единицы, в которых различия димов могли до известной степени стираться, но это не могло повести к слиянию отдельных димов в одну „факцию — дим" уже потому, что не все димоты могли быть воинами, и по истечении известного срока службы воины должны были возвращаться в свой дим. Даже из книги „Церемоний" нельзя сделать вывода, что димы в техническом смысле этого слова в X в. больше не существуют и отождествляются с факциями, поскольку терминология здесь в основном та же: ὁ δῆμος τοῦ Λευκοῦ, или τοῦ Ῥουσίου (μέρους), или ὁ δῆμος τῶν πρασίνων и т. п.,[6] т. е. „народ Белой или Красной факции", или „народ прасинов", и даже в отношении более сплоченных „перативеских", т. е. военных отрядов, употребляются такие выражения, как τα περατικὰ μέρη τῶν πρασίνων, или τῶν βενέτων, что указывает на какую-то множественность их состава: это „части", выделенные из каждого дима той и другой факций.[7] Таким образом димы и факция не одно и то же, и о них нужно говорить отдельно.

---

[1] De Byz. hipp., 631.
[2] Mal., Herm. 373, 374. — Chron. Pasch., 620.
[3] Mal., 410. — Theoph., 165 и др.
[4] Mal., 397 и др.
[5] Simoc., VIII, 7, p. 327.
[6] De caerim., I, 1, pp. 12, 14, 19, 20.
[7] Ibid., I, 17, p. 106. — Что касается ἡ πολιτική (т. е. τάξις), то я думаю, что под ней разумеется привилегированная верхушка невоенных частей димов, так как она выступает на приемах наравне с военными частями (ibid., 1, 17, pp. 105, 106, 107) и отделяется от рядовых членов невоенных частей димов, которые называются здесь τὰ συστήματα (ibid., I, 1 p. 13). — Ср. Chron. Pasch., 712, где κτήτορες и ἐργαστηριακοί (при-

§ 1. Эллинские и эллинистические традиции. Димы — учреждения более древние и более важные, чем факции, и если византийские источники, рассказывая часто о выступлениях димов, не говорят почти ничего относительно их устройства, то это нужно объяснить тем, что они были слишком хорошо всем известны, как учреждения старинные. Византийцы хорошо помнили свое эллинистическое и эллинское прошлое и не чувствовали непроходимой грани между эллинизмом и византинизмом, которую создала новая византология. Например в Антиохии до 525 г. происходили Олимпийские игры, и Малала знал список „авлитархов“ с 217 г.[1] Димы были теми первичными низовыми ячейками общества, которые сохраняются дольше всего, несмотря на все проносящиеся над обществом бури. Самое название „ὁ δῆμος“ отсылает нас к античности, чего нельзя сказать, конечно, о термине „τὸ μέρος“. Древние эллины, как и византийцы, понимали это слово и в общем значении „народа“, т. е. всей совокупности граждан, и в техническом смысле „дема“ — территориальной общины, в которую превратилась предшествовавшая ей родовая община, и которая представляла подразделение территориальной филы.[2] Лучше всего нам известна организация демов в Аттике IV в. до н. э. Некоторые черты этой организации имеют большое значение для понимания византийских димов. Городские демы представляли отдельные районы или кварталы, с точно отмеченными границами (ὅροι) и с определенными названиями — по имени героя-эпонима, по характеру местности или занятиям жителей, иногда по имени особенно влиятельной в квартале семьи.[3] Демы были одновременно и самоуправляющимися территориальными общинами, организованными по образцу полиса и ведавшими делами своего района, и подразделениями полиса, исполнявшими государственные функции. Полноправными членами дема (οἱ δημόται) были только те жители квартала, которые имели право афинского гражданства по происхождению или по особому решению народного собрания полиса (ἐκκλησία).[4] Большинство демотов (около $^4/_5$) в Афинах IV в. были землевладельцами, т. е. имели земельную собственность вне города;[5] остальные были, вероятно, ремесленниками и торговцами. Каждый дем имел свое собрание (ἀγορά) и своих „архонтов“, избиравшихся на 1 год: „демарха“, казначеев (ταμίαι), жрецов и других чиновников.[6] В качестве автономной организации дем на своих собраниях включал в состав демотов, список которых (ληξιαρχικὸν γραμματεῖον) хранился у демарха, новых членов, имевших на то право, избирал своих архонтов и присуждал им за заслуги золотые венки и другие награды, заведывал своим местным хозяйством.[7] Дем имел свою недвижимую собственность в виде земли и зданий, приписанных к какому-нибудь местному святилищу и дававших доход путем отдачи их в аренду;[8] имел и свои расходы, главным образом на потреб-

вилегированные группы обеих факций), отделяются от δημόται; также у Евагрия (II, 9) различаются δῆμος и πολιτευόμενοι (т. е. куриалы), хотя все димоты являются вместе с тем πολῖται в широком смысле (Chron. Pasch., 627). Отсюда такое выражение: ἡ πολιτικὴ μετὰ τῶν συστημάτων καὶ τῶν ἰδίων ἀρχόντων (ibid., II, 15, p. 579).

[1] Mal., 417.

[2] Aristot. Athen. pol., 21.

[3] B. Haussoullier. La vie municipale en Attique. Paris, 1884, pp. 2—3. — Schoeffer. Δῆμοι Paulys RE IX Halbb., pp. 3—4.

[4] Haussoullier, ibid., 11.

[5] Ibid., 4.

[6] Ibid., 57—59.

[7] Ibid., 11, 57, 62.

[8] Ibid., 69.

ности местного культа, особенно на местные праздники (ἑορταὶ δημοτικαί) и сопровождавшие их зрелища, а также на благоустройство своего квартала.[1] Наконец, в лице демарха и других архонтов, дем следил за порядком в своем квартале.[2] Решения „агоры" дема гравировались на каменных стелах и медных досках.[3] В качестве подразделения полиса дем выполнял государственные функции: являлся в составе своей филы на „экклесию"; участвовал, в лице демарха, в контроле состава „экклесии", поскольку каждый гражданин, включенный в список демотов, являлся вместе с тем и членом народного собрания; что особенно важно, дем участвовал в распределении между демотами государственных повинностей, обычных и чрезвычайных, денежных (εἰσφορά) и личных (λειτουργίαι), так как эти повинности распределялись неравномерно по имущественному состоянию демотов, которое лучше всего было известно их демам, хотя назначались и взыскивались повинности органами полиса.[4] Демы, в лице демархов, составляли особые списки (καταλόγους) демотов, способных нести военную службу в качестве моряков или сухопутных воинов, с указанием года включения их в состав дема, и по этим спискам власти полиса призывали на войну определенные возрасты демотов.[5] Равным образом демы, в лице демархов, удостоверяли правильность или неправильность возложения на состоятельных демотов высших литургий, как триерархия, т. е. постройка и снаряжение военных судов, или хорегия и гимнасиархия, т. е. подготовка и содержание хоров и атлетов для государственных праздников (ἑορταὶ δημοτελεῖς) и состязаний.[6] Так обстояло дело в Афинах. Вероятно, и в других греческих полисах димы имели приблизительно такую же организацию. Во всяком случае, димы известны и в городах с дорическим населением.[7] Следовательно, их нужно предполагать и в Мегаре, откуда была выведена колония Византия, и в самой Византии.

Необходимо подчеркнуть одну существенную особенность в практике античных демов. Вопреки традиционному представлению о последовательной демократии античных демов, которую, впрочем, трудно себе и представить в рабовладельческом обществе, демократия здесь была только формальная. В каждом деме всеми делами заправляла небольшая группа богатых демотов, а остальная масса играла пассивную и подчиненную роль. Собрания демов назначались редко и мало посещались. Сохранилось решение одного афинского дема IV в., устанавливающее quorum для законности собрания в 30 человек; о таком же числе говорят и авторы IV в.[8] Хотя мы не знаем в точности ни числа демов, ни числа граждан в Афинах в IV в., однако можно сказать уверенно, что это число представляло незначительный процент к общему числу демотов и совсем ничтожный процент к населению дема. Постоянными посетителями собраний были только богатые демоты: из сравнения надписей, относящихся к одному и тому же дему, можно видеть, что в собраниях дема с предложениями выступали все одни и те же лица, и что из них же выбирались и архонты дема.[9] Рядовые демоты исправно являлись только

---

1 Haussoullier., 62—63, 163—164, 168, 186.
2 Ibid., 95.
3 Ibid., 63.
4 Ibid., 113—117.
5 Ibid., 118—120.
6 Ibid., 116, 169.
7 Schoeffer, ibid., 34 folg.
8 Haussoullier, ibid., 6—7.
9 Ibid., 60—62.

на праздники и сопровождавшие их зрелища — как местные, так и общегосударственные.[1] Выделение небольшой кучки богатых, в качестве единственно активных членов дема, объяснялось их свободой от повседневного труда и особенно теми обязательствами, которые возлагались на богатых традицией и законом в отношении дема и полиса. Чрезвычайные сборы на войну (εἰσφορά), особенно крупные авансы на нужды государства, снаряжение на войну бедных содемотов, триерархия и другие дорого стоившие литургии, вроде хорегии для общегосударственных праздников, — все это лежало на богатых.[2] Для своего дема богатые на свои средства строили и украшали общественные здания, организовали местные празднества и зрелища в качестве хорегов и гимнасиархов.[3] Богатые таким способом получали почетные должности сначала в деме, а потом и в полисе, делали политическую карьеру.[4] Относительно хорегии нужно заметить, что для местных празднеств (δημοτικαί) выбирались демом два хорега, которые организовали зрелища совместно, и между ними не было состязания (ἀγών). Наоборот, хореги, выдвигавшиеся филами для устройства общенародных празднеств (δημοτελεῖς), боролись между собой за лучшую постановку зрелищ в качестве представителей различных фил.[5] Словом, пассивность массы и исключительное господство богатых составляют „наиболее характерные черты" античного дема.[6]

Что демы продолжали существовать в греческих городах и в эллинистическую эпоху, это не подлежит сомнению, несмотря на случайный характер относящихся сюда источников, главным образом надписей. Лучше всего изученные аттические надписи показывают, что в Афинах демы существовали непрерывно до III в. н. э. включительно (по крайней мере до 262 г.),[7] причем они сохраняли и свои старые названия, тогда как филы иногда меняли свои названия.[8] Едва ли можно сомневаться, что и в других греческих городах Европы, в том числе и в Византии, которая включена была в Македонскую монархию еще Александром Македонским, Антигониды оставили старые учреждения полиса, в том числе и демы. Это доказывается уже тем, что и в новых основанных ими городах, с чисто македонским или греко-македонским населением, они вводили греческое устройство. Относительно Фессалоники и Кассандрии, основанных еще в 316 г. Кассандром, имеются прямые указания, что эти города делились на демы.[9] Греческое устройство сохранялось также в малоазийских городах, как старых так и вновь построенных, царства Селевкидов и Атталидов. Прямые указания на существование демов имеются относительно карийских городов Миласы, Олима и Стратоникеи.[10] На востоке, в Сирии и Месопотамии, Селевкиды, по примеру Александра, основали множество городов, с греческим и македонским населением, также по эллинскому образцу.[11] Главный из них

[1] Haussoullier., 171.
[2] Ibid., 115—118, 122, 168—169.
[3] Ibid., 164—165.
[4] Ibid., 62.
[5] Ibid., 169—170.
[6] Ibid., 178—179.
[7] Список аттических демов разных эпох см. Schoeffer, ibid., 35—122; Там же приведены некоторые сведения и о вне-аттических димах.
[8] Напр. № 148, 151, 159 и другие в указанном списке.
[9] P. Perdrizet. Le fragment de Satyros sur les dèmes Alexandrins. Bullet. de la Soc. Archéolog. d'Alexandria, 1910, № 12, pp. 59—60.
[10] Schoeffer, ibid., 131. — Strab., XIV, 660.
[11] Rostovtzeff. Syria and the East. CAH, VII, 178, 180.

Антиохия, делился на филы, и хотя о делении на демы прямых указаний не имеется, но, поскольку в городе все учреждения были греческого полиса, а он имел между прочим и демархов,[1] то нет сомнения, что здесь было и деление на демы. Город Дура-Европос на Евфрате, основное население которого составляли македонцы, как показали раскопки последнего времени, также имел эллинское устройство, с разделением на филы и гены (γένη), которые, очевидно, соответствовали демам, так как были территориальными подразделениями фил.[2] Птолемеи менее стремились урбанизировать свою страну, чем Селевкиды; однако, и в Египте города имели греческое устройство.[3] Сохранившийся фрагмент александрийского автора Сатира (конца III в. до н. э.) называет поименно восемь демов одной из фил Александрии (Дионисиады), причем все они носят имена героев-эпонимов, как это было принято и в античных полисах;[4] две надписи половины III в. называют еще два дема;[5] Птолемаида, основанная Птолемеем I, вне всякого сомнения, имела экклесию, булэ и пританов и делилась на филы и демы.[6] Таким образом в эллинистических монархиях система демов не только сохранилась в старых греческих городах, но и распространилась далеко за пределы старого эллинского мира.

О том, какие изменения произошли в организации демов в эллинистическую эпоху, источники не дают нам ясных сведений. Во главе демов стояли, как и прежде, демархи, которые упоминаются и в новых городах, как Антиохия, Стратоникея, Дура-Европос;[7] в последнем городе они называются „генеархами", что указывает на родовую общину, как основу дема. Зачисление в дем давало права гражданства.[8] Каждый гражданин носил имя дема.[9] Особенность больших эллинистических городов заключалась в том, что они имели смешанное из разных народностей население, и в этом отношении представляли некоторую аналогию к позднейшей Византии. Александрия и Антиохия имели с ней еще и то сходство, что они были столицами эллинистических монархий. В Александрии демы образовали греки, составлявшие первоначальное население города. Позднейшие греческие поселенцы и македонцы имели свои особые организации (πολιτεύματα), может быть, военного характера; особые автономные общины составляли и восточные народности, поселявшиеся в Александрии, вероятно с торговыми целями, как копты, евреи, сирийцы, персы, и занимавшие отдельные кварталы города, как, напр., иудеи, имевшие во главе своих этнархов или генеархов.[10]

Такое же сложное устройство нужно предполагать и в Антиохии, хотя о ней мы располагаем менее ясными сведениями.[11] Функции демов не могли не измениться, так как города потеряли свою политическую самостоятельность и должны были подчиняться царям и их наместникам-

---

1 Polyb., XXVI, 10. — Liban. Or. ad Theod., Ed. Reiske, 1, 651. — Дройзен. История эллинизма, III, М., 1893, 22.

2 Rostovtzeff, ibid., 186—187.

3 CAH, VII, 121.

4 Perdrizet, ibid., 53—54.

5 E. Breccia. Tribù e demi in Alessandria. Bull. de la Soc. Arch. d'Alex., 1908, № 10, 169—173.

6 P. Jouguet. Bull. de Corresp. Hellénique, t. XXI, 184. — Strab., XVII, 813. — Perdrizet, ibid., 57.

7 Polyb., XXVI, 10. — Rostovtzeff, ibid., 186.

8 Perdrizet, ibid., 61.

9 Breccia, ibid., 174—175.

10 Jouguet. L'impérialisme Macédonien. Paris, 1926, 384—385.

11 Rostovtzeff, ibid., 185.

стратегам и эпистатам, хотя они сохраняли известную автономию, более широкую в греческих городах Европы и Малой Азии, более ограниченную в восточных городах, особенно в Египте. Однако эта перемена должна была больше затрагивать высшие организации полиса (экклесию и булэ), чем демы, и должна была отразиться только на государственных функциях демов. Главная из этих функций — участие в распределении повинностей — могла сохраниться там, где монархия использовала для сбора налогов старые органы полиса, как в европейских и малоазиатских городах, а не специально созданную для этой цели бюрократию, как в Египте.[1] Военная функция демов должна была отпасть или потерять старое значение, ввиду наличия специальных войск (македонской гвардии и наемников), хотя в состав войска набирались, по мере надобности, и местные жители, вероятно, не только деревни, но и города.[2] Но коммунальные функции городских учреждений оставались за ними во всех странах, как это видно из надписей, содержащих постановления „демоса" и „булэ" разных эллинистических государств; оставалась и система литургий. Надо думать, что и демы продолжали заниматься хозяйством своих кварталов в прежнем порядке. В связи с сокращением политических функций городских учреждений особенное значение получили их культурные и религиозные функции. В египетских городах, например, главными, бесспорно городскими, магистратами (кроме экзегета, устанавливающего права гражданства) становятся гимнасиарх и космет, заведующие гимнасием и играми, и жрецы;[3] принадлежность к гимнасии становится отличительным признаком полноправных граждан, которые называются „греками гимнасия";[4] гимнасий, театр и храм становятся центрами греческой общественности; местом торжественных собраний демоса становится театр.[5] Отсюда можно предполагать, что и в отдельных демах особенное значение получили теперь культурные и религиозные функции.

Римское завоевание не изменило организации эллинистических городов, и императоры, подобно эллинистическим царям, строили на востоке новые города в точности по эллинскому образцу, с разделением населения на филы и демы.[6] Таков был, напр., построенный Адрианом Антиноуполь в Египте.[7] Правда, несмотря на разделение городов на свободные и несвободные, все городские общины утратили политическую самостоятельность, сделались фискальными органами государства и сохранили лишь хозяйственную автономию. Но эта перемена меньше всего должна была отразиться на низовых ячейках городской общины, которые и раньше зависели от экклесии и булэ. Поэтому демы оказывались теперь особенно „важными и устойчивыми элементами" полиса.[8] Граждане, как и прежде, называются по имени дема, за

---

1 Rostovzeff. M. Stud. z. Gesch. d. röm. Kolonates. Berlin, 1910, 232. — Jouguet. L'Egypte gréco-romaine. Précis de l'histoire d'Egypte. Le Caire, 1932, t. I, 351—352.

2 W. Tarn. Macedonia and Greece. CAH, VII, 201.

3 P. M. Rostovtzeff. Syria and the East. CAH, VII, 122. — H. J. Bell. Egypt under the early principat. CAH, X, 295, 299.

4 Jouguet, ibid., I, 347, 379.

5 Perdrizet, ibid., 61.

6 M. Rostovtzeff. Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich., I. Leipzig., s. a., 115—116. — Моммсен. Римская история. Изд. Солдатенкова, М., 1883, V, 223 и сл., 308 и сл.

7 Perdrizet, ibid., 57.

8 H. J. Bell, ibid., 295.

исключением времени Нерона, пытавшегося произвести какую-то реформу, когда они назывались по имени филы и дема.[1] Отпадение политических функций должно было привести к дальнейшему развитию интересов спортивных и культовых. Этим нужно объяснить особенное развитие в восточных городах зрелищ и в частности ипподрома в I в. н. э.[2] Так как римляне в своей политике всегда опирались на богатую аристократию,[3] то римское завоевание должно было привести к дальнейшему усилению богатой верхушки в демах. Украшение и материальное благополучие городов все больше зависит от „литургий“ богатых граждан, и городские массы все больше рассчитывают на щедрость богачей.[4] Существенное значение для демов имел, без сомнения, закон Каракаллы 212 г. о всеобщем праве гражданства. Он должен был уничтожить в восточных городах привилегированное положение греков, как единственных граждан-демотов, которое продолжало еще существовать в первые два века империи,[5] и открыть доступ в демы также и не греческим элементам, которые действительно и входят в состав димов византийской эпохи. Что касается самой Византии, то ее внутреннее устройство при римском господстве остается нам неизвестным, но оно не могло быть иным, чем в других эллинистических городах того времени. Вступив в союз с Римом в 148 г. против псевдо-Филиппа, Византия получила права „свободного города“, т. е. сохранила все учреждения полиса.[6] Эта свобода поддерживалась отдаленностью города от центра, в силу которой Византии приходилось вполне самостоятельно бороться против фракийских племен и Боспорского царства.[7] Правда, свобода неоднократно отнималась у византийцев, как это было при Веспасиане и Септимии Севере, но поводом к тому были мятежи и восстания,[8] которые говорят о силе общественных организаций Византии. Конечно, время римского господства не было благоприятно для процветания демов, но они несомненно продолжали существовать. Таким образом мы можем проследить непрерывное существование демов от их начала до позднеримской эпохи. И если в византийских источниках V—VII вв. мы снова встречаемся с димами, мы не имеем оснований рассматривать их как какое-то новое явление, возникшее только теперь, или в позднеримскую эпоху, в виде факций ипподрома.

§ 2. Византийские димы, их устройство. Перенесение центра империи в Константинополь (330 г.) и дальнейшее обособление Восточной империи от Западной должны были оживить эллинистические традиции в восточных городах. И, действительно, чем больше Восток обособляется от Запада, тем чаще источники говорят о димах. Византийские димы, как и античные, представляли собою территориальные объединения и связаны были с кварталами города — γειτονίαι, или τοποθεσίαι. Так, димы венетов находились в „гитониях“ на главной улице Месе, а также в „топофесии“ Питтакий; в „гитонии Мазентиола“ жили пра-

---

[1] H. J. Bell, ibid., 295.

[2] Моммсен, там же, 257 и сл.

[3] Ibid., V. 228.

[4] Rostovtzeff. Gesellsch. u. Wirtsch., I, 121—123.

[5] Ibid., 123. — Bell, ibid., 298.

[6] Tacit. Annal., XII, 62. — Plin. Nat. hist., 4, 11, 46.

[7] Tacit. Annal., XII, 63. — Моммсен, ibid., 273.

[8] Sveton. Vespas., 8. — Hesych. Miles. fragm., VI, 35—38. — Исихий замечает, что до римлян у византийцев была то аристократия, то демократия, то тирания, как и в других полисах (FHGr., IV, 152—153).

сины.[1] Весьма вероятно, что термин γειτονία (землячество, соседство) и был как раз топографическим синонимом дема: в древности названия γείτονες (соседи), συγγενεῖς (сородичи) и δημόται были синонимами;[2] в позднейшее время термин „гитониархи“ соответствует по своему значению древним „демархам“.[3] В таком случае названия димов должны были совпадать с названиями кварталов и, естественно, не были уже именами языческих героев-эпонимов. Τὰ πιττάκια, — может быть, обозначало когда-то занятия жителей этого расположенного у самого моря квартала (от πίττα — смола); τὰ Μαζεντιόλου — владения особенно крупного в данном квартале собственника. Во всяком случае, гитонии не совпадали с „регионами“ столицы, которых уже в IV в. было 14: гитонии венетов около Месы, сожженные прасинами в 562 г.,[4] находились все в одном регионе — 5-м.[5] В состав дима входили и теперь не все жители гитонии. Рядом с οἱ δῆμοι, или ὁ δῆμος и οἱ δημόται выступают, как нечто совсем особое, οἱ ὄχλοι, или ὁ ὄχλος — „толпа“, и в совместных действиях этих групп активную роль играют димоты, а „толпа“ за ними следует;[6] в ипподроме димоты занимают определенные им присвоенные места в передней части ипподрома ближе к кафисме, а толпа располагается без особенного порядка на остальных местах.[7] Очевидно, организованные димоты противопоставляются неорганизованной толпе. Этому разделению соответствует и другое, еще более определенное: πολῖται καὶ ξένοι — „граждане и чужие“, или „посторонние“. 18 января 532 г. в ипподром пришли ὁ δῆμος καὶ οἱ ὄχλοι, а убито было в конце того же дня в ипподроме „35 тысяч граждан и чужих“.[8] Иногда вместо δῆμος и δῆμοι в том же смысле употребляются термины ὁ λαός (народ) и οἱ λαοί.[9] Димы и „толпа“ вместе называются общим именем τὸ πλῆθος или τὰ πλήθη — „множество, массы“.[10] Из этой терминологии можно заключить, что население города, как и прежде, разделялось на димотов — граждан и жителей, не принадлежавших к димам и не считавшихся гражданами. Не-гражданами были, конечно, временные жители города. Почти миллионное в VI в. население

[1] Theoph., 236. — Mal., 492. — Mal. Herm., 380.

[2] Aristoph. Nubes, 1323: ὦ γείτονες καὶ συγγενεῖς καὶ δημόται.

[3] De caerim., 1,59, p. 269; II, p. 720 и др.

[4] Theoph., 236.

[5] У Иоанна Никиуского (cap. 30. — Zotenberg, ibid., 500) читается такое место: „некоторые говорят, что он (Юстин I) был главою седьмого собрания Византии“. Отсюда можно бы предполагать, что Юстин был димархом 7-го региона, соответствующего диму. Но это место, в правильности которого сомневался уже Зотенберг, бесспорно испорчено в сохранившемся эфиопском тексте, переведенном с арабского. Арабский текст, переведенный с греческого, содержал не более того, что сказано об Юстине у Малалы, который был источником Иоанна Никиуского: Юстин был κόμης ἐξκουβιτόρων (Mal., 410). Акад. П. К. Коковцев, к которому я обратился с просьбою о разъяснении этого места и которому выражаю здесь глубокую благодарность, полагает, что эфиопский переводчик здесь ошибочно прочитал سابعة („седьмой“) вместо سابغة („широкая, длинная кольчуга“). Юстин был „начальником собрания (эфиоп. gūbā'e) длинной кольчуги“ т. е. гвардии. — Ср. Anonym. De tact., XVI.

[6] Chron. Pasch., 623. — Theoph., 294. — Mal., 475 и др.

[7] Mal., 351—352. — Chr. Pasch. 623.

[8] Chron. Pasch., 627. — Ср.: Georg. Pisid. Bell. Avar. Migne Gr., 92, c. 1270.

[9] Напр.: Theoph., 233. — De caerim. (Petr. Patr.) 1, 92, 423, cf. 424. — J. Antioch, 214 c., FHG, V, 34. — Theoph., 1, 60. — Употребление этих терминов менее определенно. Однако, если исключить совершенно произвольную терминологию, восходящую к риторам вроде Симокатты, можно заметить, что термин λαός имеет церковный оттенок (λαός — κλῆρος), и поскольку димоты столицы были все христиане, то δῆμοι могли быть названы λαοί. Но поскольку не все христиане были димотами, то могло быть употреблено и такое выражение: τῶν λαῶν καὶ τῶν δήμων (Mal., 341. — Theoph., 72).

[10] Mal., 408, 476 и др.

столицы было весьма текучим. Новелла Юстиниана „о квезиторе" ставит в обязанность этому официалу удалять из столицы лишнее население, перечисляя самые разнообразные элементы, стекавшиеся сюда из провинций.[1] Таково же было население других больших городов, как Александрия и Антиохия. Для зачисления в дим требовалась, очевидно, оседлость, но по всей вероятности требовалось, кроме того, как прежде, и происхождение от граждан. Основное ядро населения Константинополя составляли старые жители Византии и новые поселенцы, прибывшие сюда во время основания столицы; они получили от Константина все права старого Рима включительно до раздачи хлеба, и, следовательно, их потомки, если они были свободны, могли считаться гражданами. Они имели оседлость между Босфором и стеной Константина, и на эту территорию, если исключить пригороды, падают все (правда, немногочисленные) указания относительно местоположения димов. Существовали ли димы между стенами Константина и Феодосия, мы не знаем. Состав димотов не ограничивался теперь одними греками не только в восточных городах, как Антиохия, но и в многоплеменном Константинополе. Трудно сказать, были-ли какие-нибудь социальные ограничения для включения в димы свободных людей. Клирики, имевшие оседлость, повидимому, входили в состав димов: в столкновении между димами венетов был ранен клирик.[2] Люмпен-пролетарии, если они были гражданами по происхождению и жили постоянно в определенном диме, вероятно, также входили в его состав, так как участие в содержании зрелищ вовсе не было обязанностью всех димотов.[3] Наоборот, можно сомневаться, могли ли входить в димы зависимые рабочие императорских эргастирий. Правда, они, вероятно, представляли большею частью пришлый элемент и не имели своей оседлости.[4] Картина была бы несколько яснее, если бы мы имели какие-нибудь сведения о количестве димотов в столице. Но показание псевдо-Кодина о постройке стены Феодосия 8 тысячами димотов явно легендарно,[5] а сведения о количестве димотов, представленные в 602 г. имп. Маврикию, говорят только о димотах, способных нести службу в городском ополчении: 1500 зеленых и 900 синих, всего 2400.[6] Однако, не все димоты могли нести военную службу уже по возрасту, а в данном случае, вероятно, имелись в виду димоты, которые уже ранее имели оружие и умели владеть им и которые, как будет показано ниже, составляли только меньшую часть димотов. Кроме того, сведения даны были Маврикию в условиях совершенно исключительных: незадолго до того был произведен небывало широкий набор рекрутов в регулярную армию,[7] от которого должно было значительно сократиться число военноспособных димотов, если в армию призывались даже клирики, а многие жители столицы бежали из страха пред наступавшими славянами и аварами.[8] Общее впечатление от показаний источников о выступлениях димов таково, что димоты составляли, во всяком случае, небольшую часть населения в сравнении с ὄχλος, но в сражениях между факциями и в битвах между димами и войсками

[1] Nov., LXXX, 1, 2, 5.
[2] Mal., 492.
[3] Cp. Manojlovič, ibid., 670. —
[4] Nov., XLII, 1, 3.
[5] Patria Const., II, 182. —
[6] Simoc., VIII, 7, p. 327.
[7] Mich. Syr., XI, 21, pp. 379—380. — J. Ephes., VI, 47.
[8] Theoph., 279.

участвовали, повидимому, тысячи димотов.[1] Можно предполагать, что среди 35 тысяч человек, погибших в ипподроме во время восстания Ника, димоты составляли большинство; однако не все димоты здесь присутствовали, так как димы продолжали существовать и после этого избиения, хотя долгое время о себе не заявляли.[2] Зачисление в димы новых граждан, прежде зависевшее от экклесии, теперь должно было производиться городскими властями; в провинциальных городах, может быть, участвовали в этом и местные курии,[3] но в столице димы всецело подчинены были ведомству эпарха города. Известен лишь один случай зачисления в столичные димы, и он был произведен императором. В 559 г., когда из окрестностей столицы „все бежали в город“ от наступавших на Длинные стены гуннов и славян, „царь, узнав об этом, сделал димотами многих, ἐδημότευσε πολλούς и послал на Длинную стену“.[4] Так как термин δημοτεύσθαι издавна значил „состоять в диме“,[5] то δημοτεύειν значило „зачислять в дим“. Но данный случай был, очевидно, совершенно исключительный: требовалось увеличить городское ополчение, которое составляли димоты, и к димотам могли быть причислены не только жители столицы, ранее не состоявшие в димах, но и жители окрестностей, временно сюда бежавшие, как видно из контекста; последние могли быть зачислены только временно. Нужно полагать, что димы, как и прежде, вели списки своих членов (соответствующие древним ληξιαρχικὰ γραμματεῖα), так как учет граждан-димотов был необходим не только для самих димов, но и для государства в целях фискальных и военных. Но сохранилось известие только о списках военнообязанных димотов — прежние κατάλογοι, здесь названные χάρται; они были представлены имп. Маврикию демархами факций в 602 г.,[6] когда факции стали военными организациями, и к ним, естественно, должно было перейти от димов составление военных списков. Не может быть сомнения, что в византийских димах социальное разделение было еще более глубоким, чем в античных, и богатая верхушка имела еще большее влияние на рядовых димотов, которые в большинстве экономически зависели от нее в качестве клиентов и рабочих эргастирий.

Относительно организации византийских димов источники не говорят почти ничего. Однако есть указания, что они возглавлялись старейшинами, соответствующими старым демархам и носившими разные названия: „приматы, τὰ πρωτεῖα, архигеронты, диэкеты, архонты, οἱ κορυφαιότεροι“. В кодексе Феодосия под титулом „de primatibus plebis Alexandrinae“ приводится закон 396 г.: „архигеронты и диэкеты пусть избираются из числа промышленных людей“.[7] В кодексе Юстиниана тот же закон гласит так: „архигеронтами и диэкетами промышленных людей пусть назначаются только христиане“.[8] Едва ли можно сомневаться, что промышленные люди ergasiotani тождественны с теми привилегированными корпоратами, о которых говорит следующий за приведенным законом в кодексе Феодосия под тем же титулом закон 436 г., повторяемый

[1] Mal., 490—491. — Mal. Herm., 380—381. — Marcell., 95.
[2] Theoph., 185.
[3] Иоанн Антиохийский (fr. 215, FHG, IV, 621) замечает, что, когда Анастасий лишил куриалов их полномочий, то провинции оказались лишенными „каталогов“, — по старой терминологии „списков военнообязанных“.
[4] Theoph., 233. — Ср.: Mal., 490.
[5] Haussoullier, ibid., 10.
[6] Simoc., VIII, 1, p. 327.
[7] Cod. Theod., XIV, 27,1: archigerontes et diecetae ergasiotanorum numero deligantur.
[8] Cod. Just., I, 4, 5: archigerontes et diecetae ergasiotanorum non nisi christiani dirigantur.

опять под тем же титулом в кодексе Юстиниана (XI, 29, 1), т. е. это — торговцы и промышленники.[1] Невероятно, чтобы названные старейшины могли избираться только из них, с исключением живших в городе землевладельцев. Поэтому редакцию кодекса Феодосия нужно дополнить на основании кодекса Юстиниана: „архигеронтами и диэкетами из числа промышленных людей должны выбираться только христиане“.[2] Дело в том, что александрийские землевладельцы-греки были все христиане, а в числе эргасиотанов могли быть и не-христиане, напр. иудеи или еретики, которых закон не считал христианами. Эти primates plebis, т. е. οἱ πρωτεύοντες τοῦ δήμου, возглавляли какие-то организации демоса. М. Гельцер правильно полагает, что этими организациями были димы, называвшиеся по-латыни collegia popularia, но он неправильно отождествляет их с факциями.[3] В конце IV в. факции еще не играли значительной общественной и политической роли, а димы были старинными и хорошо всем известными учреждениями — о них и говорит закон без особых разъяснений. „Архигеронтами“ назывались демархи, может быть потому, что руководящая верхушка дима называлась в Александрии „герусией“: так называлось, по крайней мере, управление александрийской общины иудеев, которая представляла автономную организацию, подобную диму.[4] Неизвестно, представляли ли „диэкеты“ особую должность или только другое название той же должности „архигеронтов“. Если это была особая должность, то с ней была связана специально финансовая функция (древний ταμίας). Но в Византии в начале VII в. „народ называл диэкетами димархов“.[5] Как видно из приведенных законов, архигеронты (и диэкеты) при Феодосии II еще избирались, а при Юстиниане уже назначались. В столице ἄρχοντες λαῶν принимали участие в заключении мира между имп. Анастасием и Виталианом в 515 г.[6] Так как термин λαοί, как сказано выше, употребляется вместо и в смысле δῆμοι, то ἄρχοντες λαῶν должно обозначать ἄρχοντες δήμων, т. е. почти то же, что οἱ δήμαρχοι. Выражение οἱ τῶν δήμων,[7] как и οἱ τῶν λαῶν, обозначает, вероятно, также должностных лиц димов. Возможно, что до конца VI в. димархами и диэкетами назывались старейшины отдельных димов, на ряду с другими их названиями.[8] Но около этого времени произошла перемена в номенклатуре в связи с объединением димов, как военных организаций, в два больших отряда по факциям: тогда димархами стали называться командиры этих отрядов. Но это не значит, что старейшины отдельных димов прекратили свое существование; наоборот, на ряду с димархами теперь существуют τὰ πρωτεῖα τοῦ δήμου,[9] слишком близкие к primates plebis: τὸ πρωτεῖον может обозначать и коллегию правителей, и единоличную власть — princeps. Иначе старейшины димов называются теперь κορυφαιότεροι и ἐπισημότεροι, хотя эти названия относятся к Симокатте и едва ли не являются его изобретением.[10] Вероятно,

---

[1] Ср. Cod. Just., XII, 34: negotiatores, negotiantes.., qui cuidam ergasterio praesunt.
[2] Т. е. archigerontes et diecetae ergasiotanorum numero non nisi christiani dirigantur.
[3] Ibid., 19.
[4] Bell, ibid., CAH, X, 296.
[5] Simoc., VIII, 7.
[6] J. Antioch., fr. 214c, FHG, V, 34.
[7] Theod. Lect., II, 112. — Ср.: Theoph., 160.
[8] В одной из новелл (Nov., XIII, 1) Юстиниан немало рассуждает о димархах, но, по своему обычаю, имеет в виду не греческую традицию, а римскую, т. е. говорит о „tribuni plebis“.
[9] Theoph., 293.
[10] Simoc., 333. — Theoph., 289.

с того времени старое название старейшин отдельных димов было вытеснено названием „гитониархи“, которое встречается в книге „Церемоний“.[1] Это было вполне естественно, потому что γείτονες и δημόται были синонимами. Были ли в отдельных димах, кроме старейшины, другие должности, неизвестно. В сложной системе димотских чинов и должностей у Константина Порфирородного оставила свое застывшее отражение организация факций, а не отдельных димов, и притом почти исключительно по линии ипподрома и зрелищ. Однако, в числе подчиненных димарху, как главе факции, нецирковых чинов, кроме гитониархов, называются еще „архонты“ и πρωτεῖα, а также „хартуларии“ и „нотарии“, несколько напоминающие античных „антиграфеев“ и „логистов“.[2] Возможно, что эти должности восходят к организации отдельных димов. Не говорят наши источники и о собраниях отдельных димов, но их функции, о которых речь будет дальше, заставляют предполагать такие собрания, по крайней мере по делам своей гитонии. Уличная жизнь была весьма развита в Византии. Источники VI в. (Прокопий, Агафий и др.) рисуют перед нами, как самое обычное явление, толпы людей всякого звания, собирающихся под портиками и обсуждающих самые разнообразные вопросы,[3] и это называется ἀγοράζειν.[4] Было бы странно, если бы граждане отдельного дима не собирались на своей ἀγορά для обсуждения дел своей гитонии. Но здесь могли решаться и вопросы более общие, политические и религиозные. Зависимость димов от государства в византийскую эпоху, естественно, должна была усилиться. Особенно это заметно при Юстиниане, время которого вообще не было благоприятно для эллинских традиций. Из приведенных выше законов видно, что при Феодосии II старейшины димов еще избирались, а при Юстиниане они уже назначались. Димы были подчинены эпарху города: по закону 391 г. он „ведал укрощением всех граждан и народных масс городской префектуры“.[5] Подсобным органом эпарха по этой части был никтэпарх (ночной эпарх); Юстиниан сделал его более самостоятельным, переименовал в „претора димов“ и поставил ему в обязанность „усмирять мятежность димоса“.[6] В провинциальных городах димы подчинялись однородным, отчасти одноименным (напр. в Антиохии) местным архонтам.[7] Поэтому восстания димов почти всегда направлялись прежде всего против городского эпарха и никтэпарха.

§ 3. Функции дима в своей гитонии. Можно бы ожидать, что в византийскую эпоху, когда последние следы былой автономии полиса должны были уступить место бюрократическим органам монархии, дольше всего сохранится узкоместная компетенция димов. Однако источники говорят часто о государственных и общегородских функциях димов и ничего не говорят о функциях дима внутри своего квартала. Это не значит, что их не было, так как и античные источники о таких

---

1 Здесь называются гитониархи двоякого рода: 12 гитониархов, подчиненных эпарху города и являющихся, видимо, полицейскими начальниками регионов (De caerim., II, 52, pp. 717, 750, 772), и гитониархов, подчиненных димархам, по одному на каждого и участвующих только в церемониях, в качестве символа далекого прошлого (I, 59, p. 269; II, 52, p. 720; II, 55, pp. 803—804).

2 De caerim., I, 55, p. 271; I, 56, p. 272. — Ср.: Haussoullier, ibid., 59.

3 Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в., СПб., 1908, стр. 443.

4 Procopii de bello Goth., III, 258.

5 Cod. Just., I, 28, 4. — Ср.: Procopii de bello Pers., I, 24.

6 Nov., XIII, 1: τὴν δημοδῆ καθιστᾶν ἀταξίαν. — Ср.: Anecd., XX, 9.

7 Mal., 396—397.

функциях димов говорят очень мало, а о димах эллинистических в данном отношении мы не знаем ничего, как и о византийских. Дело объясняется тем, что наши источники (почти исключительно исторического содержания), естественно, интересовались только фактами и отношениями широкого политического значения и не имели поводов говорить о жизни отдельных городских кварталов, тем более, что быт этих кварталов был всем хорошо известен. Таким образом, не имея никаких оснований отрицать существование отдельных димов и их местных дел, мы в данном отношении должны ограничиться только предположениями. Мы не знаем, имели ли византийские димы собственность и особое хозяйство. В античные времена земли и здания димов приписывались к местным святилищам, которые состояли на содержании димов. Теперь старые святилища были заменены христианскими храмами, для постройки которых, часто на месте древних языческих храмов, несомненно отводилась земля, принадлежавшая раньше гитониям. При некоторых храмах существовали учреждения общественного значения, как ксенодохии, гирокомии и т. п.; среди них могли быть и такие, которые были учреждениями не общегородскими и не государственными, а районными. Правда, в постройке храмов широко участвовала государственная власть — сами императоры. Но и в древние времена храмы общегородские (ἱερὰ δημοτελῆ) строились и содержались государством, и это не мешало существованию местных „демотических святилищ“ ἱερὰ δημοτικά, содержавшихся димами, отчасти в порядке „литургий“. То же было, вероятно, и теперь. Различие заключалось только в том, что теперь для заведывания храмами существовала особая, хотя и связанная с государством, организация — церковь, со своими низовыми ячейками — приходами. Какое было отношение между димами и приходами (παροικίαι), сказать трудно, так как о приходах мы знаем не более того, что знаем о димах. Приходы в городах возникли с ростом числа городских церквей; в Александрии они известны уже в начале IV в., в Константинополе — в начале V в.[1] Во главе приходов стояли пресвитеры, которые в начале V в. избирались народом на „народных праздниках“.[2] Так как вся церковная организация представляла точный сколок с государственной, то само собой напрашивается предположение, что приходы, по крайней мере на первых порах, территориально совпадали с димами. И действительно, в Александрии приходы в нач. IV в. совпадали с городскими кварталами, по которым распределялись налоги и которые назывались „лаврами“.[3] Арий был пресвитером в „лавре“, носившей название Βαυκαλίς,[4] звучащее явно не по-христиански и слишком близко напоминающее названия александрийских димов Птолемеевской эпохи, как Ἀλθηΐς, Ἀριαδνίς, Θεστίς и т. п.[5] Отличие прихода от дима заключалось в том, что в состав его входили и не-димоты, жившие на территории дима и относившиеся к категории ὄχλος. Но можно не сомневаться, что не-димоты по делам прихода так же следовали за димотами, как это было в ипподроме по делам общегородским и государственным, и, следовательно, дим был руководящим ядром прихода. Вероятно, именно поэтому церковные писатели вместо οἱ δῆμοι часто говорят οἱ λαοί, особенно тогда, когда димы выступают по вопросам религиозным. Богатые люди прихода, если не все, то в большинстве, без сомнения были

1 Socrat., VII, 26.
2 J. Chrysost. De sacerd., 15. — Migne. P. Gr., 47, c. 671.
3 Epiphan. Haeres., 68, 4; 69. 1. — Migne. P. Gr., 41.
4 Ibid., 69, 1.
5 Perdrizet, ibid. — Fragm. de Satyros, p. 54.

„гражданами“ и входили в состав дима. А так как храмы состояли на содержании приходов, то можно предполагать, что богатые димоты отбывали такие же „литургии“ по устройству и содержанию христианских храмов, какие прежде они несли в отношении языческих храмов. Существовали также местные приходские праздники, в устройстве которых могли участвовать богатые димоты. Таким образом у димов были, как и прежде, хозяйственные дела, связанные с местным культом. Есть указание, что димы занимались и такими вопросами культа, которые не были связаны непосредственно с расходами на культ. Когда Юстиниан в 547 г. издал указ о праздновании пасхи вместе с римскою церковью 8 апреля, тогда как „согласно обычаю греков“ она должна была праздноваться 1 апреля, димы с ним не согласились, начали пост перед пасхой неделей раньше срока, указанного императором, и отказались покупать на рынках мясо, которое он распорядился продавать.[1] Были ли в гитонии другие объекты хозяйственных попечений дима, остается неизвестным. Но весьма вероятно, что благоустройство квартала, содержание в порядке улиц, портиков, цистерн и водопроводов, предупреждение пожаров и т. п. лежали, как и прежде, на обязанности дима. Участие димов в распределении налогов также едва ли могло отпасть совершенно в византийскую эпоху. Хотя для этой цели существовало теперь множество чиновников во главе с эпархом города, но они едва ли могли обойтись без опроса соседей относительно имущественного положения плательщиков, и самым удобным способом был опрос руководителей димов. Косвенным указанием на это может служить то обстоятельство, что во время восстаний димы без различия фракций с особенной ненавистью обрушиваются на так называемых „паракенотов“: димоты их беспощадно убивают, волочат по улицам города и бросают в море.[2] По всей вероятности, это были доносчики, которые давали чиновникам показания о более высоком имущественном положении плательщиков, чем оно было показано димами, и тем разоряли димотов.[3] Вообще государству были необходимы списки плательщиков налогов, а также военнообязанных граждан, и если в деревне списки свободных крестьян составлялись по митрокомиям, т. е. территориальным общинам, то в городе они всего естественней должны были составляться по димам. В этих случаях димы, в границах своих гитоний, выполняли уже государственные функции.

§ 4. **Военные функции димов.** Император Маркиан в 457 г., после восстания прасинов, особым указом „приказал прасинам не заниматься политикой и не нести военную службу три года“.[4] Из этого можно видеть, что государственные функции димов были: военная и политическая, *στρατεύεσθαι καὶ πολιτεύεσθαι*, как это было и в древние

---

[1] Theoph., 225: *καὶ ἐποίησαν οἱ δῆμοι ἀποχρεώσιμον* etc.

[2] Mal. Herm., 375. — Chron. Pasch., p. 22.

[3] *Παρακενώτης* — термин, оставшийся неясным для Дюканжа (Gloss. med. et inf. Graec, s. v.: „res inutilis“), разъясняется у Иоанна Ефесского (II, 38). Пробин, раб монофисита сакеллария Андрея, предался православному патриарху Евтихию, который сделал его доносчиком и паракенотом ([illegible]): по его доносам монофиситов хватали и заключали в тюрьмы, предварительно „ограбив все, что они имели“. Он был доносчиком-опустошителем, или разорителем (*κενόω*). — Brooks (p. 103) переводит *παρακινήτης* (смутьян), но тогда было бы [illegible]. Вероятно, „паракеноты“ то же, что сикофанты, о которых упоминает Иоанн Антиохийский (fr. 214b, FHG, V, 29), также в связи с тягостями фиска.

[4] Mal., 368: *Μὴ πολιτεύεσθαι Πρασίνους ἐκέλευσε μήτε στρατεύεσθαι ἐπὶ ἔτη τρία* — Chron. Pasch., 592.

времена. Уже Reiske видел в димах „род милиции, которая, в случае необходимости спешного пополнения настоящего войска, набиралась из городской молодежи".[1] Рамбо считает димы постоянной городской милицией, хорошо вооруженной.[2] Манойлович видит в димах „постоянную городскую милицию", или „национальную гвардию", которая в Константинополе была организована во время восстания Гайны в 400 г., которая в случае нужды пополнялась новыми димотами, как при Юстиниане, и успешно „кооперировала" с войсками в обороне столицы от варварских нашествий.[3] „Народной милицией" или „национальной гвардией" называет димы и Братиану, причем считает, что „нужно различать постоянные кадры этой народной милиции от элементов, мобилизуемых в исключительных случаях".[4] Как и Манойлович, он имеет в виду различия между димотами, записанными в „каталоги", и дополнительно мобилизуемыми не-димотами в исключительных случаях. Однако, нам известен только один случай зачисления в димы не-димотов при Юстиниане (559 г.), и „каталоги" военнообязанных димотов не совпадали с общими списками димов. Я думаю, что нужно различать постоянную военную службу части димотов и участие димов в защите столицы в случае исключительной опасности.

Στρατεύεσθαι в указе Маркиана не могло обозначать ни службы в регулярных войсках, ни участия в городском ополчении, созываемом для защиты столицы. Было бы странно наказывать прасинов освобождением от обязанности, которая была столь же тяжела для граждан, как и необходима для государства. К тому же при Маркиане столице не угрожала никакая опасность. Наоборот, Фока в 609 г. после аналогичного восстания прасинов, „приказал им μὴ πολιτεύεσθαι", но не запретил στρατεύεσθαι, потому что столице и императору тогда угрожала опасность.[5] А Зинон в 484 г., после восстания самаритян в Палестине, „издал указ μὴ στρατεύεσθαι Σαμαρείτην",[6] вероятно, потому, что им и раньше не было предоставлено πολιτεύεσθαι. Ясно, что στρατεύεσθαι обозначало не только обязанность, но и право, и этим правом могло быть только право носить оружие постоянно или получать оружие в случаях внешней опасности. Что димоты имели постоянное право носить оружие, это видно из указа Маркиана, так как для прасинов оно было приостановлено в обстановке внешней безопасности столицы. Но этим правом располагали не все димоты. Государство запрещало частное производство оружия включительно до лука и стрел; оно было сосредоточено только в „государственных мастерских" (δημόσιαι φάβρικες) именно для предупреждения мятежей и убийств среди граждан.[7] Таким образом оружие можно было получить только от государства для выполнения определенных военных или полицейских целей. Поэтому большинство димотов во время мятежей выступает невооруженными: обычное их оружие — камнеметание (λιθοβολία) и поджоги зданий. Иногда димотам приходится отнимать оружие у посланных против них „воинов и коментарисиев", как это было в гитонии Мазентиола в 559 г.[8] Из юных димотов, защищавших Антиохию от войск Хозроя в 540 г., большинство были „не вооружены и пользовались

[1] De caerim., t. II, comment., p. 30.
[2] De Byz. hipp., 31—34.
[3] Manojlović, ibid., 622, sq., 633.
[4] G. J. Bratianu, ibid., 104.
[5] Theoph., 297.
[6] Mal., 383.
[7] Nov., LXXXV, 2, 3, 4. — Ср.: Cod. Just., XI, 10.
[8] Mal. Herm., 380—381.

только камнеметанием".[1] Однако некоторая часть димотов выступает почти всегда с оружием. Около 500 г. при префекте Илии во время театрального зрелища „димы устремляются друг на друга с мечами" (ἅμα ξίφεσι);[2] в 501 г. в той же обстановке димоты выступают вооруженные мечами (ξιφήρεις), имеют, кроме камней, enses или gladios;[3] в 562 г. во время столкновения между венетами „были извлечены мечи";[4] в 563 г. венеты и прасины „сражались мечами";[5] в 559 г. венеты стреляли в прасинов из луков — оружие, кажется, присвоенное пригородным димам.[6] Я исключаю такие случаи, как восстание Ника, когда димоты насильно брали оружие из арсеналов, может быть, не без содействия некоторых правящих лиц.[7] Не видно, чтобы постоянно вооруженные димоты имели полное вооружение гоплитов. Обычно ссылаются на показания Пасхальной хроники и Феофана, будто во время восстания Ника 18 января 532 г. на ипподром явились 200 или 250 молодых прасинов, одетых в панцыри и именуемых „Константианами" или „Флакианами". Эти прасины понимаются или в смысле особого „регулярного военного объединения димотов",[8] или просто в смысле одного из гвардейских отрядов, подчиненных магистру милиции in praesenti, перечисляемых в Notitia dignitatum, где один отряд действительно называется Constantiani; в последнем случае предполагается, что организация димов „проникла даже в войско".[9] Однако ничего подобного названные показания не говорят. Пасхальная хроника говорит: „пришли также из Константиан молодые прасины, носящие панцыри, 250".[10] Феофан: „пришли также из Флакиан молодые прасины 200, одетые в латы".[11] Κωνσταντιανά назывался квартал в 11-м регионе столицы около колонны Маркиана (ныне Kiztachi), т. е. в западной части города Константина.[12] Имя „Флакиан" неизвестно, но весьма вероятно, что здесь разумеется упоминаемый в Пасхальной хронике дворец — Πλακιλλιανῶν, называемый иначе Φλακιλλιανόν, откуда ранее взяты были мятежниками царские инсигнии для Ипатия.[13] В общем источнике Пасхальной хроники и Феофана, каким был не дошедший до нас в полном виде Малала, вероятно, было сказано, что прасины из квартала Константиан принесли панцыри, взятые ими из дворца Плакиллиан. Где находился этот дворец, мы не знаем; может быть, он тождествен с дворцом Плакидии, находившимся недалеко от Константиан, в 10-м регионе.[14] Во всяком случае, несомненно, что прасины не „назывались Константианами", а пришли из квартала Константиан, и панцыри они только что захватили (вероятно, вместе с другим вооружением гоплитов) из какого-то арсенала, чем и поразили присутствовавших на ипподроме. Для какой цели государство давало части димотов постоянное оружие в виде мечей, об этом можно догадываться по следующему случаю.

---

1 Proc. Pers., II, 8, p. 190, t. 188.
2 J. Antioch., fr. 214c, FHG, V, 31.
3 Mal. Herm., 374. — Marcell. a., 501, p. 95.
4 Mal., 492.
5 Theoph., 239.
6 Mal., 496.
7 Chron. Pasch., 625. — Cp.: Marcell. a., 532, p. 103.
8 Bratianu, ibid., 103.
9 Wilken, ibid., 227. — De Byz. hipp., 33. — Cp.: Notitia dign., IV, § 1, 24.
10 Chron. Pasch., 625: ἦλθον δὲ καὶ ἀπὸ Κωνσταντιανῶν νεώτεροι Πράσινοι, φοροῦντες ζάβας, σν.
11 Theoph., 185: ἦλθον δὲ καὶ ἀπὸ Φλακιανῶν νεώτεροι Πράσινοι σ΄ λωρικάτοι.
12 Mordtmann, ibid., § 126.
13 Chron. Pasch., 624, cp. 564.
14 Mordtmann, ibid., § 12.

13 мая 559 г., после окончания ипподрома, т. е. поздно вечером, прасины возвращались в свои отдаленные от центра гитонии (в Зевгму) „с охраной“ (μετὰ παραφυλακῆς) и, проходя чрез венетский квартал Мосхиана, вступили в бой с напавшими на них венетами.[1] Таким образом димы имели постоянно вооруженные отряды с целью охраны. В мирное время они, очевидно, должны были, как и античные демы, нести полицейскую службу в своих гитониях, которая доверялась им правительством, а когда правительство переставало доверять той или другой факции димов, как это было при Маркиане с прасинами, оно отнимало у них оружие. Однако и для этих отрядов употребление оружия было обставлено ограничениями. Повидимому, запрещено было приносить мечи, как и камни, на ипподром: в 501 г. прасины прятали мечи и камни „в глиняных вазах“, в которых зрители приносили для себя пищу на ипподром.[2] За употребление меча в уличных схватках между факциями виновному отрубали большой палец правой руки.[3] Вероятно, были случаи нелегальной добычи оружия, что было возможно для людей богатых и влиятельных, но в таких случаях оно тщательно пряталось. Даже „стасиоты“ Прокопия, которые „почти все“ ходили вооруженными, употребляли оружие невоенного образца („обоюдоострые кинжалы“) и прятали его под одеждой.[4]

Защита города от варваров была давней традицией димов Византии, которой приходилось бороться с фракийскими племенами в эллинистическую и римскую эпохи.[5] Но после восстания Песценния Нигра, которое в Византии было несомненно делом димотов, как и в Антиохии,[6] и после подавления этого восстания Септимием Севером византийские димы, вероятно, лишены были права вооружаться. Во всяком случае, они не имели этого права в начале византийской эпохи в IV в., несмотря на то, что новые варварские нашествия уже заставляли другие города самостоятельно организовать защиту,[7] но в столице всегда было больше регулярного войска, и всегда была дворцовая гвардия. В 376 г., когда вестготы „уже опустошали предместья Константинополя“, и „граждане“ (πόλις), т. е. димоты, требовали выдачи им оружия, чтобы „сражаться самим“, император Валент усмотрел в этом требовании „оскорбление“ и грозил наказать византийцев после возвращения из похода против вестготов.[8] Первый случай вооружения византийских димов для защиты города, как это правильно отметил Манойлович,[9] относится к восстанию гота Гайны в 400 г. Но и на этот раз димы не получили оружия от правительства, а взяли его сами. Обстановка была такая. Во главе правительства при слабом императоре Аркадии стояла готофильская группа Кесария, которая, опираясь на готские войска Гайны, устранила от власти как сенаторскую группу Авреллиана, так и придворную группу Евтропия. Назначенный магистром армии Гайна был, однако, неудовлетворен своим положением и хотел произвести переворот. Сосредоточив предварительно войска во Фракии,

---

[1] Mal., 490.
[2] Marcell., p. 95. — Socrat., VI, 6.
[3] Theoph., 239.
[4] Anecd., VII, 15: ξιφίδια δίστομα.
[5] Моммсен. Римская история, V, 271.
[6] Hesych. Mil. fr., VI, 35—38. — FHG, IV, 152—153. — Ср.: Herodian. Hist. III, 1: πλεῖστοι τῶν δημοτῶν Ἀντιοχείας.
[7] Dexipp. fr., 20 — об Афинах; Zozim., IV, 19 — о фракийских городах.
[8] Socrat., IV, 38.
[9] Manojlović, ibid., 633.

он подступил к столице, чтобы овладеть ею.[1] Что произошло дальше, об этом сохранился только метафорический, но довольно прозрачный рассказ Синезия, так как Сократ и Созомен объясняют спасение столицы просто чудом. „Не было ни оружия, ни человека, чтобы им пользоваться; все были отданы как готовая добыча Тифону (т. е. Гайне)". „Все димы распоряжались сами, были без стратегов (οἱ δὲ δῆμοι αὐτοκέλευστοι πάντες, ἀστρατήγητοι), разве лишь, как у богов, каждый был сам и стратег и стратиот, лохаг и лохит. Но чем не станет человек, чтобы спастись всякими средствами, если захочет и даст силы бог? Так, они и ворот не уступили Тифону, и в других отношениях тирания стала бессильною, когда ее отразило объединение граждан".[2] Только после этого группа Аврелиана получила власть. Таким образом в этом исключительном случае димы действовали вполне самостоятельно, не по директиве правительства, а скорее в порядке восстания против готофильской группы Кесария. Следовательно, нельзя согласиться с Манойловичем, что в 400 г. правительство „вооружило народ" и что с того времени существует постоянная военная организация димов для защиты города.[3] После 400 года мы более 150 лет ничего не знаем не только о постоянной, но и о временной организации димов для этой цели. Манойлович говорит, что при Феодосии II „факция зеленых" (не факция зеленых, конечно, а обе факции) представляла „вооруженный отряд в 8000 человек".[4] Основанием является показание псевдо-Кодина, будто стену Феодосия построили 8000 димотов. Но, во-первых, для постройки стены вовсе не требовалось вооружения, хотя строить временные укрепления и входило, как всегда, в обязанность воинов. Во-вторых, это показание источника XV в. явно легендарно, и в его достоверности правильно усомнился уже Вилькен.[5] Здесь говорится: Феодосий „построил сухопутную стену в 60 дней, когда две факции димов имели свыше 8000, а димархами были Магдала, факции венетов, и Харисий, брат его, факции прасинов, вместе еще с Евлампием, своим родственником; венеты начали строить от Влахерны, а прасины от Золотых ворот, и соединились те и другие у ворот Мириандра, называемых Полиандром, простецы же называют их Колиандром; а названы были так Полиандром (т. е. воротами многих мужей) — потому, что обе факции там соединились".[6] Невозможно поверить, чтобы колоссальное сооружение было построено в 60 дней димотами, из которых каждый имел свои повседневные занятия, а если их не имел, то едва ли вообще способен был работать на постройке стены. Главной рабочей силой, без сомнения, были рабы, а их руководителями — специалисты-мастера строительного искусства. Еще в конце IV в., по словам Фемистия, столица была полна архитекторов и строительных рабочих, представляя собою „сплошную мастерскую великолепия".[7] Ни один источник не говорит, чтобы до 600 г. факции имели димархов, а здесь их оказывается даже не два, а три.[8] Легенда, основанная на позднейших

---

[1] Socrat., VI, 6. — Sozom., VIII, 4. — Sozom., V, 20.
[2] Synes. Aegyptii, II, 1,3. — Migne, P. Gr., LXVI, c. 1260, 1268.
[3] Manojlović, ibid., 633.
[4] Ibid., 622, ср. 620—621.
[5] Wilcken, ibid., 228.
[6] Patria Const., II, 182.
[7] Themist. Orat. XIII, ed. Dindorf (1832), p. 222.
[8] Очевидную модернизацию представляет и наименование „димархом факции венетов" патрикия Ипатия, объявленного императором в 532 г., которое встречаем в таком же позднем, как и псевдо-Кодин, произведении, входящем в сборник (ed. Preger, I, p. 75). Ипатий уже потому не мог быть „димархом" в роде Сергия или Крукиса (см. § 10).

отношениях, явно придумана для объяснения имени ворот, которое притом оказывается неустойчивым. Равным образом название других ворот Πόρτα τοῦ Ρουσίου, независимо от того, действительно ли они назывались именно так, а не Ῥηγίον или Ῥησίον, не говорит о том, что они были „построены“ русиями.[1] Например один гирокомий столицы назывался τὰ Πράσινα, потому что здесь была прежде конюшня прасинов.[2] До 559 г. источники не говорят об участии димов в защите столицы, хотя она неоднократно подвергалась нападению варваров: при Феодосии II — гуннов, при Зиноне — остготов, при Анастасии — готов и славян, при Юстиниане — гуннов и славян. Когда Виталиан в 512 г. осаждал столицу, димы не только не защищали ее, но и подняли восстание.[3] В 540 г. столица была почти в руках гуннов и славян, при полном почти отсутствии в городе войска, и, однако, население оставалось пассивным свидетелем того, как император укреплял свой дворец, а варвары, захватив добычу, ушли сами.[4] Агафий называет факционеров „людьми в важных делах малодушными и изнеженными, неистовыми и дерзкими только в гражданских мятежах и в споре о цветах“.[5] Эта характеристика, бесспорно, тенденциозная, была бы, однако, невозможна, если бы димы часто, или даже постоянно, принимали участие в обороне столицы. Нет сомнения, что государство сохраняло старое право призывать димотов в городское ополчение, но не пользовалось, или редко им пользовалось, опасаясь, как Валент, давать димотам оружие, тем более, что они участвовали неоднократно в вооруженных восстаниях, как, напр., в восстании Маркиана против Зинона-исавра.

События 559 г. также не говорят о постоянной военной организации димов для защиты столицы. Из риторически-тенденциозного рассказа современника Агафия и короткого, с явными пропусками, известия Феофана, основанного на рассказе Малалы, от которого в Оксфордской рукописи уцелели только первые фразы, можно лишь приблизительно восстановить картину событий.[6] Когда гунны и славяне, под предводительством Забергана, прорвали Длинную стену и приближались к столице, Велизарий имел только 300 человек настоящих воинов („ромеи“ из numeri, т. е., вероятно, из экскубитов) и ни на что негодную уже теперь гвардию схолариев. Юстиниан „зачислил в димы многих“ (ἐδημότευσε πολλούς), т. е., как уже говорилось выше, не только призвал военноспособных димотов, но присоединил к ним и новых людей, между прочим, из окрестных агройков.[7] Сначала все были посланы навстречу варварам к Длинной стене, причем димоты представляли, по словам Агафия, „толпу невооруженную (т. е. не имевшую оружия гоплитов) и не подготовленную к войне“ (πλῆθος ἄνοπλον καὶ ἀπόλεμον).[8] Когда эта вылазка потерпела неудачу, Юстиниан поставил схолы, numeri и часть сенаторов (вероятно, с их ипаспистами) на защиту стены Феодосия; здесь же, повидимому, была поставлена и полицейская охрана димов (παραφυλακὴ πολλή).[9]

что это не соответствовало бы его высокому рангу. По всей вероятности, он был „патроном“ факции венетов. См. § 6.

1 Так думает Mordtmann (§ 15) и за ним Manojlović (621).
2 Patria Const., II, 239.
3 J. Antioch., fr. 214, FHG, V, 33.
4 Ps.-Dion. (J. Ephes.), ed. Chabot, II, 89—91.
5 Agath., V, 13, p. 307.
6 Agath., V, 11—25. — Theoph., 233—234. — Ср.: Mal., 490.
7 Agath., V, 11. — Ср.: Theoph., 233.
8 Ibid.
9 Theoph., 233.

Остальных димотов, старых и новых (λαόν) император, „вооружив“ (ὁπλίσας), послал, вместе с некоторыми сенаторами, опять навстречу варварам, под командою Велизария. При этом создан был и конный отряд, для которого взяты были лошади из царских табунов, из ипподрома, из разных учреждений и у частных лиц.[1] При помощи искусного стратегического маневра Велизарию с этими силами удалось прогнать варваров за Длинные стены. Это все, что можно извлечь из источников, не прибегая к натяжкам. Ни о какой особой и постоянной военной организации димов, ни о какой „коннице ипподрома“, существовавшей, будто бы, уже ранее 559 г.,[2] здесь нет речи. Напротив, димы, за исключением, может быть, своей παραφυλακή, если здесь говорится действительно о ней, призываются и получают оружие именно на данный случай и, поступая под командование военачальника, без различия факций, принимают участие в боях совместно с регулярными войсками („ромеями“). В 559 г. димы привлекаются к защите столицы правительством, но не в качестве постоянной военной организации.

Постоянную военную организацию димы образуют лишь в конце VI в., когда столица стала подвергаться непрерывным нападениям славян, часть которых в 581 г. навсегда поселилась под самой Длинной стеной,[3] и аваров. Около начала 584 г., когда „славянские племена“ вновь угрожали столице, имп. Маврикий, „выведя дворцовые войска из города, а также димы, приказал им охранять Длинную стену; затем, назначив стратегом Коментиола и вооружив его (καθοπλίσας), послал его против варваров“.[4] Регулярное войско в то время было, потому что незадолго пред тем была произведена широкая мобилизация тиронов.[5] Оно и было послано во Фракию к Адрианополю,[6] а дворцовая гвардия и димы были посланы на Длинную стену. В 600 г., когда разбитый и преследуемый варварами Коментиол бежал в столицу, Маврикий лично вывел на защиту Длинной стены остатки регулярной армии (τὸ ὁπλιστικόν) и экскубитов, и его „сопровождала большая часть (πλείστη ἀπόμοιρα) византийских димов“,[7] тогда как другие „димы охраняли (ἐφύλαττον) город“, т. е. стену Феодосия.[8] Весьма вероятно, что это была старая παραφυλακή димов. В том и другом случаях (т. е. и в 584 г. и в 600 г.) нет речи о вооружении димов; значит, димы представляли уже ранее вооруженные постоянные военные отряды. Но так как они действовали в том и другом случаях совместно с армией и гвардией, нельзя еще сказать определенно, что они имели своих особых начальников и были организованы по факциям. Об этом мы узнаем впервые в 602 г., перед самым падением Маврикия. Теперь димы имеют два военных отряда (συντάξεις), венетский и прасинский, с двумя димархами или диэкетами во главе. В состав этих отрядов входят οἱ δημοτεύοντες — термин, теперь имеющий специальный смысл: это димоты, несущие военную службу и занесенные в осо-

---

[1] Theoph., 233.

[2] Manojlović, ibid., 626—627.

[3] J. Ephes., VI, 25.

[4] Theoph., ὁ δὲ βασιλεὺς τὰ τοῦ παλατίου στρατεύματα ἐξαγαγὼν τῆς πόλεως καὶ τοὺς δήμους, φυλάττειν τὰ Μακρὰ τείχη ἐκέλευσε. Понимать эту фразу так, что царь вывел гвардию из города, а димам поручил охрану Длинной стены (Manojlović, 629), невозможно: для защиты Длинной стены необходимо было выйти из города на 50 км. Источник Феофана здесь — Иоанн Антиохийский. Ср.: Simoc., I, 6—7.

[5] J. Ephes., VI, 47. — Mich. Syr., 21, p. 379—380.

[6] Simoc., I, 7, p. 47.

[7] Ibid., VII, 15, p. 298.

[8] Theoph., 279.

вые списки (χάρται). Их числится у венетов 900, у прасинов 1500.[1] Когда именно возникла эта организация, неизвестно в точности, но она возникла незадолго до 602 г.: может быть, она существовала уже в 584 г., но она совершенно не совместима с тем, что известно относительно 559 г. Разделение по факциям было вполне естественно, так как факции занимали разные части города. Когда войско (τὸ ὁπλιστικόν) восстало против Маврикия, последний пытался опереться на димы. Запросив предварительно димархов о точном числе δημοτεύοντες, он „приказывает димам охранять стены Феодосия“[2] под командою своих димархов, предварительно дав им дополнительное вооружение.[3] Нельзя сказать с уверенностью, что для защиты стен, кроме димов, не была также направлена часть дворцовой гвардии, как это было в 559 г.[4] Если она не была использована, то это можно объяснить только тем, что она была нужна для защиты дворца, так как сенаторы со своими ипаспистами теперь не только не защищали стены, но и готовили заговор против императора.[5] 2400 военных димотов, конечно, составляли лишь меньшую часть общего количества димотов: они бросили стены, как только в городе началось восстание невоенных димотов обеих факций.[6] Ту же картину мы наблюдаем и в 610 г., когда Фока для защиты приморской стены столицы против флота Ираклия направляет в разные пункты отряды венетов и прасинов, а экскубиты остаются внутри города у ипподрома.[7] При Маврикии и Фоке военная роль димов была наиболее важной.

В дальнейшей истории VII в. мы уже не встречаем прямых указаний на участие димов в защите столицы; только в 626 г. защищали город от аваров „граждане“ (οἱ πολῖται) вместе с чужеземцами и начальниками.[8] Тем не менее нужно предполагать, что в VII—VIII вв. димы еще продолжали играть большую военную роль, так как только в это время могла развиться та организация, омертвевшую форму которой мы видим в „Церемониях“ Константина Порфирородного (X в.). Здесь каждая из 4 факций разделяется на „пературический дим“ (ὁ δῆμος περατικός) или „пературические части“ (τὰ περατικὰ μέρη) и „гражданственность“ (ἡ πολιτική вероятно, разумеется τάξις — „гражданский чин“). Получается всего восемь разрядов, причем „пературические“ димы четырех факций находятся под военным командованием двух „димократов“ — начальников двух частей дворцовой гвардии (венеты и левки — доместика схол, а прасины и русии — доместика экскубитов), а „части, или факции гражданские“ (τῆς πολιτικῆς τὰ μέρη) имеют во главе двух димархов“ (одного — венеты и левки, другого — прасины и русии).[9] Повидимому, левки и русии, назы-

[1] Simoc., VIII, p. 327.

[2] Ibid., p. 328.

[3] Theoph., 287: τούτους καθοπλίσας.

[4] Simoc., VIII, 8, p. 328: „охраняющие ворота“, командование которыми позднее принял Коментиол, повидимому, не тождественны с охранявшими стены димотами.

[5] Simoc., VIII, 8, p. 329.

[6] Ibid.

[7] J. Antioch, FHG, V, 38.

[8] Georg. Pisid. Bell. avar. Migne Gr., 92, c. 1282: πολιτῶν καὶ ξένων, καὶ τῶν ἐν ἀρχαῖς.

[9] De caerim., I, 1, pp. 18—19 и др. Правда, в „Церемониях“ здесь наблюдается явное противоречие: иногда „гражданская“ часть венетов отождествляется с димом левков, а „гражданская“ часть прасинов — с димом русиев (I, 17, p. 106, ст. 108), и димархи венетов большею частью возглавляют не „гражданские“ части своих димов, а „димы левков и русиев“ (I, 1, 14; I, 2, 39, 40; I, 5). Если вообще возможно разрешение этого противоречия, то его нужно ожидать после окончания нового издания „Церемоний“, предпринятого A. Vogt. Пока A. Vogt полагает, что левки и русии были только политическими или городскими факциями (Le livre de cérém., t. I, Comment., p. 17).

ваемые „малыми димами“ (οἱ μικροὶ δῆμοι) в отличие от „больших димов“ (οἱ μεγάλοι δῆμοι), меньше привлекались к военному делу.[1] Что значит термин „пepaтические“, не совсем ясно: может быть, это части, которые вместе с гвардией направлялись для военных целей за пределы города (πέραν), тогда как гражданские части всегда оставались в городе (πόλιν); возможно, что это просто „парадные“ военные части.[2] Но трудно себе представить, чтобы пepaтические и гражданские части различались территориально.[3] Что пepaтические димы представляют военные части, это установлено Ф. И. Успенским.[4] Но если военные отряды выделялись из димов всех четырех факций, расположенных в разных кварталах города, то ясно, что они выделялись не по территориальному признаку. Всего вероятнее, что это были определенные возрасты, отбывавшие службу в городском ополчении, т. е. состав пepaтических димов менялся, по крайней мере, в те времена (VII—VIII вв.), когда димы еще не были простой декорацией. В век „Церемоний“ зачисление в пepaтические димы могло уже стать чисто формальным чинопроизводством. Таким образом в VII—VIII вв. нужно предполагать дальнейшее слияние военных частей димов с дворцовой гвардией, совместно с которой они выступали на защиту столицы и в VI в.; теперь они подчиняются вместе с ней доместикам схол и экскубитов, и димархи превращаются в гражданских начальников, которые, может быть, имели в своем ведении только полицейскую охрану димов.

§ 5. **Политические функции димов.** Маркиан и Фока запретили прасинам πολιτεύεσθαι, — первый сроком на три года, второй без указания срока, но, вероятно, также не навсегда. Πολιτεύεσθαι не обозначает занятия государственных должностей. И в законодательстве, и у историков и летописцев οἱ πολιτευόμενοι отличаются от чиновников (οἱ ταξιῶται) и начальников (ἄρχοντες ἀξιωματικοί).[5] Этим именем часто называются члены городских советов (βουλευταί), т. е. куриалы.[6] Πολιτεύεσθαι в законах обозначает также исполнение общественных „литургий“, напр. функции экдика или дефенсора города, по выборам.[7] Следовательно, в широком смысле это слово должно обозначать осуществление прав и обязанностей гражданина (πολίτης). Маркиан и Фока имели в виду, конечно, не обязанности куриала или экдика, которые, хотя и были почетными, но „освобождение“ от которых рассматривалось как милость,[8] а именно права всех граждан, т. е. всех димотов данной факции, и притом такие права, которыми прасины, по мнению правительства, злоупотребляли в учиняемых ими беспорядках. Очевидно, имелись в виду права собираться для обсуждения общественных и государственных дел и предъявлять свои требования к администрации и правительству, — словом, пережитки тех прав, которые древний эллин осуществлял в собрании (ἀγορά) своего дима и своего полиса. О собраниях по димам источники, как уже сказано, не дают прямых указаний, но заставляют их предполагать. Более определенные указания имеются на собрания факций, т. е. объединений

[1] De caerim., I, 69, p. 319.

[2] В „De caerim.“ встречается слово τὸ πέρατον (I, 64, p. 285; I, 69, p. 313). По мнению Reiske, „paratum“ значит τὰ ἄρμα — la parade.

[3] В таком понимании единодушны Вилькен (239), Рамбо (86), Манойлович (654), Фогт (17) и Братиану (106). Сомнение высказал только Ф. И. Успенский (9).

[4] Ф. И. Успенский., ibid., 9—11.

[5] Nov., CXXIII, 1, 4, 15. — Evagr. IX, 2. — Другие примеры см. Reiske, 234—235.

[6] Nov., CXXIII, 1, 4, 15. — Mal., 394, 400. — J. Antioch., FHG, IV, 621.

[7] Nov., XV, 1: τὴν λειτουργίαν ἐκπληροῦν = πολιτεύεσθαι.

[8] Nov., CXXIII, 1.

димов. Выступления факций на ипподроме часто являются определенно подготовленными: димоты согласно выкрикивают свои эвфимии и пожелания или порицания, заранее составленные и заученные, в метрической форме[1] и под командою своих руководителей.[2] Собрания факций происходили, вероятно, на ипподроме: в 493 г. префект города Юлиан особым приказом запретил длительные собрания в ипподроме (τὰς ἔνδον διατριβάς), но это вызвало восстание димотов обеих факций и отставку Юлиана.[3]

Источники, естественно интересующиеся событиями большого масштаба, говорят только о собраниях димотов всего города. В столице эти собрания имели общегосударственное значение и юридически, без особых полномочий, представляли всех граждан империи. Характеристика политического строя Византии, как „автократии, смягченной законным правом революции" (Моммсен), по меньшей мере неточна. Византийский народ, организованный в димы, не только располагал „правом восстания", но и представлял действительно некоторую „конституционную силу".[4] Что здесь имели известное значение эллинские традиции, в этом нетрудно убедиться из того факта, что конституционная роль димов развивается по мере обособления Восточной империи от Западной в V в., временно снижается при Юстиниане, когда возрождаются римские традиции (одновременно с влиянием негреческого Востока), и вновь усиливается, когда империя становится „греческой",[5] вплоть до феодализации государства, которая должна была привести к падению городов, а вместе с тем и димов. Конечно, значение эллинских традиций было чисто формальным. „Конституционная сила" димов имела в основе, с одной стороны, общинную их организацию, которая давала эксплоатируемым массам базу для сопротивления, с другой стороны, — относительную слабость господствующего класса, различные группы которого, пытаясь опираться на димы, организовали их в факции, конечно, с большим риском для себя.

Но в этих условиях и низы и верхи общества были заинтересованы в сохранении эллинских традиций. Во всяком случае, политический строй Византии представлял своеобразное сочетание трех конституционных факторов: монархии, аристократии, представленной в „синклите-буле", и собрания димов, при параллельном влиянии гвардии. Эти факторы юридически не были равными: господство принадлежало теократической монархии, синклит был первым после монарха органом власти, и димы юридически стояли на последнем месте. Собрания димов не имели определенного назначенного для этой цели места и происходили как бы случайно: большею частью в ипподроме, иногда на военном поле и в храме Софии. Свои требования димы могли предъявлять только в конституционных формах „эвфимии", „просьбы" (αἰτήσεις) или „мольбы" (εὐχαί). Но ни император, ни сенат не считали закономерным в важных вопросах действовать без „согласия" димов и считали необходимым по возможности не только удовлетворять, но и предупреждать их желания.

---

1 Напр. Simoc., VIII, 9, p. 331: καὶ ἐς τὸν Μαυρίκιον ἐρραψῴδουν μεθ' ὕβρεως ᾄσματα. P. Maas. Metrische Akklamationen der Byzantiner. BZ, XXI (1912), 28 folg.

2 Theoph., 182. — Ср. J. Nik., c. 90, p. 504.

3 J. Antioch., FHG, V, 29.

4 Manojlović, ibid., 687.

5 Ch. Diehl. Le sénat et le Peuple Byzantin aux VII—VIII siècles. Byzantion, I (1924), 208—209.

Особенно ясно выступает политическая роль димов при избрании нового императора, когда власть временно переходит к сенату. Наследственность фактически имела большое значение, но не считалась решающей. До половины V в. димы не участвовали в избрании или провозглашении императоров. Валентиниан, Валент, Феодосий I, по римской традиции, были провозглашены войсками. Аркадий также при жизни отца провозглашен императором на военном поле, вероятно, с согласия сената.[1] Феодосий II избирался сенатом на основании завещания отца, которое было гарантировано персидским шахом.[2] Войско провозгласило в Эвдоме императором и Маркиана, как мужа сестры Феодосия II — Пульхерии.[3] Избрание Льва I, начинавшего новую династию (457 г.), обставлено уже более сложно: самое избрание (ψήφισμα) принадлежат синклиту, но оно обусловлено „настоянием и решением“ войска, „мольбами“ (εὐχαί) двора, синклита и „народа“ (τοῦ λαοῦ).[4] Именно при Льве I димы начинают играть важную роль в вопросах престолонаследия: когда Лев, под давлением Аспара, хотел закрепить престол за его сыном, который должен был жениться на дочери императора, „димы вступились“ в это дело, и Лев должен был отказаться от предположенного брака;[5] позднее, когда Лев хотел объявить императором своего зятя Зинона, „подданные его на это не согласились“.[6] Лев II был коронован отцом впервые в ипподроме в присутствии „димов и воинов“, по их требованию и с их согласия.[7] В той же обстановке Лев II короновал своего отца Зинона.[8] Василиск был объявлен царем на военном поле войском, но по инициативе части сената и при сочувствии димов, которое выразилось в избиении исавров.[9] Зинон, после своего возвращения, был принят „всеми гражданами“.[10] Особенно ясно выступает роль димов при избрании Анастасия (491 г.), которое подробно описано, вероятно, Петром Патрикием.[11] Как только умер Зинон, во дворце собрались синклит и архонты с епископом, а в ипподроме — димы и гвардия „на своих местах“. Архонты направляют в ипподром вдову умершего императора Ариадну с обращением к димам, цель которого заключалась в том, чтобы убедить димы сохранять порядок и подождать результатов выборов, которые будут произведены синклитом. Текст обращения заранее составлен квестором и читается димам и гвардии ливеллисием в присутствии Ариадны и от ее имени.[12] Димы прерывают чтение возгласами, в которых предъявляют определенные требования к новому императору, не называя, однако, своего кандидата: он должен быть „православный, византиец (ῥωμαῖος) и некорыстолюбивый“ — ἀφιλάργυρος — и должен немедленно „прогнать вора эпарха города“.[13] Нужно заметить, что Зинон был исавр, держался непопулярного в столице монофиситства и переобременял население податями. Заранее написанное обращение императрицы обнаруживает замечательное совпадение с криками димов, включительно до заявления,

[1] Marcell., a. 383, p. 61.
[2] Procop. Pers., I, 2. — Ср.: Haury. BZ. XV (1906), 291—294.
[3] Theod. Lect., 1, 2, p. 165. — Prosp. Tyr. Chron. min., 1, p. 481.
[4] De caerim. (Petr. Patr.), 1, 91, pp. 410—412.
[5] Mal. Herm., 369.
[6] Cand. Isaur. fr., FHG, IV, 136.
[7] De caerim., I, 94, p. 431—432.
[8] Mal., 379. — Theod. Lect., 1, 27.
[9] Marcell., a. 493, p. 90.
[10] Theoph., 124. — Theod. Lect., 1,55.
[11] De caerim., I, 93, pp. 417—425.
[12] Ibid., 418—419.
[13] Ibid., 419—420.

что уже сделано распоряжение об отставке эпарха.[1] Не может быть сомнения, что требования димов были уже ранее известны синклиту и архонтам через представления (αἰτήσεις) руководителей димов, что предполагает предварительную договоренность между факциями и димами. Величая димотов титулами „ваше благородство" и „ваша священная преданность" (καθοσίωσις), августа просит соблюдать порядок и гарантирует правильность выборов в согласии с предъявленными требованиями. Затем по предложению синклита и архонтов, которые не могли сами договориться о кандидате вследствие борьбы двух партий, Ариадна выбирает императора и мужа — силенциария Анастасия.[2] Избранный выходит на ипподром, где димы приветствуют его эвфимиями, а гвардия поднимает на щит. Получив затем коронование от патриарха во дворце, новый император выступает на ипподроме с обращением к димам и гвардии в форме заранее написанного ливеллария, который опять читается ливеллисием.[3] Он констатирует, что его выдвинули (προεχώρησαν) августа, по решению (διακρίσει) высших чинов, избрание (ἐκλογή) синклита и одобрение (συναίνεσις) войска и народа, и называет это „общим избранием" (κοινὴ ἐκλογή).[4] Под этими церемониями скрывалась жестокая борьба партий (двора и сената), но в данном случае нас интересует лишь конституционная форма. Формально право избрания принадлежит синклиту и архонтам, но для того, чтобы избрание было „общим", необходимо согласие димов, которые в праве заранее предъявлять свои требования. Синклит и архонты, видимо, опасаются, как бы димы не поспешили и не выбрали императором своего кандидата, потому что в таком случае сенаторы должны были, уже не по конституции, а в силу необходимости, признать выборы димов. Так и случилось при избрании следующего императора Юстина I в 518 г.[5] На избирательном собрании синклита и архонтов партии двора и сената не смогли договориться относительно кандидата, хотя магистр Келер предупреждал избирателей: „если сейчас назовем кандидата, все за нами последуют и останутся спокойны; если же в короткое время не станем господами решения (κύριοι τῆς βουλῆς), мы должны будем следовать за другими". Действительно, собравшиеся одновременно на ипподроме димы двух факций и гвардия двух разрядов (схол и экскубитов), не получив своевременно решения синклита, приступили к выборам. Хотя и здесь у каждой из этих четырех групп оказался свой кандидат, и дело дошло даже до вооруженного столкновения между схолами, экскубитами и венетами, но случай помог им сговориться на кандидате, который оказался с разных сторон подходящим для всех четырех групп. Это был доместик экскубитов Юстин. Сенат подчиняется решению ипподрома: „тогда победило мнение всех — и сенаторов, и воинов, и димотов". Провозглашение нового императора происходит на ипподроме почти в том же порядке, при эвфимиях димов и гвардии. При Юстиниане и его преемниках до Маврикия димы не принимают участия в провозглашении императоров, и самая церемония происходит не в ипподроме, а во дворце. Главную роль играют принцип наследственности, поддерживаемый с Юстина II путем усыновления, и сенат, значение которого было особенно подчеркнуто Юстином II в известной речи к Тиберию по случаю назначения

[1] De caerim., 421.
[2] Ibid., 422.
[3] Ibid., 423.
[4] Ibid., 424—425.
[5] Ibid., 426—430.

его цезарем.[1] Эта временная реакция в сторону римской традиции прекратилась после утраты италийских завоеваний Юстиниана. При короновании Маврикия, состоявшемся во дворце, кроме синклита и дворцовой гвардии уже присутствуют старейшины димов.[2] В дни восстания против Маврикия (602 г.) случайно вскрывается факт переговоров одного из кандидатов на престол Германа со старейшинами димов (τὰ πρωτεῖα τοῦ δήμου) через димарха факции прасинов.[3] Без сомнения, Герман ведет переговоры только с прасинами потому, что с венетами дело было уже ранее согласовано, и Герман был кандидатом венетов. Позднее, во время заговора Константина против Фоки, эти переговоры повторяются.[4] Так как подобный же факт предварительных переговоров с димами мы должны предполагать и при воцарении Анастасия, как было сказано выше, то в обращении Германа не было ничего нового и необычного. Избрание Фоки в Эвдоме было произведено войском, димами, синклитом и патриархом.[5] Ираклий (610 г.) был провозглашен „по решению синклита и димов".[6] Стремясь закрепить наследственность власти, Ираклий совершает коронование своих сыновей Константина (612 г.) и Ираклеоны (638 г.) в дворцовой церкви, но в том и другом случаях коронование было закреплено эвфимиями гвардии, сената и димов в ипподроме.[7] Когда после смерти Ираклия его вдова Мартина, явившись на ипподром с двумя августами Константином и Ираклеоной, объявила завещание Ираклия, по которому она должна была сама участвовать в управлении государством вместе с пасынком и сыном, димы приветствовали обоих августов, но решительно отказались признать власть Мартины.[8] После смерти Константина, по требованию димов, был коронован его сын Констант II при наличии августа Ираклеоны, а позднее „синклит и граждане (ἡ πόλις) изгнали Мартину и ее сына".[9] Когда Констант II убил своего брата Феодосия, „граждане" открыто порицали царя, „называя его Каином и братоубийцей", так что он решил перенести столицу в Рим.[10] Димы принимали участие в низвержении Юстиниана II и провозглашении Леонтия.[11] Дальнейшая быстрая смена императоров происходила в порядке военных переворотов, и димы играли при этом пассивную роль; но провозглашение Артемия-Анастасия в 713 г. совершилось в св. Софии при участии военных чинов, синклита и димов.[12] Значит, порядок, сложившийся при Льве I, сохранялся и в VIII в.

Сами императоры открыто признавали источник своей власти в димах. Во время восстания 512 г. Анастасий явился пред димами на ипподроме без короны, тем самым показывая, что он уже не считает себя царем, раз народ от него отказался, и надел корону снова только тогда, когда димы, оценив признание императора, просили его об этом.[13] Юстиниан во время восстания Ника приносил димам на

---

1 Simoc., VII, 11. — J. Ephes., III, 5.
2 Simoc., I, 1, p. 31: ἐπισημότεροι τοῦ δήμου.
3 Theoph., 299. — Simoc., VIII, 9, p. 332.
4 Theoph., 293.
5 Ibid., 289. — Simoc., 324.
6 Niceph., 5.
7 Chron. Pasch., 702—703. — De caerim., II, 27, p. 627.
8 Ibid., 27—28.
9 Ibid., 30—31. — Theoph., 331—342. — J. Nik., 579.
10 Chron. Maronit. ed. Brooks., CSCO, Syr., IV, 2, pp. 70—71.
11 Theoph., 348—349. — Niceph., 37—39.
12 Theoph., 383. — Niceph., 79.
13 Mal., 407—408.

ипподроме покаяние в своих ошибках и даже нечто вроде присяги на евангелии.[1]

Димы принимают участие в разрешении важнейших политических вопросов не только путем восстаний, о которых речь будет ниже, но и в конституционной форме сочувственных (εὐφημίαι) или несочувственных (θόρυβος, ταραχή) правительству демонстраций как в ипподроме, так и вне ипподрома: на военном поле, в церквах, на улицах и площадях (особенно на форуме Константина). Нет нужды перечислять подобные выступления, — источники говорят о них часто. Часто императоры сами призывают димы на ипподром (иногда на военное поле и в св. Софию) во время политических кризисов или важных военных событий, чтобы слышать от димов одобрение своей внутренней и внешней политике.[2] Но еще чаще димы по собственной инициативе в критические моменты являются на ипподром, или собираются в других публичных местах, чтобы заявить свое мнение и свои требования, большею частью заранее согласованные между димами по факциям. Стремление димов оказывать давление на общее направление политики правительства, помимо активного участия в выборах императоров, нашло свое выражение в обычае димов вмешиваться в наречение имен новым августам и новорожденным наследникам престола, причем имена являлись символами различных политических ориентаций, — прасинской или венетской.[3] Редко димам удавалось получить от императора определенное заявление о сочувствии той или другой факции.[4] Влияние димов на политику правительства нашло особенно яркое выражение в том факте, что Виталиан, при заключении мира с Анастасием, в подтверждение данных последним политических обязательств, потребовал клятвы не только от синклита и гвардии, но и от „архонтов димов".[5] Особенно часто димы оказывают давление на религиозную политику императоров своими демонстрациями, легко переходящими в восстания. Это объясняется тем, что социальная и политическая борьба в то время происходила под религиозным знаменем, и при теократическом характере монархии направление религиозной политики было наиболее уязвимым местом монархии. Правда, в источниках в подобных случаях народ чаще называется λαός и πλῆθος, чем δῆμος или δῆμοι. Однако наблюдение Рамбо, что там, где начинается религиозная борьба, там димы (понимаемые им в смысле факций) исчезают,[6] неправильно: в источниках называются иногда не только οἱ δῆμοι или ὁ δῆμος, но и факции. Термин λαός или λαοί, как уже сказано выше, обозначает все население гитонии, но руководящая роль в гитонии принадлежала диму. Можно сделать такое наблюдение, что православные авторы, как Феодор Чтец и Феофан (поскольку он не повторяет терминологии Малалы) предпочитают термины λαός и πλήθη, а монофисит Малала — термины ὁ δῆμος и οἱ δῆμοι. Вероятно, различие объясняется тем, что Феодор и Феофан вообще имеют более определенную церковную окраску, чем Малала, и для них церковный термин казался более приличным, тем более, что они рассказывали почти исключительно о православных демонстрациях в столице, а прасинские димы в столице частично были монофиситскими, хотя православное их большинство

---

1 Mal., 475. — Chron. Pasch., 623—624.
2 Ibid., 380. — Theoph., 125. — Mal., 407—408. — Theoph., 287. — Chron. Pasch., 727 и др.
3 J. Ephes., III, 9; V, 14. — Theoph., 249. — Evagr., V, 24.
4 Mal., 351—352, 393.
5 J. Antioch., fr. 214a, FHG, V. 34. — Theoph., 160.
6 De Byz. hipp., 66.

также участвовало в демонстрациях. В отношении редких в столице монофиситских демонстраций эти авторы употребляют термины ὄχλος и ὄχλοι. Можно привести много примеров „конституционного" давления димов на религиозную политику императоров.[1]

Особенно настойчиво столичные димы выступают в вопросах, касающихся столицы и столичного населения. Так, димы не позволили Константу II перенести столицу в Рим.[2] Когда Ираклий, под впечатлением поражений в войне с персами, собирался бежать в Карфаген, димы этому воспрепятствовали.[3] Вполне естественно, что димы чаще всего высказывали недовольство фискальным и полицейским гнетом, недостаточным снабжением столицы и т. п., в связи с этим требовали смены эпарха города и никтэпарха, и императоры должны были уступать димам.[4] Требования (αἰτήσεις) предъявлялись обычно императору на ипподроме криками, которые перемешивались с эвфимиями. Император отвечал словесными или письменными приказами (μανδάτα).[5] Предположение Ф. И. Успенского относительно письменных заявлений димов, так называемых λιβελλάρια, часто упоминаемых в книге „Церемоний",[6] вполне правдоподобно, хотя и не подтверждается сохранившимися источниками для V—VII вв. Эти источники говорят нам только о других „ливеллариях", которые содержали обращения (προσφωνήσεις) императоров к димам и читались специальными чиновниками — „ливеллисиями".[7] Тем не менее в книге „Церемоний" среди частых упоминаний о ливеллариях, подносимых императору димами во время торжественных приемов (δοχαί), есть и такие, которые никак нельзя понимать в смысле простых приветствий императору, как их понимал Reiske.[8] Так, Михаил III в день своего рождения давал во дворце „прием по обычному чину приемов; когда факции подали четыре прошения, которые они обычно подают, и царь согласился на исполнение четырех прошений, он вошел в Триконх"[9] и т. д. Так как здесь имеется ссылка на „обычный чин приема" и на „обычай" подавать четыре прошения, то можно предполагать, что в частых упоминаниях о ливеллариях в книге „Церемоний" разумеются именно письменные прошения.[10] А так как книга „Церемоний" представляет застывшие формы старых отношений, то можно предполагать, что ливелларии подавались димами раньше, может быть уже в V—VII вв.

Не располагая специально судебными функциями, димы, однако, часто вмешивались в судебные дела. Иногда императоры сами ставили важные судебные процессы на ипподроме, предоставляя димам высказывать свое мнение. Так, в 465 г. „Мина никтэпарх, обвиненный в низких делах, был допрошен синклитом в ипподроме", и расправа с осужденным предоста-

---

[1] Напр: Mal., 381. — Theoph., 122. — Theod. Lect., II, 26—27. — Cramer, II, 107, 167. — Theoph., 152, 154, 158, 163. — Mal., 468.

[2] Theoph., 348, cf. 351.

[3] Niceph., 12.

[4] Mal., 395. — Chron. Pasch., 594, — De caerim., I, 90, pp. 420—421. — J. Antioch. fr., 241b, FHG, V, 29—30. — Mal., 480. — Theoph., 230 и др.

[5] Mal., 435. — Theoph., 243. — J. Ephes., III, 31—32. и др.

[6] Ф. И. Успенский, ibid., 5—6.

[7] De caerim. (Petr. Patr.), I, 92, pp. 418—419, 423.

[8] Ф. И. Успенский, ibid., 5.

[9] De caerim., II, 34, p. 633: τῶν μερῶν αἰτησαμένων τὰς δ' αἰτήσεις ἃς ἐξ ἔθους εἰώθασιν αἰτεῖσθαι, καὶ τοῦ βασιλέως συνταξαμένου τὴν ἐκπλήρωσιν τῶν τεσσάρων αἰτήσεων γενέσθαι etc.,

[10] В этих упоминаниях, однако, нет указаний на ответный акт царя. В приводимых Ф. И. Успенским (указ. соч.) ссылках на 1, 64, р. 285 и 1, 69, р. 113 τὸ πέρατον, во всяком случае, не обозначает ответа на ливелларии и, может быть, значит просто „готово", как полагает Reiske (Comment., p. 314).

влена была царем „димосу“.[1] Патриарх Македоний, обвиняемый в преступлениях против нравственности и религии, заявлял (512 г.), что он „готов оправдаться не только в претории, но и в театре“.[2] Фока в 607 г. производил суд над демархами факций в ипподроме: он хотел их казнить, но „димос и толпа“ потребовали их освобождения.[3] Судебные процессы в претории эпарха происходили публично, и присутствовавший народ высказывал свои суждения. В 467 г., когда в претории разбиралось дело философа Исокасия, обвиненного в язычестве, „димос византийцев, который стоял и наблюдал“, выпросил у суда именем царя освобождение Исокасия.[4] Прокопий жалуется на назойливое вмешательство венетов в судебные приговоры по гражданским делам при Юстиниане.[5] Когда в 580 г. в Антиохии и в столице шли длительные процессы против язычников в разных судебных инстанциях, димы в том и другом городах настойчиво и бурно вмешивались в эти процессы, требуя сурового осуждения язычников; так как на этот раз судебные заседания были закрытыми, народ производил грозные демонстрации на улицах.[6] Большею частью димы требовали освобождения обвиняемых, особенно димотов, без различия факций. В таком случае их требования имели определенную конституционную форму эвфимий „человеколюбивому императору“.[7]

Все подобные вмешательства димов в политику и суд рассматривались правительством, как акты вполне закономерные, если они сохраняли конституционную форму, которая предусматривала определенное соотношение между монархией, аристократией и димами. Они становились незакономерными, когда это соотношение нарушалось, т. е. когда димы начинали подчинять себе монархию и сенат в лице правительственных чиновников-архонтов. Это прямо и называлось „димократия“, „димократствовать“ (δημοκρατεία, δημοκρατοῦν), т. е. господство димоса. Факция прасинов при Анастасии „начала димократствовать над архонтами“.[8] В 520 г. в столице воцарилась „димократия византийцев“ (ἡ δημοκρατεία τῶν βυζαντίνων), в которой преобладали тогда венеты. Она заключалась в том, что венеты „управляли архонтами по городам“.[9] Иногда эта „димократия“ называется также „тиранией“: александрийцы, убившие своего августала, называются τυραννήσαντες τὸν ἄρχοντα αὐτῶν;[10] в 602 г. массы, волновавшиеся против Маврикия, „сползли к тирании“.[11] Димократия в византийских источниках всегда рассматривается как государственное преступление, и конституционная форма участия димов в управлении государством не называется „димократией“.[12] Поэтому императоры считали необходимым „подавлять димократию“ (καταδυναστεύειν τῆς δημοκρατείας),[13] не допуская исключения и для той факции, которой явно покровительствовали. Анастасий беспощадно подавлял димократию любимых им прасинов, поднявших голову вследствие его покровительства.[14] Юстиниан, явный

[1] Chron. Pasch., 594.
[2] Theoph., 155.
[3] Ibid., 294.
[4] Mal., 370—371. — Theoph., 596.
[5] Anecd., VII, 32.
[6] J. Ephes., III, 29, 31—33.
[7] Mal., 371, 473. — Chron. Pasch., 596. — Theoph., 294.
[8] Mal., 393: δημοκρατοῦν ἐπήρχετο τοῖς ἄρχουσι.
[9] Ibid., 416: ἐπήρχοντο γὰρ καὶ τοῖς κατὰ πόλιν ἄρχουσι. — Theoph., 166.
[10] Ibid., 412.
[11] Simoc., VIII, 9, p. 331: τὰ δὲ πλήθη ἐπὶ τὴν τυραννίδα κατοαλισθήσαντα.
[12] Ср.: Bratianu, ibid., 90—91.
[13] Mal., 416, cf. 393.
[14] Ibid., 393, 398, 408.

сторонник венетов, в 527 г. послал во все города приказ строго наказывать всех, производящих беспорядки (ἀταξίας), к какой бы факции они ни принадлежали",[1] и комит Востока Ефрем Амидянин, ненавистный монофиситам, а, следовательно, и прасинам, так „боролся против димократствующих венетов" Антиохии, „что после того перестала димократия венетов творить беспорядки".[2] Из этих фактов нельзя делать ложных выводов, будто Анастасий был „врагом прасинов" или что Юстиниан был выше факций.[3] Тогда пришлось бы признать, что и Ефрем, этот жестокий гонитель монофиситов, принадлежал к прасинам и монофиситам или стоял выше религиозных партий. Каждый император, имевший определенную политику и опиравшийся на определенную группу господствующего класса, по необходимости примыкал к той или другой факции. Но сохранение монархической власти для каждого императора было гораздо дороже, чем та или другая политическая ориентация, которую можно было переменить и которую императоры действительно меняли. С точки зрения монархии дороги были обе факции, так как в случае опасности со стороны одной факции она могла опереться на другую, и разделение на факции до известной степени гарантировало монархию от совместного выступления всех граждан, — это хорошо понимали современники.[4] Вероятно, с тем же расчетом созданы были две придворные гвардии (схолы и экскубиты). Император покровительствовал одной из факций, но он не был и не мог быть врагом противоположной партии, так как она была тоже необходима для монархии. Димы обеих факций были необходимым конституционным элементом государства.

Византийские димы сохраняли и те функции, которые античные димы выполняли в отношении праздников и зрелищ общегородского масштаба (ἑορταὶ δημοτελεῖς). Что касается собственно церковных праздников общегородского масштаба, то мы не имеем сведений о том, насколько в организации их участвовали димы: повидимому, они были на попечении церкви и императора. Но празднества, соединенные с зрелищами, в значительной степени состояли еще, по старой традиции, на попечении димов. Интересно, что они приурочивались к старым языческим срокам (Brumalia, Bryta, Majuma), и только праздник „рождения" столицы (τὰ γενέθλια) был новым, но тоже не церковным праздником. Старая связь между культом и зрелищами вполне сохраняется на византийском ипподроме и производит на первый взгляд странное впечатление, так как культ, естественно, имеет уже христианское содержание. Император из кафисмы осеняет димы крестом и димы отвечают ему тем же. На арену выносят кресты и мощи святых, зрители распевают псалмы и гимны, которые удивительным образом смешивают „троицу" и лошадей, „богородицу" и колесницы, архангелов и жокеев.[5] Однажды, при Феодосии II, во время бегов испортилась погода; тогда, по предложению царя, все присутствующие „составили в ипподроме молитвенное собрание и начали единогласно воспевать гимны богу", и „царь управлял поющими".[6] Подобные факты будут понятны, если припомнить, что античные игры и зрелища всегда были связаны с религией. Нужно полагать, что визан-

---

[1] Mal., 422. — Ἀταξία, нарушение порядка, или чина (τάξις) то же, что „димократия". Ср. Mal., 416.

[2] Ibid., 416—417.

[3] Rambaud, ibid., 41, 66, 46. — Maas, ibid., 50.

[4] Mal., 176—177. — Ср. Anecd., X, 13—18.

[5] De Byz. hipp., 7.

[6] Socrat., VII, 32.

тийские димы, как и античные, выделяли для устройства зрелищ богатых людей, которые брали на себя это дело в порядке „литургий“. Но теперь эти люди для организации зрелищ объединяются в факции, и спортивная функция димов является непосредственно делом факций.

II. ФАКЦИИ (τὰ μέρη)

§ 6. Происхождение факций, их организация. Что факции возникли на ипподроме, это видно уже из их названия. Τὰ μέρη (как и αἱ μοῖραι) конкретно обозначают участки или доли, на которые делятся ступени или скамьи амфитеатра (τὰ βάθρα), точнее пролеты между столбами (τὰ μεσόστυλα), которые на равном расстоянии расположены по кругу амфитеатра. Феодосий II переместил прасинов, которые смотрели прежде на правых от него (т. е. от кафисмы) участках (εἰς τα δεξιὰ αὐτοῦ μέρη), и приказал им смотреть на „левых скамьях“ (εἰς τὰ ἀριστερὰ βάθρα). Кроме того, он перевел часть воинов, которые смотрели прямо против кафисмы, на „венетский участок“ (ἐπὶ τὸ Βένετον μέρος), так что прасины получили скамьи, занимавшие шесть „пролетов“ (βάθρα ἔχοντα μεσόστυλα ἕξ).[1] Группы зрителей, занимающих определенные участки в амфитеатре, — это уже переносное значение слова τὰ μέρη. Термин φακτιονάριοι у византийцев обозначал служащих ипподрома, в частности возниц.[2] Таким образом вопрос о происхождении факций связан с вопросом о происхождении ипподрома. Малала передает легенду, повторяемую потом многочисленными его компиляторами, будто „зрелище ипподрома“, „состязания“ и самые четыре факции „придумал“ или „изобрел“ Ромул с целью внести разделение в среду „димов и сенаторов“ и тем предупредить возможность совместного восстания против него всех граждан „из-за убийства им брата, или по какой-нибудь другой причине“, рассчитывая, в случае нужды, опираться то на одну, то на другую факцию.[3] Иоанн Лидиец также считает ипподром, вместе с факциями, римским учреждением.[4] В научной литературе, со времен Гиббона, византийскому ипподрому и факциям большею частью тоже приписывается римское происхождение.[5] Но нет никакого сомнения, что ипподром возник в Греции раньше, чем в Риме. Более древнее предание, записанное уже у Пиндара (Olymp., I, 87), повторяемое также и у Малалы и его компиляторов, связывает происхождение Олимпийского ипподрома с именем царя г. Писы Эномая, т. е. с пелазгическим еще периодом греческой истории, и дальнейшую его организацию приписывает Пелопсу и Гераклу.[6] Во всяком случае, с 25-й олимпиады (680 г. до н. э.) на Олимпиях происходили уже бега на колесницах, запряженных четырьмя лошадьми.[7] Позднее конные состязания широко практиковались в отдельных эллинских городах на местных праздниках, между прочим, и в колониях, напр. в Ольвии.[8] Надо полагать, что они были известны и в Византии еще в эллинскую эпоху. Таким образом ипподром не мог быть принесен на греческий Восток из Рима. Хотя ипподром существовал в Риме уже

---

1 Mal., 351.
2 Ibid., 395—396. — Ср. De caerim., I, 69, p. 312.
3 Ibid., 175—177. — Chron. Pasch., 208—209. — Mich. Syr., IV, 16, p. 50.
4 Ps.-Diocl. Fragm., CSCO, Syr. Chr. min., IV, 3, pp. 366—368. De mensibus, IV, 25, p. 65 (Bonn.).
5 Гиббон, IV, 321. — De Byz. hipp., 22. — Manojlović, ibid., 617—618, 637.
6 Mal., 177. — Mich. Syr., IV, 16, p. 50.
7 В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, II. СПб., 1899, 124.
8 Ibid., 167.

во времена республики, но, если была в этом отношении какая-нибудь взаимозависимость между Востоком и Западом, то нужно предполагать, что ипподром был заимствован римлянами у греков, а не наоборот.

Что касается факций, то нечто подобное им должно было появиться одновременно с состязаниями, так как трудно представить, чтобы зрители не делились на группы, сочувствующие той или другой из борющихся сторон, особенно если они участвовали в устройстве состязаний. И действительно, на всеэллинских праздниках вступали в состязание отдельные города, на городских состязаниях боролись за первенство филы. Это известно, по крайней мере, относительно театральных представлений на Дионисиях в Афинах. Здесь состязания происходили между хорегами, которые выдвигались филами для организации зрелищ в порядке „литургий“, и имя филы победителя ставилось на первом месте в хорегических надписях.[1] Таким образом предшественниками факций в греческих городах были филы с их хорегами. Это не значит, конечно, что факции произошли именно из фил, так как, когда появились факции, количество фил, по крайней мере в больших городах, было значительно больше четырех. Связь между факциями и филами пытался установить Иоанн Лидиец. Но так как он считал факции римскими учреждениями и относил их происхождение к древнейшим временам, то у него получилась весьма фантастическая гипотеза. „Так как римский демос делился на три мойры (трибой у них называется фила, и димархи — трибунами), то на них и лежала забота об ипподромном деле, чтобы оно совершалось приличным образом: поэтому и теперь еще им заведует трибун voluptatum, т. е. развлечений. Так как три колесницы, а не четыре состязались на ипподроме, то были россаты, т. е. красные, алваты, т. е. белые, и зеленые, т. е. цветущие, — их теперь называют прасинами. А позднее явилась и венетская часть (τὸ βένετον); венетами же их зовут обыкновенно как стальноцветных (σιδηροβάφους), ибо цвет, называемый у нас голубым (καλλαΐνον), римляне называют венетским. Так галлы заняли свое особое место на ипподроме в качестве зрителей, и их назвали венетами по одеждам, а страну их Венецией, ибо никто (из римлян) никогда не покупал там одежды“.[2] Ясно без комментария, что Иоанн Лидиец при всем своем желании, которое легко понять в виду римской ориентации юстиниановой бюрократии, не в состоянии объяснить происхождение факций из римской традиции. Вообще византийцы, как и римляне, ничего не знали о том, откуда взялись именно четыре факции и их цвета — синий, зеленый, белый и красный. Они сопоставляли факции с четырьмя стихиями, или с четырьмя временами года, посвящали их четырем божествам, причем не были вполне последовательны: русии — огонь, лето, Арес; левки — воздух, или вода, зима, Зевс; прасины — земля, весна, Афродита или Флора; венеты — море (или вода), или воздух, осень, Кронос, или Посейдон, или Гера.[3] Но, что заслуживает особенного внимания, ни византийцы, ни римляне не считали слова „прасины“ и „венеты“ словами, свойственными их родному языку: они считали необходимым переводить их на свой язык и старались объяснить их происхождение, применяя фантастическую филологию. Так, слово „прасины“ Малала производит от латинского πραισεντεύειν (praesentare), что значит „пребывать“, потому что зеленеющая рощами

---

[1] Haussoullier, ibid., 169.
[2] Lyd. de mens., IV 25, pp. 65—66.
[3] Mal., 175—176. — Lyd. de mens., III, 26, p. 43; IV, 25, p. 65.

земля всегда „пребывает“,[1] другие авторы, греческие и латинские, — от греческого слова πράσον (порей, трава).[2] Слово πράσινοι переводится: χλοώδεις, или χλοάζοντες, ἀνθηροί, virides, cereales, vitrei.[3] Слово „венеты“ производится от Венеции, откуда, будто бы „происходят голубые, т. е. венецианские краски одежд“,[4] или от „галлов“, с именем которых (Γάλλοι) сближается τὸ καλλάϊνον χρῶμα (бирюзовый цвет).[5] Это название переводится: κυανοί, σιδηρόβαφοι, caerulei, цвет „морской воды“, или „небесный цвет“.[6] Отсюда приходится вывести заключение, что названия „прасины“ и „венеты“, а следовательно, и факции прасинов и венетов, повидимому, не греческого и не латинского происхождения. Тертуллиан, живший в начале III в. в Карфагене, говорит, что „сначала были только две факции — белая и красная“.[7] Первое известие о факциях на западе имеется у Ливия, который упоминает только о „руссатах“.[8] У писателей века Августа, в том числе у Дионисия Галикарнасского, который подробно описывает „большой цирк“ в Риме и происходившие в нем игры, и у Горация, который широко рисует нравы и обычаи современного ему Рима, нет вовсе упоминания о факциях;[9] следовательно, если они и были уже тогда, то не играли заметной роли, хотя бега на колесницах пользовались покровительством не только Августа, но еще и Юлия Цезаря.[10] Не сохранилось известий о факциях в это время и на греческом Востоке. Первые известия о четырех факциях одновременно на Западе и на Востоке относятся ко времени Гая Калигулы (37—41 гг.).[11] Так как факции появились в числе четырех с одинаковыми названиями во всех городах Запада и Востока, где был ипподром, то необходимо предполагать, что все они имели образцом какой-то один город, в котором ипподромные состязания были поставлены особенно широко, с двумя парами состязающихся колесниц, и который поэтому имел уже четыре факции в то время, когда другие имели только две.

Этим городом, всего вероятнее, была ἡ τετράπολις[12] Антиохия. Город действительно состоял из четырех частей, которые образовались постепенно, по мере его расширения, между 312 и 163 гг. до н. э. и отделены были друг от друга стенами.[13] В 39 г. н. э. в Антиохии произошла великая битва между венетами и прасинами, которая началась „в театре“ и сопровождалась нападением прасинов на иудеев, вызвавшим настоящую войну антиохийцев с палестинскими иудеями,[14] — картина, слишком сходная с тем, что происходило в Антиохии в V—VI вв. Очевидно, в начале I в. н. э. антиохийские прасины и венеты не были явлением новым, а были вполне сложившимися (не только цирковыми, но и политическими) орга-

---

1 Mal., 176.

2 Wilcken, ibid., 219.

3 Chron. Pasch., 209. — Symoc., VIII, 7, p. 327. — Lyd. De mag., III, 62, p. 153. — De mens., IV, 25, p. 65. — Juven. Sat., XI, 196. — Marcell., a 501, p. 95. — Ael. Lamprid, y Wilken (219).

4 Mal., 176.

5 Lyd. de mens., IV, 25, p. 66. (приведено выше).

6 Lyd. de mens., ibid., 66. — Marcell., a. 501, p. 95. — Hesych. и др. у Wilken (218—219).

7 De spectacculis, cap. 10.

8 Rambaud, ibid., 21.

9 Wilken, ibid., 220—221.

10 Л. Фридлендер. Картины из бытовой истории Рима. Изд. Брокгауза — Ефрон, СПб., 1914, 503.

11 Sveton, Calig., 18, 65. — Mal., 244—245.

12 Strab., XVI, 2, 6 („четырехградие“).

13 Arn. Hug. Antiochia und Aufstand d. J., 387. — 1863, 7—8.

14 Mal., 244—245.

низациями, так как прасины уже имели характерную для них антииудейскую программу, тогда как о римских факциях того времени мы знаем только, что они были цирковыми партиями. Авторы IV в. — Юлиан, Ливаний и Иоанн Хрисостом — изображают увлечение зрелищами и борьбу театральных факций как исконные особенности Антиохии, которые нигде не были так развиты, как в этой столице Востока,[1] в IV в. уступавшей по своим размерам и богатству только Константинополю и Риму.[2] В I в. она уступала только Риму и, может быть, Александрии. Таким образом, весьма вероятно, что именно в Антиохии впервые к двум старинным спортивным организациям (левкам и русиям) были прибавлены еще две (прасины и венеты), и отсюда система четырех факций была заимствована Римом около начала нашей эры. Известно еще, что Цезарь интересовался антиохийскими зрелищами, и при нем был построен в Антиохии новый театр, а при Августе Агриппа реставрировал здесь ипподром.[3] Что касается Византии, то можно сказать с уверенностью, что Константин при устройстве новой столицы и ее ипподрома имел в качестве образца не только Рим, но и Антиохию: описания новой столицы слишком напоминают описания Антиохии с ее длинной главной улицей, портиками вдоль улиц, водопроводами, ночным освещением и ночными зрелищами и т. п.[4] Четыре факции, которые в Византии были территориальными объединениями димов, естественно могли возникнуть в делившейся на четыре части Антиохии. Как распределялись между ними 18 фил, которые существовали в Антиохии в IV в.,[5] и какие именно были здесь филы, мы не знаем. Возможно, что названия „прасины" и „венеты", непонятные ни для римлян, ни для греков римской и византийской эпохи, имеют сирийское происхождение.[6] Заслуживают внимания и другие факты, указывающие, повидимому, на восточное и, может быть, очень древнее происхождение четырехцветного обозначения факций. В древнем Вавилоне четырьмя цветами (белым, красным, черным и синим) обозначались разные этажи зиккурата и стра́ны света.[7] В некоторых городах Валахии до XIX в. разными цветами назывались отдельные кварталы, и этот обычай был принесен турками с востока.[8]

---

[1] Julian. Misopogon, ed. Spanheim, 361—362. — Liban. Or. ad Theodos., ed. Reiske, I 638; cf. II, 472. J. Chrysost. Hom., 2, 3, 6 etc., цит. у: A. Hug., ibid., 11, 13, 60—83.

[2] Liban., ibid., 1, 673.

[3] A. Hug, ibid., 9—10.

[4] Ibid., 8—9. — Моммсен. Римская история, V, 446—448.

[5] Liban., ibid., 1, 651.

[6] Оставляя решение вопроса специалистам, я обратил бы внимание на то, что „венеты" несколько напоминают ܒܢ̈ܝ ܥܕܬܐ (b 'nai 'etta) „сынов экклесии", а „прасины" — ܦܪ̈ܝܫܝܢ (perišin) „отделенных" или „обособленных". Может быть, первые обозначали, единственно полноправных сначала, граждан (димотов) Антиохии греко-македонского происхождения, преимущественно, как и всюду, землевладельцев, а вторые — туземцев, имевших сначала особую организацию и опиравшихся, главным образом, на торговлю. Некоторую аналогию к антиохийским отношениям мы имели бы тогда в борьбе, которая происходила в 150—170 гг. до н. э. в соседней Палестине между аристократами — „саддукеями" и неаристократами, но богатыми „фарисеями" (perušim). См. E. Schürer. Gesch. d. Judischen Volkes, II. Leipzig, 1902. Или, может быть, венеты обозначают ܒܢ̈ܝܬܐ (сыны — οὐσίας) в смысле владельцев поместий (οὐσίαι), а прасины ܦܪܫ̈ (parašin) „всадников". Смысл названий двух соперничавших групп был бы в том и другом случаях один и тот же. Но оба названия могли быть также и названиями разных частей города или вообще топографическими.

[7] Bratianu, ibid., 93—94.

[8] N. Jorga. Hist. de la vie Byzant., I, 148.

Факции были в основе спортивными организациями и официально оставались такими до конца VI в., когда государство использовало их параллельно в качестве военных организаций. Задачей их была „забота об ипподроме“,[1] и к этой задаче было приспособлено все их устройство. Феодор Вальсамон в конце XII в. рисовал такую картину далекого прошлого факций. „Когда димы распоряжались в зрелищах ипподрома и устраивали их, когда и как хотели, на собственные средства, так как имели и дома, и конюшни, сохранившиеся доныне, и доходы на ипподром, а царь приглашался (на зрелища), но не распоряжался в этом деле, тогда случалось, что во время зрелищ ипподрома были восстания и беспорядки“.[2] Действительно, из источников V—VII вв. мы узнаем, что факции имели свои конюшни и лошадей. При конюшнях у каждой факции имелся штат служащих для ухода за лошадьми и для самых бегов (φακτιονάριοι); из них главные — возницы (ἡνίοχοι), которые ценились очень высоко и нередко называются в источниках по имени.[3] Кроме того, факции имели зверинцы (κυνηγέσια) со штатом служащих (θηριόκομοι), а также большой штат комедиантов, мимов и танцовщиц, обслуживавших театр, причем и зверинец и театр в VI в. у каждой факции находился под управлением главного танцовщика — ὀρχηστής; орхисты, так же как и возницы, ценились персонально.[4] В VI в., по словам Прокопия, около зрелищ кормилось „множество, почти бесчисленное количество людей“.[5] Возможно, что многие должности из большого штата факций, описываемого в „Церемониях“, существовали уже в VI—VII вв. В начале VII в. факции имели художников-„граммистов“[6] и, вероятно, „поэтов“, так как эвфимии уже составлялись в метрической форме.[7] Для зрелищ требовался большой инвентарь и разные технические приспособления.[8] Для помещения служащих и инвентаря факции должны были иметь и „дома“, о которых говорит Вальсамон.

Все это требовало очень больших средств. Но Вальсамон ошибался, полагая, что это были исключительно собственные средства факций, и в еще большей степени неправы те ученые, которые считают, что издержки на ипподром распределялись между всеми димотами и „тяжело ложились на народ“.[9] Такая точка зрения предполагает в Византии широкую демократию мелких собственников, которой не было уже в давнопрошедшие времена античности. Мы видели, что тогда народные зрелища ставились хорегами из богатых людей в порядке литургий. То же было и в Византии, но с той особенностью, что здесь главными хорегами были император (иначе говоря, государственная казна) и высшие магистраты (консулы и преторы). Характерно выражение Прокопия: Юстиниан прекратил зрелища, „чтобы казна не несла обычных хорегий“.[10] Агафий, в противоположность Прокопию, говорит об огромных тратах Юстиниана „на неприличных женщин (т. е. актрис), возниц и людей, неистовствующих в споре о цветах“ (V, 14). Известно, какие огромные средства

---

1 Lyd. De mens., IV, 25, p. 65 (приведенное выше место).
2 Толкование к 24 кан. Труллъского собора, цитируется по Wilken, ibid., 237.
3 Mal., 395—396.
4 Anecd., IX, 2, 4, 5.— Mal., 386.— Mal. Herm., 372, 374—375.— J. Antioch., FHG, V, 31.
5 Anecd., XXV, I, 8.
6 Theoph., 294.
7 Simoc., VIII, 9, p. 331.
8 Marcell., a. 521, p. 101: spectaculorum machina.
9 Manojlović, ibid., 669—670, 620.— Wilken, ibid., 226.— Rambaud, ibid., 29.
10 Anecd., XXVI, 8: μὴ τὰ εἰωθότα χορηγεῖν τὸ δημόσιον.

затратил Юстиниан на зрелища по случаю своего консульства в 521 г.[1] Обязательные траты на зрелища вновь назначаемых магистратов были настолько тяжелы для них и безрассудны, что их пытались ограничить и дать им более разумное применение не только Маркиан,[2] но и сам Юстиниан. Последний установил законом весьма широкий круг ипподромных и театральных постановок, обязательных для нового консула, с оговоркой, что для щедрости императора не должно быть никаких ограничений; при этом консулы должны были получать субсидии от казны,[3] что подтверждает и Прокопий.[4] Императоры и консулы давали средства не только на отдельные постановки, но и на постоянное оборудование зрелищ и не только в столице, но и в других городах.[5] Забота о зрелищах лежала также на обязанности президов провинций.[6] В столице иногда давали новые театральные постановки, — на свой, или на казенный счет, неизвестно, — городские эпархи, очевидно, желая расположить в свою пользу беспокойное население города.[7] Даже епископы иногда участвовали в оборудовании ипподрома своими средствами, при субсидии от казны.[8] Таким образом хорегия в Византии в весьма значительной степени носила государственный характер. Однако продолжала существовать и общественная хорегия богатых людей, выдвигаемых димами. Закон 481 г., обращенный к проконсулу Африки, гласит: „если первые люди (primates viri, т. е. старейшины димов) хотят угождать желаниям и увеселениям народа, мы охотно допускаем, чтобы исполнялось то увеселение, которое празднуется на средства желающих“.[9] Речь идет о „зрелищах борьбы атлетов и ипподрома“ (gymnici et agonis spectacula). Около начала V в. некто Антиох Хузон „предоставил денежные средства (προσθήκην χρημάτων) на ипподром, Олимпии и Маюмы“ в Антиохии.[10] В VI в. был оборудован ипподром Аппионом, местным крупным землевладельцем, в Оксиринхе.[11] Без сомнения, такая хорегия существовала и в самой Византии, так как постоянное оборудование зрелищ считалось все-таки собственностью факций: „конюшни прасинов“, „зверинец венетов“ и т. п. Так как средства на зрелища поступали из двух источников, то распоряжение имуществом факций было поделено между государством и факциями. Из закона Диоклетиана мы узнаем, что денежными средствами „общественных зрелищ“ (δημοσίων θεωριῶν) иногда распоряжались президы провинций, расходуя их в случае нужды на восстановление городских стен, и закон признает за ними это право, при условии, однако, последующего проведения зрелищ.[12] Закон 381 г. запрещает, под угрозой штрафа, уводить для частного употребления и использования лошадей, которых дали для народных увеселений император или очередные консулы.[13] Закон 409 г. запрещает президам „переводить в другие города и провинции беговых лошадей, возниц, зверей, комедиантов-граждан (т. е. свободных), чтобы не затруднять положение общественных дел и не мешать

[1] Marcell., a. 521, pp. 101—102.
[2] Cod. Just., XII, 3, 2 (452).
[3] Nov., CV, cap. I, 2, 3, 4.
[4] Anecd., XXVI, 13, 14.
[5] Cod. Just., XI, 41, 2.— Mal., 471.
[6] Ibid., XI, 41, 1—5.
[7] J. Antioch, FHG, V, 31.— Mal. Herm., 374, 343.
[8] J. Ephes., V, 17, p. 209.
[9] Cod. Just., XI, 41, 1.— Ср. „plebis primates“ (Cod. Just., I, 4, 5).
[10] Mal., 362.
[11] Milne. A history of Egypt under Roman rule. 3 ed., 266 sq.
[12] Cod. Just., XI, 42, 1.
[13] Ibid., XI, 41, 2.

празднествам, которые должны совершаться во всех городах".[1] Таким образом государство явно вмешивается в распоряжение факционным имуществом. Из этого видно, что постановка зрелищ не была ни самостоятельным делом факций, ни делом чисто государственным: государство и факции здесь выступали совместно, и приоритет принадлежал государству.

Отсюда объясняется своеобразное управление факций, насколько оно нам известно из источников. Источники не говорят ничего о начальниках факций, по крайней мере, до VII в. Во главе факций стоят „патроны" или „простаты" (заступники) из числа государственных сановников. Так, евнух Хрисафий, препозит Феодосия II, был „πάτρων καὶ προστάτης прасинов".[2] Платон, назначенный на должность эпарха города Анастасием, был „πάτρων факции прасинов".[3] Юстиниан в правление Юстина I был „προστάτης венетов".[4] Сенатор Дамиан был προστάτης венетов в г. Тарсе.[5] Терминология, вполне выдержанная, по смыслу близко напоминает древних „эпимелетов" (попечителей), которые стояли некогда во главе фил (в спортивном деле бывших предшественницами факций) и были наполовину чиновниками полиса, наполовину представителями фил.[6] „Простаты" также были одновременно и защитниками своих факций пред государством и органами государственного надзора над факциями. Собственно факционными органами оставались коллегии старейшин отдельных димов (τὰ πρωτεῖα), но фактически их роль в управлении спортивным делом не была значительной. В делах ипподрома распоряжались главные возницы (иниохи), в делах „сцены" — орхисты; но те и другие назначались или „давались", а также и устранялись правительством, или, во всяком случае, приглашались с его разрешения. Так, при Анастасии „некий иниох Каллиопа из факционариев Константинополя был дан (ἐδόθη) прасинской факции Антиохии и принял (παρέλαβε) заброшенную конюшню" этой факции.[7] Анастасий изгнал четырех орхистов факций, а Юстин I снова дал их факциям по просьбе последних.[8] Служащих зверинца и сцены также вероятно назначали орхисты и иниохи, и только в исключительных случаях вмешивались в это дело факции. По Прокопию, „орхистам было предоставлено управлять подобными делами самовластно, как хотели", и они брали взятки за назначение.[9] Мать Феодоры, желая получить места для себя и мужа, обращается к орхисту прасинов Астерию и, получив от него отказ, — не к „патрону" (или „димарху"), а к общему собранию прасинов, потом — венетов в театре.[10] Только в конце VI в., как уже сказано выше, в связи с варварскими нападениями на столицу, правительство использует факции для военной организации димов. Тогда во главе факций появляются два димарха в качестве военачальников двух димотских отрядов; они без сомнения подчинялись главному командованию и назначались правительством, хотя не без согласия факции.[11] После этого о „патронах" нет упоминаний, хотя не исключена возмож-

[1] Cod. Just., XI, 41, 5.
[2] Mal., 383; cf. ibid., 368; Προστάτης καὶ πάτρων.
[3] Ibid., 395.
[4] Anecd., VII, 41.
[5] Ibid., XIX, 32—33, см. также § 4 об Ипатии.
[6] Любкер. Слов. класс. древн. СПб., изд. Вольфа, 1880, 482.
[7] Mal., 395—396.
[8] Mal. Herm., 373, 375.
[9] Anecd., IX, 5.
[10] Ibid., IX, 6—7.
[11] Theoph., 287.

ность, что они продолжали существовать, так как функция димархов была специально военная. Вполне естественно, что, опираясь на военную силу димотов, в условиях политической борьбы и неустойчивости правительств, димархи получили и политическое значение. Но в состав военных отрядов входили не все димоты. Что касается спортивных функций, то в этом отношении появление димархов не произвело, повидимому, каких-либо изменений. Когда Фока хотел казнить обоих димархов за то, что факции поставили в ипподроме изображения его дочери Доментии и зятя Приска, оказалось, что димархи тут не при чем, что „по обычаю это сделали граммисты" и сделали „сами по себе" (ἐξ ἑαυτῶν); они действовали так же самостоятельно, как и „орхисты" при Анастасии.[1]

Остается вопрос, все ли факции были самостоятельными спортивными организациями. Манойлович полагает, что в ипподроме были четыре факции, а вне ипподрома — две.[2] Однако нет оснований предполагать, что и в ипподроме левки и русии выступали вполне самостоятельно. Состязания всегда происходят между двумя факциями,[3] и нет никаких указаний на то, чтобы левки состязались с венетами, или русии с прасинами. Нет упоминаний об отдельных патронах этих факций и позднее — об отдельных димархах. Известно только, что они имели своих орхистов,[4] и нужно предполагать, что у них были также и особые возницы, лошади и колесницы, носившие красный и белый цвета. Но нельзя сказать с уверенностью, что у них были отдельные хозяйства. Они существовали для того, чтобы придать больше разнообразия состязанию, больше (красок зрелищу. Когда источники говорят, что они были „присоединены" точнее „приклеены" προσεκολλήθησαν), или „подчинены" (ὑποτεταγμένοι) прасинам и венетам,[5] они имеют в виду не только политические, но и спортивные отношения. Поэтому скорее нужно предполагать, что левки имели общее хозяйство с венетами, а русии с прасинами, и венеты всегда поддерживали, вместе со своими, возниц и орхистов левков, а прасины — русиев. Не иначе обстояло дело и вне ипподрома: и здесь левки и русии не пропадают,[6] а участвуют в борьбе: первые на стороне венетов, а вторые на стороне прасинов. Нельзя сказать уверенно, что левки и русии в Византии занимали особые димы или гитонии: вероятно, так обстояло дело там, где четыре факции возникли впервые (в Антиохии), но в Византии, где система четырех факций была заимствована уже готовою, мы ничего не знаем о гитониях левков или русиев, и возможно, что это были просто группы, выделенные венетскими и прасинскими димами исключительно для спортивных целей. Нужно еще заметить, что легенда, записанная у Малалы, говорит, что Ромул присоединил левков к прасинам, а русиев к венетам,[7] т. е. как раз обратно тому отношению, которое рисуется в книге „Церемоний"[8] и которое несомненно существовало уже в V в. в Византии.[9] Это не простая ошибка, потому что Марциал (I в. н. э.) также упоминает о красном (coccina) цвете, как подчиненном синему.[10] Приходится признать, что в Риме взаимоотноше-

1 Theoph., 294.
2 Ibid., 693.
3 Mal. Herm., 374. — Theoph., 147.
4 Ibid., 375.
5 Martial. Epigr., X, 48; XI, 34; XIV, 131.
6 См., напр.: Chron. Pasch., 629. — Mich. Syr., IV, 16.
7 Mal., 176. — Chr. Pasch., 209.
8 Напр.: De caerim., I, 1, p. 14, 19, 20; I, 2, p. 37—39 и др.
9 Mal., 393.
10 Epigr., X, 48; XI, 34.

ния факций были именно такие, и это обстоятельство служит лишним доказательством того, что византийские факции были заимствованы не из Рима.

Так как факции были в основе спортивными организациями, то спортивный момент в их борьбе должен был играть большую роль, и его значение справедливо подчеркивает Рамбо. Немало было людей, которые интересовались преимущественно и даже исключительно спортом. Сюда относились прежде всего „бесчисленное количество" людей, которые кормились около зрелищ, затем такие обеспеченные и искавшие удовольствий люди, как Менандр, который, по его словам,[1] „бросив серьезные дела, бродил кругом зевакой", которому „по душе были беспорядочные крики цветов (т. е. факций), конские состязания и пантомимные танцы"; наконец, просто люмпен-пролетарии (ἄνθρωποι ἀγελαῖοι), не имевшие определенных политических целей и в борьбе факций легко переходившие с одной стороны на другую. Эта театральная чернь должна была осложнять борьбу. Конечно, и трудовой народ, искавший в ипподроме отдыха и развлечения, невольно втягивался в „борьбу цветов", — в ту „психологию игры", которую живо изображает Рамбо.[2] Но факции были объединениями димов, а димы имели, как мы видели, широкие политические функции. Ипподром был почти единственным местом, где все димы могли собираться легально, и стал даже официально признанным заместителем „агоры". При этих условиях факции, хотя и были в основе спортивными организациями, не могли не быть использованы для политических целей, потому что других широких объединений димы не имели. Вполне естественно, что факции превращаются в политические объединения, а спортивные состязания — в политическую борьбу, которая является одним из основных фактов внутренней истории Византии в V—VII вв. Легко понять, что ипподром и его факции были использованы народными массами для борьбы против господствующего класса и правительства. Труднее понять политическую борьбу между факциями. Чтобы разгадать смысл этой борьбы, необходимо выяснить, насколько это возможно, социальный состав факций.

§ 7. **Социальный состав факций.** Так как факции были объединениями димов, а не отдельных граждан, а димы были территориальными общинами, то необходимо предполагать, что и факции обнимали определенные городские районы. А так как жители города обычно селились в разных его кварталах соответственно своим занятиям, образу жизни и общественному положению, то из территориального распределения факций, повидимому, можно сделать выводы относительно их социального состава. Источники дают некоторые сведения о распределении факций в столице. На них обратил внимание уже Рамбо,[3] а Манойлович сделал из них свои выводы.[4] Для общей топографической ориентировки следует иметь в виду, что Константинополь, расположенный на полуострове между Золотым Рогом на севере, Босфором на востоке и Пропонтидой на юге, со времен Феодосия II делился на три части, разделенные стенами, соответственно своему постепенному расширению с востока на запад.[5] Это, во-первых, старая доконстантиновская Византия, занимавшая восточную часть полуострова (за исключением южной

---

1 FHG, IV, 201—202.

2 De Byz. hipp., 25—26.—Le monde Byzant., 761—764.— Études sur l'hist. Byz., 8—9.

3 De Byz. hipp., 30—31.

4 Ibid., 644—655.

5 См. карту в кн.: A. V. Millingen. Byzantine Constantinople, London, 1899.

ее окраины, выходившей на Пропонтиду) до старой стены, проходившей близ форума Константина (регионы 1-й, 2-й, 4-й, 5-й); во-вторых город Константина, простиравшийся далее на запад до стены Константина, проходившей от Золотого Рога до Пропонтиды несколько западнее храма апостолов (регионы 3-й, 6—12-й), в-третьих — город Феодосия II, еще далее на запад до стены Феодосия. Константин дал новой столице городское устройство, разделив ее, по образцу старого Рима, на 14 регионов. Сюда включались и два предместья, существовавшие, вероятно, уже ранее и образовавшие 13-й и 14-й регионы: Влахерны на западе, на Золотом Роге, и Сики на севере, за Золотым Рогом. Давая городу все права старого Рима, Константин не только не отменил старых прав Византии, но и распространил их на вновь построенную им часть города, в том числе и право организовать димы. Распространено ли было это право позднее на город Феодосия, мы не знаем. Но в источниках мы не имеем никаких указаний на существование здесь димов и по необходимости должны оставить город Феодосия в стороне. Таким образом, остаются две части: старый город, с предместьями в Сиках и Влахернах, и город Константина.

Как распределялись между этими двумя частями города факции? Районы, где находились гитонии венетов, указываются следующие. а) Питтакии (τὰ Πιττάκια) — квартал, выходивший на главную площадь старого города — Августеон с восточной стороны.[1] В 562 г. произошло столкновение между венетами „в так называемых Питтакиях".[2] В том же году осужденный на смерть прасин был освобожден венетами, когда его провозили „чрез топофесию так называемых Питтакий".[3] б) Гитонии, примыкавшие к Месе (ἡ Μέση), главной улице столицы, на участке между Августеоном и форумом Константина, т. е. в западной части старого города.[4] В 561 г., после кровавого столкновения факций на ипподроме, „прасины пришли в гитонии венетов", убивали их и грабили их имущество (ὑποστάσεις).[5] Очевидно, здесь было несколько гитоний венетов, которые выходили на эту улицу с обеих ее сторон — северной и южной. Подтверждением служит приводимый ниже рассказ о восстании прасинов в квартале Мазентиола, когда прасины, продвигаясь от Пропонтиды к Месе (к преторию эпарха и форуму Константина), соединились здесь с венетами.[6] в) Площадь, или „клин" Мосхиана, (ἔμβολον τοῦ Μοσχιάνου) — точная топография неизвестна, но из нижеследующего рассказа видно, что этот „эмвол" находился на пути из ипподрома в Зевгму, т. е. в северо-западной части старого города. В 559 г., когда прасины, возвращаясь из ипподрома ночью, с охраной, в свои гитонии, проходили чрез „эмвол Мосхиана", они подверглись здесь оскорблениям со стороны обитателей „икии Аппиона" (τῶν Ἀππίωνος), после чего началась их битва с венетами. Во время этой битвы в тылу у прасинов появились другие венеты, пришедшие из предместья Сики, и стали жечь приморские склады прасинов (τὰς παραθαλασσίους ἀποθήκας).[7] По всему видно, что это нападение с тыла происходило в Зевгме, расположенной в северной части города Константина на берегу Золотого

[1] Mordtmann, ibid., § 112, 115.
[2] Mal., 492.
[3] Mal., Herm., 380.
[4] Mordtmann, ibid., § 3, 26 sq.
[5] Theoph., 234.
[6] Mal. Herm., 380—381.
[7] Mal., 490—491.

Рога, где находились пристани и склады.[1] Следовательно, „эмвол Мосхиана" находился по соседству с Зевгмой, на юго-восток от нее в направлении к ипподрому. г) Сики — предместье столицы за Золотым Рогом. „Переправившиеся из Сиков венеты" жгли склады в Зевгме и стреляли из лука в тех, кто пытался тушить огонь.[2] д) Предместье Влахерны — предместье за стеной Феодосия в северной ее части. Венеты, подвергшись в 562 г. нападению прасинов в своих гитониях на Месе, бежали отсюда во Влахерны.[3]

О гитониях прасинов имеются следующие указания. а) Они находились вообще вне старого города. В известных „актах по поводу Калоподия" (532 г.) прасины жаловались императору: „мы не знаем, где дворец, где государственные учреждения; однажды только я выезжаю в город, когда сажусь на осла", т. е. „когда меня везут с позором на казнь".[4] Здесь разумеется не город вообще, вне которого (в Пере и Галате), будто бы, жили прасины,[5] ибо из приводимых далее фактов видно, что они действительно жили в городе Константина, а город в тесном смысле этого слова — древний πόλις, где сосредоточено было все управление города (ἡ πολιτείας κατάστασις),[6] а таким был именно старый город. И, действительно, ни одно из конкретных указаний на гитонии прасинов не относится к старому городу. б) Зевгма (τὸ Ζεῦγμα), — как уже сказано, на Золотом Роге между старой стеной и стеной Константина.[7] Здесь было сделано венетами из Сиков нападение на „приморские склады" в 559 г., о чем рассказано выше. В актах о Калоподии (532 г.) прасины жаловались, что венеты совершили „уже шестое убийство в Зевгме" и в том числе убили „лесоторговца (τὸν ξυλοπώλην) в Зевгме".[8] Венеты и мандатор отвечают, что прасины сами их убили. Вероятно, прасины имеют в виду ночные нападения венетов на их гитонии в Зевгме,[9] а венеты, ссылаясь на то, что убийства совершены в гитониях прасинов, утверждают, что жители этих гитоний и повинны в убийствах. Зевгма была местом товарных складов, между прочим лесных: и теперь есть там пристань Odoun Kapoussi, что значит „склад дров".[10] в) „Константианы" (τὰ Κωνσταντιανά) район, находившийся около колонны Маркиана (ныне Kiztachi) в 11-м регионе столицы, западнее площади Филадельфия на юг от Месы, т. е. в западной части города Константина.[11] 18 января 532 г. „из Константиан (ἀπὸ Κωνσταντιανῶν) пришли 250 молодых прасинов", принесшие панцыри, вероятно, из „дворца Плакиллы".[12] Отсюда видно, что в Константианах были гитонии прасинов. г) Гитония Мазентиола (ἡ γειτονία τοῦ Μαζιντιώλου), — топография, в точности неизвестная, определяется из следующего рассказа. Прасины этой гитонии, не пожелавшие выдать эпарху одного подлежавшего аресту юношу (565 г.), вступили в бой с посланными против них „экскубиторами и воинами". „Сражаясь, они

---

[1] Mordtmann, ibid., § 76.
[2] Mal., 491.
[3] Theoph., 236.
[4] Ibid., 182.
[5] Так думает Bury (Hist. of the lat. Rom. Empire, II, 57, n. 5).
[6] Theoph., 182.
[7] Mordtmann, ibid., § 76.
[8] Theoph., 183.
[9] Ср.: Anecd., VII, 15.
[10] Mordtmann, ibid., § 76.
[11] Ibid., § 12, 126.
[12] Chron. Pasch., 625.

поднялись" (ἀνῆλθον μαχόμενοι) до форума и до претория эпарха; здесь венеты не хотели сражаться против них.[1] Прасины шли снизу вверх от берега моря внутрь полуострова к Месе. Так как Золотой Рог был слишком далеко от Месы, и идя от него, прасины встретились бы с венетами гораздо раньше, чем они дошли до претория, то нужно думать, что гитония Мазентиола находилась на Пропонтиде, т. е. на юг от Месы против претория префекта и форума Константина, в VII регионе.[2] д) Халкидон за Босфором. Когда в 561 г., после разгрома прасинами венетских гитоний на Месе, Юстиниан приказал арестовать прасинов, они бежали в церковь св. Евфимии в Халкидоне, тогда как венеты бежали к Влахернской церкви.[3] Всякая церковь могла быть местом убежища, но прасины бежали так далеко потому, что правительство часто нарушало право убежища, и действительную безопасность можно было получить только при поддержке местного населения, которое в Халкидоне, очевидно, сочувствовало прасинам. Отсюда можно заключить, что и прасины, подобно венетам, имели некоторую базу вне столицы, но димов здесь, вероятно, не было, и это были уже не столичные, а халкидонские димы.

Из этих данных ясно, что все известные нам гитонии венетов находились в старом городе и его предместьях, а гитонии прасинов — за стеной старого города в городе Константина. Можно, конечно, предположить, что другие неизвестные нам гитонии факций распределялись иначе, т. е. что гитонии прасинов были разбросаны по всему городу вперемежку с гитониями венетов; но это предположение было бы слишком мало вероятно. Картины сражений, которые дают факции друг другу или войскам, как только что приведенные факты 559, 561 и 565 гг., указывают на определенный фронт, проходящий между гитониями венетов и гитониями прасинов, причем ни те, ни другие не подвергаются нападению с тыла, за исключением случая 559 г., когда венеты нападали из предместья. Превращение факций в две военные организации в конце VI в. трудно было бы объяснить, если бы венеты и прасины были разбросаны по всему городу. Правительство составляло отряды городского ополчения, конечно, не по принадлежности к цирковой или политической группе, а по месту жительства, как всегда: это были две разные части или два больших района города. Вполне естественно, что димы старой Византии, с образованием новых димов в городе Константина, сохранили некоторую обособленность от них и вступили с ними в конкуренцию в цирке. Ипподром, хотя и существовал в Византии ранее, но широкую постановку, с четырьмя факциями, он получил, вероятно, только при Константине. Какие же выводы можно сделать из этого относительно социального состава факций?

В старом городе нужно предполагать прежде всего аборигенов, потомков старых византийцев, которые, как и в других эллинских по-

---

[1] Mal. Herm., 380—381.

[2] Mordtmann, ibid., § 9. — Манойлович (цит. соч., 649—650) помещает гитонию Мазентиола на Золотом Роге и заставляет прасинов сделать не только слишком длинный путь, но и большой круг в сторону Стратигия (в западной части города в 5-м регионе, на месте нын. Высокой Порты; Mordtmann, ibid., § 8) на том основании, что дальше Малала говорит (p. 381): „Сражались в тот день и в Стратигии". Но об этом говорится уже после того, как прасины дошли до Месы. Речь идет о другом сражении, происходившем в тот же день в другом месте: Стратигий находился недалеко от других гитоний прасинов, прилегавших к стене старого города с запада.

[3] Theoph., 236.

лисах, были в большинстве землевладельцами, располагавшими большими или маленькими участками в городской области. Многие из них, вероятно, разорились, но на их место пришли при Константине новые группы землевладельцев. В старом городе были теперь дворец, правительственные учреждения и главные храмы, — значит, здесь должны были поселиться придворные, сенаторы, „архонты" разных рангов, высшее духовенство; все они были более или менее крупными землевладельцами уже не только в городской области, но и во всей империи. Действительно, источники именно в этой части города чаще всего называют „икии" знатных господ, из которых каждая представляет целую группу зданий,[1] населенных, надо полагать, рабами, клиентами и ипаспистами. Не все землевладельцы были крупными и аристократами: были и мелкие поссессоры (κτήτορες) из числа аборигенов и второстепенных архонтов.[2] Были такие, вероятно, и в предместьях, хотя здесь же были и дачи знатных господ.[3] Но в старом городе было много и средних людей и еще больше совсем мелкого люда, так или иначе связанного с двором, аристократией и церковью; люди свободных профессий, мелкие служащие, клиенты, клирики, беднота, кормившиеся около церквей, ипподрома и аристократических „икий".[4] Можно согласиться, что такое население в старом городе преобладало. Наоборот, в городе Константина население было сплошь новое. Оно стекалось сюда из всех провинций потому, что Византия стала главным торговым и промышленным центром империи; следовательно, оно пришло сюда в поисках торговой прибыли или заработка в торговых и промышленных предприятиях. Действительно, здесь были главные рынки (Артополий, Длинный рынок и др.), многочисленные эргастирии, торговые гавани на Золотом Роге и Пропонтиде и около них товарные склады.[5] Таким образом главное население здесь составляли купцы и рабочие. Однако это разделение, которое говорит, может быть, о преобладающем характере населения того и другого города, нельзя понимать строго. Что в городе Константина были тоже построены икии и дворцы, это еще не меняло характера местных димов, так как их владельцы, вероятно, принадлежали к димам старого города. Но в массе населения этой части города было несомненно немало элементов, однородных с населением старого города, который не мог вместить всех бедных людей, состоявших на службе у правительства и аристократии; кроме того, и здесь было множество церквей с соответственным группировавшимся около них населением. А главное, что здесь необходимо отметить, — в старом городе и даже в известных нам венетских гитониях было немало купцов и рабочих всякого рода. И это понятно: старая Византия, вследствие своего географического положения, была известна торговлей и рыболовством;[6] старые рынки и эргастирии не могли исчезнуть в старом городе, так как без них не могла обойтись аристократия. Так, на самом Августеоне у терм Зевксиппа, следовательно, несомненно в гитонии венетов, был рынок шелковых одежд;[7] рядом с Месой между Августеоном и форумом Констан-

---

[1] На это указывают самые названия „икий": τὰ Ἀππίωνος, τὰ Ἀνδρέου, τὰ Δομνίου etc. — Mal., 490, 491. — Marcell., 70—71.
[2] Anecd., XXVI, 17.
[3] Theoph., 288. — J. Ephes., II, 41.
[4] Proc. An., XXVI, 18.
[5] Mordtmann, ibid., § 122, 79, 76, 80 и др.
[6] FHG, III, 154. — Моммсен. Римская история, V, 272—273.
[7] Cedren., I, 648 (Bonn.). — Mordtmann, ibid., § 3.

тина были расположены торговые ряды меховщиков (τὰ γουνάρια) и торговцев воском (τὰ κηροπώλια),[1] немного севернее — торговцы серебром и вместе ростовщики (τὰ ἀργυροπράτια), еще дальше недалеко от св. Софии — торговцы медью (τὰ χαλκοπράτιά).[2] Все это, вне всякого сомнения, находилось в гитониях венетов. Так как торговля в Византии была неразрывна с производством и торговые лавки (τὰ πωλητήρια) были вместе с тем и мастерскими (ἐργαστήρια), где производился товар, то здесь необходимо предполагать не только купцов, но и ремесленников. Из 1100 эргастирий, которые принадлежали в IV—VI вв. св. Софии, наверно многие находились в старом городе, так как они обслуживали непосредственно потребности церкви.[3] Были здесь и торговые пристани, например τὸ Προσφόριον на Золотом Роге (в 5-м регионе), куда привозились съестные припасы и где по соседству был рынок скота.[4] Таким образом можно сказать, что масса населения в обеих частях города была в значительной степени одинакова, но в старом городе высоко над массою стояла землевладельческая аристократия. Что было в городе Константина?

Манойлович признает, что в венетской факции, кроме аристократов, были „клиенты и колоны" (хотя колоны, конечно, не могли принадлежать к городским димам), но социальный состав прасинов считает, повидимому, однородным: „рабочие, моряки и коммерсанты" одинаково причисляются к „низшим классам".[5] Предпосылкой, очевидно, служит представление о господстве в Византии мелкого независимого производства. Однако законы императоров IV—VI вв. не оставляют сомнения, что большинство ремесленников работало теперь в государственных и частных „эргастириях". Владельцы последних (τῶν ἐργαστηρίων δεσπόται, negotiatores, qui ergasteriis praesunt) эксплоатировали труд не только рабов, но и юридически свободных, а фактически зависимых ремесленников-корпоратов.[6] Они же были одновременно и купцами, так как эргастирии торговали своими продуктами, и законодательство называло эргастириями также и торговые предприятия (πωλητήρια). Новелла Юстиниана говорит, что в столице „есть много эргастирий торговли и разного промысла".[7] После восстания Ника „много дней открыты были только те эргастирии, которые дают нуждающимся людям пищу и питье".[8] О том, как эксплоатировали труд в этих эргастириях, можно судить по тому, что рассказывает Сократ о римских артополиях времени Феодосия II: это были настоящие „вертепы разбойников".[9] Были, далее, крупные купцы (ἔμποροι) другого рода, которые привозили товары из провинций, особенно восточных, напр. торговцы шелком, которые имели в Сирии и Финикии своих представителей (ἐπιδημιουργοί), скупавших шелковые изделия у местных ремесленников".[10] Много было судовладельцев (ναύκληροι), перевозивших разные товары из провинции в столицу:[11] кроме судов, они должны были располагать матросами — наемными, или рабами. Наконец, были

---

[1] Mordtmann, ibid., § 121.
[2] Ibid., § 112. — Patria Const., II, 233.
[3] Nov., XLIII, prooem. 1.
[4] Mordtmann, § 85, ср. § 8.
[5] Ibid., 654.
[6] Nov., XLIII, 1, 2, 3. — Cod. Just., XII, 34.
[7] Ibid., XLIII, p. 388: ἐργαστήρια ἐμπορίας τε καὶ πραγματείας διαφόρου.
[8] Chron. Pasch., 528.
[9] Socrat., V, 18.
[10] Anecd., XXV, 15, p. 140 (Bonn).
[11] Ibid., XXV, 8. 9.

аргиропраты — серебренники и вместе ростовщики, — их конторы тоже назывались ἐργαστήρια.[1] Правда, многие из этих торговцев и предпринимателей были откупщиками государственных монополий и поставщиками для государства (mancipes),[2] но многие вели и собственные дела.[3] Однако в том и другом случаях они одинаково должны были располагать большими деньгами, оборудованием и рабами. Купцы и промышленники составляли корпорации, хотя и привилегированные, но прикреплявшие их к определенной профессии, и закон запрещал им совмещать эту профессию с государственной службой, предлагая выбирать одно из двух, — или службу, или торговлю.[4] Можно ли причислять эти группы к „низшим классам“? Они не были аристократами по сословию, но явно принадлежали к эксплоататорскому рабовладельческому классу. Очевидно, и прасинская факция не могла быть социально однородной.

Верно только то, что она в подавляющем большинстве состояла из людей, занятых в торговле и промышленности, и потому у Малалы прасины отождествляются с „эргастириаками“, т. е. „людьми эргастирий“. Когда в 559 г. венеты жгли „приморские склады“ в Зевгме, „они получили разными способами отплату со стороны самих людей эргастирий“: последние, „охваченные соревнованием, сожгли икию Андрея в Неории“.[5] Манойлович, конечно, понимает ἐργαστηριακοί как „рабочих“.[6] Однако, в законах и у авторов рабочие и ремесленники обычно называются иначе: ἐργάται η ἐργαζόμενοι, τεχνῖται, βάναυσοι, Χειρώνακτες.[7] Слово ἐργαστηριακοί обозначает всех вообще людей, имеющих отношение к „эргастирию“, т. е. к торговле и промыслу, и даже в первую очередь владельцев эргастирий (πραγματευταί, negotiatores). Явно однозначный латинский термин ergasiotani в приведенном ранее законе 396 г. de Alexandrinae plebis primatibus обозначает именно привилегированных корпоратов, а не рядовых рабочих.[8] Ираклий в 621 г. отправился в Гераклею в сопровождении „не только ктиторов и клириков, но и эргастириаков и димотов из той и другой факций“.[9] Здесь промышленники, наравне с ктиторами, выделяются из общей массы димотов, очевидно как привилегированные группы, хотя и те, и другие без сомнения входили в состав димов. В случае, о котором рассказывает Малала, когда венеты подожгли склады, мстить им за это имели основание в первую очередь владельцы складов, а владельцами не были, конечно, рабочие. Подобный же случай, когда венетам противопоставляются не прасины, а также, повидимому, ἐργαστηριακοί, имеется у Иоанна Никиуского. Когда, во время восстания Ираклия против Фоки, в Египте происходила война между Никитой и Воносом, „воспользовавшись как предлогом этой войной opperarii (или negotiatores) Египта поднялись и причинили обиды венетам“, но Никита „восстановил мир между факциями“. Трудно установить, какой термин стоял в подлинном греческом тексте Иоанна Никиуского,[10] но по аналогии с приведенным местом

---

1 Nov., CXXXVI, prooem. — Mal. Herm., 378.
2 Cod. Just., XI, 16, 17, 18 и др.
3 Anecd., XXV, 12—18.
4 Cod. Just., XII, 34.
5 Mal., 491. — Νεώριον — новая гавань в Зевгме.
6 Manojlović, ibid., 653.
7 Nov., CXXII. — Anecd., XXVI, 7 и др.
8 Cod. Theodor., XIV, 27, 1, 2. — См. выше, § 2.
9 Chron. Pasch., 712: οὐ μόνον κτητόρων.., ἀλλὰ γὰρ καὶ ἐργαστηριακῶν καὶ δημοτῶν.
10 J. Nik., 108, p. 550. — Акад. П. К. Коковцев любезно мне разъяснил, что в эфиопском переводе стоит слово mastagabberān — причастие от причинительно-возврат-

Малалы, которого автор хорошо знал, можно с вероятностью предполагать, что и здесь противниками венетов были οἱ ἐργαστηριακοί Египта, т. е. торгово-промышленная часть населения вообще. Оба места говорят о том, что в факции прасинов преобладал торгово-промышленный элемент, но они не говорят, что это были сплошь рабочие.[1]

По всему этому в составе прасинов необходимо предполагать группу богатых купцов и промышленников. Конечно, нельзя преувеличивать значение этой социальной группы, так как хозяйство было в основе натуральным, но относительное развитие торговли и промышленности составляло характерную особенность Византии в сравнении с западными странами. Византийские торговцы и промышленники, обслуживая, главным образом, нужды государства и аристократии, составляли особую, неаристократическую группу рабовладельцев. Правда, между этой группой и аристократами-землевладельцами не было непроходимой грани. Вследствие текучести состава византийской аристократии, не столько родовой, сколько служилой, богатые люди незнатного происхождения легко становились „архонтами", сенаторами, даже консулами; с другой стороны, аристократы не гнушались быть „господами эргастирий".[2] Но это не значит, что торговцами и промышленниками были только аристократы. И законодательство,[3] и авторы определенно различают эти две группы. Юлиан в своем „Мисопогоне" ясно намечает структуру антиохийского общества в IV в., когда говорит, что он не угодил в этом городе „ни сенату, ни богатым, так как не позволял им продавать все за дорогую цену, ни всем вообще (т. е. народу), так как немного давал на театр и танцы".[4] Малала называет эту группу „коммеркиариями" (κομμερκιάριοι).[5] Естественно, что мы знаем из этой группы конкретно только лиц, которые играли политическую роль, т. е. стали аристократами. Из этой среды вышли такие люди, как сириец Марин, Петр Бар-Сиама, Иоанн Каппадокиец и др. Но заговор 559 г. против Юстиниана открывает пред нами целую группу безвестных ранее богатых аргиропратов, которые состоят в близкой связи с аристократией и имеют свободный доступ ко двору.[6] Впрочем,

---

ной основы astagabbara, которая, как можно думать, имела причинное значение для возвратной основы tagabbara, что значит одновременно и ópus fecit, operatus est, и mercaturam fecit, negotiatus est. — Зотанбер (цит. соч., 550) переводит прямо „прáсины", предполагая здесь „недоразумение арабского переводчика", который будто бы не понял греческого πράσινοι, принимая его за дериват от πράσσειν (делать). Новый переводчик A. H. Charles (The Chronicle of John bishop of Nikiu, London, 1916, p. 175) в данном случае переводит „the artisan guilds", но в другом случае (p. 172), тот же термин передает вслед за Зотанбером, „the Green Faction". Это другое место говорит, что Никита собрал многочисленную армию из регулярных солдат, варваров, граждан Александрии (очевидно, οἱ πολιτευόμενοι) факции зеленых (как переводят здесь оба переводчика) и т. д. Вероятно и здесь нужно предполагать τῶν ἐργαστηριακῶν.

[1] Конкретные данные источников, естественно, говорят больше о богатых прасинах, каковы: лесоторговец из Зевгмы (Theoph., 183), владелец или заведующий товарного склада (Jo. Ephes., III, 32, p. 164), „видный человек" Эвдомит (Simoc., VIII, 9, 332), Иоанн Каппадокиец (Lyd, De mag., III, 62, p. 153) и без сомнения Марин и Барсиама, а также, вероятно, все препозиты. Из бедных названы только банщик (περιχύτης λούτρου, Mal. Herm., 373) и сшиватели парусов (ἀρμενόρραφοι, Doctr. Jac., V, 19, p. 89). Кстати, ссылка на „иконографов и других ремесленников" „Книги Церемоний" (II, 15, p. 590) у Рамбо (p. 31) и Манойловича (p. 643) — простое недоразумение: там названы „живописцы и рабочие обеих факций" τῶν ἐργατῶν τῶν δύο μερῶν (т. е. состоявшие у них на службе в ипподроме лица, а не ремесленники-прасины).

[2] Nov., XLIII, c. 1, 1.

[3] Cod. Just., XII, 34,

[4] A. Hug, Antiochia, 11.

[5] Mal., 396.

[6] Mal. Herm., 378—380.

приводимые ниже факты борьбы факций были бы невозможны без наличия данной социальной группы. Так как в торговле и промышленности Византии особенно важную роль играли восточные провинции, то среди этой группы в столице нужно предполагать значительные восточные элементы.

В конечном счете из территориального распределения факций в столице можно сделать только такой вывод. В факции прасинов преобладали торгово-промышленные элементы. Но факция венетов, кроме аристократов-землевладельцев и связанных с ними служилых групп, также должна была включать в себя, хотя и в меньшем количестве, торговцев и ремесленников, без которых вообще нельзя себе и представить городское население. Однако, нельзя сомневаться, что верхушка венетской группы была аристократическая: в димах старого города аристократия удержала господство, которое принадлежало ей с древних времен, тем более, что многие „эргастирии" старого города находились в зависимости от нее. Напротив, в новых димах города Константина аристократия не имела почвы: здесь руководство захватила группа богатых купцов и промышленников. Массы димотов обеих факций были социально однородны и отчасти даже тождественны. Таковы же были и примыкавшие к факциям внедимотские массы — ὄχλος; в венетской факции играли известную роль агройки — крестьяне, жившие в предместьях, или по соседству с ними, и в той или иной форме (колоната или патроциния) зависимые от землевладельцев. Действительное различие между факциями лежало не в массах, а в руководящих группах димов. Массы обеих факций не могли иметь противоречий между собой, наоборот, глубокие классовые противоречия разделяли их с руководящими группами, которые одинаково их эксплоатировали. Что же все-таки связывало массы с этими группами и разделяло их на две факции? Во-первых, старая традиция димов: богатые люди, по античной традиции, руководили димами и несли „литургии" для своего дима. Во-вторых, экономическая зависимость ремесленников от купцов и предпринимателей, клиентов, агройков от землевладельцев.

Наконец, те особые средства, которые применяли руководящие группы, при содействии правительства, для того чтобы привлечь на свою сторону массы. Первым средством была организация зрелищных состязаний, которые раскалывали зрителей на две враждебные группы. Затем использовалась религиозная и межплеменная рознь (православные и еретики, греки и не-греки). Таким образом социальный состав факций был более сложным, чем представляет его Манойлович, а потому более сложны были и те противоречия, которые вызывали, также весьма различные по характеру, движения димов.

§ 8. Противоречия между факциями и внутри факций. Противоречия между факциями разделяли только руководящие группы факций и были прежде всего экономические. Аристократия не довольствовалась землей, а стремилась к обогащению также путем захвата торгово-промышленных предприятий. Как видно из новеллы Юстиниана, владельцами эргастирий были часто церковные учреждения, архонты разных рангов, сенаторы, иллюстрии и кубикуларии. Для торгово-промышленной группы (ἐργαστηριακοί) это вмешательство аристократии было тем более тяжело, что аристократы, получая привилегии, освобождались от налогов, и в результате, по признанию законодателя, непривилегированные владельцы эргастирий и их рабочие, а также и свободные ремесленники должны были платить налоги втрое, вчетверо и даже в 10 раз

больше нормы.[1] С другой стороны, аристократия страдала от вмешательства богатых не-аристократов в землевладение. Особенность зарождавшегося тогда византийского феодализма заключалась в том, что государство всеми мерами старалось создать условное землевладение, но условием ставило не столько военную, сколько хозяйственную службу землевладельцев, т. е. обеспечение ими максимальных земельных доходов для государства, так как внешняя политика императоров опиралась не столько на войско, сколько на деньги. Еще законами конца IV и начала V в. было установлено, что условные наследственные землевладельцы (перпетуарии), оказавшиеся несостоятельными (non idonei) в смысле обеспечения государству доходов со своих земель (и даже повышения этих доходов), лишаются земельных владений в пользу более состоятельных, т. е. богатых.[2] Позднее эта практика применялась и к полным собственникам крупных поместий (οὐσίαι).[3] Таким образом земля уплывала из рук старой аристократии и иногда переходила в руки не-аристократов по происхождению. Этот факт с негодованием отмечался еще во время Феодосия II,[4] но особенно перемещение земельных владений усилилось при Юстиниане.[5] Интересы двух групп сталкивались также в распределении между ними государственных налогов. Фискальная политика правительства была рассчитана как на земельные, так и на торгово-промысловые налоги, но распределение этих налогов могло колебаться в ту или другую сторону, и здесь, без сомнения, шла жестокая борьба между двумя группами. Так, имп. Маркиан сократил налоги, лежавшие на крупном сенаторском землевладении, и расходы аристократии, связанные с претурой,[6] — он был любимец венетов и ненавистен прасинам.[7] Наоборот, Анастасий значительно увеличил земельные повинности введением „хрисотелии" и „синоны" и последовательным проведением „эпиболе",[8] а с другой стороны, отменил „хрисаргирон", лежавший на владельцах эргастирии,[9] и передал сбор налогов откупщикам „виндикам", т. е. богатым купцам и ростовщикам, отняв эту функцию у ктиторов-куриалов, чем, по словам Ионна Антиохийского, „отстранил аристократию и передал всю власть людям нечестным".[10] Естественно, Анастасий очень нравился прасинам и был ненавистен венетам.[11] Наконец, землевладельцы, — особенно те, которые оказывались несостоятельными (non indonei), — вероятно, подвергались иногда и прямой эксплоатации со стороны противоположной им группы в лице ростовщиков, постоянными услугами которых пользовались даже такие вельможи, как Велизарий.[12] Легко себе представить, что эти отношения иногда превращались в ненависть к ростовщикам, особенно среди аристократической молодежи типа „стасиотов" Прокопия, которые „многих кредиторов силою заставляли возвращать должникам расписки, не получив ничего из долга".[13]

---

[1] Nov., XLIII, 1.
[2] Cod. Just., XI, 62, 7; 66, 2, 3.
[3] Anecd., XII, 11—12; XXIII, 13 сл. и др.
[4] J. Antioch., fr. 191, FHG, IV, 612.
[5] Anecd., XII, 12 и др.
[6] Cod. Just., XII, 2, 2; I, 39, 2.
[7] Mal., 368.
[8] Mal., 394. — Evagr., III, 42. — Cod. Just., X, 27, 1.
[9] Evagr., III, 39. — Ps.-Jos. Styl., 931.
[10] Lyd. De mag., III, 49. — J. Antioch., fr. 215, FHG, IV, 621.
[11] Theoph., 135
[12] Mal. Herm., 379.
[13] Anecd., VII, 33.

Политические противоречия были тесно связаны с экономическими. Монархия в Византии, как уже сказано, опиралась в первую очередь на крупное землевладение и была аристократической: сенат занимал первое место после императора, из сенаторов вербовались большею частью главные архонты. „Демократическая" торгово-промышленная группа должна была бороться за власть для защиты своих экономических интересов. Были два пути, которыми демократические элементы могли проникать в правящие сферы: это — двор и финансовая бюрократия. С самого начала монархии состав двора подбирался из элементов более послушных, чем аристократия; последняя тоже принадлежала ко двору, но не играла здесь главной роли. При римских императорах главную роль, как известно, играли вольноотпущенники, при помощи которых императоры боролись с сенаторами. При византийском дворе еще со времен Константина и особенно в V—VI вв. главную роль играли евнухи — „препозиты царской спальни", люди демократического и почти всегда восточного происхождения, — восточного потому, что они были самыми верными сторонниками теократической монархии и умели организовать двор по восточному образцу. Такие препозиты, как Евтропий, Хрисафий, Урбикий и Амантий, имели огромное влияние на императоров, — непосредственно или через императриц, — добивались высших государственных чинов и соответственным образом подбирали многочисленный штат своего ведомства (кубикулариев). Эти евнухи были предметом ненависти со стороны аристократии не только как выскочки, не только потому, что они всегда стояли за автократию и третировали сенат, но и потому, что они принимали ближайшее участие в финансовой политике правительства, на что указывают постоянные обвинения их в „корыстолюбии", и направляли эту политику не в пользу землевладельческой аристократии: они помогали „расхищению" ее владений, т. е. тому перемещению земельных имуществ, о котором говорилось выше.[1] Их финансовая политика более отвечала интересам торгово-промышленной группы, на которую они, вероятно, и опирались; значительная часть этой группы была восточного происхождения и разделяла с ними восточную концепцию христианства. Во всяком случае, эти евнухи были всегда на стороне прасинов. Другим ведомством, куда проникали демократические элементы, была финансовая бюрократия. Финансовая политика в Византии играла особенно важную роль, и правительство, нуждаясь в опытных финансистах, естественно находило их в среде торговой группы и особенно на востоке, где торговля была развита больше, чем в греческих провинциях. Отсюда вышли наиболее талантливые финансисты данной эпохи, как сириец Марин, Иоанн Каппадокиец, сириец Петр Бар-Сиама. То, что они вели политику, неугодную аристократии, видно уже из той ненависти, с которой к ним относилась аристократия. Достаточно сослаться на характеристику, которую дает Прокопий Петру Бар-Сиаме, этому меняле, который когда-то, сидя на рынке у стола с медью, ловко выкрадывал оболы, благодаря проворству пальцев,[2] или на еще более уничтожающую характеристику Иоанна Каппадокийца у Иоанна Лидийца.[3] Марину была обязана аристократия радикальной перестройкой финансовой

[1] Иоанн Антиохийский (fr. 191, FHG, IV, 612), — о Феодосии II: „не способный ни мыслить, ни воевать, он доверял только любителям доносов, а особенно царским евнухам; благодаря им, можно сказать, все расхищали поместья" и т. д.

[2] Anecd., XII, 1.

[3] De magistr., 4, 58—62.

политики не в ее пользу при Анастасии.[1] Все эти лица, находившиеся в контакте с придворными евнухами, были на стороне прасинов: Иоанн Каппадокиец принадлежал к их факции,[2] Марин был единомышленником „простата" прасинов Платона,[3] Петр Бар-Сиама был монофиситом („манихеем") и, следовательно, также по меньшей мере сочувствовал прасинам.[4] Политическая история V—VI вв. показывает несомненную связь между венетами и сенатом, с одной стороны, и прасинами и ведомством „препозита" и финансов — с другой. Обе группы старались также опираться на придворную гвардию, которая делилась на две части. Старая гвардия („схолы") неизменно стояла на стороне сената. Новая гвардия („экскубиты"), организованная из исавров при Льве I и особенно усилившаяся при Зиноне, иногда поддерживала группу, враждебную аристократии. Каждая из групп в моменты династических кризисов старалась провести на императорский престол своего кандидата. В таких случаях на избирательном собрании сената, в котором участвовали и высшие архонты, и высшие чины двора, происходила борьба (φιλονικία) партии сената (венетов) и партии двора (прасинов). Если партии приходили иногда к соглашению, то при этом большую роль играла боязнь, как бы не вмешался в выборы ипподром, т. е. димы и гвардия.[5] Отсюда совершенно ясно, что политические противоречия между руководящими группами факций не имели ничего общего с интересами рядовых димотов.

Нужно заметить, что в экономическом и политическом отношениях полного единства не было и в руководящих группах обеих факций. Землевладельцы были светские (сенаторы и ктиторы) и духовные (церкви и монастыри). Последние составляли сильную конкуренцию первым со времен Константина,[6] а при Юстиниане конкуренция стала явно опасной для аристократии, так как правительство, в поисках более надежного и выгодного для государства помещения земель, начало усиленно раздавать земли церквам и монастырям, иногда отнимая их у старых владельцев.[7] Борьба, в той или иной форме, была неизбежна. Нам известен только один случай „раздора среди венетов Византии", когда в 562 г. „в Питтакиях произошла (между ними) схватка, извлечены были мечи, и во время сражения отрубили руку одному клирику".[8] Но можно думать, что этот случай не был единственным и что церковные авторы намеренно умалчивают о подобных столкновениях. В торгово-промышленной группе также естественно предполагать конкуренцию. Определенно о такой конкуренции говорит крайне враждебное отношение прасинов к иудеям в Антиохии и Александрии, известное уже в римскую эпоху. „Антиохийские эллины" (т. е. язычники), которые при Калигуле (37 г.) во время столкновения факций „убили многих иудеев и синагоги их сожгли",[9] были без сомнения прасины, так как им покровительствовал император,[10] и они остались безнаказанными. В византийские времена, под флагом христианства, борьба прасинов против иудеев еще больше

[1] J. Antioch., fr. 215, FHG, IV, 621. — Mal., 400.
[2] Lyd. de mag., III, 62, pp. 162—163.
[3] Marcell., 97. — Mal., 395.
[4] Anecd., XXII, 25.
[5] De caerim., I, 92, pp. 421—422, cf. 418; I, 93, p. 427.
[6] Cod. Theod., XI, 20, 1.
[7] Cod. Just., I, 3, 41, 47. — Anecd., XIII, 4—6.
[8] Mal., 492.
[9] Mal., 244—245.
[10] Sveton. Calig., 55.

усиливается. При Зиноне антиохийские прасины не один раз убивают иудеев, жгут их синагоги, разрывают их могилы и т. п.[1] Эту вражду нельзя объяснить иначе, как конкуренцией сирийских купцов, т. е. руководящей группы прасинов, с купцами иудеями. Вражда была настолько сильна, что иудеи на ипподроме занимали скамьи на стороне венетов,[2] очевидно, потому, что землевладельцы относились к ним более терпимо. Это не значит, что иудеи входили в состав факции венетов; у них была своя особая организация. По той же причине александрийские иудеи, принимавшие живое участие в зрелищах ипподрома, в V в. стояли на стороне эллинов (землевладельцев), когда последние вели ожесточенную борьбу с туземными коптскими элементами, которые возглавлялись, вероятно, богатыми купцами.[3] О борьбе прасинов с иудеями в столице ничего неизвестно, за исключением того, что покровитель прасинов Феодосий II изгнал иудеев из Халкопратии,[4] вероятно, вследствие религиозных преследований; в самой столице иудейские купцы не играли значительной роли. О конкуренции греческих и сирийско-египетских купцов в столице источники не говорят прямо, но возможно, что в религиозной борьбе между православными и монофиситами этот фактор играл известную роль, как будет сказано ниже. Однако восточные купцы в столице, повидимому, преобладали, а греческие были экономически связаны с Востоком, откуда получали товары.

В той и другой группе были также расхождения тактические, т. е. одни были склонны бороться лойяльными средствами, другие были более агрессивны: они провоцировали свою молодежь и рядовых димотов на мятежные выступления, которые, впрочем, направлены были не против правительства, а против враждебной факции и против той части своей факции, которая держалась лойяльной тактики. Так, при Юстине I появились „стасиоты“ и „антистасиоты“, о которых рассказывает Прокопий.[5] Прокопий говорит почти исключительно о факции венетов, к антистасиотам которой, немало пострадавшим от стасиотов, может быть, принадлежал сам вместе со своим патроном Велизарием. Его односторонний рассказ, проникнутый ненавистью к стасиотам-венетам и оставляющий в тени борьбу между факциями, способен создать такое впечатление, что стасиоты — это и есть венеты, а антистасиоты — прасины,[6] и что сам Прокопий тоже прасин. Однако Прокопий не оставляет сомнения, что прасины тоже делились на стасиотов и антистасиотов,[7] и что стасиоты венеты выступали также и против прасинов, хотя его лично больше задевают обиды, чинимые ими антистасиотам своей же факции. Кто же эти стасиоты? Они небогаты: для того чтобы носить в цирке шикарную одежду с пурпурной каймой, они должны „приобретать ее незаконными средствами“ — грабежами.[8] Это преимущественно юноши. К ним примыкают „многие юноши“ из аристократии, „требующие у своих родителей денег и заставляющие их делать то, чего они не хотят“.[9] В ипподроме они

---

1 Mal. Herm., 372.

2 Ibid., 379.

3 Socrat., VII, 13. — J. Nik., 84, pp. 464—466.

4 Patria Const., II, 236.

5 Anecd., VII, 2 sq.

6 К сожалению, такое впечатление создалось у русского переводчика „Тайной истории“ (ВДИ, 1938, IV), который делает иногда произвольные парафразы и дополнения к тексту (VII, 25, 41 и др.).

7 Anecd., VII, 4: οὐδὲ τῶν πρασίνων στασιῶται ἡσυχῇ ἔμενον.

8 Ibid., VII, 11, 12, 13.

9 Ibid., VII, 41, 23, 35.

образуют клики и жестами подают знаки для демонстраций.[1] Вне ипподрома они образуют „гетерии" и „симмории".[2] Они действуют против прасинов и антистасиотов, людей знатных и богатых, не только путем грабежей и убийств, но и путем давления на администрацию, терроризируя начальников и судей.[3] Представляют ли стасиоты самостоятельную организацию? Очевидно, нет. По Прокопию, ими руководил Юстиниан, который и сам принадлежал к руководящей партии венетской факции.[4] Их кто-то подкупал для расправы с прасинами.[5] Наконец, что особенно важно, в 523 г. „стасиоты вдруг стали самыми благоразумными из всех людей".[6] Прокопий не объясняет этого внезапного превращения. Но нет сомнения, что они были призваны к порядку теми, кто ими руководил. В это время бесчинства стасиотов, убивших средь бела дня знатного человека в церкви Софии, привело в крайнее беспокойство большинство аристократии и самого императора; положение Юстиниана стало опасным,[7] и агрессивная часть руководящей группы венетов должна была изменить свою тактику. Вероятно, нечто подобное происходило и в партии прасинов.

Большое значение в борьбе факций имели и религиозные противоречия. Рамбо утверждал, что факция не имеет никакого отношения к религиозным партиям.[8] Манойлович, признавая связь факций с религиозными партиями, полагает, однако, что в разные времена и в разных местах одна и та же факция представляла противоположные религиозные тенденции; при этом получается довольно запутанная картина религиозных отношений, особенно в столице, где население оказывается и не слишком монофиситским, и не очень антимонофиситским, а „низшие классы" (что на языке Манойловича обозначает прасинов), вероятно, не были православными.[9] Все дело в том, что Манойлович не различает в факциях руководящие группы от широких масс. Рамбо прав в том отношении, что религиозное движение было массовым, т. е. в нем отражались не столько противоречия между руководящими группами, сколько противоречия между эксплоатируемыми массами и эксплоататорами. Восточные „ереси" (несторианство, особенно монофиситство, позднее монофелитство) были знаменем борьбы угнетенных восточных народностей против византийского господства, так как они представляли восточную концепцию христианства, противоположную греческой. Таким образом на востоке народные массы были почти сплошь „еретическими", за исключением элементов, находившихся под сильным греческим влиянием (например в Западной Сирии и в Палестине). Наоборот, в греческих провинциях религиозной традицией было греческое христианство, т. е. „православие". Оно поддерживалось в народных массах постоянной агитацией со стороны греческого духовенства и монашества, которая использовала культовые традиции народа, не особенно разбиравшегося в вероучительных тонкостях, а также межплеменную рознь. Однако, и здесь в исключительных случаях „ереси" могли стать знаменем борьбы народа против аристократии. Для руководящих групп факций, за исключением духовенства, религиозные вопросы не имели самостоятельного

---

1 Anecd., VII, 13.
2 Ibid., VII, 23 15.
3 Ibid., VII, 15—38.
4 Ibid., VII, 41.
5 Ibid., VII, 26.
6 Ibid., IX, 43; X, 15.
7 Ibid., IX, 35. — J. Nik., 90, p. 503.
8 De Byz. hipp., 66.
9 Manojlović, ibid., 655—658.

значения. Часть греческой аристократии (особенно интеллигентная) относилась к христианству равнодушно и свысока, предпочитая ему культурные традиции античности. Это настроение, которое сквозит почти у всех светских авторов эпохи (Прокопия, Иоанна Лидийца, Менандра, Симокатты), приводило иногда к обвинению аристократов в язычестве. Но было бы странно, если бы факции не использовали для своих целей религиозную борьбу, которая в V—VII вв. буквально потрясала всю империю, когда „православие" или „монофиситство" императоров обозначало определенное направление всей их политики. И действительно, противоположные религиозные лозунги были использованы руководящими группами факций как средство для привлечения на свою сторону народных масс. Для стоявшей во главе венетов землевладельческой группы, которая не только в греческих провинциях, но и на востоке была преимущественно греческою, ее религией естественно было греческое „православие", и уже по одному этому, а также потому, что среди торгово-промышленной группы преобладали восточные элементы, руководящая группа прасинов держалась монофиситства.

Религиозная позиция прасинов давала им огромное преимущество на востоке, где массы в громадном большинстве были монофиситскими. Здесь греческой землевладельческой группе (венетам) приходилось опираться, главным образом, на войско. Иначе обстояло дело в греческих провинциях и особенно в столице. Здесь коренное население было греческим, следовательно, по традиции православным, независимо от того, принадлежало ли оно к венетам, или к прасинам. Это обстоятельство давало преимущество руководящей группе венетов и, наоборот, мешало руководящей группе прасинов проводить в столице ту религиозную политику, которую она использовала в Антиохии или в Александрии, тем более, что в составе самой этой группы были, вероятно, греческие элементы, по традиции православные, хотя и связанные экономически с восточными элементами. Поэтому монофиситская группа прасинов в столице ведет в отношении религии очень осторожную политику, опасаясь вызвать противодействие со стороны масс своей собственной факции. Она опирается прежде всего на правящие верхи, где могущественное ведомство „препозита" всегда было опорой „восточного" христианства. Евтропий, Хрисафий, Урбикий, Амантий и другие евнухи, — все держались восточной ориентации в религиозной политике. Они подчиняли своему влиянию прежде всего императриц (Евдоксию, Евдокию, Ариадну, Феодору, может быть, Софию), а иногда и императоров, которые колебались между восточным и западным курсом в религиозной политике и иногда в силу политической конъюнктуры должны были держаться восточного курса (Феодосий II, Зинон, Анастасий, отчасти Юстиниан, Ираклий). Были и среди аристократии лица, входившие в ведомство препозита (кубикуларии), или тесно связанные с ним и державшиеся монофиситства. Таких лиц для времени Юстина II конкретно называет Иоанн Ефесский.[1] Другие, вместе с императором, занимали колеблющуюся позицию. Например племянники Анастасия определенно держались православия, и однако Проб давал беглым монофиситам приют в своем поместье в Сиках.[2] Что касается населения Константинополя, то здесь монофиситская группа не могла иметь широкой опоры. Среди новых поселенцев столицы были несомненно восточные элементы и из

[1] J. Ephes., II, 9, 11; 12.

[2] J. Ephes. Lives of the eastern saints. Ed. E. W. Brooks (Po XVIII, 4), II, cap. X, p. 157.

числа ремесленников. Но их количество было незначительно: монофиситы используют в столице, главным образом, временно проживающих здесь восточных людей и даже намеренно в целях борьбы вызывают в столицу восточных монахов, которые ведут агитацию среди столичного населения.[1] Однако в моменты особенно острой религиозной борьбы и среди коренного греческого населения оказываются элементы, переходящие на сторону монофиситов. Так, при Анастасии упоминаются у православных историков среди жителей столицы „отступники" (ἀποσχίσται), т. е. бывшие православные и „подкупленная чернь" (ὄχλος μισθωτός), которые борются за монофиситство.[2] Известен один случай, когда широкие массы столичного населения выступают под монофиситским знаменем. Это было в 533 г., т. е. через год после подавления восстания Ника, когда в столице произошло землетрясение. „Весь город" собрался на форуме Константина для „литании" и требовал у императора „сжечь томос, изданный епископами Халкидонского собора".[3] Рассказ восходит к монофиситскому первоисточнику (Малале), но повторяется у православного компилятора. Эти факты показывают, что монофиситская „ересь" иногда была знаменем не только борьбы восточных народностей, но и социальной борьбы угнетенного класса. Однако, за исключением указанных случаев, в V—VII вв. столичное население выступает всегда под знаменем православия. В 512 г., когда политические условия складывались особенно благоприятно для монофиситства, руководящая группа прасинов, в лице Платона и Марина, выступила открыто с монофиситской программой,[4] но и в этом (единственном известном нам) случае она потерпела неудачу. „Массы прасинов и венетов объединились против имп. Анастасия",[5] и ему угрожала утрата короны.

Успешнее прасины могли использовать религию в другом направлении. Сила восточного христианства заключалась в том, что оно более решительно, чем православие, выступало против „эллинства", как язычества, и в этом отношении встречало полное сочувствие среди масс греческого населения. Между тем, греческая аристократия, как уже сказано, в той или иной степени была склонна к „эллинству". Таким образом защита христианства вообще могла стать лозунгом борьбы широких масс, без различия народностей и сект, против греческой аристократии. В Сирии и Египте борьба против „эллинства" началась еще в IV в., но сначала это была борьба туземного сирийского и коптского населения против господства греков.[6] В Византии отчасти уже в V в.,[7] а главным образом в VI в., после известного закона Юстиниана против язычников, было не мало судебных процессов по обвинению в „эллинстве", которые возбуждались по инициативе восточных монахов, но при актив-

---

[1] Так, в 475 г. Тимофей Элур организовал в столице монофиситскую демонстрацию, „собрав мятежных александрийцев, проживавших в Византии". В 510 г. Севир прибыл из Сирии с 200 монахами, чтобы низложить патр. Македония, и „еретики, клирики и миряне, которые оказались тогда в Византии", ему помогали. Особенно много восточных монофиситов проживало подолгу в столице при Юстиниане под покровительством Феодоры, о чем многократно рассказывает Иоанн Ефесский (Lives of the eastern saints, II, p. 474—482 sq. и др.).

[2] Theod. Lect. Cramer, II, 107. — Theoph., 184.

[3] Chron. Pasch., 629.

[4] Marcell., a. 512. 97.

[5] Vict. Tonnenn. Chron. min., II, 195: prasinorum siquidem simulque et venetorum turbae adversum Anastasium imp. unitae.

[6] Sozom., VII, 15. — Socrat., V, 16—17.

[7] Mal., 369.

ном участии населения.[1] Источники не говорят прямо об участии в этих процессах прасинов. Но тот факт, что жертвами процессов были всегда их соперники — греческие аристократы, а иногда даже православные епископы и клирики, дает основание предполагать, что дело не обходилось без их участия. В 580 г., когда в столице произошло настоящее восстание по поводу раскрытия в столице „язычников", народ устремляется на Месу — обычный объект нападения прасинов, и одним из наиболее активных участников восстания, случайно названным, оказывается ἀποθηκάριος, т. е. владелец или заведующий товарным складом.[2]

Таковы были противоречия между двумя руководящими группами двух факций. Рядовым димотам и примыкавшим к факциям не-димотам (ὄχλος) было мало дела до экономических и политических притязаний землевладельцев и купцов, а в религиозном отношении они занимали свою особую позицию. Эти массы, социально однородные и даже тождественные (поскольку там и здесь были ремесленники и рабочие), имели более глубокие классовые противоречия с руководящими группами в той и другой факциях. Я не буду долго останавливаться на этих классовых противоречиях, так как они ясны уже из того, что было сказано выше. В V—VII вв. в Византии происходило несколько запоздавшее здесь разложение рабовладельческого хозяйства и вместе с тем, в возмещение рабского труда, постепенное закабаление еще значительных на Востоке групп свободных (или зависимых только от государства) производителей как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. При сохранении значительных элементов торговли, эксплоатация была особенно тяжелою, так как часть продуктов поступала на рынок. Внешнее положение государства и своеобразная внешняя политика императоров требовали огромных средств для уплаты варварам, и фискальный гнет, ложившийся больше на народные массы, чем на привилегированных, достигал невероятных размеров, особенно при Анастасии и Юстиниане. Иногда население страдало и от рекрутчины (например при Маврикии), и все-таки государство не в состоянии было защитить от варваров даже столицу. Грабительство и административный произвол чиновников, недостаток снабжения столицы продовольствием и часто повторявшийся в столице голод, эпидемии (как чума 542 г.), бедствия от пожаров и землетрясений, — все это еще более отягощало положение народных масс в столице. Естественно, что соперничество руководящих групп факций в сравнении с этими противоречиями могло играть только второстепенную роль.

§ 9. Междоусобия факций и восстания димов. Из сказанного видно, что внутренние противоречия в факциях были более сложными, чем их представляет Манойлович, а потому и движения димов не могут быть сведены под одну рубрику борьбы „низших классов" — прасинов, против „высших классов" — венетов. Эти движения имели весьма различный характер, и прежде всего необходимо различать междоусобия факций и общие восстания димов. Нельзя не согласиться с глубокими замечаниями Рамбо: „Раздоры факций касались как бы поверхности византийской жизни. Прасины и венеты, ссорясь между собой, были подобны дельфинам, которые, казалось, мутили своими играми и драками только поверхность волн, но, когда поднималась буря и приходило в движение самое море, они сразу исчезали из глаз. В спокойном государстве прасины и венеты казались чем-то страшным, но, когда госу-

[1] Mal., 369. — Ps. Dion. (J. Ephes.) ed. Brooks, II, 76. — Mich. Syr. (J. Ephes.), IX, 33, 324–325. — J. Ephes., III, 27 sq.; V, 17.

[2] J. Ephes., III, 32, 164.

дарство взволновано, — нет".[1] Сами факции „были скорее предохранительными средствами (phylacteria) против восстаний народа".[2] Рамбо упускал из вида лишь то весьма важное обстоятельство, что не только димы, но и факции имели организующее значение для народных масс: вопреки расчетам правительства и своих вожаков, из „филактерий" против народных восстаний они превращались в народные организации для восстаний, и межфакционная борьба, организуемая двумя группами часто превращалась в восстания народа против всего господствующего класса и правительства. Случаи межфакционных столкновений в столице, о которых говорят источники, даже количественно (приблизительно вдвое) уступают фактам народных движений иного характера. Источники очень редко говорят о причинах столкновений между факциями, но можно согласиться с Рамбо, что часто причины были чисто спортивны, или вообще были связаны со зрелищами, как борьба из-за мест в ипподроме,[3] из-за условий состязания любимых возниц и мимов, может быть, из-за подарков, которые иногда раздавались народу устроителями зрелищ. Одна новелла Юстиниана живо рисует картину драки за монеты, бросаемые народу консулами.[4] Когда городские префекты Илия и Константин (500—501 гг.) устраивали невиданные раньше в столице весенние зрелища (τὰ βρυτά), и в обоих случаях на арене происходили одни и те же кровавые сцены, нужно полагать, что в самой постановке этих зрелищ были какие-то основания для кровавой схватки между зрителями: говорится о какой-то „зависти", которая была причиной гибели множества людей.[5] Анастасий, повидимому, считал виновниками орхистов, которые были им изгнаны из города.[6] В подобных случаях руководители факций едва ли играли значительную роль: столкновения могли иметь случайный и стихийный характер. Без сомнения такие случаи происходили чаще, чем рассказывают о них источники, отмечающие только самые крупные из них. Более серьезный характер носили столкновения преднамеренные или прямо заранее подготовленные. Здесь нужно предполагать инициативу руководящих групп, если об этом прямо и не говорится в источниках, так как между факционными массами не могло быть серьезных противоречий. Большинство таких столкновений падает на царствования Анастасия и Юстиниана, когда происходили наиболее важные экономические и политические перемены, обострявшие противоречия между руководящими группами. Возможно, что причиной происшедшей в первом году Анастасия (491 г.) „плебейской войны" (bellum plebeium), сопровождавшейся пожаром „весьма большой части города", — о чем рассказывает только один Марцеллин,[7] — было недовольство венетов новым правительством и усиление прасинов. В 501 г. прасины пришли в ипподром со спрятанным оружием и камнями, и в происшедшей битве с венетами было много убитых.[8] В движениях 511—513 гг. под религиозными лозунгами определенно выступают руководящие группы обеих факций, действующие, между прочим, подкупом, но в этих случаях межфакционные столкновения превращаются в общенародное восстание

---

1 De Byz. hipp., 43.
2 Ibid., 51.
3 Proc. Pers., I, 24, p. 119. — Mal., 351.
4 Nov., CV, 2.
5 J. Antioch., fr. 214c, FHG, V, 31: ὑπό τινός βασκανίας. — Mal. Herm., 374.
6 Mal. Herm., 374.
7 Marcell., a. 491, p. 94.
8 Ibid., a. 501, p. 95.

и о них речь будет ниже. В борьбе факций при избрании преемника имп. Анастасия, сопровождавшейся столкновениями в ипподроме, за спиной боровшихся стояли, с одной стороны, евнух Амантий, с другой — „простат“ венетов Юстиниан.[1] Выступления „стасиотов“ при Юстине I, как уже сказано, имели подстрекателей в агрессивных элементах руководящих групп, вероятно, обеих факций. В восстании Ника инициатива первого столкновения принадлежала руководителям прасинов, которые не рассчитывали, конечно, что дело кончится всеобщим восстанием.[2] В 549 г. венетами были выжжены гитонии прасинов близ площади Филадельфия.[3] Нападение на „эргастирии“ в 550 г. было также, по всей вероятности, нападением венетов на прасинов.[4] Сюда же относятся далее: упоминавшееся уже нападение венетов на прасинов во время возвращения их из ипподрома в емволе Мосхиана в 559 г.[5] и нападение прасинов на венетов в ипподроме, а потом на Месе в 561 г.[6] Таково было, наконец, нападение прасинов на гитонии венетов на Месе по случаю заговора венетов против имп. Фоки в 603 г.[7] Рядовые димоты, которые давали армию для этих битв, быстро мирились между собой и, когда после столкновений правительство начинало расправу с виновными, единодушно взывали о „человеколюбии“, к какой бы факции эти виновные ни принадлежали. Поэтому такие факты, как освобождение венетами осужденного на казнь прасина в Питтакиях при Юстиниане,[8] должны быть отнесены именно на счет рядовых димотов.

Особую группу представляют мятежи и восстания (ταραχαί, στάσεις) одной факции против правительства, когда другая факция остается пассивной. Инициатива здесь принадлежала также руководителям факции, которые хотели заставить императора изменить неугодную им политику или прямо его свергнуть; но в таких восстаниях были, очевидно, заинтересованы (по другим, более глубоким, причинам) и рядовые димоты. Все случаи этого рода падают на V век, когда противоречия руководящих групп были менее острыми, чем в VI в. Таков был мятеж прасинов против Маркиана, проводившего венетскую политику.[9] Таков был мятеж „димоса“, несомненно прасинов, поднятый ок. 470 г. купцами, при содействии Зинона, против имп. Льва I;[10] ближайшим образом это восстание направлялось против Аспара, враждебного Зинону и исаврам, на которых тогда опирались прасины.[11] Поэтому нужно полагать, что следующий случай подобного же рода — восстание димов против исавров в 473 г. было организовано венетами.[12] Наконец, сюда же относится восстание сенатора Маркиана против Зинона в 479 г.: под руководством аристократии в нем участвовали, вместе с готами, „многие граждане“,[13] — очевидно, венеты, так как Зинон был покровителем прасинов.

Совместные выступления факций против правительства в некоторых случаях имели причиной нарушение зрелищных традиций, кото-

1 De caerim, I, 93, pp. 426—428. — Mal., 410. — J. Nik., 90, p. 500.
2 Theoph., 181 sq. — Marcell., a. 532, p. 103.
3 Mal., 484. — Theoph., 226. — Mordtmann, ibid., 126.
4 Theoph., 227.
5 Mal., 490—491.
6 Theoph., 235—236.
7 Chron. Pasch., 695, см. ниже, § 10.
8 Mal. Herm., 380.
9 Mal., 368.
10 J. Antioch., fr. 206, FHG, IV, 616.
11 Cand. Isaur., FHG, IV, 134.
12 Marcell., p. 473.
13 J. Antioch., fr. 211, FHG, IV, 619.

рое получало серьезный характер, если с ним связывалось нарушение исконных прав факций. В 493 г., когда префект Юлиан запретил димотам собираться внутри ипподрома (разумеется, вне зрелищ), негодование димов, без различия факций, против префекта обратилось против самого царя, когда тот пытался применить военную силу: подожжены были северные ворота ипподрома (близ кафисмы) и статуи царя и царицы свергнуты с пьедесталов. Царь должен был уступить димам, свалив вину на неповинных, повидимому, исавров.[1] В 515 г., когда Анастасий, недовольный поведением димов, отменил послеобеденные игры, произошло восстание обеих факций, во время которого был убит никтэпарх Гето.[2] Оба случая относятся ко времени Анастасия, который принимал меры к ограничению зрелищ. Роль руководителей здесь неясна; вероятно, они связаны были общим негодованием димотов.

Совместные политические выступления факций редко были следствием соглашения руководящих групп, так как их политические цели были почти всегда различны. Такое соглашение можно предполагать в тех случаях, когда захватом власти угрожала посторонняя, чуждая обеим факциям, сила — варвары. Так, „димы", очевидно без различия факций, в 400 г. выступали против Гайны,[3] а в 469 г. — против намерения Льва I сделать своим наследником сына Аспара.[4] Но почти все совместные выступления факций обязаны рядовым димотам, которые действуют вне руководства и вопреки руководству вождей и, увлекая за собою недимотские массы, выступают не только против правительства, но и против всего господствующего класса. В более важных случаях димоты создают особую организацию (κατάστασις), которая объединяет обе факции и называется „прасиновенеты" (πρασινοβένετοι). Такая организация была делом обычным. Малала говорит, что иудеи и самариты Палестины, совместно восставшие в 556 г. против Византии, „образовали единство, как бы в порядке прасиновенетов".[5] Так как разделение факций в подобных случаях теряло свое значение, то это были скорее восстания димов. Не все совместные выступления димов были одинаково значительны, и поводы для них были различны: произвол администрации, недостаток снабжения, религиозная политика, фискальный гнет, общее недовольство политикой императора. Но некоторые выступления развертывались в настоящие восстания, потрясавшие императорский трон. Выступления димоса против правительства без различия факций известны от времени Феодосия II: в 412 г. вследствие недостатка хлеба в столице димос напал на городского эпарха;[6] в 431 г. по той же причине сам Феодосий был забросан камнями при выходе из государственных житниц.[7] Но большинство совместных выступлений димов относится ко временам Анастасия и Юстиниана. В 498 г. в ипподроме, когда Анастасий в ответ на просьбу прасинов освободить арестованных „камнеметателей" выслал против них экскубитов, все „димы", без различия факций, бросились на кафисму, едва не убили камнем самого императора и произвели пожар в ипподроме и на Месе.[8]

---

1 J. Antioch., fr. 214b, FHG, V, 29—30. — Marcell., a. 493, p. 94.
2 Ibid., fr. 214c, FHG, V, 33.
3 Synes. Aegypt., II, 1, 3. — Migne, LXVI, c. 1260, цит. выше, § 4.
4 Sim. Metaphr. Vita Marcelli, c. 24. — Migne, CXVI, c. 74. — Mal., 371.
5 Mal. Herm., 378: ποιήσαντες τὸ ἓν ὡς ἐν τάξει πρασινοβενέτων. — Mal., 487. — Mal. Herm. 377.
6 Marcell., pp. 70—71.
7 Ibid,. 78.
8 Mal., 394—395. — Chron. Pasch., 608.

В 520 г., когда Юстин I возвел Виталиана в звание консула, произошло в ипподроме „восстание димотов", несомненно прасинов, так как венеты до того времени поддерживали Виталиана; но когда высланные войска „многих убили", „после этого факции объединились" (ἐφιλιώθησαν τὰ μέρη): димоты, „играя, вышли вместе из театра", а на другой день потребовали возвращения изгнанных Анастасием орхистов и, получив удовлетворение от Юстина, снова „бросились в город, играя плащами и убивая паракенотов". Вероятно, это была молодежь типа „стасиотов".[1] В 553 г. было „восстание бедных", вследствие выпуска неполноценной монеты, и Юстиниан должен был отказаться от порчи монеты.[2] В 556 г. имело место мятежное выступление димотов в ипподроме, вследствие „недостатка хлеба" в столице. Так как димоты жаловались, что „вина, пряностей и всякого товара сколько угодно, а пшеницы и ячменя нет", то ясно, что это были небогатые люди, и если Юстиниан наказал потом некоторых „знатных людей" из венетов, то, вероятно, за то, что они не смогли предупредить это позорное для царя выступление димотов покровительствуемой им факции: дело происходило в присутствии персидских послов.[3] В 561 г., когда разнесся слух о смерти царя, „димы" напали на артополии и манкипии и разграбили весь хлеб, так что все эргастирии должны были закрыться.[4] В 565 г., во время восстания прасинов в гитонии Мазентиола, венеты присоединились к ним и сражались с войсками;[5] поводом было намерение префекта арестовать одного прасина, — случай аналогичный с тем, что произошло ранее в Питтакиях, когда венеты отбили осужденного на казнь прасина.

Но самыми крупными восстаниями этого периода были восстания 511—513 гг. при Анастасии и восстание Ника 532 г. В том и другом случаях повод для восстаний дают руководящие группы факций, которые переоценивают свое влияние на массы, и восстания обращаются против них самих. В первом случае восстания начинаются на религиозной почве. К 511 г. политика Анастасия приняла определенно монофиситское, т. е. прасинское направление. Во главе правительства стояли такие лица, как евнух Амантий, патрон прасинов Платон, сириец Марин. Вожди прасинов, чувствуя за собою силу, решили дать бой венетам на том участке, на котором последние были особенно сильны в столице, т. е. на религиозном, и вместе с тем заставить Анастасия отказаться от „энотикона" и провозгласить чистое монофиситство. С этой целью стянуты были в столицу восточные монахи, и лозунгом была избрана монофиситская прибавка к „трисвятому" (τὸ τρισάγιον): „распятый за нас".[6] Руководящая группа венетов тоже организовалась для отпора. Здесь центром был „род великой патрикии Юлианы", состоявшей в родстве с династиями Феодосия и Льва, жены полководца Ареобинда,[7] а также родственники самого Анастасия (Ипатий, Помпей и др.), недовольные тем, что импе-

---

1 Mal. Herm., 375. — Рассказ несколько загадочный. Вероятно, рядовые димоты венетской факции, поддерживавшие Виталиана, вопреки своим руководителям (в том числе Юстиниану), соединившись с прасинами, отказались от Виталиана, и это дало возможность Юстиниану вслед за тем расправиться с Виталианом, который мог быть его конкурентом. — Ср. Theoph., 165.

2 Mal., 486.

3 Mal., 488. — Theoph., 230.

4 Theoph., 234.

5 Mal. Herm., 380.

6 Mal., 407. — Theod. Lect., II, 107 и др.

7 Ps.-Dion. (J. Ephes.), ed. Chabot, II, 7.

ратор оказался в руках евнухов.[1] Эта группа, пользовавшаяся услугами греческого монашества, заставила патриарха Македония отказаться от „энотикона“ и принять халкидонский собор и рассчитывала принудить к этому самого императора. Обе группы для привлечения на свою сторону масс широко практиковали подкуп.[2] Однако приведенные в движение массы скоро вышли из-под контроля руководящих групп и пошли гораздо дальше тех целей, которые ставили себе их вожди: страдая от фискальной политики Анастасия, они хотели „другого императора“. Первое восстание произошло в 511 г., когда Анастасий хотел удалить Македония, подчинившегося венетской группе, а восточные монахи начали распевать в церквах монофиситское „трисвятое“. Поднялся весь „народ“, — о факциях нет речи, — и восстание приняло такие размеры, что император заперся во дворце и приготовился бежать на заранее заготовленных на этот случай судах; но и бежать было нельзя, потому что „схолы“ были тоже против императора. Анастасий должен был отказаться от своего намерения относительно Македония, и толпа временно успокоилась.[3] Воспользовавшись этим, Анастасий все-таки изгнал Македония, а в 512 г. Платон и Марин объявили в церкви указ императора о введении монофиситской прибавки к „трисвятому“.[4] Тогда восстание возобновилось с новою силою. „Прасины и венеты объединились“.[5] Толпа окружила дворец и кричала: „другого императора грекам“[6]. Очевидно, настроение было антивосточное. Димоты организовались: штабом восстания был избран форум Константина, куда были принесены ключи города и военные знамена, и здесь провозглашен был императором Ареобинд.[7] Мятежники обрушились прежде всего на дом Марина, главного виновника фискального гнета: дом был сожжен, и серебро Марина разграблено.[8] Затем они окружили дом Юлианы и потребовали Ареобинда. Но это не входило в планы венетской верхушки, и Ареобинд бежал. Тогда мятежники обрушились на венетов: были сожжены дома Ареобинда, Помпея и многих других аристократов, — вся Меса до форума Константина.[9] В результате аристократы-венеты пострадали больше, чем богатые прасины. Восставшие не имели более кандидата на императорский трон. Поэтому, когда Анастасий явился на ипподроме без короны и, заявив, что он готов передать власть другому, обещал исполнить требования народа, это было понято, как подчинение императора димам, и восставшие примирились с Анастасием.[10] Но димы были опять обмануты. Поэтому, когда по всем церквам был разослан указ о монофиситской прибавке, в 513 г. последовало еще третье восстание,[11] сопровождавшееся опять пожарами, и императором теперь был провозглашен Виталиан. Одновременно началось движение среди агройков Фракии, которые призывали Виталиана к восстанию. Анастасий должен был бежать в пригородную дачу во

---

[1] Theoph., 157—159, cf. 153.
[2] Theod. Lect., II, 107. — Theoph., 159.
[3] Ibid., II, 107. — Ps.-Zach., VII, 7, 8.
[4] Marcell., a. 512, p. 97.
[5] Vict. Tonn. Chr. min., II,195 (см. выше § 8).
[6] Mich. Syr. (J. Ephes.), IX, 7, p. 258.
[7] Marcell., l. c., 97—98.
[8] Ps.-Dion., l. c. II, p. 7. — Mal., 407.
[9] Mal., 407. — Vict. Tonn., l. c., 195.
[10] Mal., 407—408. — Ps.-Dion., l. c., p. 8.
[11] Это ясно из сопоставления известий Иоанна Ефесского (Ps.-Dion., p. 8), Иоанна Никиуского (cap. 89, p. 497) и Феофана (p. 195).

Влахернах.[1] Неизвестно, как удалось Анастасию справиться с этим восстанием. Вероятно, обе группы, которые так неудачно для себя провоцировали эти восстания, пришли на помощь императору. Во всяком случае, император жестоко расправился с мятежниками за все три восстания.[2]

Такой же характер носило восстание димов в 532 г. — „Ника". Здесь, как и в 512 г., с особенной ясностью вскрывается подлинное значение факций и взаимоотношение между димами и факциями. Поэтому необходимо остановиться на некоторых характерных чертах этого хорошо известного восстания.[3] Причины восстания были экономические и политические. Религиозные лозунги имели второстепенное значение. Массы страдали в равной степени и от фискальных мер Иоанна Каппадокийца, и от бесправия, создаваемого такими администраторами, как квестор Трибониан и городской префект Евдемон. Экономические противоречия между руководящими группами факций именно в это время особенно обострились. Обе группы имели основание быть недовольными как общей экономической политикой правительства, так и фискальным произволом Иоанна Каппадокийца, который „много золота собрал в царскую казну у обоих сословий" (τάγματα).[4] Но политическое преимущество было на стороне венетов — факции императора. После 523 г. руководящие группы остерегались провоцировать рядовых димотов на борьбу.[5] Теперь после долгого покоя, вожди прасинов делают попытку поднять своих димотов против венетов и тем заставить императора изменить свою политику. По обычаю они выступают в ипподроме, и их выступление (11 января 532 г.), — именно выступление вождей, так как оно диктуется руководителем, — записано с точностью в „актах по поводу Калоподия".[6] Я не имею здесь возможности подробно анализировать этот замечательный разговор между прасинами и императором, чего он заслуживал бы. Но необходимо отметить, что прасины выступают агрессивно с явным намерением вызвать столкновение с венетами и вместе с тем поднять димотов против царя. Начав с обычных „конституционных" выражений, они постепенно повышают тон: сначала жалуются на притеснения спафария Калоподия, потом шлют проклятия всякому обидчику из числа правителей, намекают на возможность переворота, так как они лишены всяких прав

---

1 Theoph., 195.

2 Ps.-Dion., l. c., 8. — J. Nik., l. c., 497.

3 I. Bury. The Nika Riot. The Journal of Hellenic Studies, 1897, XXVII, 29—119.

4 Ps.-Zach., IX, 14.

5 Anecd., IX, 43; X, 19.

6 Theoph., 181—184. — Мне представляется совершенно необоснованным мнение P. Maas (Metrische Akklamationen der Byzantiner. BZ, 1912, XXI, 49), будто „акты", механически вставленные между двумя другими источниками у Феофана, ошибочно отнесены им к 532 г., и что они должны быть отнесены к концу царствования Юстиниана, так как в актах Юстиниан обвиняется в ереси, а в ересь он впал только в конце жизни, и кроме того, он обнаруживает здесь враждебное отношение к прасинам, тогда как в начале царствования он был „беспартийным". Верно, что „акты" представляют механическую вставку и заимствованы Феофаном не из Малалы и не из другого нам неизвестного источника, который он выписывает в начале рассказа. Но это не значит, что Феофан ошибочно отнес их к восстанию „Ника". В той же связи ими пользуется и Пасхальная хроника (p. 620). Возможно, что Феофан заимствовал их у Иоанна Антиохийского. Ересь, в которую впал Юстиниан в конце жизни, была монофиситская крайнего направления (аффартодокетизм), а в „актах" монофиситы (прасины) обвиняют его в несторианстве. Юстиниан никогда не был беспартийным и к прасинам всегда относился враждебно, как и они к нему. Значение его указа от 527 г. объяснено выше (см. § 5). А в данном случае сами прасины провоцируют его на враждебные выпады, как показано ниже.

и должны терпеть убийства со стороны венетов, наконец называют убийцей самого царя. Венеты до конца остаются спокойными. Царь сначала дает также спокойные реплики. Потом он пытается дискредитировать выступление прасинских вождей в глазах димотов обеих факций указанием на их монофиситство, и только тогда, когда прасины, в свою очередь, довольно прозрачно обвиняют царя в несторианстве, т. е. хотят дискредитировать его самого в глазах народа, он переходит к резким репликам и угрозам. Религиозная дискуссия полна намеков, потому что обе стороны боятся высказать свое мнение определенно. Вожди прасинов, со своим монофиситством, не могли рассчитывать на сочувствие димотов даже своей факции, но они знали, что несторианство, в котором они старались обвинять царя, также весьма непопулярно среди масс. Царь, который в то время старался примирить монофиситов с православными, занимал сомнительную среднюю позицию между партиями, которая не удовлетворяла ни ту ни другую сторону.[1] В конце дискуссии прасины выставляют более понятное массам обвинение венетов в „эллинстве". Прасины с проклятиями оставили ипподром. На этот раз им не удалось вызвать столкновение с венетами, может быть потому, что венеты были не подготовлены. Но в следующие дни кровавая схватка была, казалось, неизбежна. Марцеллин говорит, что аристократы (nobiles) снабжали народ „оружием и подарками". Прасины, очевидно, позаботились об этом уже ранее, как в 501 г. Однако, массы, у которых были свои особые интересы, опрокинули расчеты вождей. Достаточно было повода, которым и на этот раз был отказ префекта и императора в помиловании сорвавшихся с виселицы прасина и венета, чтобы димы обеих факций объединились и образовали свою организацию (κατάστασις) „прасино-венетов", лозунгом которой было объявлено: „побеждай" (νίκα).[2] Через день (13 января), это объединение было оглашено в ипподроме, и вслед за тем начались пожары правительственных учреждений вокруг Августеона.[3] На запрос царя (14 января) о причинах мятежа, прасино-венеты требуют отставки Иоанна Каппадокийца, Трибониана и Евдемона.[4] Первый был прасин, последние два, вероятно, венеты. Хотя это требование было немедленно удовлетворено, прасино-венеты в тот же день избирают нового царя — Ипатия, который был „патроном" венетов и племянником Анастасия. Так как Ипатий, вместе с братом Помпеем, находился во дворце, где заперся с большинством сенаторов и император, то мятежники направились к дому третьего брата, тоже венета, Проба (близ гавани Софиан на юг от ипподрома в 3-м регионе) и, провозгласив императором его, требовали оружия. Не получив ответа (так как и теперь смена царя не входила

[1] Православные называли монофиситов „манихеями", а монофиситы православных „иудеями" и „самаритами". Мандатор говорит: „Замолчите, иудеи, манихеи, самариты". Центр тяжести здесь, очевидно, в манихействе, а „иудеи и самариты" присоединены для того, чтобы заранее застраховать себя от противоположного обвинения. Прасины сразу это подхватывают: „ты отвергаешь иудеев и самаритов? богородица со всеми (нами)", т. е. это просто чудо! Они умалчивают о манихействе, и это подчеркивает мандатор: „доколе вы будете изобличать сами себя" (т. е. в манихействе)? Прасины с иронией отвечают, что, ведь, „подлежит проклятию, кто не говорит, что царь истинно верует". Царь понимает иронию и, больше раздражаясь, говорит: „я говорю вам (как манихеям), креститесь во единого" (бога), — ударение на слове „креститесь". Прасины, по подсказке руководителя, подхватывают: „я крещусь во единого (Христа)". Подразумевается: а ты крестишься в двух, т. е. разделяешь Христа на две природы. Тогда царь грозит обезглавить оппонентов.

[2] Proc. Pers., I, 24, p. 121.

[3] Mal., 474. — Theoph., 184.

[4] Chron. Pasch., 620.

в расчеты аристократии), они сожгли дом Проба, как в 512 г. дом Ареобинда.[1] В следующие дни (15—17 января) происходят битвы с герулами и готами Велизария и продолжаются пожары.[2] Мятежники не делали различия между богатыми прасинами и венетами. Если же и на этот раз пострадали, главным образом, венеты, то причиной была близость их домов к правительственным учреждениям. Что касается части старого города, лежавшей на север от Августеона, то она пострадала не по вине мятежников. Церковь Софии, как говорит псевдо-Захария, „была подожжена сторонниками царя, чтобы собравшийся народ, услышав о несчастии, раскаялся".[3] Октагон (на запад от нее) был подожжен солдатами, когда он был занят мятежниками.[4] Пожар распространялся вследствие сильного ветра. Мятежники и теперь, как в 520 г., убивали „паракенотов".[5] До 18 января у мятежников не было царя.[6] Им помог Юстиниан, который, подозревая Ипатия и Помпея в измене, приказал им оставить дворец, и мятежники скоро ими овладели. 18 января Юстиниан, подобно Анастасию, пробовал выходить к димам на ипподром с Евангелием, приносил покаяние и давал клятвы, но успеха не имел, за исключением небольшой части венетов (может быть, богатых или подкупленных людей из черни).[7] Димоты короновали Ипатия, против его воли, сначала на форуме Константина, а потом в ипподроме.[8] Официальная версия, сохранившаяся у Марцеллина, будто восстание было делом племянников Анастасия, нужна была Юстиниану только на первое время, чтобы скрыть истинные причины восстания.[9] Рассказ Пасхальной хроники (восходящей, вероятно, к Малале) о том, что Ипатий, уже находясь в царской кафисме, пытался предать восставших Юстиниану, находит подтверждение в том факте, что лица, которые должны были установить связь между Ипатием и Юстинианом, но этого не сделали, были потом наказаны.[10] Сенаторы, оказавшиеся в критические дни вне дворца, вынуждены были подчиниться восставшим, чтобы спасти свои дома, и действовали так же предательски, как и Ипатий. Сенатор Орест отговаривал димотов от активных действий.[11] 18 патрикиев и иллюстриев, привлеченных в связи с восстанием, подверглись только конфискации имущества и изгнанию.[12] Сами Ипатий и Помпей казнены были только по настоянию Феодоры, вероятно, по соображениям династическим, как племянники Анастасия.[13] Все это показывает, что восстание Ника не было восстанием прасинов или венетов. Это было восстание димов не только против правительства, но и против обеих групп. Конец восстания известен: придворным евнухам удалось путем подкупа отделить от мятежников часть венетов, остальное довершили гипасписты Велизария и герулы Мунда. 35 тысяч (наиболее вероятная цифра) димотов и не-димотов (πολιτῶν καὶ ξένων), собравшихся в ипподроме, были перебиты

---

1 Theoph., 184. — Chron. Pasch., 622.
2 Chron. Pasch., 622—623.
3 Ps.-Zach., IX, 14.
4 Chron. Pasch., 623.
5 Ibid., 622.
6 Marcell., 103: sine certo interrege.
7 Chron. Pasch., 623—624.
8 Ibid., 624.
9 Marcell., 103.
10 Chron. Pasch., 624—625, cf. 628.
11 Proc. Pers., I, 24, pp. 124—125.
12 Theoph., 185—186. — Chron. Pasch., 628.
13 Ps.-Zach., IX, 14; ed. Brooks, p. 114.

и после того долго „не видно было нигде ни одного димота“.[1] Действительно, до 547 г. источники не упоминают о движении димов.

Последнее крупное восстание димов того же типа произошло в 602 г. и привело к свержению Маврикия. В связи с постоянными войнами, особенно против славян и аваров, население столицы, как и всей империи, страдало от фискального гнета, реквизиций и рекрутских наборов и вместе с тем находилось под постоянной опасностью варварского нашествия.[2] Руководящие группы факций также не могли быть довольны императором: помимо усиления налогов, аристократия была недовольна непотизмом Маврикия, отдававшего земли своим многочисленным родственникам, а прасины — его антимонофиситской и провенетской политикой. Особенность этого восстания в том, что оно началось среди войска на Дунайской границе. Но параллельно происходило и движение димов в столице: 2 февраля 601 г. димоты забросали императора камнями в Карпианах, а потом демонстрировали особую инсценировку — издевательство над человеком, похожим на Маврикия.[3] В Карпианах были гитонии прасинов.[4] Но в данном случае это не имеет значения, так как здесь выступали димоты, независимо от руководителей факций, которые до прихода мятежных войск, во главе с Фокой, оставались лойяльными, несмотря на то, что войско предлагало принять власть венету Герману.[5] Лойяльными оставались некоторое время и те димоты обеих факций, которые выделены были теперь в военные отряды под командой димархов и связаны были военной дисциплиной: они охраняли стены против войск Фоки. Восстание подняли в городе невоенные димоты (λαός) вместе с недимотскими массами. По словам Симокатты, они „сползли к тирании“, поносили императора и сожгли дом префекта претория Константина Ларднса.[6] Подробности восстания неизвестны, так как почти единственным источником здесь является Симокатта, для которого фразы дороже фактов. Ближайшим поводом для восстания у этого автора является возмущение народа попыткой Маврикия арестовать Германа, — следовательно, это были венеты.[7] Но, с другой стороны, у Феофана, который пользовался еще Иоанном Антиохийским, сохранилась подробность, что дом Лардиса сожгли прасины, которые, действительно, особенно не любили префекта претория.[8] Отсюда можно заключить, что здесь выступали димоты обеих факций. Узнав о восстании, военные димоты обеих факций покинули стены и присоединились к восставшим.[9] Все они сразу перешли на сторону Фоки, доверяя ему, вероятно, как человеку демократического происхождения. Они действовали независимо от руководящих групп, из которых на сторону Фоки перешла прежде всего (но уже после вспыхнувшего восстания) часть прасинской группы,[10] другие — позднее и лишь в силу необходимости, о чем речь будет ниже. О восстании 610 г., которое привело к свержению Фоки и которое имело более сложный характер, также удобнее будет говорить в связи с политикой императоров.

---

[1] Chron. Pasch., 627. — Theoph., 185.
[2] Mich. Syr. (J. Ephes.), X, 21, p. 380a. — Theoph., 279.
[3] J. Antioch., fr. 218c., FHG, V, 35—36. — Theoph., 283.
[4] Mordtmann, ibid., 70: τὰ Καρπινά — на дороге от Большого рынка к Влахернам в с.-в. части города Константина.
[5] Theoph., 287.
[6] Simoc., VIII, 9, p. 331.
[7] Ibid., p. 330. — Theoph., 288.
[8] Theoph., 288, cf. 287.
[9] Simoc., l. c., 331. — Theoph. 288.
[10] Simoc., VIII, 9, p. 332.

Я оставляю в стороне те многочисленные известия о религиозных движениях, где нет упоминаний ни о димах, ни о факциях и где организующей группой можно предполагать не дим, а приход, хотя между димом и приходом, как было сказано выше, должна была существовать какая-то связь, и факции не относились безразлично к религиозным спорам. Большинство религиозных движений направлялось против монофиситства. Они называются часто „восстаниями народа" (στάσεις τοῦ λαοῦ). Таковы были восстания: против Василиска в 478 г., когда он издал монофиситский „энкиклион", причем народ грозил сжечь город;[1] против Анастасия в 507 г., когда он привез какого-то иконописца-„манихея", писавшего не по-православному иконы;[2] против того же Анастасия в 515 г., когда он нарушил данную Виталиану клятву о созыве церковного собора;[3] „большое восстание народа" в 518 г., когда народ требовал анафемы монофиситу Севиру.[4] В этих восстаниях без сомнения участвовали димоты обеих факций, а из руководителей могли участвовать только венеты. Другие движения были направлены против язычества. Таковы: „беспорядок" (ἀταξία) в столице в 467 г. в связи с делом философа Исокасия[5] и особенно длительные волнения в столице, развернувшиеся в настоящее восстание в 580 г., когда было изобличено много тайных язычников.[6] В таких движениях могли участвовать обе факции, и самая инициатива могла исходить от руководящей группы прасинов.

Перечисленных примеров движений и восстаний факций и димов, не исчерпывающих всего материала источников, достаточно для выяснения различных типов этих движений. Они показывают, что борьба димов и факций была сложной и многообразной, но основная линия борьбы была не между факциями, а между народными массами и господствующим классом.

§ 10. Факции и политика императоров. Если димы первоначально были демократическими учреждениями, которые, однако, уже в античные времена попали в известную зависимость от людей богатых, то факции с самого начала были организациями двух социальных групп и имели целью использовать народные массы в интересах этих групп. Монархия в целом и не могла быть враждебною ни той ни другой группе, тем более, что разделение народных масс на две части, которое они пытались осуществить, до известной степени укрепляло положение монархии. Но, в зависимости от политических условий, монархия давала предпочтение то одной, то другой из соперничавших групп, которые объединялись только для борьбы с народными восстаниями и с варварами. В свою очередь и факции, в зависимости от соотношения сил, оказывали известное давление на политику императоров в том или другом направлении. Естественной опорой императоров была землевладельческая аристократия, так как хозяйство империи было преимущественно земледельческим и в основе натуральным. Но поскольку в ранневизантийский период, особенно в V—VI вв., значительную роль играли еще торговля и ремесло, императоры находили опору и во второй группе, располагавшей денежными богатствами и в политическом отношении поддерживавшей теократическую монархию. Сила прасинов лежала в бо-

[1] Mal. Herm., 370—371. — Theod. Lect., I, 23. — Theoph., 121.
[2] Theoph., 149—150.
[3] Ibid., 161.
[4] Ibid., 163.
[5] Chron. Pasch., 594.
[6] J. Ephes., III, 27, 29—34. — Evagr., V, 18.

гатых, с крупными торговыми и промышленными центрами, восточных провинциях, в которых они имели безусловный перевес и которые тем более интересовали императоров, что постоянно грозили отпадением от империи. Наоборот, для венетов, господствовавших в греческих провинциях, было благоприятным моментом, если политика императоров обращалась на римский Запад, где также господствовала земельная аристократия. Внешнее положение империи заставляло императоров обращать свое внимание то больше на восток, то на запад, и только северная граница требовала всегда одинаково неослабного внимания; но и с варварами можно было бороться разными средствами: дипломатией и золотом или военной силой. В результате политика императоров в V—VI вв. представляет постоянные колебания, и императоры распадаются на две группы. Одни преимущественно держатся восточной ориентации, интересуются больше финансовой политикой, чем военной, борются с варварами золотом и дипломатией, опираются больше на двор, чем на сенат, поддерживают монофиситов и вместе с тем покровительствуют прасинам (Феодосий II, Зинон, Анастасий). Другие преимущественно держатся западной ориентации, больше интересуются военной организацией, чем финансовой, с варварами борются военной силой, опираются на сенат, ведут борьбу с монофиситами и являются сторонниками венетов (Маркиан, Лев, Юстин II, Тиберий, Маврикий).

Юстиниан пытался соединить обе ориентации, и его политика представляла колебания то в ту, то в другую сторону. Эта, довольно четкая для V—VI вв. картина значительно изменяется в VII в., вследствие утраты почти всего Востока, заметного падения торговли и вследствие милитаризации империи. В границах настоящей статьи я могу только кратко иллюстрировать эти общие положения, останавливаясь, главным образом, на тех фактах, в освещении которых расхожусь с существующей традицией.

При Аркадии (395—408) источники еще не упоминают о факциях, хотя они несомненно уже существовали. Те политические группы, которые борются за власть при этом слабом императоре, слишком близко напоминают прасинов и венетов, хотя здесь дело осложняется борьбой с готами. Препозит евнух Евтропий, возглавляющий придворную группу, имеющий орудием свою креатуру императрицу Евдоксию, ничем не отличается от „патрона прасинов" Хрисафия: он ведет борьбу против аристократии (венетов) и привилегий церкви,[1] интересуется больше всего финансами и в религиозной политике держится восточной („антиохийской") ориентации.[2] Он свергнут в результате блока части аристократии (Кесарий) с готами — Гайной. Но затем Гайна свергнут совместным выступлением „димов". Господство получает аристократическая группа (Аврелиан и епископ Иоанн). Но в конце царствования Аркадия снова усиливается придворная группа около имп. Евдоксии: ей удается устранить особенно беспокойного противника из аристократической группы — еп. Иоанна при помощи александрийцев-предшественников монофиситства (еп. Феофил). При этом придворной группе впервые пришлось встретиться с сопротивлением константинопольского населения, которое подняло восстание в защиту Иоанна.[3]

При Феодосии II (408—450) те же группы в источниках выступают уже как прасины и венеты. Пока власть находилась в руках Анфимия

[1] Cod. Just., IX, 8, 5. — Cod. Theod., IX, 40, 16. — Socrat., VI, 5.
[2] Zosim., V, 12. — Socrat., VI, 2.
[3] Socrat., VI, 9, 15, 16.

и Пульхерии (до 439 г.), продолжают господствовать венеты. Но прасины, во главе которых стоит их „патрон" препозит Хрисафий, ведут борьбу против венетов, и Хрисафию удается устранить Пульхерию и взять в руки власть от имени слабого императора, не выходившего из узкой сферы двора. Никто из императоров не заявлял так откровенно о своей симпатии к прасинам, как Феодосий.[1] Он всецело подчинялся евнухам, отчего страдало сенаторское землевладение, и защищался от гуннов и других варваров деньгами и дипломатическими мерами.[2] В религиозной политике держался восточной ориентации и сначала поддерживал несторианство, а потом, когда несторианство не имело широкого успеха на Востоке, — противоположное ему монофиситство; при Феодосии II начались процессы по обвинению аристократии в „эллинстве".[3] Однако еще в конце царствования Феодосия венетам удалось устранить Хрисафия и вернуть Пульхерию, опираясь на готскую военную группу (Аспар).

Маркиан (450—451), бывший доместик икии Аспара и муж Пульхерии, естественно „покровительствовал по всем городам венетской факции".[4] Он давал льготы земельной аристократии, был настроен воинственно и перестал платить дань гуннам. При нем был созван ненавистный для монофиситов Халкидонский собор. Он подавил восстание прасинов в столице и посылал войска для подавления восстаний монофиситов в Египте.[5]

Лев I (457—474), также бывший доместик икии Аспара, получил престол, подобно Маркиану, в результате соглашения с группой Аспара и, следовательно, должен был примыкать к венетам. Мнение, что он покровительствовал прасинам, основано на том, что у псевдо-Кодина прасины кричат приветствия Льву по поводу восстановления им приморской стены.[6] Но это не обозначает ничего, кроме того, что у псевдо-Кодина, пользовавшегося, очевидно, прасинским источником, записаны почти исключительно эвфимии прасинов: есть эвфимии прасинов и Юстиниану.[7] Императоры получали эвфимии от обеих факций, независимо от того, какой факции они больше сочувствовали. На западе условия складывались так, что создавали возможность или необходимость для Льва вести широкую (хоть и не совсем удачную) западную политику (вандалы, Антемий). Он преследовал монофиситов и подавлял восстания их в Александрии и в Антиохии, причем монофиситы были тесно связаны с прасинами, по крайней мере в Антиохии, где их поддерживал тогдашний магистр армии Востока Зинон, заведомый прасин.[8] Позднее в самой столице было восстание прасинов против Льва, поднятое купцами при содействии того же Зинона и исавров.[9] Правда, в конце царствования Льва наметился перелом в политике, так как союз с Аспаром стал обременительным и опасным для императора и венетов и вызывал недовольство населения столицы. Под давлением населения, которое выступает под религиозным знаменем православия против

---

[1] Mal., 351.
[2] J. Antioch., fr. 191, FHG, IV, 612. — Prisci, fr. 18, FHG, IV, 77 sq.
[3] Mal., 362.
[4] Ibid., 368.
[5] Evagr., II, 5.
[6] Patria Const., II, 208. — De Byz. hipp., 40. — Manojlović, ibid., 640.
[7] Ibid., I, 70.
[8] Theoph., 113. — Ps.-Zach., IV, 9.
[9] J. Antioch., fr. 206, FHG, IV, 616. — Можно прибавить, что Лев относился с уважением к эллинскому образованию, что совсем не мирится с прасинством.

арианства, Лев устраняет Аспара и начинает опираться на исавров, из которых создается новая придворная гвардия „экскубиторов“, причем большим влиянием начинает пользоваться именно Зинон, т. е. союз венетов с готами сменяется временным союзом их с исаврами. Может быть, в связи с этим Лев издает в конце царствования законы против патроциния, которые, однако, не затрагивали существенно интересов землевладельческой аристократии.[1]

После Льва в течение 44 лет императоры покровительствуют прасинам и вместе монофиситам. До известной степени это объяснялось тем, что вследствие укрепления варваров в Италии и Африке западный курс политики терял смысл, тогда как восточным провинциям угрожала усиливавшаяся Персия.

Зинон (474—491) „опирался на прасинскую факцию, потому что был любим ею и сам ей сочувствовал“.[2] Военную опору Зинона и прасинов составляли исавры. Но население столицы было недовольно господством иноземцев и монофиситов. Этим воспользовалась венетская аристократия, которая, кроме того, использовала опять готов (Теодорик, сын Триария) и внутренние раздоры среди исавров (Илл). Зинона сменил Василиск, бывший единомышленник гота Аспара и брат жены Льва I. Но выбор был неудачен: Василиск сам взял восточный курс в религиозной политике („энкиклион“), чем вызвал восстание столичного населения, и деспотизмом оттолкнул от себя аристократию, которая пошла на соглашение с Зиноном, выставив ему определенные условия. Вернувшийся Зинон „был принят всеми гражданами“.[3] Но Зинон не выполнил данного аристократии обещания закрепить престол за кандидатом, ею указанным, и это вызвало новое восстание венетов (Маркиана); оно было подавлено исаврами.[4] Последовавшее затем неудачное восстание Илла в Исаврии происходило также не без участия аристократии, так как кандидатом на престол выдвигался сенатор Леонтий.[5] Таким образом прасины победили. Во главе правительства стоял теперь евнух Урбикий, который вел ту же политику, что и Хрисафий. Религиозная политика Зинона была монофиситской. Изданный им для успокоения диофиситов, но силою им навязывавшийся „энотикон“ имел определенно антихалкидонитский смысл. На востоке, особенно в Антиохии, хозяйничали прасины и монофиситы.[6] С Римом был полный разрыв (484 г.), продолжавшийся и при Анастасии (до 518 г.):

Анастасий (491—518), являющийся камнем преткновения для Рамбо и Манойловича,[7] был креатурой препозита Урбикия, в ведомстве которого служил долгие годы, и августы Ариадны, находившейся под несомненным влиянием евнуха. Сенат и патриарх согласились на его избрание только после того, как он дал клятву забыть старые ссоры с сенаторами и отказаться от монофиситства.[8] Венеты пошли на блок с прасинами для того, чтобы устранить господство исавров, которое тяготило тех и других, и чтобы предупредить возможное вмешательство димов, использовав принцип наследственности власти путем замужества

---

[1] Cod. Just., XI, 56, 1; IX, 12, 10; XI, 54, 1 (все законы 468 г.).
[2] Mal., 379.
[3] Ibid., 380.
[4] J. Antioch., fr. 211, 3, FHG, IV, 619.
[5] Mal., 385—389. — Mal. Herm., 370—372.
[6] Mal. Herm., 372.
[7] De Byz. hipp., 41—43, 66. — Manojlović, ibid., 658—659.
[8] De caerim, I, 92, p. 422. — Evagr., III, 32.

Ариадны с Анастасием.[1] То, что Анастасий объявил себя сторонником русиев,[2] было тактическим шагом, смысл которого был для всех ясен, так как русии составляли одну политическую факцию с прасинами. Если при Анастасии в столице и особенно в Антиохии часто производят беспорядки прасины, то это говорит только о том, что они чувствуют за собою силу, а если император подавляет их мятежные выступления, то только потому, что они пытаются подчинить себе органы власти (δημοκρατεῖν τοῖς ἄρχουσι).[3] Финансовая политика Анастасия, которою он больше всего интересовался и которую проводил при помощи сирийца Марина, как уже сказано выше, была в интересах торгово-промышленной группы и столь же невыгодна для аристократии, но больше всего обременяла народные массы. Исчерпывающую ее характеристику, с точки зрения венета, дает Иоанн Антиохийский: Анастасий „целиком устранил аристократию“, „продавал должности людям нечестным“ (виндикам), „вмешивался в имущества умирающих“ (т. е. передавал поместья, игнорируя права наследования), „покупал мир у варваров деньгами“; „обратившись к ненасытной жажде денег“, водворил „всеобщую бедность“.[4] Почти теми же чертами тот же автор характеризует и Феодосия II. Препозит Амантий, который стал правой рукой Анастасия, — точная копия Евтропия, Хрисафия и Урбикия. Что Анастасий был монофиситом и от двусмысленного энотикона постепенно перешел к откровенному монофиситству, хорошо известно. Конечно, Анастасий, как и все императоры, не боролся против крупного сенаторского землевладения, которое было основой монархии, но он хотел подчинить его государственным интересам, к невыгоде владельцев. Кто считает Анастасия типичным представителем аристократии, упускает из вида тот факт, что Анастасий в результате своей политики разошелся со всей аристократией, даже с ближайшими родственниками — включительно до Ариадны.[5] Эта политика имела бесспорно свои разумные основания: после безнадежной утраты Запада задачей правительства было во что бы то ни стало закрепить восточные провинции и поднять государственные финансы для защиты от варваров, чего Анастасий в известной степени и достиг. Но Анастасий не был одинок: он опирался на прасинов и двор. По своему происхождению этот грек из Диррахия, повидимому, не имел ничего общего с Востоком, но он всю свою карьеру сделал в ведомстве препозита, а один источник говорит, что „его мать любила секту манихеев“, т. е. держалась монофиситства.[6] Политика Анастасия привела одновременно к обострению противоречий между факциями и к недовольству широких масс, что было причиной междоусобий и восстаний, о которых была речь выше.

Политика Анастасия потерпела крушение потому, что его финансовые меры, выгодные для государства, слишком тяжело ложились на массы, а его монофиситство было неприемлемо для греческого населения. Поэтому общее движение столичных димов, которое естественно было использовано венетами, заставило преемников Анастасия круто изменить политику в венетском направлении.[7] То обстоятельство, что

---

[1] De caerim., ibid., 419, 421. — Prisci Penegyr., 119—121.
[2] Mal., 393.
[3] Ibid., 393.
[4] J. Antioch., fr. 215, FHG, IV, 621; cp. fr. 191, p. 612. — Mal., 399.
[5] Theoph., 153, 158—159.
[6] Theod. Lect., II, 7. — Theoph., 134.
[7] Theoph., 163. — Acta conc., 536 a. — Mansi. Conc. coll., VIII, 1057 sq., 1142 sq.

эта политика держалась, с некоторыми колебаниями, почти столетие, объяснялось до известной степени внешним положением государства. Временное ослабление варварских государств на Западе и возможность воссоединения западных провинций, а потом натиск северных варваров, угрожавших самой столице, заставляли государство направлять все свои силы, главным образом, сначала на западные, а потом на северные границы, причем восточная опасность, хотя и не переставала висеть над империей, поневоле отодвигалась на второй план.

Юстин I (518—527), повидимому, раньше примыкал к прасинам: он был доверенным лицом Амантия; монофиситские источники объясняют его измену монофиситству влиянием жены Лупикины.[1] Самое избрание его императором, вполне случайное, произошло потому, что экскубиты и прасины считали его своим, а венеты и схолы в лице Юстина принимали его племянника, „патрона венетов" и „кандидата схол" — Юстиниана.[2] Позднее Юстин только один раз, под влиянием прасинов и антистасиотов венетов, вышел из подчинения племяннику и собирался его даже арестовать,[3] но в общем с 518 г. начинается уже правление Юстиниана.

Юстиниан (527—565) и внешними и внутренними условиями был обречен на двойственную политику. Открывшаяся возможность воссоединения западных провинций, им временно осуществленная, с одной стороны, и усиливавшаяся восточная опасность в связи с ростом политического могущества Персии — с другой, заставляли его колебаться между западным и восточным курсом во внешней политике. Одновременно усиление обеих групп в связи с ростом крупного землевладения и торговли, и обострение противоречий между ними, причем прасинская группа, как всегда, имела опору в восточных провинциях, теперь все более грозивших отпадением, обусловили колебания внутренней политики. Сам Юстиниан, по своему иллирийскому происхождению и латинскому воспитанию, не имел склонности не только к восточным, но и к греческим традициям: он воображал себя преемником римских императоров и относился враждебно к „эллинству". Единственно, что связывало его с Востоком, это — идея теократической монархии. Юстиниан не был „беспартийным", и его указ (527 г.) о наказании „атактов и убийц" независимо от факционной принадлежности выражает лишь общее всем императорам преследование „димократии".[4] Юстиниан был венетом и диофиситом, и только необходимость заставляла его делать уступки прасинам и монофиситам, или показывать вид, что им делаются уступки. Помощницей его в этой двойственной политике была Феодора. Позиция Феодоры как будто является аргументом против связи между монофиситством и прасинством. Но Прокопий, который является здесь главным первоисточником, говоря, что Юстиниан и Феодора „издавна принадлежали к венетам",[5] в то же время замечает, что Феодора только „всеми силами показывала вид (ἐπλάσσετο), будто она на стороне венетов", и что оба они держались различной политики.[6] Дело не только в „икономии", в преднамеренном разделении ролей, которое в отдельных случаях могло иметь место,

[1] Mal., 410. — Ps.-Dion. (J. Ephes.), II, 15—16.
[2] De Caerim., I, 93, pp. 427—428.
[3] J. Nik., 10, p. 503.
[4] Mal., 422. — Cp.: Nov., XIII, 2. — См. выше, § 5.
[5] Aneсd., X, 16—17.
[6] Ibid.

а главным образом в том, что, как показывают многочисленные приводимые Прокопием факты, Феодора руководилась не столько определенной линией политики, сколько личными отношениями и личными интригами. То обстоятельство, что прасины в свое время изгнали ее семью, а венеты приютили, могло в этих личных отношениях играть известную роль. Но все остальное, — ее сирийское происхождение,[1] связь ее семьи с прасинами, особенная близость к придворной группе на почве теократии и придворного этикета, крайнее пренебрежение к аристократии, которую она заставляла „рабствовать"[2] и которая ее ненавидела, наконец, ее монофиситство, — все это должно было сближать ее с прасинами.[3] То, что официально она, вместе с Юстинианом, считалась покровительницей венетов, не мешало ей фактически сочувствовать прасинам, как официальная принадлежность к православным, которые сделали ее даже святой, не мешала ей фактически быть монофиситкой. Экономическая политика Юстиниана была направлена к подчинению как землевладения, так и „эргастирий" государству и была равно невыгодна для руководящих групп обеих факций. Но Юстиниан помогал росту крупного землевладения, как и развитию торговли, и давал возможность богатым людям незнатного происхождения становиться землевладельцами, а сенаторам — владельцами „эргастирий". Политическая роль сената не отпала, но, в связи с развитием теократии, заметно снизилась в пользу бюрократии,[4] в состав которой входили и прасины. Финансовая группа играла такую же роль, как и при Анастасии, но рядом с ней, в связи с войнами, получила большое значение военная группа, состоявшая из аристократов, отчасти из варваров. В этой политике были колебания, о которых говорят факты межфакционной борьбы: то венеты нападают на прасинов, то прасины на венетов. Проследить эти колебания можно только на религиозной политике Юстиниана. Здесь он несколько раз переходит от жестоких гонений на монофиситов к переговорам с ними о религиозной унии и обратно, и эти колебания совпадают по времени с западным или восточным курсом его внешней политики. Пока внешнее положение было сравнительно спокойным, Юстиниан подвергает монофиситов гонениям (518—527 гг.), но боязнь за восточные провинции во время войны с Кавадом (527—532 гг.) заставляет его обратиться к переговорам об унии (529—530 гг.) и одновременно к преследованию „эллинства";[5] война за Италию, православное население которой необходимо было привлечь на сторону Византии, делает его снова гонителем монофиситов (536 г.), но война с Хозроем в 540 г. опять заставляет обратиться к унии, после чего Юстиниан (с 543 г.) делает все большие уступки монофиситам.[6] Вероятно, соответственные колебания происходили и в отношении к факциям: по крайней мере первые гонения на монофиситов совпадали по времени с покровительством венетам-стасиотам (518—523); а первые переговоры об унии — с более терпимым отношением к прасинам, о котором, во всяком случае, говорит указ 527 г.; нападе-

---

[1] Это утверждают сирийские источники: Chron. anonym., ed. J. E. Rahmani (Scharf., 1904), p. 117. — Chron. ad a. 1234, ed. Chabot (CSCO, Syr., t. XV), II, 192.

[2] Anecd., XV, 16.

[3] Виктор Тонненский (Chr. min., II, 197) говорит о „факции Феодоры" и „факции Юстиниана", правда, по поводу религиозных разногласий, но термин „факции" не употребляет в смысле религиозного направления.

[4] Diehl. Le Sénat. Byzantion, I, 205—206.

[5] Theoph., 180. — Mal., 449.

[6] Хронологию указываемых здесь фактов см.: Дьяконов. Иоанн Ефесский. СПб., 1908, 24—32.

ние прасинов на Месу в 561 г.[1] говорит об усилии прасинов. Но в самые последние годы борьба между прасинами и венетами прекращается, а заговор 562 г., который был организован аргиропратами при участии некоторых представителей аристократии,[2] указывает даже на контакт между факциями. Это сближение факций можно объяснить усилившимся движением народных масс, которые при Юстиниане страдали от фискального гнета не менее, чем при Анастасии. В 532 г. Юстиниану удалось подавить народное восстание, но с 553 г., как это видно из приведенных выше фактов, движение масс, независимо от факций, усиливается. Это обстоятельство заставляло факции воздерживаться от борьбы, а Юстиниана — отказаться от покровительства той или другой факции.

Как относились к факциям ближайшие преемники Юстиниана Юстин II (565—578) и Тиберий (578—582), прямых сведений источники не сохранили, но едва ли может быть сомнение, что они держались венетской ориентации. Хотя западные провинции были утрачены, а персидская опасность продолжала висеть над восточными провинциями, но еще более серьезная опасность угрожала с севера греческим провинциям и самой столице. Непрерывные оборонительные войны должны были привести к усилению военной группы, к снижению торговли и соответственному повышению роли крупного землевладения. Об этом говорит заметное повышение политической роли сената.[3] Известное заявление Юстина II, сделанное им факциям по поводу возникшего между ними спора в ипподроме, что „для венетов Юстиниан умер, а для прасинов он жив",[4] было несколько устаревшим, так как Юстиниан умер для тех и других уже при жизни, и говорило только о том, что император не был теперь заинтересован в борьбе факций. Но именно Юстин сказал, что сенат представляет в себе всех граждан.[5] Религиозный вопрос оба императора считали решенным и на религиозные споры смотрели, как на беспорядок. Юстин II до 571 г. еще пытался примирить монофиситов с диофиситами, но потом подверг монофиситов преследованию именно как виновников беспорядка.[6]

Вероятно еще при Тиберии в положении столичных факций произошло существенное изменение в связи с варварской опасностью, которая с 581 г. висела над столицей уже непрерывно.[7] Димы, организованные в два военных отряда по факциям, были привлечены к защите городских стен.[8] Это должно было привести к двум последствиям. Во-первых, димоты были подчинены военной дисциплине под начальством назначаемых свыше димархов. Правда, это были далеко не все димоты, но наиболее сильная и вооруженная их часть. Во-вторых, императоры вынуждены были относиться к обеим факциям с равной справедливостью: если и прежде ни один император не считал какую-либо факцию не „своим народом", то теперь стало совершенно невозможно оказывать какое-либо предпочтение одной факции, так как обе они стали опорой трона. Конечно, внутренняя политика императора необходимо имела тот или другой уклон, но этот уклон нельзя было демонстрировать. Кроме

---

1 Theoph., 235—236.
2 Mal. Herm., 378—380.
3 Diehl. Le Sénat, 206—207.
4 Theoph., 243.
5 Simoc., III, 11, 10. — J. Ephes., III, 5.
6 J. Ephes., I, 28, 37.
7 Ibid., III, 25.
8 См. выше, § 4.

того, вопросы внутренней политики неизбежно отодвигались на задний план пред вопросами защиты государства, а самые противоречия факций теряли свое значение пред внешней опасностью. Только в периоды династических кризисов димы и факции должны были, как и прежде, вступать в обычную борьбу за власть. Иначе, конечно, дело обстояло в провинциях, где и факции могли действовать более свободно, и император мог проводить свою политику более открыто.

Все это необходимо иметь в виду при объяснении политики Маврикия (582—602), которая недавно стала предметом специального исследования Ивонны Янссенс.[1] Источники ничего не говорят о борьбе факций при Маврикии. Напротив, димы обеих факций совместно защищают столицу (584, 600, 602). Усилия Маврикия почти целиком были направлены на борьбу со славянами и аварами; за восточные провинции не приходилось особенно бояться, так как Персия вследствие внутренних смут должна была прекратить свой натиск на запад, и в 591 г. Хозрой II должен был бежать в Византию. Руководящая группа прасинов не могла быть сильной, так как торговля, в крайне стесненном положении империи, не могла развиваться, и аристократия всегда связанная с командным составом войска, была естественной опорой монархии. Таким образом Маврикий не имел оснований изменять политику своих предшественников, и он должен был держаться провенетской политики, но, опираясь на военную силу обеих факций, был вынужден искать расположения и у прасинов. Янссенс старается доказать, что Маврикий был сторонником прасинов, хотя ничего не говорит о мотивах такой перемены политики. В качестве доказательства приводится известие о том, что Маврикий назвал своего сына по требованию прасинов Феодосием, а не Юстинианом, как того хотели венеты.[2] Хотя известие относится к позднему источнику[3] и странным образом не подтверждается у современника и очевидца монофисита Иоанна Ефесского, который рассказывает о народной демонстрации в ипподроме по случаю рождения Феодосия,[4] но факт можно считать вероятным. Однако Маврикий мог и даже должен был сделать прасинам эту ни к чему не обязывающую уступку именно потому, что он хотел этим расположить в свою пользу факцию, которая имела основание быть недовольной общим направлением его политики. Иоанн Ефесский указывает другой более веский для Маврикия, очень заботившегося об интересах династии, аргумент в пользу имени „Феодосий“: Феодосий II был последним „порфирородным“ наследником византийского престола, все другие императоры не родились в порфире, и следовательно, это имя для сына Маврикия было символом его исключительного права на престол.[5] Другие аргументы Янссенс искусственны и неубедительны. В 602 г., когда стало известно в столице о восстании войска на дунайской границе, Маврикий для успокоения димов открыл ипподром, и здесь обе факции, одна за другой, приветствовали его в одних и тех же выражениях эвфимиями и пожеланиями победы над врагом.[6] Но при этом

---

1 Yv. Janssens. Les Bleus et les Verts, etc. Byzantion, 1936, XI, 499 sq.

2 Ibid., 499—500.

3 Схолии неизвестного времени в рукописях Феофилакта и Прокопия. Цит. по ст. Janssens. См. также: Wilken, 235.

4 J. Ephes., V, 14.

5 Ibid.

6 Simoc., VIII, 7, p. 327. — Более полно у Theoph. (287), который пользовался здесь, кроме Симокатты, Иоанном Антиохийским. О жалобе прасинов Симокатта не говорит.

прасины принесли жалобу на префекта претория Константина Лардиса и другого архонта Доментиола: „Константин и Доментиол надоедают (или навязывают) твоему собственному димосу (или димотам), чтобы Крукис был диэкетом на наши грехи (τῷ οἰκείῳ σου δήμῳ παρενοχλοῦσιν, ἵνα ὁ Κρούκης διοικήσῃ, εἰς ἃς ἔχομεν ἁμαρτίας)“.[1] Смысл совершенно ясен: у прасинов были димарх, или диэкет Сергий; правительство им было недовольно и хотело назначить Крукиса, но в данных условиях хотело получить согласие факции, приставая к ней со своим кандидатом; однако факция его не хотела, считая такое назначение наказанием за грехи и полагая, что только император может распорядиться своими димотами. Янссенс понимает приведенную фразу так: они „преследуют твой собственный дим (т. е. факцию), — хоть бы Крукис был диэкетом на наши грехи!“ Выражение τῷ οἰκείῳ σου δήμῳ автор считает неопровержимым доказательством, что прасины были собственной факцией Маврикия.[2] Однако дим не то же, что факция, и даже ὁ δῆμος τῶν πρασίνων обозначает просто народ или, точнее, граждан прасинов. Даже, если здесь разумеется именно факция, то и в таком случае никаких выводов о прасинстве Маврикия отсюда сделать нельзя: официально, а в данном исключительном положении и фактически обе факции были „своими“ для императора. Что касается остальной части фразы, то здесь придумывается такое объяснение: Сергий не мог по своей слабости защитить прасинов от преследований Константина и Доментиола; поэтому они требуют себе известного своей твердостью и жестокостью (этим объясняется выражение „на наши грехи“) Крукиса. Такие черты характера Крукис проявил, будто бы, при Фоке, который назначил его димархом, когда в 603 г. он поднял восстание и был за это сожжен.[3] Но слово παρενοχλοῦσιν вовсе не значит „преследуют“, а именно „надоедают, настоятельно требуют“, и в этом смысле употребляется чрез несколько страниц у того же Феофана.[4] Если прасины действительно хотели Крукиса, то странно, почему Маврикий в такой критический момент, когда вся его судьба, можно сказать, была в руках димов, не исполнил этой просьбы и оставил Сергия. В дальнейших переговорах с венетами Сергий проявил не слабость, а скорее твердость.[5] Что касается Крукиса, то более правдоподобно, как мы увидим далее, что он был сожжен самими прасинами за предательство. Такое же искусственное объяснение дается другому факту. Когда, после провозглашения Фоки, на коронации его жены Леонтии, венеты, спорившие с прасинами из-за мест, получили обиду от Фоки, они „в сильном возбуждении кричали ему: «Подожди, пойми положение, Маврикий не умер» (ὕπαγε, μάθε τὴν κατάστασιν, ὁ Μαυρίκιος οὐκ ἀπέθανεν). По мнению Янссенс, здесь венеты угрожают Фоке тем, что прасины, на которых он полагается, ему изменят и снова вернутся к Маврикию, который, следовательно, покровительствовал прасинам.[6] Но, если читать без предубеждения, текст совершенно ясен: обиженные венеты грозят Фоке, что они, хотя и признали его, но могут вернуться опять к Маврикию, так как он жив. Янссенс считает, что такая угроза была бы „слишком неискусна“, так как легко было пред-

[1] Theoph., 287.
[2] Yv. Janssens, ibid., 504, 506
[3] Ibid., 504—505.
[4] Theoph., 297: Ираклий ἐνοχλούμενος ὑπὸ τῆς συγκλήτου поднять восстание против Фоки.
[5] Theoph., 289.
[6] Yv. Janssens, ibid., 512—513, ср. 510.

видеть, что Фока расправится с Маврикием. Но Феофан и не говорит, что они кричали с расчетом; наоборот, он подчеркивает, что они кричали „в сильном возбуждении" (ἀγανακτοῦντες). Кроме того, они могли думать, что Маврикий находится в безопасности: действительно, ему представлялась полная возможность бежать в Персию к своему союзнику Хозрою II.[1] Таким образом, приведенный текст говорит скорее, что венеты были партией Маврикия. Другие факты это подтверждают. Иоанн Никиуский рассказывает, что в Нижнем Египте, близ Александрии, три топарха из туземцев, назначенные „префектом Александрии" Иоанном (очевидно, прасины), напали на факцию венетов и разграбили два города, а потом подняли настоящее восстание против империи; Маврикий сместил префекта и подавил восстание.[2] Здесь важно не то, что Маврикий применяет репрессии против прасинов: такие репрессии применялись против всяких попыток „димократии". Важно то, что против Маврикия в Египте поднимается восстание под прасинским знаменем. Это значит, что его политика в Египте была благоприятна для венетов, т. е. греческих землевладельцев, но не для прасинов. Особенно показательно, что Маврикий подвергал жестокому преследованию восточных монофиситов, дав широкие полномочия на это своему родственнику епископу Мелитенскому Домициану, который был для него „самым близким из всех человеком и советником" по всем делам.[3] Только в последние годы жизни Маврикий, получив от Хозроя II значительную часть Армении, которая держалась антихалкидонского направления, и желая закрепить ее за Византией, вел здесь какие-то переговоры о религиозной унии, послужившие исходной точкой для позднейшего монофелитства.[4] Это дало повод восставшим димам обвинять императора в ереси „маркионитства"[5] (докетизма), родственного монофиситству. Не только Домициан, но все вообще ближайшие к Маврикию люди (жена Константина, сын Феодосий, тесть его Герман) были венетами,[6] и нет никаких указаний, что он расходился с ними в своей политике (как это известно, например, об Анастасии). Мы уже говорили, что Маврикий был свергнут войском и димами, без активного участия их руководящих групп, хотя обе они имели основание быть недовольными императором.

Фока (602—610) в своей внешней политике должен был снова перенести все внимание на Восток, которому опять угрожала оправившаяся от внутренних потрясений Персия в лице Хозроя II, и это до известной степени предрешало его пропрасинскую политику. Но внутри государства он не мог найти себе настоящей точки опоры, и его царствование представляло почти сплошную анархию, сдерживаемую только террором. Он не был желателен ни для одной из руководящих групп, так как выдвинут был солдатской и димотской массой, которая не имела своей организации. Венеты, вместе с командным составом войска, имели своим кандидатом Германа, но попытка договориться об этой кандидатуре с прасинами не имела успеха,[7] и прасины, не желая слишком последовательного венета Германа, перешли на сторону Фоки.[8] Поэтому Фока

---

1 Маврикий послал туда сына Феодосия с Константином Лардисом.
2 J. Nik., 97, p. 529—530, 532.
3 J. Ephes., V, 19. — Ср. J. Nik., 99, p. 535.
4 В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. IV, 443—445.
5 Simoc., VIII, 9, p. 330—331. — Theoph., 288.
6 Theoph., 289, 293, ср. 287.
7 Ibid., 289. — Simoc., VIII, 9, 332—333.
8 Simoc., ibid. 332. — Theoph., 289.

стал императором прасинов и оставался таким до 609 г., хотя жестоко подавлял всякие попытки „димократии“ со стороны обеих факций. Венеты подверглись репрессиям уже в самом начале, вероятно, за проявленное ими каким-нибудь образом недовольство. Обращенный иудей Иаков, который признается, что делал зло христианам, вмешиваясь в борьбу партий то как венет, то как прасин, говорит: „когда воцарился Фока, я, как прасин, предавал христиан, как венетов, и называл их иудеями и мамзирами“.[1] Дальше идет сплошной ряд заговоров венетской аристократии против Фоки: два заговора Константины и Германа в 603 и в 605 г., заговор эпарха Феодора 608 или 609 г., наконец, заговор Приска, зародившийся еще в 607 г.,[2] заговор, может быть, только части венетской верхушки. Янссенс думает, что с 603 г. партией Фоки становятся уже венеты, а не прасины, потому что в этом году, будто бы, произошло восстание прасинов против Фоки. Но это простое недоразумение. Пасхальная хроника под 603 г. рассказывает о репрессиях Фоки против Константины и Германа, очевидно, в результате их заговора, о котором рассказывает Феофан,[3] и затем продолжает: „потом (εἶτα) во время происшедшего народного восстания (στάσεως δημοτικῆς) была сожжена Меса от дворца Лавса... до форума Константина... сожжен же был между преторием городского эпарха и форумом диэкет факции прасинов Иоанн по прозванию Крукис“.[4] Так как „Доктрина Иакова“ говорит, что Месу сожгли прасины,[5] то это не могло быть восстание венетов, связанное с заговором, как думал Парети.[6] Поэтому Янссенс считает, что между заговором и восстанием нет никакой связи и что εἶτα обозначает значительный промежуток времени, так как заговор венетов не мог послужить поводом для восстания против Фоки.[7] Однако в параллельном рассказе у Феофана после рассказа о Константине мы читаем: „поэтому (τοίνυν, то же значение может иметь и εἶτα) в городе происходит большое восстание (στάσις μεγάλη), и прасины поносили Константину“.[8] Очевидно, Феофан имеет в виду то же восстание, хотя и не рассказывает, как оно развертывалось. Картина ясна: прасины, узнав о заговоре венетов в пользу ненавистного им Германа, по обычаю, бросились в гитонии венетов на Месе и сожгли их. Это было восстание не против Фоки, а против венетов; в этом смысле слово στάσις у летописцев употребляется неоднократно.[9] Но это было нарушение порядка („димократия“), и Фока жестоко расправился с прасинами. Вполне естественно, что в этой расправе при-

---

[1] Doctr. Jacobi, hrsg. v. Bonwetsch., I, 40, p. 39. — Я исправляю явно испорченный текст: ὡς πρασίνος (вм. πρασίνους), φησι παρεδίδουν ὡς βενέτους (вм. τοῖς βενέτοις) τοὺς Χριστιανούς на основании более исправного здесь древнеславянского перевода: „яко зелен, рече, злая творях христианом с ним (т. е. с Фокой), июдея и мамъризы нарицая“ (Пам. слав.-русск. письм., I, Минеи Четьи, дек. 18—23, изд. Археогр. ком., М., 1907, стб. 1478), в соответствии с дальнейшим: ὡς βενετος φησί, πάλιν ἐκκυλλῶνα τοὺς χριστιανοὺς ὡς πρασίνους и т. д. Иудеями называли не прасинов, а венетов. „Мамзиры“ или „мамризы“ — непонятное бранное слово.

[2] Chron. Pasch., 695, 696—697. — Theoph., 293—295. — О хронологии первых заговоров см.: A. Pernice. L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905, 305.

[3] Teoph., 293.

[4] Chron. Pasch., 695.

[5] Doctr. Jac., I, 40, p. 39.

[6] Pareti. Verdi e azzuri al tempi di Phoca. Studi Italiani di Filol. Class., XIX, 1912, 305 sq.

[7] Yv. Janssens, ibid., 521.

[8] Theoph., 293.

Напр.: Theoph., 237. — Mal. 492 и др.

няли участие и венеты, как об этом говорит иудей Иаков.[1] Что касается Крукиса, то по прямому смыслу приведенного текста Пасхальной хроники и Меса, и Крукис были сожжены восставшими, т. е. прасинами, а не властями, как думает Янссенс. Меса не была местом казни. Прасины ненавидели своего диэкета,[2] которого, очевидно, „навязал“ им Фока (может быть, по соображениям военным). Феофан, пользующийся здесь Иоанном Антиохийским, рассказывает, что Герман еще раз вел переговоры с димархом прасинов (т. е. Крукисом) и посылал ему золото,[3] и хотя старейшины димов опять не приняли его предложения, но сам Крукис, может быть, был сговорчивее и принимал какие-нибудь меры в пользу Германа, так как он очень нравился в свое время К. Лардису и Доментиолу, несомненным венетам. За это его и сожгли. Настоящее восстание прасинов против Фоки произошло в 609 г., и тогда они были лишены права πολιτεύεσθαι, т. е. перестали быть факцией императора.[4] Таким образом до 609 г. Фока был покровителем прасинов. Эвфимии венетов и прасинов Фоке в надписях,[5] к какому бы году они ни относились, ничего не обозначают: обе факции одновременно могли писать, как и кричать, эвфимии какому угодно императору. Что касается религиозной политики Фоки, то защитником „православия“ сделал его только папа Григорий I, который восторженно прославлял этого убийцу ненавистного ему Маврикия больше всего потому, что он запретил константинопольскому патриарху именоваться „вселенским“.[6] Применяясь к населению греческих провинций и особенно столицы, Фока был православным, но до 609 г. предоставлял полную свободу и восточным монофиситам. Около 609 г. произошли существенные перемены в отношениях между факциями и императором. Когда в Африке началось восстание экзарха Ираклия, к нему примкнули в Африке, а потом и в Египте прежде всего прасины.[7] Тогда во всех провинциях началось движение прасинов против столь долгого господства венетов, — в основе греческих землевладельцев. Начались кровавые схватки не только в городах Востока и Египта, но и Малой Азии и даже Европы.[8] Сначала прасины избивали венетов, потом, когда Фока послал на восток и в Египет карательную экспедицию Воноса, начались избиения прасинов, а вместе и монофиситов.[9] Столичные прасины, которые всегда опирались на восточные провинции, естественно к ним примкнули, отсюда — восстание прасинов 609 г. Что касается венетов, то они разделились, как это было и в Египте.[10] Часть аристократии во главе с Приском еще с 607 г. завела сношения с Ираклием и настойчиво побуждала его к восстанию; может быть, это была и вся аристократия, рассчитывавшая, что восстание даст корону Приску.[11] Но не посвященные в заговор рядовые димоты венетской партии естественно

---

1 Doctr. Jac., I, 40, p. 39.
2 Theoph., 287, 289.
3 Ibid., 293.
4 Ibid., 297. — J. Antioch., fr. 218e, FHG, V, 37.
5 Yv. Janssens, ibid., 526—528.
6 Gregorii M. Epist., XIII, 34.
7 J. Nik., 108, p. 550.
8 Ibid., 544, sq. — Doctr. Jac., I, 40, p. 39; V, 19, p. 82. — Tougard. De l'histoire profane (Mirac. S. Demetrii Thessal.), Paris, 1874, p. 86. — Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима. Изд. Н. Я. Марра, СПб., 1909, стр. 5—8.
9 Doctr. Jac., I, 40, p. 39; V, 10, p. 89. — J. Nik., 104, pp. 539—540. — Антиох Стратиг, ibid., 7—8. — Theoph., 296.
10 J. Nik., 108, p. 548.
11 Theoph., 295, cp. 297.

же доверяли прасинскому кандидату и колебались его поддерживать, хотя не собирались и защищать Фоку. Остальное известно: когда флот Ираклия-сына подошел к столице, Фока оказался беззащитным, три группы (Приск с экскубитами, прасины и венеты) оставались изолированными, но прасины первые перешли на сторону Ираклия, венеты держались пассивно, и это послужило поводом для нападения прасинов на венетов, бежавших без сопротивления, и для последовавшего затем сожжения венетского знамени в ипподроме.[1]

Время Ираклия (610—641) было временем внешней борьбы империи на востоке и на западе. Внутренние отношения этого времени мало известны. Прасинское направление политики Ираклия выразилось в отдельных фактах, указывающих на то, что он боролся против произвола землевладельческой аристократии,[2] против излишних расходов государства на церковные учреждения,[3] но особенно в его монофелитской религиозной политике (эктесис 638 г.), которая ближайшей целью имела закрепление за Византией Армении и северной Сирии, а также в характерном для прасинов преследовании иудеев (закон 634 г. о насильственном их крещении).[4] Венеты, по крайней мере в начале его царствования, были партией оппозиции. В 612 г. произошел заговор Приска, подробности которого мало известны, но который привел к частичному перемещению земель в руки новой служилой аристократии.[5] В 613 г., когда в столице произошло волнение по поводу брака императора с племянницей Мартиной, „на состязаниях в ипподроме его обличали“ венеты, а „прасины ему сочувствовали и содействовали“.[6] Однако прежние противоречия между фракциями, в связи с постепенной утратой восточных провинций и падением торговли, быстро сводились на-нет. Самый состав землевладельческой аристократии изменился вследствие включения сюда в большом числе близких Ираклию армянских элементов, которые давали теперь империи военные кадры. В заговоре против Ираклия в последний год его царствования участвовали почти исключительно армяне.[7] Вследствие непрерывных войн господство получает постепенно военная группа. Всем этим объясняется то, что при Ираклии упоминания о фракциях постепенно прекращаются. Борьба между фракциями продолжалась еще на востоке и в Египте, пока они принадлежали империи, но это была скорее борьба провинциалов против греков-землевладельцев, которые, однако, плохо защищали империю, избегая расходов на войну.[8] Нет упоминаний о фракциях и в период династического кризиса после смерти Ираклия (640—641), хотя борьба была жестокой. Можно предполагать, что враждебные выступления димов против Мартины и ее сына Ираклеоны в пользу сына Ираклия от первой жены Константина, который за короткое свое царствование успел заявить о своем православии,[9] а также дальнейшее низвержение Мартины и Ираклеоны были делом группы венетского направления, и на-

[1] J. Antioch., fr. 218, FHG, V, 38. — J. Nik., 110, p. 552. — Cron. Pasch., 700—701
[2] Niceph., 7—8.
[3] K. Zachariae v. Lingental. Jus Graeco-Romanum, III, 33—38.
[4] Doctr. Jac., I, 1—4.
[5] Niceph., 5.—Chron. Pasch., 703.
[6] Niceph., 14—15. — Понимание этого места в том смысле, что „даже прасины его обличали“, зачеркивает вторую половину фразы; неизвестно, кто же „сочувствовал“ Ираклию. Ср. Y v. Janssens, ibid., 533.
[7] Себеос. История имп. Ираклия. СПб., 1862, гл. 14—19, стр. 64 и сл.
[8] J. Nik., 118.
[9] Niceph., 29, 31; — Theoph., 341.

оборот, временная борьба димов за Ираклеону стимулировалась группой прасинского направления. Однако, исход борьбы был решен вмешательством армии, руководимой армянином Валентином Аршакуни.[1]

При Константе II (641—668) и Константине IV (668—685) нет и следов борьбы факций, за исключением религиозной борьбы, в которой сохранялись еще некоторые отзвуки старых противоречий. Пока была еще надежда на сохранение за империей некоторой части Востока (Армении), Констант держался монофелитской политики (его „типос“ 648 г.— подобие „энотикона“). Но, когда положение на Востоке стало безнадежным, при Константине IV шестой вселенский собор (680) окончательно отверг монофелитство. Дальнейший бурный период византийской истории (685—717 гг.) был временем чисто военных переворотов, в которых играют известную роль димы, но не факции. Только о Филиппике Вардане (711—713) имеется известие, что он хотел восстановить монофелитство, даже монофизитство, и что на устроенных им состязаниях ипподрома победили прасины (Niceph., 99). Это неясное указание на прасинскую, повидимому, политику императора — последнее, и едва ли за ним скрывается что-нибудь серьезное.

Так, уже к половине VII в. факции перестают играть политическую роль, и борьба факций прекращается. По времени это совпадает с утратой восточных провинций и с падением торговли и промышленности, которое было неизбежным следствием отпадения Востока. Теперь противоречия между двумя группами должны были прекратиться за крайним ослаблением второй группы, и они-то и составляли основу межфакционной борьбы. Милитаризация империи и развитие фемного строя также мешали развитию подобной борьбы, но в данном отношении этот фактор имел второстепенное значение, так как для борьбы не было экономических оснований. После этого факции продолжают существовать только в виде спортивных и военных организаций. Разделение факций теперь стало в основе только территориальным. В VII—IX вв. нужно предполагать выделение из димов той и другой факций „ператических“, т. е. военных отрядов, хотя источники не говорят ничего о том, как это произошло; без сомнения, оно было связано с милитаризацией государства. Прекращение политической роли факций не обозначало прекращения политической роли димов. Кроме приведенных ранее фактов, для конца VII в. можно указать еще следующий факт. Юстиниан II в 687 г. счел нужным еще раз подтвердить решение VI вселенского собора относительно осуждения монофелитства. В созванном для этой цели собрании, как видно из письма императора к папе, участвовали: сенат, димы (collegia popularia), схолы, экскубиты и представители фем, т. е. военных округов.[1] Димы сохраняли свою политическую роль и в VIII—IX вв., как это показано в недавней работе Ш. Диля, который устанавливает, что в VII в., по мере того, как империя становится все более греческой, политическая роль димов даже усиливается.[2] Во всяком случае, димы остаются, когда факций, как политических организаций, уже не существует.

[1] Mansi, Con. coll., X, 703; ср. 682—686.
[2] Ch. Diehl. Le sénat et le peuple Byz., 209.

ВИЗАНТИЙСКИЙ СБОРНИК

М. А. ШАНГИН

ВИЗАНТИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X в.

По новым, неопубликованным рукописным данным определеннее выясняется политическая деятельность многих лиц в Византии в X в. и прежде всего Арефы, архиепископа кесарийского, магистра Льва Хиросфакта и Анастасия-квестора.

Новые данные извлекаются из знаменитой рукописи б. Московской синодальной библиотеки (теперь рукопись Исторического музея) № 315.[1] Это — кодекс XVI в., размером 21.5 × 16 см, объемом в 443 листа. На листе 3-м имеется пометка владельца: „ὁ Ἱεροσολύμων Δοσίθεος ἐν Κωνσταντινοπόλει 1674". Рукопись представляет сборник, первая часть которого содержит неизданные в своей значительной части и сохраненные только этой рукописью сочинения, преимущественно письма, византийского писателя Арефы. Оценка культурного значения Арефы, а вместе и неизданных материалов из московской рукописи дана в „Истории Византии" А. Васильева, напечатанной в 1932 г. „Другой замечательной фигурой македонского периода был Арефа, архиепископ кесарийский первой половины X в. Его широкая образованность, его глубокий интерес к литературе обнаруживаются в его собственных произведениях. Его греческий комментарий к Апокалипсису, его схолии к Платону, Лукиану и Евсевию, наконец, его драгоценные письма, сохраненные в Московской рукописи и еще неизданные, показывают, какое выдающееся место занимает кесарийский Арефа в культурном движении X века".[2]

Рукопись Арефы, хранящаяся в Москве, давно уже вошла в поле внимания ученых. Jülicher напечатал о ней реферат в 1889 г. в „Göttinger Gelehrter Anzeiger", причем выражал надежду, что новые памятники по этой рукописи будут изданы C. de Boor; несколько текстов из этой рукописи опубликованы Rabe (два сочинения против Лукиана), Fr. Cumont (сочинение против Юлиана), Сонни (письмо, касающееся распространения Арефой труда Марка Аврелия), С. П. Шестаковым (два письма о болгарских отношениях). В последнее время собирался работать по Московской рукописи И. И. Соколов. Как бы там ни было, большая часть материалов московской рукописи до сих пор не опубликована.

Сочинения Арефы в московской рукописи следующие:

F. 16. Περὶ τῆς συστάσεως καὶ τῆς αὖθις ἀναχωρήσεως.
F. 31. Ἀπολογία περὶ τῶν αὐτῶν τοῖς ἐπισκόποις.
F. 42. Πρὸς τὴν ὑπὸ τῶν Ἀρμενίων γραφεῖσαν ἐπιστολήν.

---

1 См. приложение.
2 A. Vasiliev. Histoire de l'empire Byzantin I. Paris, 1932, p. 480.

F. 52. Νικολάῳ ἀσικρήτις (sic.) τῷ τοῦ Γαβριὴλ πρὸς εἰκονομάχους.

F. 54. Ἐπιτάφιος εἰς Εὐθύμιον τὸν ἁγιώτατον πατριάρχην Κωνσταντινοπόλεως. — У Migne в P. G. CVI напечатан латинский перевод этого произведения.

F. 58. Πρὸς τοὺς ἀπὸ τῆς πολιτείας συναιρουμένους ἀναθήματι καθυποβάλλειν πολυγαμίαν.

F. 62. Πρὸς τὸν οὐκ εἰκότως τὸ ἀπειθὲς ἐπιμεμφόμενον.

F. 63ᵛ. Πρὸς τοὺς συκοφαντοῦντας ἡμᾶς πολυγαμίαν κηρύσσειν.

F. 64. Πρὸς τοὺς ἐπισκώψαντας τὸ παλίμβολον.

F. 65. Πρὸς τὸν ἀντιγράφειν ἀποθρασυνόμενον.

F. 65. Ἀντιρρητικὸν πρὸς τὸν καθηγεμόνα τῶν ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς πειρωμένων τοὺς σώφρονας ἀθετεῖν γάμους.

F. 81. Θωμᾷ πατρικίῳ.

F. 83. Ἀρέθᾳ ἀρχιεπισκόπῳ Θωμᾶς πατρίκιος.

F. 83ᵛ. Πρὸς τοὺς εἰς ἀσάφειαν ἡμᾶς ἐπισκώψαντας. Этот текст издал по другой рукописи Κουγέας в сочинении Ὁ Καισαρείας Ἀρέθας, Ath. 1913 г.

F. 85ᵛ. Πλωτίνῳ τὴν πολυγαμίαν οἱ πατέρες ἀπεσιώπησαν.

F. 86ᵛ. Περὶ τοῦ αὐτοῦ.

F. 86ᵛ. Πρὸς τοὺς φιλοσκώμμονας ἡμᾶς οἰομένους.

F. 87. Χοιροσφάκτης ἢ μισογόης.

F. 91. Κοσμᾷ μαγίστρῳ παραμυθητικὸν ἐπὶ γαμβρῷ τεθνηκότι.

F. 92. Στεφάνῳ ἐπὶ τοῦ κανικλείου παραμυθητικὸν ἐπὶ τελευτῇ μητρός.

F. 93. Ἰουλιανοῦ ἐκ τῶν κατὰ τῶν θείων εὐαγγελίων τοῦ Χριστοῦ λήρων καὶ τούτων ἀνατροπὴ Ἀρέθα ἀρχιεπισκόπου. Текст издан F. Cumont в „Mém. Acad. Roy. de Belgique“ (т. 57, Bruxelles, 1899, p. 130 sqq.).

F. 94ᵛ. Ἀπολογητικός.

F. 96ᵛ. Πρὸς τὸν ἐν Δαμασκῷ ἀμηρᾶν προτροπὴ Ῥωμανοῦ βασιλέως. Неудовлетворительный перевод сделан Н. Поповым в приложении к книге „Лев Мудрый“, М., 1892.

F. 100ᵛ. Πρὸς τοὺς βουλομένους ἀνατρέπειν τὰ παρ' ἡμῶν συνοδικῶς ὡρισμένα περὶ τῶν καταθέσεων τῶν ἱερῶν θρόνων.

F. 102. Στεφάνῳ πατριάρχῃ τῷ εὐνούχῳ.

F. 103ᵛ. Λέοντι βασιλεῖ ἐρωτήσαντι τίνας καὶ ποίους ἡ τοῦ θεοῦ ἐκκλησία πρόσφυγας ἐξαιρεῖται τῶν ἡμαρτημένων αὐτοῖς καὶ τίνας οὐκ ἐξαθωώσεται.

F. 104. Κοσμᾷ μαγίστρῳ περὶ τῶν αὐτῶν.

F. 105ᵛ. Ῥωμανῷ βασιλεῖ. Текст издан С. П. Шестаковым в „Byzantino-Slavica“ (I, 1929, p. 161).

F. 105ᵛ. Νικήτᾳ σχολαστικῷ.

F. 107. Τοῖς ἀπειθέσιν ἐκ παρακοπῆς Ἰουδαίοις ἐν διαλέξεως τύπῳ.

F. 109ᵛ. Θεοφίλῳ κοιαίστωρι.

F. 110ᵛ. Γρηγορίῳ μητροπολίτῃ Ἐφέσου. Текст издан С. П. Шестаковым в „Byzantino-Slavica“ (I, 1929, pp. 161—163).

F. 112. Γρηγορίῳ Ἐφέσου.

F. 113. Στεφάνου Ἐφέσου.

F. 113. Τῷ αὐτῷ.

F. 113. Στεφάνῳ τῷ ἐπὶ τοῦ κανικλείου.

F. 113ᵛ. Εὐσταθίῳ τῷ Σίδης ἀρχιερεῖ.

F. 114. Πέτρῳ Σάρδεων μητροπολίτῃ βλασφήμως πρὸς ἡμᾶς διατιθέντι.

F. 115. Λέοντι βασιλεῖ.

F. 115. Δημητρίῳ μητροπολίτῃ Ἡρακλείας. Текст издан Sonny в „Philologus“ (t. 54, p. 181 sqq.).

F. 115. Νικήτᾳ Σχολαστικῷ.

F. 117. Τῷ αὐτῷ περὶ τῶν αὐτῶν.

F. 118. Ἰωάννῃ τῷ ἀδελφόπαιδι Ὀρέστου τοῦ δομεστίκου τῶν νουμέρων.

F. 118v. Τῷ αὐτῷ

F. 119. Νικηφόρῳ μοναχῷ οἰκείῳ Νικολάου πατριάρχου.

F. 119. Στεφάνῳ ὑπογραφεῖ βασιλέως τῶν ἀπορρήτων.

F. 121. Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν ὑπὸ δυσσεβοῦς Λουκιανοῦ λήρημα ὡς φθονερὸν ὅτι τὸ θεῖον. Текст издал Rabe в „Nachrichten d. Königl. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen (Phil.-Hist. Klasse, 1903, 644, 646).

F. 122. Πρὸς τὸν αὐτὸν περὶ ἑτέρων ληρημάτων. Текст издал Rabe в тех же „Nachrichten“.

F. 122v. Ἀρέθα ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίας πρὸς Νικήταν.

Итак, несмотря на то, что рукопись была в поле внимания специалистов, она почти вся еще не затронута исследованиями; между тем интерес к Арефе в ученой литературе весьма велик. В 1913 г. Κουγέας написал о нем монографию и издал несколько мелких его сочинений. Комментарии Арефы к апологетам издали Harnack в „Texte u. Untersuchungen“ (I, 3, pp. 154—196) и Schwarz в „Texte u. Untersuchungen“ (IV, 1, pp. 44—47). Еще до этих публикаций в 106-м томе „Патрологии“ Migne были напечатаны комментарии Арефы на Апокалипсис и латинские переводы с сирийского языка: „Эпитафия патриарху Евфимию“ и „Энкомии эдесским мученикам“. Но известными нам как опубликованными, так и неопубликованными сочинениями Арефы не исчерпывалась деятельность этого писателя. Сам Арефа[1] напоминал современникам о своих „многочисленных книгах: энкомиях мученикам, восхвалениях святых, толкованиях на Библию и многих других трудах“ (в словах „многие другие труды“ он разумел, очевидно, сочинения о древних писателях). Несомненно, некоторые до сих пор анонимные произведения византийской литературы принадлежат Арефе, и здесь исследователя ждут еще важные открытия. Нам удалось, напр., доказать, что анонимное сочинение „Слово о мире с болгарами 927 г.“, изданное акад. Ф. И. Успенским в „Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете“ (IV, Византийский отдел, II, Одесса, 1894, 48—123), принадлежит именно Арефе.[2]

Неизданные материалы московской рукописи (№ 315), сообщая нам новые важные сведения из истории политического и культурного состояния Византии X в., характеризуя Арефу и его друзей и врагов, дают нам возможность с точностью установить и год рождения этого писателя. В апологетике, связанном с событиями 934 г., Арефа говорит о своем 73-летнем возрасте, стало быть, он родился в 861 г.

Деятельность трех персонажей — Арефы, Хиросфакта и Анастасия — выступает на фоне политического положения вещей в годы царствования Льва VI, этого бездарного, но самоуверенного правителя, незаслуженно перешедшего в историю с прозвищем „философа“ и „Мудрого“, своей близорукой политикой поставившего под серьезную угрозу внешние успехи основателя македонской династии. Никита Пафлагонский говорил: „теперь нет острова, нет города, нет такой страны, где неприятели не производили бы опустошений“. Следствием было печальное финансовое положение империи, разорение народа и усиление налогового гнета. Творились разного рода несправедливости. О них открыто

[1] Cod. 315, f. 87.

[2] Историк-марксист, № 3, 1939, 177.

говорили современники; так, напр., патриарх Евфимий объявил, что „он не может войти в столицу по причине множества допускаемых там неправд“. Император, интересуясь больше своими личными делами, чем государством, проявлял произвол и в гражданском правлении и в делах церкви. Лев окончательно уничтожил прежнее значение сената и отменил муниципальное устройство в городах, закрепив тем полное торжество бюрократического строя. Император жестоко преследовал своих противников и конфисковал их имущество. Произвол императора в церковных делах достигал предела: смещение патриархов Николая Мистика и Евфимия, возведение при начале правления на патриарший престол своего брата Стефана, наконец неканонический четвертый брак 906 г. на Зое Карбонопсине, — все это сопровождалось волнениями и неурядицами. Император окружал себя нечестными и способными на всякие подлости лицами, среди которых с этой стороны выделялись первые сановники империи Заутца и Самона. В частности для того чтобы распоряжаться делами церкви с полным произволом, император водворил на высшие духовные посты людей светских, которые часто были его товарищами детства по школе Фотия. Эти лица смотрели на свое положение с точки зрения своих личных выгод и легко переходили из одного лагеря в другой. Таким образом было достигнуто расслоение в высшем духовенстве. Одним из таких ставленников был второй при патриархе иерарх православной церкви, архиепископ кесарийский Арефа. Образ действий Льва не мог не вызывать общего недовольства. Современники рассказывали, между прочим, о покушении на жизнь императора. С особой силой недовольство должно было проявиться и на деле сказалось в связи с четвертым неканоническим браком Льва. В политической борьбе принимали участие как церковные, так и светские деятели. Причем двое из интересующих нас лиц — Анастасий-квестор и Лев Хиросфакт принадлежали к группировке противников четвертого брака; к группировке горячих сторонников этого брака, но не прежде, чем определилась сильнейшая сторона, примкнул Арефа. В разгоревшейся склоке он принимал самое видное участие.

В списке византийских поэтов числится гимнограф Анастасий. Два поэтических произведения этого Анастасия — канон и гимн — опубликовал Питра в „Juris ecclesiastici historia et monumenta“, 2 (Romae, 1868, 280—287). Крумбахер вместе с Питрой предположительно определяли время его деятельности VII в. В 1900 г. в „Византийском временнике“ Пападопуло-Керамевс издал найденные им новые гимны Анастасия. При этом Керамевс отождествлял этого Анастасия с тем Анастасием-квестором начала X в., от которого сохранилось письмо к Льву Хиросфакту, опубликованное Саккелионом среди переписки Льва Хиросфакта в Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρείας, I (1884, p. 410). Эта догадка блистательно подтверждается текстом одного письма Арефы и комментарием к нему. Поставить знак равенства между Анастасием-гимнографом и Анастасием-квестором стало возможным только теперь, когда обнаружилось, что Анастасий-квестор, действительно, был поэтом. Мы имеем в виду письмо (Cod. 315, f. 118) Арефы, в котором он, касаясь своей излюбленной темы о своих обвинителях φιλαίτιοι и μεμψίμοιροι и заявив, что оправдываться ему все равно, что τὸ ἀναίτιον αἰτιᾶσθαι, продолжает: „Что может для своего собственного оправдания представить тот, кто сам [речь идет об обвинителе] потешается над

собой своим трофеем глупости". Арефа имеет в виду стихи какого-то ямбографа, издевается над неумелым выражением мысли в этих стихах. Способ оправданий характерен для Арефы, который вместо опровержения клеветы, бьет своего противника при помощи argumentum ad homines; неясный для нас намек на какого-то ямбографа, одного из числа врагов Арефы, объясняется комментарием на поле рукописи: „Он [Арефа] смеется над эпиграммой в ипподроме, начертанной под изображением квадриги над местом эпарха и принадлежащей Анастасию, который тогда был квестором. Эта эпиграмма заключает плохо выраженную мысль и забавно высказана от лица Александра Македонского. Он [Анастасий] выставлен в ней трофеем глупости".

Отсюда следуют выводы.

1. Анастасий-квестор X в. был тем самым гимнографом, которого издавали Питра и Пападопуло-Керамевс, именно им было написано письмо к Льву Хиросфакту, опубликованное Саккелионом.

2. Он был не только духовным писателем — гимнографом, но светским — ямбографом, в частности ему, как ямбографу, принадлежала эпиграмма в ипподроме, содержание которой нам теперь известно. У нас, таким образом, оказывается еще один претендент на авторство анонимной светской поэзии X в.

3. Анастасий принадлежал к политической группировке Льва Хиросфакта в борьбе вокруг четвертого брака Льва VI. Об этом речь ниже. Этот круг противников и четвертого брака и своих личных врагов Арефа отмечает в том же письме словами: ἐπὶ λύσσῃ κενῆς δόξης ἐπιτηδεύοντες πρᾶγμα.

4. Этим письмом Арефы частично приподнимается завеса, скрывавшая тех, кто nominatim были врагами Арефы, а равно и характеризуется способ борьбы с ними Арефы.

Через Анастасия-квестора мы сообщаемся с тем политическим кругом противников Арефы, в котором наиболее видное место занимал Лев Хиросфакт. Против Льва Хиросфакта Арефа написал сочинение под именем Χοιροσφάκτης ἢ μισογόης, дошедшее до нас в Московской рукописи 315, ff. 87—91. О личности Хиросфакта собрал сведения C. de Boor в комментариях к его „Vita Euthymii" (p. 189 сл.). Хиросфакт, магистр и патриκий, родился около 840 г. и при дворе Василия I был мистиком.[1] Через свой брак он находился в двойном родстве с императором (γένος εἰμὶ συζύγου τῆς σῆς... ἡ δ' ἐμὴ σύζυγος τῶν σοὶ προσηκόντων αἷμα τὸ ἐγγύτατον), он трижды выполнял посольство к болгарскому царю Симеону. В первом посольстве 893 г., по его собственным словам, он добился освобождения 120 тысяч пленных и заключения мира; во втором посольстве, год которого не установлен, — получения в дар Византии 30 крепостей в области Диррахия; в третьем посольстве он убедил болгар отказаться от Фессалоники, завоеванной ими. Несколько позднее Хиросфакт был послан на Восток в Багдад для освобождения пленных и заключения мира. Наконец, он был отправлен к восточным патриархам для сопровождения их представителей на собор, созванный в Константинополе в феврале 907 г. по вопросу о четвертом браке Льва VI. Вскоре после этого он впал в немилость императора и был сослан в Петру. Из ссылки Хиросфакт не раз обращался к императору и просил о помиловании: в одном из писем он перечисляет свои заслуги в посольствах, в другом говорит о клеветниках, особенно выделяя какого-то евнуха, участника

[1] См. Leo Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice. Biographie. Correspondance par J. Kolias (= Texte u. Untersuchungen zur byz.-neugr. Philologie, 31), Athen, 1939

посольства к арабам, и своих старых и новых врагов, которые представляли, видимо, целую группу. Сущность клеветы не ясна, и причина немилости императора до сих пор оставалась загадочной. Хиросфакт говорил только то, что они его достоинства обманом себе приписали, а свои злодеяния и свою клевету коварно бросили ему в лицо. Заключительным актом истории Хиросфакта было участие его в восстании Константина Дуки в начале правления Константина Багрянородного и, как следствие этого участия, заключение Хиросфакта в Студийский монастырь. Причина гнева императора на Хиросфакта находит объяснение путем комментирования сочинения Арефы Χοιροσφάκτης. Прежде всего Арефа, несомненно, говорит о магистре Льве Хиросфакте. Враг Арефы — высокое придворное лицо, он участник синклита в церемониях в Великую Субботу: συγκλήτῳ συνήει βουλῇ. Арефа возмущается, что Хиросфакт (τοσοῦτος λοιμός) еще не удален из синклита и не лишен жизни: Τί γάρ; οὐ τοσοῦτον λοιμὸν ἐξελόντες ἐκ συνεδρίου μὴ διὰ τέλους ἠφάνισαν, ἀλλὰ τῷ βίῳ κατέλιπον; Хиросфакт ответил неблагодарностью императору за царские милости: τῷ μηδὲ τῶν βασιλικῶν δώρων τὰς χεῖρας ἀγνεύσαντι. Но особенно важно то место, в котором Арефа говорит об упомянутых уже посольствах Хиросфакта: „не удастся коварному охота: хотя он много навредил в посольствах к болгарам, в посольствах к сарацинам, потом он был уличен на вероломном посольстве, и наконец тебя распознали и ты потерпел крушение в своих планах (ἀλλὰ γὰρ σύνες, οὐκ ἐπιτεύξεται δόλιος θήρας, ἐπεί τοι κἀκείνοις ἐπηρεάσας· πρεσβείαις Βουλγάρων, πρεσβείαις Σαρακηνῶν, εἶτα παραπρεσβείας ἁλούς... τελευτῶν δὲ κατεγνωσμένος καὶ ἃ εἶχες ἀγώγιμα νεναυάγηκας)“. (Между прочим, этим местом воспользовался Н. Попов в своей книге „Лев Мудрый“, стр. 139, до неузнаваемости исказив его.)

Отсюда следует, что Хиросфакт Арефы, несомненно, магистр Лев Хиросфакт. Причина немилости императора и гнева Арефы вскрывается при помощи сочинения Χοιροσφάκτης. Хиросфакт был противником четвертого брака, как это ясно из того места сочинения, где Арефа предупреждает Хиросфакта в том, что он замыслил гибельное и опасное плавание и объясняет эту метафору таким образом: εἴρηται μὲν ὡς τοῖς κρατοῦσιν μέμψιν ὑφαίνων καὶ τούτους εἰς ἀσυνουσίαν τε καὶ ἀναισθησίαν τῶν περὶ αὐτοὺς ἀρχόντων ὅσα γε πρὸς ἐκλογὴν ἀποσκώπτων ταύτην προσάγεις. В этом ключ к пониманию сочинения Χοιροσφάκτης, которым Арефа хотел потопить Льва Хиросфакта. Для этой цели были привлечены все средства, видимо, клеветнические. Сверх глухого упоминания о παραπρεσβεία, Арефа характеризует Хиросфакта так: Хиросфакт не христианин, а эллин и язычник, он оставил христианское учение и стал последователем эллинов, он увлекается Платоном, неоплатониками и гностиками, он поклонник трагиков и превращает церковь в театр, он триадомах, не лучше самого Эпикура, он не верит в воскресение и подменяет его анабиозом, он накануне Великой Субботы устраивает оргии, как сообщил Арефе один из братьев, он, требуя нравственности от царственных особ, до конца развращен и вовлекает в свое пагубное учение других. Арефа ставит знак равенства между Хиросфактом, с одной стороны, и Эпикуром, Юлианом, Максимом Тирским, гностиками — с другой стороны.

Κουγέας в сочинении Ὁ Καισαρείας Ἀρέθας (1913 г.) высказал мнение об Арефе, как о сухом и эгоистичном человеке; нелестную характеристику Арефы мы можем в этом направлении продолжить значительно дальше. Его деятельность в склоке вокруг четвертого брака показательна. Вначале прямой противник четвертого брака, — он даже был отправлен тогда в ссылку — в самое короткое время опознал сильную сторону

и, может быть, в течение одного месяца перешел в другой лагерь, был возвращен на прежний высокий пост и, став горячим защитником поведения императора, обрушился на своих прежних сторонников, в разгоревшейся тогда склоке он принимал главное участие. По всем данным ему было поручено собрание обвинений против Хиросфакта для подготовки общественного мнения и наказания Хиросфакта, т. е. в 907 г., когда, следовательно, Арефа уже возвратил себе свое положение в церкви и при дворе. Целью статьи было определить политическую деятельность Льва, роль трех лиц — Хиросфакта, Анастасия и Арефы — в борьбе вокруг четвертого брака императора Льва.

Внимание к этим трем лицам — Анастасию, Хиросфакту и Арефе — имеет еще и другое основание: все они были видными представителями литературы X в. О литературной деятельности Анастасия и Арефы сказано достаточно. С именем Льва Хиросфакта связано дошедшее до нас сочинение Ἐπιτομὴ ἑρμηνείας на св. писание. Арефа в своем сочинении Χοιροσφάκτης отмечает богословскую деятельность своего противника, а также сочинения в прославление святых ἐγκώμια ὁσίων ἀνδρῶν. Но церковными сочинениями их литературная деятельность не ограничивалась: они „возрождали" античную литературу.

Враги по политическим группировкам, они были противниками и на литературном поприще, и те и другие, однако же, возрождали античность, но в разных аспектах.

Античная литература дошла до нас почти целиком в средневековых византийских рукописях, преимущественно X—XV столетий.

Византия унаследовала античную литературу от древнего мира и сохранила ее благодаря тому возрождению интересов к античности, которое началось в IX—X вв. Немного бы извлекли из средневековых рукописей гуманисты и их продолжатели специалисты-филологи, если бы не было этого греческого возрождения.

Само по себе повышение интересов к античности — знаменательный факт в истории византийской культуры.

Непосредственная культурная связь с древним миром, постепенно слабея, жила в Византии до VII в., она готова была уже прерваться, когда иконоборческое движение всколыхнуло мысль. Иконоборчество, как явление антицерковное, дало простор светским интересам. То же самое иконоборчество в кругу борющегося с ним духовенства подняло образованность (деятельность студитов и широкая переписка книг в Студийском монастыре). И понятно, почему послеиконоборческий период отмечен возрождением античной литературы.

Заслуги Фотия и его учеников, в частности архиепископа кесарийского Арефы, достаточно известны.[1] Извлечения, сделанные ими, — часто единственный источник нашего знакомства с многими античными писателями. Переписанные для них рукописи не раз сыграли роль начала той традиции текста древних писателей, которой пользуемся мы.

Но ученики Фотия затмили заслуги многих других представителей образованности X в., которым на деле классическая филология обязана, может быть, больше, чем Фотию и его школе.

Философские вкусы в школе Фотия склонялись в сторону Аристотеля, но не Платона; ученики этой школы увлекались прозаиками — историками и ораторами древности; к лирикам и трагикам, носителям

[1] См. Κουγέας Ὁ Καισαρείας Ἀρέθας. Ath., 1913.

„эллинства“ и язычества, у них не было симпатий; из поэтов древности они делали исключение Гомеру и элегикам.

Другая школа отдала свои симпатии Платону, а следовательно, и неоплатоникам, греческим трагикам и лирикам, больше того, в этой школе были попытки возродить античную музыку. Эта школа встретила яростные нападки учеников Фотия и была заклеймена антихристианской, языческой и эллинской. Большого расцвета поэтому их деятельность не достигла, но именно им обязаны мы возобновлением рукописной традиции античных философов и поэтов.

Наиболее видным представителем этой школы был как раз Лев Хиросфакт и его литературные друзья.

Восстановить значение Хиросфакта в истории классической филологии мы можем, главным образом, по разбиравшемуся уже нами сочинению Арефы против Хиросфакта Χοιροσφάκτης ἢ μισογόης, а также по переписке Хиросфакта, изданной Саккелионом (Deltion I, pp. 377—410), и по одному стихотворению против Хиросфакта Константина Родосского.[1]

Озлобленность Арефы дает ясное представление о литературной роли Хиросфакта.

Одним из обвинений Арефы было то, что Хиросфакт отрекается от той христианской веры, в которой воспитан, и научился другой, не христианской, по сочинениям эллинов ὁ τὴν ἀπὸ γενεᾶς πίστιν ἀπομαθὼν... τὰ δὲ τῶν Ἑλλήνων μεταμαθών.[2]

Хиросфакт обвиняется Арефой далее в том, что он подражает Платону и таким неоплатоникам, как Максим Тирский и безбожник Юлиан; Арефа угрожает ему наказанием в адских реках, которые приготовил преступникам его (Хиросфакта) мудрец Платон (ὑμῖν ὁ σοφὸς ὑμῶν Πλάτων).[3]

Из этих обвинений мы извлекаем с несомненностью, что Хиросфакт и его друзья изучали преимущественно Платона и неоплатоников и были поэтому литературными противниками Фотия и его школы.

Второе обвинение на Хиросфакта возводит Арефа за то, что он превращает церковь в театр: ἐμίαναν τὸν ναὸν τὸν ἅγιόν σου· ἔθεντο τοῦτον εἰς θέατρον; в другом месте: ἐντεῦθεν θεάτροις καὶ μίμοις τε καὶ προδείκταις καὶ τῇ ἐκεῖ πάσῃ ἀσχημοσύνῃ θεάτριζε τὴν σοφίαν.[4]

Из этих обвинений мы узнаем, что Хиросфакт и его друзья возрождали интерес к древнейшим трагикам. По письму к Хиросфакту Анастасия-квестора ясно, что в их литературном кругу Платон и Еврипид считались высшими образцами слова.[5]

Новое обвинение Арефы заключается в том, что Хиросфакт восстанавливает античную музыку, занимается Тимофеем и Аристоксеном, вносит в них тексты исправления. Мы видим отсюда, насколько глубоки интересы к эллинизму в этой школе. От античной музыки неотделима античная поэзия. Попытка восстановления музыки — это уже подлинное возрождение духа античности.[6] По связи уместно привести некоторые стихи из другого жесточайшего врага эллинства, младшего современника и подголоска Арефы, Константина Родосского по изд. P. Matranga. (Anecdota graeca, 2, 1850, 634—635).

---

1 P. Matranga. Anecdota graeca, 2, 1850, 624 sq.
2 Cod. Mosqu, № 315, f. 88v.
3 Cod. Mosqu, № 315, f. 91.
4 Cod. Mosqu, f. 88.
5 Deltion, I, 407.
6 οἶμαι δ' ὅτι οὐκ ἀσόφως δοκεῖ, πλὴν εἴ τι καὶ κατορθοῦν ἐν τοῖς Ἀριστοξένου καὶ Τιμοθέου πεφιλοτίμησαι, οὐδείς σοι φθόνος τοῦ κατορθώματος (Cod. 315, f. 88).

В стихотворении против Хиросфакта Константин называет его ἑλληνοθρησκοχριστοβλασφημότατε (служитель эллинских идолов, хулитель Христа); βαρβιτοναυλοπλινθοκυμβαλοκτύπε (играющий на барбитоне и флейте, ударяющий в литавры и кимвалы).

Приведенные материалы вскрывают нам новую важную сторону возрождения X в. В истории классической филологии не только Арефе, но и Хиросфакту принадлежит достойное место.

ТЕКСТ

ΧΟΙΡΟΣΦΑΚΤΗΣ Η ΜΙΣΟΓΟΗΣ.

[F. 87] Βαβαί, ἦν ἄρα καὶ τόδε χρυσοῦν ἔπος, οὐ τῷ τυχόντι τῆς ἀληθείας ἐχόμενον, πάντα δὴ προσδοκᾶν αὐτοῦ ὄντα φιλοσοφοῦν. οὐδὲν γε τὸ ἀπὸ τοῦδε καὶ τῶν ἄγαν τολμηροτάτων ἀπογνωστέον ἐμπολιτευθῆναι τῷ βίῳ. Τί γάρ, ὦ πλήρη πάσης αἰδοῦς ἀνάκτορα θεοῦ, τοῦτο; Τί τὸ βλεπόμενον ἄγος; Τίς ἡ τοσαύτη μανία καὶ ἰταμότης; Τί τὸ φρικτὸν καὶ ἀπαίσιον ἔργον καὶ πρὶν ἢ τελεσθῆναι οὐκ ἔχον εἰς σύμφωνα πίστιν τελεσθησόμενον; Ἄνθρωπος Κέρκωψ μεστὸς παντὸς δόλου, πάσης ἀκαθαρσίας, τὰ χριστιανῶν παρωσάμενος, τῇ εὐσεβείᾳ μακρὰ χαίρειν εἰπὼν τῷ μέγα πόρρωθεν ἑστηκότι τῶν τοῦ θεοῦ σκηνωμάτων ἀφορᾶν τὰ προαύλια. Ὁ δ᾿οὐκ ἀγαπᾷ τῷ εἰληχότι συνεξετάζεσθαι δαίμονι, ἀλλὰ καὶ αὐτοῖς ἐνοικίζεται τοῖς τεμένεσι καὶ οὐδὲ μέχρι τούτων ἱστάμενος, ἀλλὰ καὶ τοὺς αὐτοῦ λήρους δι᾿ὁμοτρόπων ταῖς εὐσεβέσιν ἀκοαῖς ἐνηχεῖ, οὐκ ἂν ἄλλο τι τούτοις ἢ τοῦτο δεινότατα παλαμώμενος. Βουλῆς γε αὐτῷ πρόσεστι τὸν ἐπιπολάζοντα τῆς ἀθείας ὅσον εἰς γνῶσίν τινων ἀποτιναξαμένῳ κονιορτόν, εἶτα ἐπιμορφασαμένῳ εὐσέβειαν καὶ δόξαν περιπεποιημένῳ χρηστότητος, πρὸς οἷς ἀποσυλᾶν περιγένοιτο τινας τῶν κατὰ κύριον νηπίων, καὶ πρὸς τὸν ἑαυτοῦ βόρβορον ἐπισπάσασθαι, ἔτι καὶ τοῖς ἠτιμωκόσιν, ἅτε δὴ ἀναξιοπαθῶν, ἀμύθητον τὴν μέμψιν, καλῶς ἔν γε τοῦτο ποιῶν, ἐξεργάσεται. Τί γάρ; οὐ τοσοῦτον λοιμὸν ἐξελόντες ἐκ [f. 87ᵛ] συνεδρίου μὴ διὰ τέλους ἠφάνισαν, ἀλλὰ τῷ βίῳ κατέλιπον, ὁλκὸν ὄφεως συμπειράζεσθαι καὶ τοῖς πολυστρόφοις ἑλίξεσι, πολλοῖς τῶν ἁπλουστέρων συσχηματίζεσθαι μηχανώμενον; Ὢ τῆς περιπετείας ὢ τῶν ἐκ ῥαθυμίας ἀτυχημάτων· οὐκ ἔστιν ὁ συνιών· οὐκ ἔστιν ὁ ἐκζητῶν· οὐχ ὑπέρεστιν ἡμῖν Φινεές, ἵν᾿ ἐκκεντῆται καὶ νῦν Μαδινῖτις μαχλάς, ἀλλόφυλος γλῶσσα τοῖς νόθοις ἐν θρέμμασι τὴν τοῦ κυρίου παρεμβολὴν ἐκπορνεύουσα, καὶ θραῦσις μὲν ἤδη κοπάζεται, ἐκ δὲ τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ ὄνειδος ἀφανίζεται. Οὐ πάρεστιν Παῦλος, οὐ Σίλας ὃς τὴν κατὰ Πύθωνος πνεῦμα ψυχὴν τοῖς ἀνοήτοις φοιβάζουσαν δυνάμει καταπαύσῃ θειότητος, τοῖς δὲ Χριστοῦ θρέμμασιν τὴν ἀσφάλειαν ἐκπορίζεται· οὐχ ἕτερός τις, οὐ νέος, οὐ παλαιός, οὐ τοῖς ἀνακτόροις θεοῦ οἰκονομούμενος τὸ αἰδέσιμον, ὡς ἄβατα μένοι ταῦτα τοῖς τῶν ἀνθρώπων βεβήλοις καὶ πονηροῖς ὀφθαλμοῖς ἄψαυστα, οὐχ ὅτι καὶ ἰὸς τοῦ δρακοντείου αὐτοῖς στόματος περιστάζοιτο. Ἀλλ᾿ ὁ μὲν παλαιὸς νόμος Μωαβίταις καὶ Ἀμμονίταις ἀνέπαφα συνετήρει τὰ κατ᾿αὐτὸν ἅγια καὶ εἰς τετάρτην γενεὰν τὴν πάροδον ἀποτειχιζόμενος, καὶ εἶχεν οὕτως τὰ τοῦ θεσμοῦ, μηδενός τι παραποιοῦντος τῶν διαστελλομένων ἢ παραβλάπτοντος. Ὁ δέ γε καινὸς καὶ πρὸς τὸ πνεῦμα τὸ γράμμα μεταπλαττόμενος οὕτω σχεδίως, οὕτως ἀπερισκέπτως, οὕτω πλημμελῶς τοῖς ἀκαθάρτοις καὶ περιρραντηρίων χωρίς, ἀπὸ τῆς κώπης φασίν, ἀπὸ τῆς κεραμικῆς ἀσβόλου, τῶν ἑαυτοῦ ὀργίων παραχωρήσει καὶ χοίροις τε καὶ κυσὶ τὸ μαργαρῶδες παραβαλεῖ τῶν διδαγμάτων τε καὶ δογμάτων. Μανία τοῦτο δεινή, οὐδ᾿ ἥντινι τῶν ἄλλων ἔχουσα παραβάλλεσθαι. Εἰπὲ γάρ μοι σὺ ὁ ταῦτα τεχνάζων καὶ διασμιλευόμενος πῶς μιαρὸς καὶ ἀποφρὰς ἄνθρωπος, βδελυκτός τε τοῖς πᾶσι καὶ ἀποτρόπαιος, ὡς μὴ δὲ τῇ Ῥωμαίων βουλῇ δι᾿ ἀσέλγειαν ἄξιος ἐναυλίζεσθαι, ἔτι τῶν δυσσεβεστάτων

Χοιροσφάκτης, ἢ μισογόης.

Снимок с рукописи Арефа „Хиросфакт или Ненавистник чародейства“.

χειλέων τὰ κατὰ τοῦ κυρίου καὶ τοῦ Χριστοῦ αὐτοῦ ἀποβλύζων, εἰς ναὸν αὐτοῦ ἅγιον ἀπηυθαδίσω σαυτὸν εἰσβιάσασθαι καὶ πρὸς τούτῳ ἀνυπερβλήτῳ τολμήματι ἤδη καὶ ἃ μόνοις ἀνεῖται τοῖς βίῳ καὶ λόγῳ τῆς εὐσεβείας κατηρτισμένοις καὶ τῷ διδασκαλικῷ μεταπρέπουσιν ἀξιώματι αὐτὸς διὰ στόματος ἀναλαβεῖν ὁ μυρίοις μὲν αἴσχεσι καὶ ὑπ'αὐτῷ γε τῷ πονηρῷ συνειδότι καταχεχραμμένος; οὐκ ἔστι δ' εἰπεῖν ὅσῃ περιλιμναζόμενος ἀθείᾳ, ἐάν γε ἐρεῖν ἀμαθίᾳ, τοῦτο μὲν τῶν ἱερῶν γραμμάτων· τοῦτο δὲ καὶ ὧν δοκεῖς Ἑλληνικῶν παιδευμάτων τὸ κράτιστον ἀπενέγκασθαι· ἴσασι ταῦτα οἱ λόγον πηγάζοντες σοφίας ἀθόλωτον· οὐδὲ ἐκεῖνο[1] συνιείς. Πῶς γε δυσσεβείᾳ τυφλώττων τε καὶ κατακρατούμενος; ὡς οὐχ ὡραῖος αἶνος [F. 88] ἐν στόματι ἁμαρτωλοῦ· ἢ τὸ τῶν πολιτικῶν σοι κἂν τῇ τοῦ θεοῦ ἐκκλησίᾳ κέκρικας σκευωρεῖν; ἀλλὰ γὰρ σύνες· οὐκ ἐπιτεύξεται δόλιος θήρας, ἐπεί τοι κἀκείνοις ἐπηρεάσας, πρεσβείαις Βουλγάρων, πρεσβείαις Σαρακηνῶν, εἶτα παραπρεσβείας ἄλους, μᾶλλον δὲ τοῖς προκεχειρηκόσιν ἐπιβουλὴν ἐξαρτύων, βραχὺ μέν τι λανθάνων ἔδοξας ἐνευδοκιμεῖν, τελευτῶν δὲ κατεγνωσμένος καὶ ἃ εἶχες ἀγώγιμα νεναυάγηκας· ἐπεὶ καὶ οὕτως ἐχρῆν ἁμαρτωλὸν ἀνατείλαντα ὡσεὶ χόρτον διακόψαι καὶ πρὸ τοῦ ἐκσπασθῆναι ἐξηράνθαι, ὅτι καὶ τοιοῦτο πᾶν τὸ ἀπὸ γοητείας κατευθυνόμενον· Τρεῖς μὲν γὰρ τάξεις ἐξ ἑνὸς τρόπου διήμειψας, ἀλλ' οὖν πρὸ τοῦ συνιέναι τὴν ἄκανθάν σου τὴν ῥάμνον, τὴν ἁδροτέραν δήπου πλημμέλειαν, ἤδη μετεωροπορεῖν ἐναρχόμενος, ἤδη μεγαλαυχεῖσθαι καὶ γαύρῳ φρονήματι φέρεσθαι· ἔπεσε πῦρ ἐπὶ σὲ συμφορᾶς ἐνδίκου καὶ θεηλάτου, καὶ οὐκ εἶδες οὗπερ ἑαυτῷ πυρσεύειν τεταλαιπώρηκας ἥλιον. Καὶ νῦν ἐν παραβύστῳ οὐδὲν ἀξιώτερον διατελεῖς, οὐχ οὕτως ὅτι φορτίον ὑπὲρ τὴν δύναμιν ἀναθέσθαι ὑπελιχνεύσω, καὶ οἷς μικρὸν παρὰ τὴν ἀξίαν εὖ ἔπραξας εἰς ἀφορμὴν κακοφροσύνης ἐξώκειλας, ἀλλ' ὅτι μηδὲ τοῖς ἀσεβέσι παρρησιάζεσθαι δίκαιον, καὶ τὴν αὐτῶν ἐκπομπεύειν λύπην ἀνθρώποις κἂν εἰς βραχεῖς τινας τῶν ἀστηρίκτων ὑποποιῇ νῦν, ἵνα μὴ καὶ ὁμογνώμων σοι λέγω, πιστὸν γὰρ πᾶν εἰς φιλίαν τὸ ὁμοιότροπον, εἴ τί γε δεῖ τῷ εἰρηκότι καλῶς πείθεσθαι. Οἱ δ' αὐτοί σοι δοκῶ μοι καὶ τὸν μουσικὸν χορὸν συμπληρώσειαν, ὅμοιοι ὁμοίῳ, τῷ μηδ' ὅτι σχέσις εἰδότι ἁρμονική, μὴ λόγος ἐξ ἀριθμῶν τε καὶ λογισμῶν κατορθούμενος μεγέθους δεόμενος, φύσεως ὀξύτητι καὶ εὐμαθείᾳ τὸ πολυσχιδὲς τοῦ μαθήματος περιδρασσομένης εἰς φθόγγους, εἰς διαστήματα, εἰς γένη τε καὶ συστήματα καὶ τόνους καὶ μεταβολὰς καὶ τὴν τούτων χρηστικὴν διαιρομένης μελοποιίαν κρείττονος ἢ κατὰ παχὺν ἄνθρωπον καὶ ὑώδη, καὶ μᾶλλον παντὶ ἢ λογισμοῦ ἐοικότι κυρίῳ, καὶ οὐδὲ ὅσον ὑπὸ δακτύλων συσπάσει τε καὶ κλίσει τὰ πρόχειρα παντὶ πᾶσι γινώσκοντι, ἀλλά γέ τί τις καὶ δρώῃ ψυχὴν πάντολμον καὶ μηδαμοῦ τὸ προβεβλημένον ἐξ εὐηθείας ἀπογινώσκουσαν. Ἐμοὶ μὲν οὖν οὕτω ταῦτα. Οἶμαι δ'ὅτι καὶ οὐκ ἀσόφως δοκεῖ πλὴν εἴ τι καὶ κατορθοῦν ἐν τοῖς Ἀριστοξένου καὶ Τιμοθέου πεφιλοτίμησαι. Οὐδείς σοι φθόνος τοῦ κατορθώματος· Ἐμπνεῖ γενικώτερον τῷ αὐλῷ, κἂν εἴ σοι μέλλοι ἡ φίλη Ἀθηνᾶ ὃ καὶ ἑαυτῇ ποτε ἐπιτετευγμένως μωκήσασθαι, ἐπεὶ καὶ αὐτὴ αὐλοῖς προσευκαιροῦσα [F. 88v] τὸ πρότερον, καὶ τῇ τοῦ πνεύματος ἐπιρροίᾳ τὰς γνάθους κυρτώσασα πρὸς τὸν ῥύθμονα, εἶτα τῇ ἀπρεπείᾳ ἐπιμεμψαμένη· ὕδωρ γὰρ αὐτῇ ἐκ τῶν εἰδώλων τὸ σύμπτωμα κατεμήνυεν· ἐμίσει γε τοὺς αὐλοὺς καὶ καταρρίπτει πρὸς τοὔδαφος· μετὰ δὲ τὸν αὐλὸν κιθάραν μετακεχειρισμένος ὁ μετὰ τὸν Ἑρμῆν τοῦτο μόνον κλεπτίστατος ἔντεινε τὰς χορδὰς τοὺς κόλλοπας συστρεψάμενος, ἀνίστη μετεωρότερον τὴν μαγάδα, ὡς ἂν εὐηχότερον ἡ χέλυς τῷ ἑαυτῆς ὑπηχῇ κοίλῳ ἐξ ὑπερδοξίου δονήματος τοῦ πλήκτρου ταῖς νευραῖς ἐπικρέκοντος καὶ τῷ προσήκοντι κανόνι τοὺς φθόγγους πρὸς συμφωνίαν ἐπείγοντος. Ἐντεῦθεν θεάτροις καὶ μίμοις τε καὶ προδείκταις καὶ τῇ ἐκεῖ πάσῃ ἀσχημοσύνῃ θεάτριζε τὴν σοφίαν, εἰ βούλει Διονυσίοις καὶ δαίμοσιν ἐμπομπεύειν· οὐκ ἔστιν ὁ τοῦτο κωλύσων τὸν καθάπαξ κακοδαιμόνως ἀποκλισθέντα τοῦ κρείττονος. Τούτοις καὶ ἀποδύσεις ἀνυποστόλως τῶν σεαυτοῦ ἐγγόνων ῥημάτων καὶ συμβακχεύσεις τοῖς θιασώταις, τοῖς σειληνοῖς, τοῖς σατύροις, ταῖς μαινάσι, ταῖς βάκχαις· Ἔστιν

[1] ἐκεῖνος cod.

ᾧτινι τούτων καὶ Ἰκαρίῳ προσχρήσῃ, ὡς ὄνῳ σοι ἐφιζάνοντι καὶ τὴν κατὰ σαυτὸν οἶμον ἐλαύνοντι. Ναὶ μὴν καὶ Ἑκάβῃ τινὶ ἐγκαλλωπίσῃ τῷ γήρᾳ πολλοῖς σοι παραπλησίοις τὴν ἀθεότητα τῶν εἰς αἰσχρότητα ἀπορρήτων κεκοινωνηκυίᾳ, ἢ καὶ ἀξιόχρεω, Ἔριδι τῶν ἀναιδῶν σου καὶ ἀμαθεστάτων κέχρησαι πόνων· τούτοις κατευθύνου, τούτοις κατευοδοῦ. Ὦ τῶν εἰς θωπείαν πάμμεγά τι χρῆμα καὶ βδελυρώτατον; ἐν τούτοις καὶ τὸ ἐνευδοκιμεῖν ὑμᾶς ἀνεπίζηλον καὶ τὸ παρευδοκιμεῖν οὐ μεμφόμενον· Ἐπεὶ ὅτι γε εἰ καὶ πάντα σοι τολμητέα, ἀλλ᾽οὖν οὐ καὶ τῇ τοῦ θεοῦ ἐκκλησίᾳ τὸ βούλημα κατανύσεις; οἰχήσῃ δὲ πρὸς χάος οὐχ ἧττον ἢ οἱ πρὸ τοῦ σοὶ φυλέται, αὐτοῖς χοίροις τοῖς σπουδασταῖς σου φημὶ καταλλήλως ἀφανιζόμενος· οὕτω γὰρ ἂν καὶ τὸ ἐπώνυμον ὑμῶν ἐπαληθεύοι ὁ Χοιροσφάκτης τοῖς χοιριδίοις ἐναριστεύων καὶ συμφθειρόμενος. Ἀλλ᾽ εἰ καὶ ταῦτα, ἐμὲ γοῦν ἀνιᾷ τὸ τολμηθὲν ἀπαρακλήτως καὶ νυκτὸς καταβόσκεται καὶ ἡμέρας οὐκ ἔχοντα ποῖ καταθεῖναι τῶν τελεσθέντων τὴν ὕβριν καί μοι παρίσταται κατὰ καιρὸν ἐκβοᾶν· ὁ θεὸς ἤλθοσαν ἔθνη εἰς τὴν κληρονομίαν σου, ἐμίαναν τὸν ναὸν τὸν ἅγιον σου, ἔθεντο τοῦτον εἰς θέατρον ᾧ καὶ συγκλύδων ὅμιλος κατεχρήσατο τὸ ἐπελθὸν ἐρυγγάνοντες· καὶ πῶς γὰρ οὐκ ἐμίανας, πῶς οὐκ κατέχρανας; οὕτω γλωσσαλγῶν ἀπερυθριακότως, οὕτω τοῖς θείοις ἀμιλλᾶσθαι πατράσιν εἰς ἔργον τιθέμενος. Τίς ὤν; Ἰαννῆς τε καὶ Ἰαμβρῆς. [F. 89] Μωυσεῖ μὲν ἀντικαθιστάμενος τοῖς τεραστίοις, ἀλλ᾽ οὖν μένων, καὶ οὕτως Νειλῷος φαρμακὸς εἰς φάσμα τὸ σοφὸν σου διαλυόμενος· ἢ καὶ Σαλμωνεὺς ἄλλος, προσέτι καὶ ὁ Λατῖνος Ἀμούλιος· βροντᾶν μὲν ἐπανῃρημένοι ἧπερ κἀκεῖνοι· ἐκ Βύρσης δέ τογάρτοι Αβειρὼμ καὶ Κορὲ καὶ Δαθὰν εὐξαίμην ἄν, μᾶλλον δὲ πέποιθα συγκυρῆσαί σοι τοῖς ἐκ θεοῦ καὶ αὐτῷ τὴν ἱερὰν στρατηγίαν λαχοῦσι καὶ τελετήν, οὕτω ποθοῦντι μανιωδῶς παρεξάγεσθαι. Τί δὲ τὸ Ὀζατῆς διακοπῆς ἔνδικον πάθος; ἆρ᾽ ἐκφεύξῃ ὃς τὴν τοῦ θεοῦ κιβωτὸν τῆς ἁμάξης κατολισθαίνουσαν τολμηρῶς ὑπερείσας, ὅτι μηδὲ τοῦ κλήρου τῶν οἷς ἀνεῖται καθίστατο τῶν τοιούτων; Τίς ἀπ᾽ ἐλπίδος τῶν εἰς εὐλάβειαν θείαν παραγγελλόντων ἡγήσεται; Ὦ τῆς ἀτόπου καὶ ἀλαζόνος φιλοτιμίας; ὢ τοῦ σχετλίου θεάματος καὶ ἀκούσματος; Εἴδομεν[1] καὶ νῦν ὡς μὴ ὤφελον τεθεάμεθα τὸ τῆς ἐρημώσεως βδέλυγμα ἑστὼς ἐν τόπῳ ἁγίῳ καὶ στόμα μακρὰν μὲν φλυαρίαν συνεῖρον, οὐχ ὡς ὁ νόμος δὲ τοῦ κυρίου οὐκέτι τὰ τῆς ἐρημώσεως ἀπιστούμενα, οὐκέτι τὰ τῆς ἱερᾶς ἁγιστείας οὐ κατολιγωρούμενα. Ἀλλ᾽, ὦ πάντων ἀνθρώπων ἐλεεινότατε καὶ θρασύτατε καὶ ἀπαιδευτότατε, κἀκείνοις οἷς παρισοῦσθαι τολμᾷς, ἀπεναντίας τῇ γνώμῃ φερόμενε· οὐδὲ τοῦ θείου τὸν λόγον Γρηγορίου ᾧ δῆθεν ἀμφήριστος φῦναι ἀποθρασυνάμενος τῷ χαρακτῆ-ρι τοῦ στόματος ἀετῷ κάνθαρος ἀναφαίνῃ τῇ ἐπισκήψει ἐπέστησας, οὐ παντὸς φιλοσοφοῦντος. Ὦ οὔτοι οὐ παντὸς περὶ θεοῦ φθέγγεσθαι ἢ καὶ τοῦτο ἐπὶ σοι πρὸς ἀλήθειαν ἐφορᾷ, ὡς τὸ μὲν ἀκοῦσαι καὶ ὄνῳ λύρας εἰς πρᾶγμα οὐδέν, διατεθῆναι δὲ ὡς ἂν τοῖς λόγοις σκοπός, οὔτι γε ἀνδρὸς κατὰ τοὺς πολλούς, οὐ τῶν μὴ λόγον προστησαμένων τοῦ βίου συλλήπτορα, ἀνθ᾽ ὧν ὅτι θηρίον ἀπαιδευσίᾳ πιεζόμενον καὶ ἐλαυνόμενον ἀλογίᾳ τοῦ γνόφῳ τε καὶ θυέλλῃ κατακαλυπτομένου ὄρους εἰς ἀθεώρετον ἀνιέροις καὶ τούτοις τὸ κατὰ κορυφὴν θεῖον πῦρ περιστέλλοντος θιγεῖν ἐτόλμησας, κἂν εἰ σοι διαπαίζεται ταῦτα τῇ ἀθεότητι ἀπιστούμενα, λίθοις στερροῖς φημι λόγοις βληθείης καὶ βολίσιν, ὀνείδεσι πρὸς ἀξίαν πόρρωθεν κατατοξευθείης· καὶ οὕτως ἀπέλθοις ἐκ τῶν ἁγίων τῇ τοῦ Ὀζίου λέπρᾳ καταισχυνόμενος· ἀλλ᾽ εἰ μὴ παντὸς τὸ θεολογεῖν, χριστιανῶν δὲ πάντως, οὐδήπου γὰρ φῶμεν Ἑλλήνων· ἤπου γέ σοι ἀθέῳ τε καὶ ἀλάστορι, ὅτι μηδὲ δαίμοσιν ἐφεῖται θεολογεῖν, ἀλλ᾽ ἐπιτιμᾶται σιγᾶν οὐχ ἧττον ἢ καὶ ὑμῖν νῦν. Τί δαὶ καὶ θεολογήσεις; τί καὶ τῶν περισπουδάστων σοι καὶ κωμῳδίαν Ἑλλήνων ἐπιμνησθείς; θεολογεῖν [F. 89v] ἀναιδεύσατο ὁ τὴν ἀπὸ γενεᾶς πίστιν ἀπομαθὼν καὶ ἐξομισάμενος, τὰ δὲ τῶν Ἑλλήνων μεταμαθών τε καὶ θαῦμα ποιούμενος, εἰ καὶ νῦν ἀπίστως καὶ δολερῶς ἐξορχούμενος τῆς ταχυτῆτός τε καὶ κουφότητος, καὶ ποῦ σοι στῆναι λοιπὸν βέλτιστε, ὅτι καὶ θεολογῶν, θεο-

[1] Ἴδομεν, cod.

χόλωτος καὶ τὰ Ἑλλήνων χλευάζων εἰς πίστιν οὐκ εὔσημος, ἀλλὰ καὶ οὕτως κἀκείνως ἐμβρόντητος, οὐ μᾶλλον τῆς ἐμπληξίας, ἢ τοῦ ἀνεπερείστου ἀναβοώμενος καὶ μισούμενος, ἕτερον τρόπον τὸ τῶν ἰκτίνων τοῦ μύθου παθών· ἀλλ' ἵνα σου καὶ τὸ σοφὸν καὶ ἀπόρρητον ἀκριβέστερόν τε καὶ κατὰ σκινδαλμοὺς ἐκλαλήσωμεν τῶν φθασάντων, οὐχὶ θεολογοῦντος· οὐδὲ γὰρ μῦρον διὰ βορβόρου πέφυκε ῥεῖν, οὐδὲ τιμῶντες τοὺς θείους θεράποντας οἱ νῦν φλήναφοι· τίνας γὰρ καὶ τιμήσεις ὧν τὸν ἀρχηγόν τε καὶ κύριον Ἰησοῦν τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ καὶ θεοῦ ὅσαι ἡμέραι κατηγορῶν οὐκ ἀνῆκας καὶ κατακόρως· πολλοῖς τούτου κεχρήσομαι μάρτυσι τοῦ θείου ζηλωταῖς θερμοτάτοις· οἱ τὴν ἀθείαν τέως ἀπήλεγξαν, οὐ μεῖον καὶ τῷ ὑμετέρῳ υἱῷ, ἀνθ' ὧν αὐτῷ καὶ μεγαλωφελέστατον παρέσχον μισθὸν εἰς τὴν ἀφ' ὑμῶν λῆξιν ἐπηρεάσας, εἰ καὶ συνοίσειν ἔμελλε τὸ ζημίωμα ἀθέου κλήρου καὶ ἐξαγίστου μηδέν τι μετέχοντι, μηδὲ μικρὰ ζύμη ὅλῳ λελυμάνθαι φυράματι, οὔκουν τιμῶντος τὸ διαβούλιον· αἰσχρόν γε καὶ λίαν ἀνόητον κανθάρων πόνῳ φιλοτιμεῖσθαι τοὺς μύρων ἀπόζοντας, ἀφ' οὗπερ οὐδὲ τιμήσονται τοῖς ἀτίμοις οἱ τοῦ κρείττονος θεραπευταὶ καὶ ἐπήβολοι, ὅτι μηδὲ τοῖς ἐξ Ἰουλιανοῦ ἀναδομουμένοις αὐτοῖς τε μηνίσμασιν, οὐδὲ καθ'ἑαυτῶν χωήσον ται κόνιν, βλασφήμῳ παραχωροῦντες τὸν ἔπαινον, ᾧ ζῶντες εἴπερ ἀντιβολεῖν ἐξεγένετο, ἄλλῳ χαλεπωτέρῳ Φαλάριδι ἢ καὶ Διομήδει τῷ Θρᾳκὶ συντετυχήκεσαν ἄν, ὡς καὶ παιδιὰν ἀποφανθῆναι, τοῖς νῦν εἰς ὠμότητα προβᾶσι τὰ τούτοις ἐπενεχθέντα παραβαλλόμενα· καὶ τί τὸ πονηρὸν διαβούλιον; ἀποσυλῶντί σοι τῷ μηδὲ τῶν βασιλικῶν δώρων τὰς χεῖρας ἁγνεύσαντι, μᾶλλον δὲ σπαράσσοντι καὶ παρασπῶντι τῶν τοῖς πατράσιν· ἢ καὶ τίσιν ἄλλοις κομψῶς εἰρημένον καὶ ταῦτα χύδην τε καὶ εἰκῇ συμφοροῦντι τοῖς σπουδασταῖς ἐπιδείκνυσθαι οὐ νόθους, ἀλλ' ἑαυτοῦ γνησίας ταῦτα γονὰς πείθοντι; οἱ δὲ πολλῇ πελαγιζόμενοι τῇ κορύζῃ ὡς καὶ τίθης δεῖσθαι λοιπὸν πῶς ἂν τοιοῦτοι τὰ φώρια διακρίνοιεν· ἢ ταῖς ἰσχναῖς καὶ μόνοις τοῖς νήφουσι κατοπτευομέναις διαμαρτίαις ὑμῶν ἐπιβάλοιεν; οἱ μηδὲ τὴν κατὰ πίθου σκιὰν διαβλέποντες ἄγονταί τε καὶ φέρονται οἱ τὸ συμπνῖγον ὑμᾶς πονηρότατον ἑλκύσειε πνεῦμα καὶ οὐκ [F. 90] αὐτοὶ μόνοι, ἀλλὰ καὶ τούτους, ὅσοι κατ'αὐτοὺς ἀπηλγήκασι τὴν σωτηρίαν πρὸς τὸν αὐτὸν ὄλεθρον ἐπισπώμενοι ταύτην τοι φατρίαν. οὐκ ἐναγῆ περιπεποιημένῳ, προβῆναί σοι καθ'ὁδόν. Ὁ μηδ' εἰ τελοῖτο πιστεύσας, οὐ κατ' ἐλπίδος καὶ τὰ ἐνδέοντα· ἑνὸς μὲν οὖν τούτου καὶ πρώτου, ὁ κινδυνώδης τε καὶ ὀλέθριος ὑμῖν πλοῦς μεμηχάνευται, δευτέρου δέ τινος καὶ κατ' οὐδὲν φαυλοτέρου τοῦ πρότου κακηντροχία· ὥρηται μὲν ὡς τοῖς κρατοῦσιν μέμψιν ὑφαίνων καὶ τούτους εἰς ἀσυνουσίαν τε καὶ ἀναισθησίαν τῶν περὶ αὐτοὺς ἀρχόντων, ὅσα γε πρὸς ἐκλογὴν ἀποσκώπτων ταύτῃ προσάγεις ἅτε τοσοῦτον δῆθεν ἄνδρα παραγκωνισάμενοι, καὶ τοῦ πολιτεύεσθαι καταπαύσασιν καίτοι εἴ τι καὶ ἄλλο· οὐδὲν οὕτοι τοιοῦτο, οὐδ'ἂν χαριέστερον τούτου τῶν εἰς σωφροσύνην ἀποπνευόντων καὶ θεοσέβειαν ἔχοιεν ἐπιδείκνυσθαι ἄνδρα λοιμόν, ἄνδρα βωμολοχίᾳ τοὺς πώποτε φημιζομένους ἀποκρυψάμενον, τῆς πολιτείας ἀποκρουσάμενοι, παρ'ὅ γε καὶ εἴ τι εὐετηρίας ἐγεύσατο, τῷ καταπτύστῳ τούτῳ ἐπιτηδεύματι καρπωσάμενον· ἢ γὰρ οὐχὶ καὶ νῦν τῶν συγγινομένων ὑμῖν μόνον οὐ κροκύδας ἀφαιρῇ τὰς χεῖρας κατὰ τοὺς ἐμβροντήτους γνωστικοὺς διαψηλαφῶν, μειδιάματι χρηστῷ δεξιούμενος, τῇ γνώμῃ συντρέχων καὶ εἴ τι ἄλλο τῆς κολακείας ἐστὶ γνώρισμα θερμότητι πάσῃ καταπραττόμενος οἷς τοὺς μὲν νωθεστέρους εἶχες ἂν καὶ πρὸς φιλίαν συνέδησας, τοῖς ἀνδρώδεσι δὲ καὶ γενναιοτέροις ὕλην παρέσχες τοῦ μίσους τὸ ὑπερβάλλον μυσαττομένοις τοῦ πράγματος, ἀλλὰ τὸ μὲν λέλεκται, οὐκ οἶδα δ'εἰ καὶ καθ'ὅσον εἰπεῖν ἄξιον. Τὸ δε οὖν κεφάλαιον τούτου καὶ δι'ἃ τὸ βδελυρόν σοι παγκράτιον συγκεκρότηται μωμεῖσθαι τοὺς ἀοιδίμους πατέρας τὸ σπούδασμα, καὶ μὴ πλέον ἀποφαίνω ὑμῶν αὐτοὺς ἀποφέρεσθαι μὴ βίου σεμνότητα μὴ λόγων στερρότητα ἀλλ' ἐφ'ὁμοίοις ὑμῖν τὸν βίον καταγελάστως ἀπηντληκότας· τὰ μὲν ἄλλα τῷ χρόνῳ ἀφανισθῆναι, τὸν λόγον δὲ νῦν μόνον περιποιεῖν αὐτοῖς τὸ μακάριον, ὅπε οὐδ'ἂν αὐτὸς ὁ τοῦ ψεύδους πατήρ, εἰ μή σοι γλώσσῃ χρησάμενος νῦν ἐξηρεύξατος Τοῦτό σου τὸ κατὰ τῶν πατέρων σκευώρημα· αὕτη ἡ ἐκ κακούργου σου γνώμης

διαβολὴ καὶ τὰ κατ᾽ ἐκείνων νεανιεύματα. Ἐπεὶ ὅτι γε ἄλλως σοι ληρεῖν περιγίνεται οὐκ ἄδηλον οὐδενί· τί γε ἡ σὴ περὶ λόγους ὡς οἴει σπουδή, εἰ μὴ κατὰ Δημάδην ὑμῖν καὶ Ὑπέρβολον προσπεπόρισται τῶν εἴ τι καὶ ἐνδεῶς ἔχες τῇ τοῦ θεοῦ ἀνεπλήρωσεν ἐκκλησίᾳ νηστείας εἰσήγησιν; ἀλλὰ Βασιλείου καὶ πράξει καὶ λόγῳ σαλπίσαντος καὶ παρακαλέσαντος τοὺς εὐσεβείας πρὸς τοῦτο τροφίμους. Τίς ἂν ἔτι ἀνάσχοιτο Χοιροσφάκτου νηστεύειν δημηγοροῦντος, ὃς πρὸς οἷς ἄλλοις ἠσέλγησεν, ἔτι καὶ τῷ Μεγάλῳ καὶ θείῳ Σαββάτῳ νυκτὸς ὀρνιθεύσας [1] καὶ ταύτην καθ᾽ ἡδονὴν αὐτῷ καρυκεύσας ὄρθρον ἐγνωκὼς ἐπιφαίνοντα [F. 90ᵛ] πρὸς θοίνην ἐχρῆτο καὶ τῶν σαρκῶν ἐντραγών, ὅσον εἰς ἐξουσίαν, ὀλίγον ὑπνώσας, εἶτ᾽ ἀναστὰς καὶ στόμα καὶ χεῖρας ἀφαγνισάμενος τῇ συγκλήτῳ συνήει βουλῇ καὶ πρὸς ἑσπέραν μετεῖχε τοῦ θειοτάτου Χριστοῦ δείπνου ὁ δαιμόνων ἅμα πρωῒ κοινωνήσας τραπέζας καὶ ποτηρίου. Ὢ τῆς ἀνεικάστου θεοῦ μακροθυμίας; ὢ τῆς τοῦ καταφρονητοῦ ὑπερβλυζούσης μανίας; εἶτα τούτῳ νηστείας καὶ τούτῳ ἁγιασμοὺς τούτῳ ἐγκρατείας ὑφηγητῇ δίκαιον χρήσασθαι, ἀλλ᾽ οὐχὶ βόθρῳ, οὐ ξίφει, οὐ καταποντισμῷ ἀπολέσθαι; εἴπερ ἐπαληθεύοι ὁ ταῦτα ἡμῖν ἱστορήσας υἱός, ἀλλ᾽ εἰ καὶ μὴ ταῦτα, Χοιροσφάκτῃ δ᾽ οὖν ὅμως εἰς ἐγκράτειαν παραγγέλλοντι; Τίς ἕψεται ἐπιδεικνυμένην πίστιν ἅτ᾽ἂν ἐπαγγέλλει δίκαιος καὶ οἷς αὐτός τις ἐνασκησάμενος κατορθώσειεν ἕξιν [2] καὶ τοὺς λοιποὺς οὐκ ἀπέγνωκεν, ἀλλὰ θεολογίας τριαδικὴν ἔκφρασιν ἥσθην Ἐπικουρείῳ τριαδομάχῳ καὶ πλήρει δαιμόνων ἀνθρώπῳ περὶ τριάδος θελογοῦντι. Τί δαὶ σεμνότερον ἀποχρήσῃ Γρηγορίου τῷ λόγῳ τὸν ἄνδρα πρότερον ὁ ἀκάθαρτος ἀνακαθάρας, ᾧ τοῦτο μόγις μεθεῖται τὸ ὑπερφυέστατον καὶ κρεῖττον ἀνθρωπίνης σχεδὸν ἕξεως. Ἀλλὰ περὶ τῆς ἐν σαρκὶ τοῦ λόγου οἰκονομίας φρυάξῃ ἐρεῖν, ἀλλ᾽ ὁ χρυσοῦς Ἰωάννης βροντήσας οἷον οὐράνιον ἐμποδὼν στήσεται σὺν Ἀθανασίῳ τῷ θείῳ τῷ μηδὲ κατὰ χαλκοῦ ῥύπον τὸν τεθνεῶτα φέροντι λόγον, ἀλλ᾽ ὥστε οὐδ᾽ ἡ τῶν πιστῶν ἀκοὴ χρυσείων ἀλλάξεται χάλκεα, ἀλλ᾽ ἀποπηδήσεται τοῦ νέῳ προτίμῳ λόγῳ μὴ ἁλμυρὰν ἀκοὴν ἐπεισάγουσα, ὥσπερ καλῶς ποιοῦντες κατέπραξαν οἱ πνεύματι θείῳ καταληπτοὶ τῆς φλυαρίας ὑμῶν ἐναρχομένης θεοφιλῶς δραπετεύσαντες ἢ οὕτω καὶ σαδδουκαίοις τοῦ περὶ ἀναστάσεως παραχωρήσομεν δόγματος καὶ διδασκάλους αὐτοὺς ἀναβιώσεως ἀναβιβασόμεθα ὧν οὐ μακρὰν εἶ, οὐχ ὅπως ἀνάστασιν ἀθετῶν, εἰ μὴ καὶ πνεῦμα καὶ πᾶσαν τὴν περὶ θεοῦ νοερὰν λειτουργίαν εἰς ἀνυπαρξίαν ἐκβαζόμενος ὡσπερεὶ διαφθονούμενος τούτῳ εἰ ἔρημος ὢν αὐτὸς θεραπείας θεὸς ἔχοι θεράποντας ἢ ὅπερ καὶ ἀληθέστατον τῇ ἀναιρέσει τῆς νοερᾶς οὐσιώσεως καὶ τὸ τῆς ψυχῆς ἀθάνατον ἀφαιρούμενος καὶ τὴν εἰς ἀγγέλους τῶν ἁγίων μετάταξιν τῆς γε ἀΰλου τάξεως μὴ ὑφεστηκυίας πρὸς τίνα μεταχωρήσει τὰ τῶν ἐνταῦθα πνεύματα κατωρθωκότων καὶ τίνα τιμῶν λήψεται μὴ ὄντων ὧν πρὸς τὴν δόξαν ἀφομοιώσεται; εἶτα τοιοῦτος ὢν ἐγκώμια γράψεις ὁσίων ἀνδρῶν ὁ τῶν θεοῦ φίλων ἀναιρέτης καὶ ὑβριστής τε καὶ χρευαστὴς καὶ πᾶν ὅτι καὶ Ἰουδαῖος πρὸς ἀτιμίαν τούτοις ἀμώμενος; Ἀλλὰ προσήσεται ταῦτα ἡ πλήρης παντὸς ἀγαθοῦ τῶν πιστῶν ἐκκλησία; ἀλλὰ ἀνέξεται δαιμονομανοῦντος καὶ δαιμονῶντος ἤδη λαμπρῶς ὡς σῶμα καὶ τὴν ψυχήν; ἢ οὐχὶ χρόνος οὔπω μακρός, καθ᾽ὃν ἐπιλήψεως [F. 91] πάθει τὴν ἔνοικον παραδήλου σκαιότητα διαστραφέντος μέντοι τοῦ βλασφήμου καὶ μιαροῦ στόματος; Παρακοπῇ δὲ περιφανεῖ τοῦ ψυχαρίου σοι τοῦ ἀθόλου παρακεκινημένου οὐ παραδέξεται, οὐκ ἀνέξεται, ὅτι μηδὲ τὰ τοῦ Κάϊν δῶρα θεός οὐκ εἰς ταμεῖα βιβλίων ἐναποθείη; Ἀλλ᾽ εἰς κόμπον ὀδόντων σαπρίᾳ καὶ δυσωδίᾳ ὅσῃ πλείστῃ καταπλουτούντων ὁ μιαρὸς ἀπολήξει σοι τόκος καὶ μίσθωμα πόρνης, ἁγνὸς οὐ μερίσεται, ἀλλά γε δὴ καὶ πρὸς τούτοις ἐπακούσῃ καὶ ταῦτα· τῷ δὲ ἁμαρτωλῷ εἶπεν ὁ θεός, ἵνα τί σὺ ἐκδιηγῇ τὰ δικαιώματά μου καὶ ἀναλαμβάνεις τὴν διαθήκην μου διὰ στόματος, ὃς μισῶν θείαν παιδείαν καὶ τοὺς ἀπροσίτους σοι λόγους διαστρέφειν πειρώμενος, ἀμείνονι ἂν συνεκύρησας λυσσήσας διαδηλότερον καὶ τὴν ἐνδομυχοῦσαν παρρησιάσας κακότητα, ἤπερ σοφός τις εἶναι σκηπτόμενος καταγελάστως, οὕτω τοῖς σωφρονοῦσιν

[1] ὄρνιθα θύσας cod.
[2] ἕξειν cod.

ἀπέχεσθαι· καταργήθητι τοίνυν ἀπὸ Χριστοῦ, καὶ ἀπὸ ἀσεβείας ἀπότρεχε, μηδὲ τὸ ἀναιδέστατόν σου τοῦτο λοιπὸν ἡμῖν γίνου δι᾽ὄχλου· τὴν δὲ κατὰ σαυτὸν μέτιθι μετὰ τοῦ Τυρίου γέροντος, μετὰ τοῦ δυσσεβοῦς Ἰουλιανοῦ ἐξαφανιζόμενος, ὧν θαυμαστής τε καὶ ζηλωτὴς τῶν λόγων, ἤδη δὲ καὶ συμμέτοχος καὶ ὢν καὶ ἐναριθμούμενος εἰς τὴν Ἀχερουσίαν, εἰς τὸν Κωκυτόν, εἰς τὸν Τάρταρον, εἰς τὸν Ἀχέροντα καὶ Πυριφλεγέθοντα ὃν καὶ τοὺς ἐναμίλλως βιοῦντας ὑμῖν ὁ σοφὸς ὑμῶν Πλάτων ἀπέπεμψεν ταῦτα σπουδάζοντος, ἀλλ᾽ οὐ παίζοντος. Τί γε παίζειν ἔδει, ἐν οἷς τὸ πρὸς θεὸν τοῦ ταῦτα πραγματευομένου ἀνόσιον μῖσος εἰς ἔχθραν αὐτοῦ δικαίαν τοὺς εὐσεβείας ὑπαστιστὰς προηγάγετο.

ПЕРЕВОД

ХИРОСФАКТ ИЛИ НЕНАВИСТНИК ЧАРОДЕЙСТВА

Да, да, итак был и этот золотой эпос. Он касался не на случай истины, но на всякие запросы содержал там философские ответы. Ничто из этого эпоса и из этих ужасных дерзновений не на пользу общественной жизни. Как же иначе, о святилище бога, исполнение всякого бесстыдства? Каков это зримый грех? Что за великое безумие и дерзкое упорство? Что за ужасное и роковое деяние, которое заведомо до своего совершения не найдет согласия с верой? Это — керкоп, полный всякого коварства, всякой нечисти, отвергающий христианство, навсегда распростившийся с благочестием. Очень далеко стоит он от храма, чтобы взирать даже на преддверие. Ему недостаточно сотрудничать с доставшимся ему в удел демоном, он живет в самых святилищах, не остановился он и на этом, но сверх того напевает в уши благочестивых при помощи подобных ему свои бездельные выдумки; действительно, не что иное, как это ужаснейшим образом творит он им. В его замыслах пустить в глаза пыль безбожия, по возможности втянуть в учение каких-то гностиков, затем прикрыться благочестием и приписать себе славу благости, чтобы таким образом похитить кого-нибудь из детей в господе и увлечь в свою свинскую грязь; мало того, он станет измышлять несказанную клевету против тех, кто его обесчестил, как бы терпя напрасно,— одно это, конечно, он мастер делать. Что же? И такую заразу не изъяли из синедриона, не уничтожили, но оставили жить, чтобы он, ползучий змей, измышлял многих простодушных вводить в искушение, принимал разные образы изворотливыми извивами. О трагическая перипетия! О бессмысленные несчастия! Неужели ни от кого нет помощи? Неужели некому распознавать его? И не осталось у нас Фенея, чтобы он поражал и теперь мадианскую блудницу, чужую по языку, в незаконных детях развращающую господнее воинство? И разгром уже приготовляется, из сынов Израиля поношение устраняется. И нет ни Павла, ни Силы, который укротил бы божественной силой безумствующую душу Пифонским духом, а детям Христовым доставил бы безопасность? И нет никого другого, ни нового, ни древнего, ни обитающего достойно и чтимо в святилищах бога, чтобы святилища оставались недоступными для профанов и неприкосновенными для дурных глаз и чтобы яд дракона не сочился у них из уст. Но древний закон оберегал нетронутыми для моавитян и аммонитян свои святыни и ограждал доступ к ним до четвертого поколения; и в таком положении было установление, никто ни в чем не нарушал предписаний и не вредил им. Этот же новый закон, и притом пре-

образующий писание согласно с духом, разве допустит так попустительно, так неосмотрительно, так вредно нечестивцев, стоящих вне перирранетриев, пришедших от весла, скажем, от керамической копоти их оргий, и выбросит свиньям и собакам жемчуг учения и догматов. Безумие это ужасное, ни с чем не сравнимое! Скажи же мне ты, строитель и зачинщик этих деяний, как ты, мерзкий и пагубный, ненавистный для всех и отвратительный до того, что и в совете римлян недостоин быть по распутству, да еще и брыжжущий слюной из нечестивых уст на дела господа и самого Христа, как ты нагло вторгся в храм его святой и с беспредельной уже дерзостью высказался о том, что разрешается высказывать одним только испытанным в жизни и слове благочестия, облеченным учительским достоинством, ты, запятнавший себя тысячами бесстыдств и сознательным злодейством. Не высказать, в какое грязное безбожие, чтобы не сказать невежество, ты погрузился: ты отрекся от самого существенного в священном писании и, если тебе угодно, от самого основательного в эллинской образованности. Знают это источающие чистое слово мудрости. И ты не сознаешь того. Как ты ослеплен и побежден безбожием? и нет цветущей хвалы в устах грешника. Не решил ли уж ты заниматься коварной политикой и в божьей церкви? Но пойми: не удастся коварному охота, ты постарался навредить в тех делах: в посольствах к болгарам, в посольствах к сарацинам, потом на вероломном посольстве ты был пойман, больше того, своим подручным ты строил козни, скрывал свой образ действий, на короткое время, казалось, прославлялся, кончил тем, что был разгадан и вместе со всей кладью потерпел крушение. Ведь нужно было возросшего таким образом грешника скосить, как траву, и прежде чем ему быть вырванным, завянуть, как и все подобное, совершаемое чародейством. Ты переменил три тактики одного и того же типа. Прежде чем понимать свой „колючий терновник,“ твою, разумеется, вполне выросшую преступность, ты стал уже кичиться, уже хвастаться, превозноситься в надменных мыслях. Пал на тебя огонь за твое подсудное и ненавистное богу нечестье, и ты внезапно пострадал от пожигающего солнца. И теперь в скрытом месте ничего ты не совершаешь более достойного, не только в том, что насладился возложением непосильного бремени, но и отогнал из гавани в порыве зломыслия тех, от кого ты только что не по заслугам испытал добро; но невозможно безбожным быть откровенными и печаль их навязывать людям, хотя ты исподтишка теперь и действуешь среди некоторых немногих неустойчивых людей; хотя я и не соучастник твой, — ведь все согласное с дружбой того же рода, — если следует, по крайней мере, сказавшему в этом доверяться. Пусть же они вместе с тобой, пожалуй, и музыкальный хор составят, подобные с подобным, с тобой, кому неизвестен ни характер гармонии, ни ее смысл, возникающий по исчислениям и расчетам, требующий величия: природа своей глубиной и мудростью охватывает многообразные учения о звуках, амплитудах, родах и системах, тонах, переходах, и возвышает из этих элементов благую мелодию лучше, чем под руководством зажиревшего и свиноподобного человека, и скорее в этом разобраться всякому другому, чем кажущемуся господином рассудка и вообще незнакомому с каноном производить аккорды и наложением пальцев; но что может делать человек с пагубной душой, нигде не отказывающейся от порожденного глупостью? По моему мнению, это так. Думаю, что он считает очень мудрым по своему честолюбию вносить поправки в сочинения Аристоксена и Тимофея. Но какое тебе дело до этого исправления? Дуй изо всех сил в флейту, если позволит

тебе милая тебе Афина, в чем и над собой она достаточно посмеялась, так как и ей сначала понравилась флейта, при дуновении она надула щеки и сдвинула их к носу, затем, поруганная своим неблагообразным видом — влага у нее на изображениях обнаруживала это настроение — возненавидела флейты и бросает их на землю. После же флейты, ты самый большой вор после Гермеса, приспособив кифару, натяни струны и стяни колки лиры; подними выше магаду, чтобы громче звучала она в своем полом пространстве от сверхъестественного колебания при ударах плектра по струнам, возводи звуки к мелодии согласно приличному канону. Затем разыгрывай в театрах мудрость всеми способами театрального безобразия вместе с мимами и актерами, если тебе угодно сопутствовать детям Диониса и демонам. Нет человека, который бы помешал тому, кто раз демонически отрекся от всевышнего. Ты будешь приносить открыто им в жертву начатки своих истинных литературных трудов, ты будешь совершать вакханалии с фиасами, силенами, сатирами, менадами и вакханками. Возможно тебе угодить этим какому-нибудь из них и Икарию, сев на осла и хвастаясь своей дорогой. Конечно, ты угодишь и какой-нибудь Гекабе своей старостью, сообщившей многим тебе подобным безбожие позорных тайн; как и достойно, ты воспользовался Эридой твоих бесстыдных и весьма невежественных трудов. Иди с ними, сопутствуй им. О дело превеликой лести и мерзейшее! В этом и прославляться вам не завидно и не прославляться не позорно. Но поскольку тебе надлежит дерзать во всем, ты исполнишь волю божественной церкви, ты уйдешь в хаос не иначе, как прежние твои любимцы, исчезнув вместе с твоими свиньями, о твоих поклонниках говорю, один за другим. Поэтому и правильно и прозвище вашего Хиросфакта, так как он соревнуется в подвигах с свиньями и гибнет вместе с ними. Но если это так, постоянно печалит меня эта наглость и преследует днем и ночью, где положить предел дерзости совершенных деяний. И предстоит мне взывать: господи, да прийдут народы в наследие твое, они осквернили извержениями нашедшего на них храм твой святой, превратили его в театр, и тем воспользовалась чернь, чтобы вступить в него. Как же ты не осквернил, как не запятнал? Так ты источал, не краснея, нездоровые речи, так обращался на деле с божественными отцами! Кто же ты? Ианна и Иамвра, восставший против Моисея своим колдовством, но ты живешь, и нильский чародей превратил твою мудрость в призрак. Или ты другой еще Салмоней или латинянин Амулий, пораженные громом, как и те из Вирсы, — мог бы я сказать, — Авирон, Корей и Дафан? Больше того, я полагаюсь на тех, которые получили от бога священную стратегию и таинство, в том, что они встретятся с тобой и выступят против такого безумца. Какое же это подсудное страдание Озы? Да разве ты избежишь его, нагло пытающийся поддержать скользящий с колесницы кивот божьего завета, так что и клиру таких мужей, которым это возможно, не восстановить. Кто, вопреки надежде, из тех, которые возвещали страх божий, укажет дорогу? О неуместное и нахальное честолюбие! О жалкое деяние для зрения и слуха! Увидали мы и теперь, — а если бы не видать этого! — мерзость запустения в месте святом и уста, плетущие обильную несуразность. Нет закона господнего, несомненно; в пренебрежении священное служение. О самый жалкий из людей и самый дерзкий и самый невежественный! Ты противник по образу мысли тех, с кем ты дерзаешь себя сравнивать. Ты не убоялся слова божественного Григория, который в этом непревосходим, противопоставил ему свой способ мысли и слова, ты проявил себя тем жуком, который выс-

тупил с обвинением против орла, ты ни в чем не философ. О чтоб им никогда не говорить о боге! Или и это к тебе относится: слушать ослу звуки лиры — ни к чему. Разве эти речения не направлены на мужа в особенности и на тех, которые не выставили слово как помощника жизни; вместо этого, как зверь, теснимый невежеством, гонимый безрассудством, когда гора покрыта мраком и бурей, ты дерзнул в неведении безбожными речами коснуться посылающего по вершине божественный огонь; хотя ты потешаешься безбожием и безверием, быть тебе пораженным тяжелыми камнями, говорю о речах, и копьями, быть по заслугам засыпанным издали поношениями, как стрелами. Так да уйдешь ты из святых мест, пристыженный проказой Осии! Если не всякому богословствовать, то христианам во всяком случае, а уж никак не эллинам, но не тебе, конечно, безбожнику и алястору: не дано богословствовать демонам, но терпеть наказание и молчать не иначе, как и вам теперь. Как же ты будешь богословствовать? Не вспомнишь ли ты комедию для тебя во всем авторитетных эллинов? Безупречно ли занимался богословием тот, кто от рождения отучился и отказался от веры, переучился на эллинский лад, дивится всему эллинскому, если и теперь он выплясывает с поразительной и ловкой быстротой и легкостью? И где, впрочем, тебе, дурень, богословствовать, когда ты ненавистен богу и невразумительно издеваешься над верой своим эллинством? Но так или иначе, ты обречен быть пораженным громом, ты не меньше поруган своим сумасшествием, чем бесспорностью, и ненавидим, испытав на себе иным образом басню о коршунах. Но, чтобы мы высказались с точностью, мы высказались о твоем тайном учении и по прежним ничтожным суждениям. Не богословствуй — ведь невозможно, чтобы миро текло по грязи, — не чтут божественных служителей эти современные нам болтуны. Кого тебе и чтить? Ты неустанно и ненасытно — и столько дней — обвинял владыку и господа Иисуса, сына божьего и бога. Много в этом у меня будет свидетелей, ревностных служителей бога, которые уже обличили безбожие, не меньше это относится и к вашему сыну, за это и дал ты ему многополезную плату и пытался навредить ему и вовлечь в ваше наследство, если предстоит понести наказание безбожного и проклятого жребия даже и не участнику — и разве закваска не квасит всего теста? Итак, не считаются с твоим замыслом? Позорно и вполне бессмысленно трудом жуков соперничать с благоухающими миром, поэтому слуги вышнего и спутники не будут служить ни бесчестным, ни самим грехам, происходящим от Юлиана, и не пожнут добровольно пыли, ради поругания не пренебрегут похвалой, живя ей и добыв ее, они могли бы встретиться с другим негодным Фаларидом или даже фракийцем Диомедом, чтобы обнаружилось, как забава, деяние, подобное деянию тех, которые в настоящее время проявили дикую свирепость. Какой же это плохой умысел? Ты принял нечестивыми руками царские дары и расхитил их, больше того, растащил и развеял прекрасные речения отцов и других писателей, и все это пространно и необоснованно показывает он своим сторонникам и убеждает, что это не чужие, а его собственные плоды трудов. А их одолевает великая тупость, что впрочем тебе и нужно, чтобы они не разбирались в награбленном и не открыли ваши тонкие измышления, понятные одним трезвым. Они не различают даже тени от пифоса. Они идут и стремятся, куда влечет их давящий их злой дух, и не одни только они, но и те, которые отчаялись в собственном спасении из-за своей пагубы, увлекаются в путь по твоей дороге, поскольку ты устроил такое вот безбожное братство. Он верит

и надеется в совершение и необходимость этого первого и главного дела, — опасное и гибельное замышляется у вас плавание, — и в необходимость второго, ничем не худшего, чем первое — лукавства. Сказано, что ты плетешь хулу на правителей и принуждаешь этих к безбрачию, а их архонтов к бесчувствию, издеваясь таким образом над эклогой для того, чтобы им оттолкнуть такого мужа, принудить его оставить государственную деятельность; но еще и кое-что другое, не только это, не лучше этого: они верят благоразумию и благочестию, они хотят оправдать и мужа — язву, мужа, шутовством затемнившего некогда прославляемых, лишенного политической деятельности, хотя он в ней и вкусил прежде хороший урожай, но был снят, как плод, на этой своей оплеванной деятельности. И разве теперь с одними близкими вам он держит связь, ощупывая руками поверженных громом гностиков, приветствует приятной улыбкой, сговаривается, проявляя со всякой горячностью и другие признаки лести? Если ты и связался с глупцами и установил с ними дружбу, ты дал основание к ненависти мужественным и благородным, чувствующим отвращение к непомерности деяния. Это высказано, не знаю достаточно ли. А главное в том, что подлый происходит у тебя панкратий; вы издеваетесь над трудом чтимых отцов и обнаруживаете самих себя, не проявляя ни чтимой жизни, ни строгости речей, но при подобных вам проводите жизнь, достойную осмеяния. Прочее уничтожило время, теперь же остается у них только пресловутая литература, чего не извергнул бы сам отец лжи, если бы не заимствовал у тебя язык. Таково твое коварство в отношении творений отцов. Это козни твоего злодейского замысла и ребячество против них. А что у тебя вообще речи безрассудны, это всем совершенно ясно. Что такое твои литературные, как ты о них думаешь, труды? Разве только то, что, согласно с Демадом, у вас притязание на превосходящее меру. Исполнена церковь божия твоим истолкованием поста, если бы только ты достаточно придерживался его, но, когда уже Василий возвестил и делом и словом и призвал к этому вскормленных благочестием, кто станет придерживаться Хиросфакта, проповедующего пост: он в прочих делах был распущен, а притом в великую и божественную субботу распутствовал ночью до петухов; насладившись всласть, дождавшись утра предавался пиру и вкушал вдоволь мясное; немного поспав, затем встав, с оскверненными руками и устами вступал в синклит и принимал участие вечером в трапезе божественного Христа, он, сообщившийся накануне с трапезой и чашей демонов. О бесподобное божье терпение! О через край льющееся безумие преступника! Справедливо ли ему быть истолкователем постов, святынь, воздержания? И не погибнуть ему от землетрясения, от меча, от потопления? Если только правду говорит повествовавший об этом наш сын, но, если не так, то не Хиросфакту возвещать о воздержании! Кто-нибудь последует за истолкованием веры, когда о ней возвещает справедливый и в чем сам он потрудился и достиг успеха и не отрекся от прочих. Но насладиться изложением догмата троичности у эпикурейца триадомаха и у человека, исполненного демонов, богословствующего о Троице! Не почтеннее ли воспользоваться словом Григория, что другого прежде всего очищает нечестивый, Григория которому с трудом доступно это сверхъестественное и едва ли не превосходящее человеческую способность. Ты будешь гордиться рассуждением об экономии слова? Но Иоанн Златоуст, загремев как бы небесным громом вместе с божественным Афанасием, воспрепятствует, сказав живое слово о грязи меди. Но так как слух верных не променяет золота

на медь, как не отпрянет, не приняв горького слуха в новом словесном питье? Как хорошо сделали одержимые божественным духом и боголюбиво убежали еще при начале вашей болтовни. Или так и уступим мы саддукеям в догмате о воскресении и возведем на трибуну учителей анабиоза? От них ты не далек. Как же ты не отвергаешь воскресения, если своими высказываниями упраздняешь и дух и мысленное служение при боге, как бы по зависти: если сам бог лишен служения и не имеет слуг; сказать правильнее, вследствие уничтожения мысленной сущности ты уничтожаешь и бессмертие души и превращение святых в ангелов; раз не существует бесплотного воинства, чего достигает возвышение сюда духов и кто получит почести, когда нет славы, к которой им приобщиться. И ты, такой человек, будешь писать энкомии святым мужам, ты, губитель друзей божьих, наглец, пересмешник, и во всем, как иудей, пожинающий поношение? Но допустит ли это церковь, полная всякого блага верных, потерпит ли она безумствующего в демоне и явно уже одержимого демоном по телу и душе? Не близко разве то время, когда она не примет и не потерпит искаженные в эпилептическом припадке, явные природные извращенности, разумею, хульные и мерзкие уста и твою низкую душонку, совращенную очевидным сумасшествием: ведь дары Каина бог не положит в сокровищницу библии; но в скрежете зубов, обильных величайшей гнилостью и зловонием, закончит у тебя твой отвратительный приплод и плата блудницы; чистый не будет участником, но по этой связи выслушай и следующее: грешнику сказал бог: почему ты рассказываешь о суде моем и говоришь о завете моем; ненавидя божественное воспитание и пытаясь ниспровергать недоступные тебе слова, ты, встретясь с лучшим, явно взбесился и открыл свое внутреннее злодейство, как кто-нибудь забавно старающийся быть мудрым сторонится от благоразумных. Итак, не трогай Христа, беги от безбожия, пусть вообще не будет у нас этого твоего бесстыдства; по своему учению исчезни вместе с Тирским старцем, вместе с безбожным Юлианом, будучи поклонником и ревнителем их литературных трудов. Ты присоединен и причтен к тем, которые живут, как вы, и которых ваш мудрец Платон послал в Ахерусию, в Коцит, в Тартар, в Ахеронт, в Пирифлегетон, высказав в этом месте глубокую мысль, а не шутку. Как шутить там, где нечестивая ненависть к богу пробудила законную вражду защитников благочестия?

ПРИМЕЧАНИЯ

В сочинении Χοιροσφάκτης встречаются многочисленные термины из бытовой и сакральной жизни древних:

τέμενος (ср. templum) — надел, посвященный божеству, в котором оно, по представлению древних, обитает; храм божества.

Περιρραντήριον — сосуд с очистительной водой в преддверии храма.

ἀλάστωρ — дух наследственной мести.

παγκράτιον — совокупность гимнастических состязаний.

πάλη — метание дисков, копий и т. д. и πυγμή — кулачный бой.

μαγάς — станок, на котором натянуты струны кифары; μαγάς, как pars pro toto, = μαγαδίς — струнный инструмент.

В сочинении Χοιροσφάκτης приводятся не раз греческие пословицы, причем не все они зарегистрированы в „Paroemiographi graeci“: ἀπὸ τῆς κώπης, ἀπὸ τῆς κεραμικῆς ἀσβόλου (f. 87v); ὄνῳ λύρας (f. 89); κόνιν ἀμᾶσθαι

(f. 89); πόθου σκιάν (f. 89v). Сюда же относятся: 1) ссылки на басни: ἀετῷ κάνθαρος τῇ ἐπισκήψει (f. 89); τῶν ἰκτίνων μῦθος (f. 89v); ср. Aesopicae fabulae, 170 (ed. K. Halm); 2) выражения гномического характера: πιστὸν γὰρ πᾶν εἰς φιλίαν τὸ ὁμοιότροπον (f. 88); размер восстанавливаем: πιστὸν γὰρ πᾶν φιλίᾳ ὁμοιότροπον.

F. 87 χρυσοῦν ἔπος — χρυσᾶ ἔπη — пифагорейское стихотворение; этим названием, как кажется, Арефа обозначил χιλιόστιχος θεολογία Хиросфакта; написано между 856—866 гг. и сохранено в „Cod. Barocc.", 76.

F. 87 λῆρος — как медицинский термин, „душевная болезнь". Этим словом Арефа определяет также учение Юлиана и суждения Лукиана; πρὸς βόρβορον ἐπισπάσασθαι, ср. ἐν βορβόρῳ κεῖσθαι — участь не получивших посвящения в элевзинские мистерии.

F. 87 τοῖς ἠτιμωκόσιν ὑφαίνων ἀμύθητον μέμψιν — ср. письмо Хиросфакта № 20 у Sakkelion в Δελτίον I, pp. 400—405.

F. 87v φινεές, ἵνα ἐκκεντῆται μαδινῖτις μαχλάς Phil. leg., 2, 86; Gen., 37, 28. Παῦλος — Σίλας ср. Act. apost., 16, 16.

Моавитяне и Аммонитяне Gen., 19, 37—38: Deut., 2, 11.

F. 88 οὐκ ἐπιτεύξεται δόλιος θήρας о посольствах, вместе и о „ложном посольстве", см. письмо Хиросфакта № 18, Δελτίον I, pp. 396—398.

88 Προχειρικόσιν ἐπιβουλή — о спутниках Хиросфакта в последнем посольстве в письме № 20, Δελτίον I, p. 400—405.

F. 88 ἐν παραβύστῳ — разумеется, вероятно, Петра, место ссылки Хиросфакта.

F. 88 μουσικὸς χορός — см. Const. Rhod. стихотворение против Хиросфакта в Anecdota Matranga's.

F. 88 κατορθοῦν ἐν τοῖς Ἀριστοξένου καὶ Τιμοθέου — выясняется значение Хиросфакта в истории традиции текста этих двух теоретиков античной музыки.

F. 88 φίλη σοι Ἀθηνᾶ — Арефа имеет в виду работу Мирона: „Афина и Марсий", см. A. Springer-Michaelis, Handb. d. Kunstgeschichte, I, 1895—96 и Б. В. Фармаковский, „Художественный идеал демократических Афин", П., изд. „Огни"., 1918, стр. 76—80.

F. 88v Ἰκάριος — мифологический герой, распространивший культуру винограда и культ Диониса в Аттике.

F. 88v Ἑκάβη — жена Приама, образ человеческих страданий, смешением ее с Ἑκάτη объясняются упоминания о ней в сочинении „Хиросфакт".

F. 88v θελεσθέντων τὴν ὕβριν — ср. Эсхил Агам., 764 и элегии Solon, f. 8.

F. 88v Ὁ θεὸς ἤλθοσαν — Vet. Testam., Ps. 78, I.

F. 89 Ἰαννῆς, Ἰαμβρῆς, Νειλῷος φαρμακός — Vet. Testam. Exod., 7, 11; Novum Testam., 2 Tim. 3, 8.

F. 89 Σαλμωνεύς брат Сизифа, см. Suid. v. Εὐτρόπιος и χρῆμα, также Od., II, 336; Pind. Pyth., 4, 254.

F. 89 Κορέ, Δαθάν. Ἀβειρώμ — см. Suid; Κορέ, см. N. T. Jud., 11.

F. 89 Ὀζᾶς — о его преступлении см. Suid. v. Ὀζᾶς и Ios., 7, 47.

F. 89 τί δὴ θεολογήσεος — кроме χιλιόστιχος θεολογία (Cod. Barocc., 76), Хиросфакту принадлежали обширные схолии на Ветхий Завет и Новый Завет (Эксцерпт издал Mai Nova Patr. bibl. 6, p. f. 541 = Migne, Patrol. Gr., 106, p. 1020), тождественные, очевидно с Ἐπιτομὴ ἑρμηνείας (Cod. Laur., Pl. IX, cod. 23 Vindob).

F. 89v Φάλαρις — агригентский тиран (565—549), имя его сделалось позорным.

F. 89v εἰς ὠμότητα προβᾶσι τὰ τούτοις ἐπενεχθέντα παραβαλλόμενα — при этих словах заметка на полях рукописи: ὡς καὶ παιδιὰν ἀποφανθῆναι τὰ τούτοις ἐπενεχθέντα τοῖς νῦν εἰς ὠμότητα προβᾶσι παραβαλλόμενα.

F. 90 ἐκλογήν — разумеется Эклога Льва VI о запрещении четвертого брака.

F. 90 κατὰ Δημάδην — Арефа приводит изречение из оратора Демада (год смерти 318 до н. э.). Сочинений Демада не знали уже ни Цицерон, ни Квинтилиан; см.: F. Blass. Die attische Beredsamkeit, III, 2. Leipzig, 1887, pp. 236—247.

F. 90 τῷ μεγάλῳ καὶ θείῳ σαββάτῳ — о дворцовых церемониях в этот день см.: Const. De cerimon. aulae byzant., I, гл. 35, ὅσα δεῖ παραφυλάττειν τῷ ἁγίῳ καὶ μεγάλῳ σαββάτῳ.

F. 90v τοῦ λόγου οἰκονομία — о воплощении Христа, ἐγκώμια γράφεις нам до сих пор неизвестны энкомии Хиросфакта.

F. 91 ἀνόσιον μῖσος — на полях: τοῦ τέλειον μῖσος ἐμίσουν αὐτούς, εἰς ἐχθροὺς ἐγένοντό μοι, παρῳδία τοῦτο.

В. ВАЛЬДЕНБЕРГ

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МИХАИЛА ПСЕЛЛА

Византийская философия еще очень мало изучена и не вошла еще, как бы должно, в научный оборот. Мы не много можем указать научных исследований, которые брали бы своим предметом того или другого византийского философа и изучали бы его во всех деталях, с монографической подробностью и с полным научным беспристрастием. Этой ступени научного развития история византийской философии еще не достигла. Взамен этого литература — и западноевропейская и русская — предлагает нам общие определения характера византийской философии, в которых указывается, чем эта философия отличается от современной ей западноевропейской философии, какие были особенности в ее развитии, в каком отношении она находилась к другим сторонам византийской духовной культуры, и т. д. Такого рода суждения, разумеется, чрезвычайно полезны, потому что помогают ориентироваться в общем ходе развития философии. Но эти суждения тогда только могут быть полезны, когда они опираются на значительный ряд частных и детальных исследований, которые дают им необходимый фундамент. В данном же случае этого нет, а потому такие общие формулы оказываются утверждениями, ни на чем не основанными.[1] И в таком необоснованном виде они входят в сознание образованного общества и содействуют распространению в его среде неверных и неточных сведений о византийской культуре.

Чтобы убедиться, что это действительно так, достаточно обратить внимание на две идеи, постоянно встречающиеся в определениях общего характера византийской философии. Все эти определения, которые мы находим в сочинениях Ибервега, Крумбахера, Катуара, Киреевского, Курганова и других, должны, по мнению их авторов, охватить всю византийскую философию от ее начала и до падения Византии. Иначе говоря, авторы этих определений втихомолку предполагают, что византийская философия представляет картину полного единства, полного однообразия, т. е. что в ней не было никаких направлений или школ, которые бы по-разному рассматривали и по-разному решали одни и те же вопросы. Некоторые пытаются при этом точнее указать, каково было это единственное „направление“ византийской философии. И хотя эти указания делаются, большею частью, недостаточно определенно и обставляются различными оговорками, мы можем все-таки заключить, что византийскую философию некоторые считают насквозь спиритуалистическою или интуитивною, или, еще проще, — считают проникнутою

[1] W. Waldenberg. Sur le caractère général de la philosophie byzantine. Revue d'histoire de la philosophie, Paris, 1916, fasc. 3.

мистицизмом. И эти оба положения, а именно, во-первых, что в византийской философии не было различия течений, какие мы видим в Западной Европе, и во-вторых, что византийская философия представляет картину сплошного спиритуализма или сплошного мистицизма, давно уже и довольно прочно восприняты теми философскими кругами, которые интересуются Византией, но мало ее знают. Между тем, хотя византийская философия изучена недостаточно, она дает нам довольно фактов, которыми без труда можно опровергнуть как одно, так и другое положение. Например мнимое единство византийской философии можно опровергнуть указанием на IV—V вв., когда в Византии было не меньше как четыре философских направления, представителями которых являлись: Синезий, Псевдо-Дионисий, Немезий и Эней Газский.[1] Утверждение же о мистическом характере византийской философии можно опровергнуть, назвав хотя бы Немезия, философское учение которого отличается, бесспорно, реализмом.[2]

Но IV—V вв. — не единственная эпоха в истории византийской философии, и Немезий — не единственный философ в Византии, изучение которого может содействовать установлению правильных понятий о византийской философии, а следовательно и о византийской культуре вообще. С этой точки зрения следует обратить внимание на известного писателя Михаила Пселла, автора известных мемуаров „Сто лет византийской истории“.

М. Пселл (1018—1077) оставил после себя обширное литературное наследство, которое показывает, что это был всесторонне и, для того времени, глубоко образованный человек, так как его сочинения затрагивают едва ли не все известные тогда науки. Из этих сочинений к философии относятся следующие: 1) Энциклопедия (Διδασκαλία παντοδαπή), 2) Учения о душе, 3) Против учения Платона о происхождении души, 4) О самобытности сущего. Но когда речь идет об уяснении принципиальных воззрений Пселла в области философии, едва ли не самыми важными оказываются те страницы в его мемуарах, где он говорит о своем философском развитии.

Мы узнаем отсюда, что, когда Пселл был 25-летним молодым человеком, он делил свои умственные занятия между риторикой и философией. Но вскоре, достигнув в первой из этих наук значительных успехов, он целиком отдался философии и изучил все наиболее выдающиеся философские учения. Больше же всего привлекали его к себе мыслители, которые занимались теорией познания.[3] Но так как он не нашел между ними никакого согласия, то, изучив Платона и Аристотеля, он обратился к неоплатоникам — к Плотину, Порфирию, Ямвлиху и основательно ознакомился с Проклом. „У них, говорит Пселл, я познал всю науку и научился точности в употреблении понятий“.[4] После этого он пожелал приступить к первой философии (ἐπὶ τὴν πρώτην ἀναβαίνειν φιλοσοφίαν) и погрузиться в чистое знание (καθαρὰ ἐπιστήμη). Это знание можно, по его мнению, найти только в учении о бестелесном (τῶν ἀσωμάτων θεωρία), каким является м а т е м а т и к а, так как она занимает середину, с одной стороны, между физическими науками, имеющими своим предметом т е л а, и мышлением, не связанным с телами, и, с другой стороны, самими

[1] W. W a l d e n b e r g. La philosophie byzantine aux IV-e et V-e siècles. Byzantion, I, IV.
[2] Ibid., 257.
[3] ὡς δέ τισι τῶν ἐξηγησαμένων τὴν ἐπιστήμην ἐνέτυχον, τὴν ὁδὸν παρ' αὐτῶν ἐδιδασκόμην τῆς γνώσεως—M. P s e l l o s. Chronographie, ed. Émile Renauld., Paris, Tome I, 1926, 134—135.
[4] Ibid.: πᾶσαν ἐκεῖθεν ἐπιστήμην τε καὶ νοήσεων ἀκρίβειαν ἔσπασα, стр. 136.

сущностями, которыми занимается чистое знание.[1] Определяя математику согласно пониманию Прокла,[2] Пселл рассчитывал получить при ее помощи знание о том, что лежит за пределами ума и даже за пределами сущности вещей.[3] Так высоко ставил Пселл математику в общей системе нашего знания. Спрашивается, на чем, однако, основывал Пселл свои расчеты, и как он представлял себе роль математики в науке и в философии. По мнению Пселла, все другие науки должны взять от математики ее числовой метод и геометрическое доказательство, которые одни только обладают свойством логически принуждать нас к признанию данного положения истинным или ложным.[4] Следовательно, все науки должны взять себе математику за образец и строить систему своих положений так, как это делается в математике, т. е. основывая все на доказательствах, чтобы одно логически необходимо вытекало из другого. Проще говоря, в науке все должно быть доказано. Только этот прием математического метода в состоянии обеспечить науке достижение истины.

Всякому, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей европейской философии, это место в мемуарах Пселла тотчас напомнит одного из величайших мыслителей Западной Европы, а именно Спинозу. Спиноза так же, как Пселл, требует, чтобы всякое познание строилось по геометрическому методу (more geometrico), при котором одно вытекает из другого с логической или с математической необходимостью. Спиноза, как и Пселл, требует от науки доказательности. Но между ними есть, разумеется, и крупнейшее различие. И, прежде всего, Спиноза считает геометрический метод обязательным для всякого познания, каков бы ни был его предмет. Между тем Пселл допускает два вида познания: кроме познания, основанного на доказательстве, существует, по его мнению, мудрость, стоящая выше доказательств. Усвоить ее может только воздержный ум, находящийся в состоянии вдохновения.[5] Эта мудрость, следовательно, может быть воспринята не в силу убедительности доказательств, а лишь благодаря особому душевному состоянию познающего. Если же кто желает получить ее из вторых рук, как это было с самим Пселлом, который искал ее в отреченных, тайных книгах (βιβλίοις ἀρρήτοις), то ему нужна вера, но она не у всякого есть.[6]

С этой точки зрения Пселл рассматривает историю философии и находит в ней известное чередование того и другого направлений. Темы этой он касается в одной из своих лекций. По его мнению, на Востоке египтяне и халдеи обладали глубокой мудростью, но они принимали ее без всяких доказательств, на веру. Эта мудрость перешла отчасти и в Грецию; проводником ее был Пифагор. Он точно также не считал нужным доказывать свое учение, но изрекал его, как оракул, и не приводил для своих положений никакого основания. Иное мы видим у Платона. Он многое принял от Пифагора, но многое и отверг. И где он в своих учениях является последователем греческой философии, он

---

[1] Стр. 136... μαθήμασιν, ἃ δὴ μέσην τινὰ τάξιν τετάχαται, τῆς τε περὶ τὰ σώματα φύσεως καὶ τῆς ἀσχέτου πρὸς ταῦτα νοήσεως, καὶ αὐτῶν δὴ τῶν οὐσιῶν, αἷς ἡ καθαρὰ συμβαίνει νόησις. Вполне точному переводу это место не поддается.

[2] Ср. Ibid., 136 прим.

[3] Гл. XXXVIII, 10—12: ὑπὲρ ταῦτα ὑπέρνουν ἢ ὑπερούσιον καταλήψομαι.

[4] Гл. XXXIX: ἀριθμῶν τε μεθόδοις ἑαυτὸν ἐντείνας καὶ γεωμετρικὰς ἀποδείξεις ἀναλαμβάνων, ἃς ἀνάγκας τινὲς ὀνομάζουσιν.

[5] Гл. XL, 1—3: ἐπεὶ δὲ τῶν τελεωτέρων ἠκηκόειν φιλοσόφων, ὅτι ἔστι τις καὶ ὑπὲρ τὴν ἀπόδειξιν σοφία, ἣ μόνος εἶδεν ὁ σωφρόνως ἐνθουσιάζων νοῦς...

[6] Ibid., 5—7: γὰρ δι᾽ ἀκριβείας ταῦτα εἰδέναι, οὔτ᾽ ἂν αὐτὸς περὶ ἑαυτοῦ σεμνολογήσαιμι, οὔτ᾽ ἄλλῳ πιστεύσαιμι λέγοντι.

строят свою мысль на доказательствах. Но где он идет по стопам египтян или халдеев, там у него оказываются крылатые кони, колесницы богов и другие, подобные этим вещи. Пселл намекает, очевидно, на Федра. Здесь Платон уже не делает никакой попытки доказать свое учение, но предлагает его как высшую мудрость, которую мы должны принять на веру. Таким образом в Платоне сочетаются обе мудрости. Аристотель же целиком отверг эти приемы; он стал смотреть на науку с человеческой точки зрения и все свои положения основывал на строгих доказательствах.[1]

Какою же должна быть философия и каков должен быть ее метод? Это зависит от того, как понимать ее задачи и ее место в системе нашего знания. Можно видеть в философии такую сферу духовной деятельности, которая является перед нами как наука наук, ἐπιστήμη ἐπιστημῶν, т. е. как особое знание, стоящее выше всех других наук и имеющее совершенно особые задачи. Есть мнение, что такое понимание философии характерно именно для Византии.[2] Но Пселл совершенно определенно его отвергает. Он не может согласиться, чтобы одну из наук сделать, по его выражению, как бы особо почитаемым жертвенником, т. е. (как можно понять это выражение) чтобы эта наука давала указания всем остальным наукам и являлась верховным судьею над ними.[3] Пселл был хорошо знаком с персидской магией, с халдейской мудростью, со всякой мистикой и с оккультными знаниями. Современники были даже склонны видеть в нем не то мага, не то колдуна.[4] Но, говорит он, благоразумный человек может все это знать, но не может этому следовать, не может быть в этом убежденным. Чтобы это принять, надо наперед отказаться от всего образования, которое мы получили. И одна эта невозможность согласить мистицизм и всякого рода интуитивную философию с нашей системой образования делает их для нас неприемлемыми, так что нет вовсе надобности указывать специально на отсутствие в них строгих доказательств и, вообще, производить им оценку с научной точки зрения.[5]

Пселл, наоборот, является сторонником того взгляда, что философия есть всего лишь одна из наук, имеющая, как и всякая другая наука, своей задачей исследовать природу вещей.[6] Поэтому для нее столь же обязательно требование строгой доказательности, какую представляет математика и, в частности, геометрический метод. Обязательным и неизбежным для философии Пселл считал и силлогизм.[7]

Эту теорию свою он прилагает и к богословию, поскольку оно имеет философский характер. Он считает его более высоким родом философии, чем философия светская, но имеющим двойственный характер, так как

---

[1] П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель М. Пселл. М., 1890, 126—130.

[2] W. Waldenberg. Sur le caractère générale de la philosophie byzantine, 4.

[3] Гл. XL, 7—10: τὸ δὲ μίαν τῶν πασῶν ἐπιστήμην ὥσπερ ἑστίαν φίλην ἑαυτῷ πεποιηκότα τινὰ, ἐντεῦθεν οἱονεὶ καθ' ἱστορίαν ἐξιόντα καὶ τῶν ἄλλων ἐν περινοίᾳ γίγνεσθαι, και αὖθις ἐπαναστρέφειν, ἀφ' ἧς κεκίνηται...

[4] Chronographie, II, 77.

[5] Гл. XII: τὸ μὲν οὖν εἰδέναι ταῦτα, μὴ πείθεσθαι δὲ ταῖς δόξαις οὐδεὶς ἂν εὖ φρονῶν αἰτιάσαιτο. εἰ δέ τις τὴν ἡμετέραν παιδείαν ἀφεὶς ἐπ' ἐκεῖνα μεταθήσει τὴν γνώμην, οἰκτίσαιτ' ἄν τις τοῦτον τῆς περιττοτέρας παιδεύσεως. ἐμοὶ δὲ ἵνα τἀληθὲς εἴποιμι, οὐδ' ὁ ἐπιστημονικὸς λόγος τὴν ἀποστροφὴν τούτων δεδώρηται,... καὶ οὔτε συλλογισμῶν ἐπαΐω οὔτε μὴν ἀποδείξεων ἄλλων.

[6] I, 137, гл. XLI: ἡ δὲ φιλοσοφία... τάς τε φύσεις ἀνιχνεύει, τῶν ὄντων καὶ τὰς ἀρρήτους θεωρίας παρίστησι, καὶ οὐδὲ μέχρις οὐρανοῦ ὑψηλολογουμένη προσβαίνει, ἀλλὰ καὶ εἴ τις ἐκεῖθεν κόσμος, καὶ τοῦτον ἐξυμνεῖ ποικιλώτερον·

[7] K. Satha. Bibliotheca graeca medii aevi, 1875, V, 444—451.

оно, с одной стороны, опирается на доказательства, а с другой — основывается на вдохновении свыше.[1] И поскольку эта философия стремится доказать свое учение, она не может пренебрегать и силлогизмом. „Я, говорит Пселл, не презирал силлогизма, так как хотел видеть господа ясно, а не при посредстве загадочных выражений. Силлогизм есть лишь орган истины и не заключает в себе ничего противного церкви“.[2]

На основании всего этого взгляд Пселла на философию можно формулировать так. Существуют два вида философии. Одна из них имеет своим предметом потусторонний мир, находящийся за пределами возможного опыта; ее источник в мистике или в интуиции. Своих учений она не доказывает, но предлагает принимать их на веру. Другая — ставит себе целью исследование природы всего сущего и стремится доказать свои положения так, как это делает математика. Пселл признает только эту философию, а всякого рода интуицию и мистику, как философский метод, он отвергает, отводя им место исключительно в области религиозного мышления, в богословии. Этому взгляду Пселл остался верен и в собственных философских сочинениях: в них нет никакой интуиции, и своего читателя он старается убедить исключительно при помощи доказательств и очень часто прибегает к силлогизму.[3] Вообще у него замечается дискурсивный метод и видна склонность к диалектике понятий.

Нельзя, конечно, думать, что Пселл вполне разрешил для себя гносеологическую проблему, которая его занимала, и что он успел выработать себе на этот счет взгляды, чуждые всяких противоречий. Неясности и противоречия у него есть. И прежде всего они заметны в вопросе о задачах философии и о пределах познания. С одной стороны, он говорит, что философия не касается потустороннего мира, т. е. предметов, лежащих за пределами возможного опыта,[4] и занимается лишь исследованием природы того, что существует.[5] С другой же стороны, так как математика изучает не тела, а лишь количественные и пространственные отношения,[6] т. е. нечто неосязаемое,[7] Пселл считает возможным достичь через нее чистого познания, т. е., очевидно, познания, полученного не из опыта и не имеющего эмпирического содержания. А получив это познание, человек получает, вместе с тем, знание о том, что выше разума и даже выше сущности.[8] Таким образом, понимая философию в духе позитивизма или критицизма, Пселл в то же время не отказывался и от метафизики. От философии он требовал известной трезвости, но сверхопытное знание он не ограничивал одной областью веры, а допускал его и в философию. Как примирялись в его миросозерцании обе идеи, на этот вопрос ответить довольно трудно. Чувствуется, однако, у него некоторая близость к тому, как понимали отношение веры и знания Климент Александрийский и его последователи.[9] Как бы то ни было, за изложенными взглядами следует признать значительную

[1] Гл. XLII: ἐστί τις καὶ ὑπὲρ ταύτην ἑτέρα φιλοσοφία, ἣν τὸ τοῦ καθ᾽ἡμᾶς λόγου μυστήριον συμπληροῖ (καὶ τοῦτο δὲ διπλοῦν καὶ φύσει καὶ χρόνῳ μεμερισμένον, ἵνα μὴ τὴν ἑτέραν λέγω διπλόην τήν τε ἐν ἀποδείξεσιν καὶ... τεθειασμένης ἐγγίνεταί τισι γνώσεως). Далее — об отцах церкви, как создателях этой философии.

[2] Ср. Безобразов, указ. соч., 156.

[3] Напр.: Migne. Patr. gr., t. 122, col. 1044—45, 1049 и sp.

[4] Chron., I, 137, гл. XLI: ἡ δὲ φιλοσοφία... οὐδὲ μέχρις οὐρανοῦ ὑψηλογουμένη προβαίνει.

[5] Ibid.: τάς τε φύσεις ἀνιχνεύει τῶν ὄντων.

[6] I, 136, гл. XXXVIII: περὶ τῶν ἀσωμάτων θεωρίαν... ἐν τοῖς λεγομένοις μαθήμασιν.

[7] Ibid.: ἡ ἄσχετος νόησις.

[8] Ibid., 10—12: αὐτῶν δὴ τῶν οὐσιῶν, αἷς ἡ καθαρὰ συμβαίνει νόησις, ἵν᾽ ἐντεῦθεν εἴ τι καὶ ὑπὲρ ταῦτα ὑπέρνουν ἢ ὑπερούσιον καταλήψομαι.

[9] В. Дмитревский. Александрийская школа. Киев, 1884, 34—49.

продуманность, они не случайно попали в его мемуары и лекции, и потому с полным основанием можно говорить о его философском направлении.

Продолжалось ли это направление после Пселла, или же оно прекратилось вместе с ним? Ответить на этот вопрос с надлежащею полнотой и точностью трудно, пока византийская философия остается столь мало изученною, как в настоящее время. Во всяком случае, мы ни у кого после Пселла не встречаем его идеи о геометрическом методе, как методе общенаучном, и о доказательности, как требовании, которому должны отвечать все науки, и в их числе также философия. Это можно считать твердо установленным. Но если обратить внимание на то, в каких формах выразились у Пселла эти идеи, и понять его идеи несколько более широко, то и в последующее время можно указать в Византии мыслителей, которые до известной степени продолжали направление и идеи Пселла.

С этой точки зрения заслуживает упоминания, прежде всего, ученик Пселла и его преемник по кафедре — Иоанн Итал (род. ок. 1025 г.). Его философское направление вызывало и вызывает еще теперь большие споры. Одни считают его чистым платоником,[1] другие[2] находят его воззрения более сложными в своем генезисе.[3] Но как бы то ни было, нельзя отрицать, что одним из значительных элементов его философии является учение Аристотеля. А вследствие этого и оказывается, что в его воззрениях чрезвычайно мало, вернее сказать — нет совсем никаких элементов интуиции. Те его сочинения, которые до нас дошли, носят вполне трезвый характер. Все, что он говорит, он стремится доказать чисто логическим путем. Это особенно заметно в тех случаях, когда Итал затрагивает область вопросов церковного характера. Он вполне сознательно ставит перед философией вопросы, которые выдвинуло христианство, и отдает себе отчет, как отразится то или иное философское учение на истолковании христианского догмата. В разрешении же этих вопросов он идет строго философским путем. Он не делает никаких ссылок на Писание и только логически развивает свою мысль.[4] Вообще он считал, что при обсуждении идей, выдвинутых философией, следует исходить из принципов, установленных философией же, и пользоваться философскими методами, хотя бы они противоречили церковным догматам.[5] А философские методы требуют, прежде всего, доказательности. Чего они требуют еще, по мнению Итала, и как он понимал самую доказательность, об этом дошедшие до нас его сочинения ничего не говорят, и потому очень трудно высказаться окончательно об отношении его к геометрическому методу. Но, говоря вообще, остается вне сомнения, что в главном и существенном он примыкал к направлению Пселла.

Приблизительно то же самое можно сказать о Никифоре Влеммиде (1197—1272). Это — один из крупнейших представителей византийской образованности, философ в полном смысле слова, хотя и не оригинальный. Из его сочинений имеют отношение к философии: „Логика“, „Физика“, „О душе“, „О теле“, „О добродетели и воздержании“.

---

[1] Ф. И. Успенский. Очерки из истории византийской образованности, 1891, 160.

[2] Ibid., 170.

[3] Д. Брянцев. Иоанн Итал и его богословско-философские взгляды, осужденные византийскою церковью. 1905, 190, 198 и др.

[4] Ср.: Д. Брянцев, указ. соч., 2—3.

[5] οὗτοι γὰρ (sc. οἱ Ἕλληνες) τῆς τοιαύτης ἐπιστήμης καθηγηταί, διά καὶ κατὰ τὸ δόξαν ἐκείνοις τὰς ἀπορίας λυτέον, εἰ καὶ πολλάκις τοῖς εὐσεβέσι δόγμασι ἀναντιοῦται τὰ ἐκείνοις δοκοῦντα. I. Itali. Opuscula selecta. Тифлис. Ed. Gr. Cereteli., fasc. II, 1926, XXV.

„Сокращенная логика“ (Ἐπιτομὴ λογικῆς). Это — руководство для учащихся, на котором сильно заметно влияние сочинений Аристотеля: „Аналитика“, „Об истолковании“ и др. Но Влеммид не рабски следует за Аристотелем: некоторые отделы он дополняет по „Введению“ Порфирия, а иногда можно подметить у него и проблески самостоятельной мысли. Было бы интересно собрать все те места в его „Логике“, где он проявил самостоятельность, и посмотреть, нет ли между ними чего-либо общего, т. е. не означает ли его частичный отказ от Аристотеля сочувствие какому-нибудь более или менее определенному направлению. Но пока эта работа еще не проделана.

В своей психологии Влеммид идет уже не по стопам Аристотеля, а следует за Платоном. Он принял от Платона тричастное деление души, по образцу которого он проводит и деление умственных способностей человека. Но этим, кажется, и ограничивается литературно-философское происхождение его психологии. Говоря же о душевных способностях и описывая их взаимные отношения и проявления, он подкрепляет свое изложение большим количеством примеров. Так что его сочинение оказывается основанным на наблюдении и, следовательно, имеющим эмпирический характер. Правда, на ряду с этим мы находим в его психологии и такие части, которые носят печать рациональной или метафизической психологии. Так, он говорит, что душа есть сущность простая и независимая от тела; он обсуждает вопрос о предсуществовании душ и о времени сотворения каждой отдельной души, утверждает бессмертие души и воскресение тел. В этой части психология Влеммида имеет гораздо меньше связи с Аристотелем, чем с Платоном.

Таким образом в своих философских взглядах Влеммид не был вполне последователен: его сочинения носят эклектический характер и испытали разнообразные воздействия. Но поскольку все-таки можно говорить о его философском направлении в смысле руководящей идеи, к которой стремится мысль философа, и пути, по которому она к ней идет, то есть достаточные основания с известными оговорками утверждать, что Влеммид принадлежал к тому же направлению, что и Пселл. Его философские сочинения, несмотря на их уклонение в сторону метафизики, имеют в общем трезвый характер. Они в значительной части основаны на эмпирическом материале, и автор стремится не просто внушить читателю ту или другую мысль, но сопровождает ее строгими доказательствами. Конечно, приемы этих доказательств очень далеки от геометрического метода, которого требовал от философии Пселл. Но не следует забывать, что и для самого Пселла геометрический метод был только идеалом или образцом, сам же он, обильно снабжая свои сочинения доказательствами, пользовался другими приемами, так что в его учении, как и было указано, существенным является собственно не геометрический метод, а *доказательность*, как условие, при котором только и может философия притязать на научное значение. У Влеммида мы это и видим.

Отсюда ясно, что если Пселлу и не удалось создать свою школу, которая бы целиком приняла его учение и развивала его дальше, то все же в последующее время были мыслители, которые только частью под его влиянием, а больше самостоятельно проводили идеи, хотя и не вполне повторяющие его мысли, но полностью с ними согласные. Это дает основание думать, что философское направление Пселла было для своего времени достаточно жизненным и отвечало коренным тенденциям византийской философии.

А. Ф. ВИШНЯКОВА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ И ПРОСВЕЩЕНИИ БОЛГАР В XIV в.

XIV век считается временем расцвета болгарской литературы, когда по приказу царя Иоанна-Александра (1331—1365) стали переводиться книги с греческого языка на болгарский.

Иречек говорит, что ни в одном периоде болгарской истории мы не находим столько письменных памятников, как в годы царствования „величайшего и всемогущественнейшего царя Иоанна-Александра".[1]

С такой оценкой согласен и Сырку, который написал специальное исследование по этому вопросу: „К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.". Он также говорит: „Мы не знаем другого времени, когда в Болгарии писалось и переписывалось так много книг, как именно в это время".[2] При Иоанне-Александре стали делаться новые переводы с греческого языка на славянский, а для царской библиотеки заказывались специальные новые переводы с греческого языка.[3]

Между греками и болгарами в этот период установились весьма оживленные сношения. Из-за турецких набегов и постоянных войн при Иоанне Кантакузине Византия в 40-х годах была страшно разорена, и многие греки стали переселяться в Болгарию.[4]

Переселившиеся греки могли содействовать знакомству болгар с греческой литературой и принимать участие в переводах с греческого языка на болгарский. Надо думать, что в славянизированной Македонии византийское влияние было наиболее сильным. Здесь мы имеем дело с такими памятниками, которые показывают, как глубоко греческая культура была усвоена славянским обществом. В официальной литературе преобладали книги богословского характера,[5] по которым нельзя представить себе культурный уровень самого народа, но этот пробел мы можем пополнить другим материалом и в том числе эпиграфическими данными.

Известный болгарский ученый Иордан Иванов, автор многочисленных научных работ, в первой части своего капитального труда „Български старини изъ Македония" публикует очень ценный эпиграфический материал. Особенно интересен в культурно-историческом отношении надгробный эпиграфический памятник из Дойрана в области реки Вар-

---

[1] Иречек. История болгар. Перевод с немецкого под редакцией Яковлева. Варшава, 1877, 294.

[2] Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., т. I, вып. 1. СПб., 1899, 411.

[3] Ibid., 416.

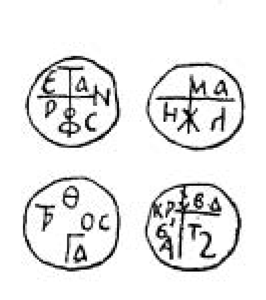
[4] Ibid., 387.

[5] Ibid., 438.

дара, написанный на славянском и греческом языках, который вносит интересные данные в историю славянской культуры и литературы XIV в. в Македонии.[1]

Монограмма и надписи этого памятника, датированные 1362 г., говорят нам, что здесь были погребены две дочери Михаила Кровавого — Ирина и Феофана. Сам Михаил происходил из древнего царского рода. В Македонии могло быть много родов, считающих себя царского происхождения: как от сербских Неманичей, так и от болгарских династий, в особенности от Шишманов.

Издатель текста неправильно прочитал монограмму и не точно издал надпись, и поэтому я вношу исправление и дополнение.

CΥΔΙΠΕΔΙΘΤΙΝΑΚΡΑΤΗC
ΗΚΡΟΚΟΡΗΗΤΦΓΑΝΤΟ
ΜΙΧΑΗΗΠΑΛΑΓΟΝΟ
ΤΡΙCΕΥΚΑΕΙΜΕΓΙΓΗ
ΕΚΒΑCΙΛΕΩΝΕΡΕΥ
CΕΝΕΙCΓΗΝΑΛΑΠΑ
ΠΑΙΤΗCΤΥΧΗC

Издатель читал монограммы таким образом: 1) Ἀφιέρωσεν 2) θυγατρός 3) Μιχαήλ 4) Κρ. βα...τ („Посвящен дочери Михаила Кр-ва“).

Первая монограмма прочитана неправильно: τ и ο совсем не приняты во внимание, но появилась лишняя ω. В действительности следует читать: τάφος Εἰρήνης θυγατρός Μιχαήλ Κριβαβάτης („Гробница Ирины, дочери Михаила Кривавого или Кровавого“).

Надгробные монограммы, заключавшие в себе слово „гробница“ и имя усопшего, в болгарских памятниках встречались и ранее.[2]

Надгробную греческую надпись издатель опубликовал таким образом: Σὺ δ'(ε)ἰπὲ, λίθε, τίνα κρατεῖς; νεκρὸν κόρην... Μιχαὴλ Παλαιγόνῳ τρις εὐκαλ(λ)ει μεγίστη ἐκ βασιλέων ἔρ(ρ)ευσεν εἰς γῆν ἀλ(λ)ὰ παπαὶ τῆς τύχης.

Издатель текста не принял прежде всего во внимание, что надпись следует читать стихами ямбическим триметром, благодаря чему в угоду стиху были сделаны грамматические отступления. В первом стихе, из-за требований стихосложения λίθ вместо λίθε, что также не было отмечено издателем, и он прямо поставил, не считаясь с тем, что в надписи ε отсутствует, и не поместил эту букву даже в скобки.

Во втором стихе нехватает слога τὴν, который резчик и не собирался вырезать, и это опять не было отмечено в издании. Слово τρυφερὰν было совершенно не прочитано и вместо него поставлены точки, хотя даже по воспроизведению надписи это слово читается вполне точно и ясно. Не прочитан издателем также и член, стоящий перед словом Μιχαήλ, а он также читается на камне вполне отчетливо. При παλαιγόνων τρισευκλεεῖ μεγίστη нет существительного, которое также не вмещалось. Самое слово παλαιγύνων взято из Пиндаровского выражения „μῆτιν τε γαρύων παλαιγόνων“ (Pind. Carmina Olympia XIII, Lipsiae, 1865, p. 54).

[1] Указал на эту монограмму акад. Н. С. Державин, которому я приношу глубокую благодарность за его постоянную помощь в научной работе.

[2] Изв. Русск. археол. инст. в Константинополе, т. X.

В третьей строке издатель ставит τρίς εὐχα (λ) ει и оставляет это слово без перевода, так как оно и для него самого было, очевидно, непонятно. В действительности следует читать τρισευχλε(εῖ), т. е. „трижды славный“, что вполне соответствует смыслу надписи. Издатель был, очевидно, смущен буквой Λ, имеющей черту соединения, и читал ее поэтому как соединенную Λ и Α. Черта соединения сделана, несомненно, резчиком случайно.

В восстановленном виде надпись читается следующим образом:

Σύ δ'(εἰ) πέ, λίθ<ε>, τίνα κρατ(εῖ)ς; νεκρὸν κορην
<τὴν> τρ(υ)φερὰν τοῦ Μιχαὴλ παλαιγόν(ω)
Τρισευχλε(εῖ) μεγίστη ἐν βασιλέων
ἔρ(ῥ)ευσεν εἰς γῆν, ἀλ(λ)ὰ παπαὶ τῆς τύχης.

Перевод

Ты же, камень, кем владеешь? умершей девой
Нежной дочерью Михаила из древнего рода
Трижды славного, величайшего, происходящего от царей.
Она ушла в землю, но, увы, судьба.

В этом надгробии Пиндаровское выражение μῆτις παλαιγόνων указывает, что изучение славянами греческой литературы носило глубокий и всесторонний характер среди людей, принадлежащих к образованному кругу общества, и не было только чисто внешним подражанием византийским образцам, когда они изучали классических авторов.

Стихотворная форма записи в этой эпитафии на надгробном памятнике в Македонии привлекает наше внимание потому, что указывает влияние классических авторов и на надгробные эпитафии XIV в.

Кроме разобранных надгробных стихов, мы имеем еще две стихотворные надписи из того же сборника „Български старини изъ Македония“. Одна — на плащанице в храме св. Софии в Охриде с упоминанием Андроника Палеолога.[1]

+ Μέμνησο ποιμὴν Βουλγάρων ἐν θυσίαις
ἄνακτος Ἀνδρονίκου Παλαιολογου

„Помяни пастырь болгарский при жертвоприношениях царя Андроника Палеолога“.

Андроник Палеолог может быть как Андроником II, в последний год его правления, так и Андроником III, внуком Андроника II, но скорее всего надпись относится к Андронику III, так как он, заняв престол, стал врагом сербов и искал союза с Болгарией. Болгарский царь Михаил охотно согласился на союз с Византией и скрепил его брачным союзом. Он отослал свою первую жену сербку, сестру Стефана Дечанского, и женился на сестре Андроника III. В 1330 г. сербы разбили болгарскую армию на реке Каменче у города Вельбужда. Тогда Андроник III поспешил на южноболгарскую границу и забрал там ряд пограничных городов. Вероятно, к этому времени и относится надпись, так как Андроник III старался во что бы то ни стало привлечь болгарское население на свою сторону и действовал через духовенство в надежде, что оно окажет ему поддержку.

Таким образом эта коротенькая надпись очень ярко определяет внутренние болгаро-византийские отношения в эту эпоху.

[1] Бълг. стар., 36.

Другая надпись на притворе в храме св. Софии относится к некоему Севасту Просенику. Эта надпись также написана ямбическими стихами, и издатель неправильно поставил местоимение σοῦ, которое не могло стоять в надписи потому, что нарушило бы размеры стиха.

Μνήσθητι Χ(ριστ)ὲ	Помяни Христе
ψυχὴν τοῦ δγλγ[σγ]	Душу раба
Ἰω(άν)νγ κυργ	Ивана господина
[σεβ]αστγ τγ Πρωσενικγ	Севаста Просеника.

Видимо, в Македонии XIV в. изучение греческой литературы славянами, принадлежащими к образованным слоям общества, шло одновременно с византийским стремлением всесторонне заняться античностью. Такими наиболее учеными греками в XIV в. были Димитрий Триклиний и Москопул, которые на ряду с другими греческими авторами занимались также и Пиндаром.

Среди образованных болгар этого времени видное место принадлежит патриарху Евфимию, создавшему вокруг себя целую литературную школу из болгар, сербов и русских,[1] а это указывает, что в болгарском обществе была достаточно сильная тяга к усвоению наследия старой культуры, хотя занятия античностью как греками, так и славянами происходили при исключительно трудных условиях.

В 1352 г. сын султана Орхана, Сулейман, захватил г. Цимну на о. Галлиполи — византийско-сербско-болгарская попытка помешать туркам укрепиться здесь закончилась разгромом союзников у Димотихи.

В 1354 г. турки забрали г. Каллиполь и, став твердой ногой в Европе, прежде всего болгарам дали почувствовать свое соседство; в боях с ними погибло два сына болгарского царя. Надежды славян и греков на сербское царство также оказались несостоятельными, так как после смерти Стефана Душана Сербия распалась. Все славяне жили в ожидании турецкого нашествия, но образованные болгары не прерывали своих литературных занятий. Такие случаи литературных и научных занятий при неблагоприятной внешней обстановке встречаются в мировой истории. Тогда внутренние силы, таящиеся в самом народе, служат залогом того, что народ не погибнет при самых тяжелых испытаниях и вновь восстанет и начнет свою самостоятельную жизнь.

Так было с Болгарией, сумевшей, хотя и через долгий срок времени при поддержке русского народа, снова стать самостоятельным государством.

С точки зрения всеобщей истории необходимо отметить, что этот подъем славянской культуры в XIV в. в Болгарии по времени совпадает с эпохой итальянского возрождения. Вся культурная Италия была охвачена страстным желанием изучать античных авторов, и это же стремление, пусть в меньшей степени, мы находим и в Болгарии.

---

[1] Иречек. История болгар, 421.

М. К. КАРГЕР

К ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ

Археологические исследования в киевском Софийском соборе, начатые в 1935—1936 гг. и широко развернувшиеся в 1939—1940 гг., дали не только исключительные результаты для реконструкции первоначального архитектурного облика этого замечательного памятника, но и весьма ценные вещевые материалы, относящиеся к древнейшему периоду истории собора.

Среди многочисленных находок особое внимание привлекает вислая свинцовая печать, найденная в 1935 г. на уровне древнейшего пола в северной башне собора.

Информация о находке софийской печати с переводом на русский язык надписи на обороте печати была опубликована И. Скуленко в краткой заметке, посвященной раскопкам и реставрационным работам, проведенным в Софийском соборе в 1935 г.[1]

Печать представляет собой свинцовый диск около 4 см в диаметре отличной сохранности с отверстием для шнура, проходящим в толще диска.

На лицевой стороне печати (рис. 1) изображена Богоматерь с младенцем на коленях, сидящая на троне. По сторонам надпись μρ θυ. Этот иконографический тип, широко распространенный в Византии, и в частности в Константинополе,[2] получил вскоре широчайшую известность и в древнерусской иконографии под названием Богоматери Печерской.

На оборотной стороне печати (рис. 2) рельефная надпись.

+ ЄΥ
CΤΡΑΤΙΟC
ЄΛЄωΘΥΑΡ(ΧΙ)
ЄΠΙCΚΟΠΟC
ΚωΝCΤΑΝΤ(Ι)Νȣ
ΠΟΛЄωCΝЄΑC
ΡΟΜΗC ΚΑΙ ΟΙ
ΚΟΥΜЄΝΙΚ(ΟC)
ΠΡΙΑΡ(ΧΗC)

---

[1] И. Скуленко. Реставрация б. Софийского собора в Киеве. Советский Музей, 1936, № 3, стр. 59.

[2] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, Пгр., 1915, 316—356.

т. е.

+ Εὐστράτιος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος
Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης
καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.

Перевод: „Евстратий божией милостию архиепископ Константинополя, Нового Рима, и вселенский патриарх".

Среди константинопольских патриархов известен только один, носивший имя Евстратия. Это был Евстратий Гарида, возведенный на константинопольский престол в 1081 г., в царствование Алексея Комнина, по инициативе матери императора.

Анна Комнина рассказывает по этому поводу следующее: „Был тогда один монах, по имени Евстратий, по прозванию Гарида, близ великой божией церкви выстроивший здания и прикидывавшийся добродетельным". Он издавна по временам посещал мать Комнина и предсказывал ей царствование. А она, с своей стороны, и без того любя монахов, этими словами еще сильнее увлекаемая в их пользу, со дня на день показывала к нему больше и больше доверия и даже задумала посадить его на патриаршем престоле великого города. Ссылаясь на простоту и нераспорядительность тогдашнего патриарха, она убедила некоторых предложить ему, в виде совета, отречься от престола, — так как бы они советовали это для его же пользы. Но затея эта не укрылась от святого мужа, и он в заключение, клянясь своим именем, сказал: „Не будь я Косьма, если сойду с патриаршего престола, не возложив моими руками венца на Ирину" (жену Алексея). Действительно, Косьма настоял на короновании Ирины императорским венцом, чем оказал большие услуги дому Дук, а через некоторое время (всего месяц спустя после воцарения Алексея) сам добровольно удалился с патриаршества.[1]

Новый патриарх, по свидетельству современников, оказался человеком недостойным своего сана, ибо был совершенно необразован, неопытен в управлении церковном, груб и более создан для безмолвия или затвора.[2] Тем не менее он пробыл на патриаршем престоле до 1084 г., когда был низложен по обвинению в ереси Иоанна Итала.

Печать, найденная в башне киевской Софии, является единственным экземпляром, не имеющим реплик среди известных в настоящее время византийских печатей. Однако тип софийской печати хорошо известен в византийской сфрагистике.

Еще в 1864 г. F. Lenormant[3] описал буллу патриарха Георгия, которую автор с полной достоверностью отнес к концу XII в., связав ее с патриархом Георгием II Ксифилином, занимавшим константинопольский патриарший престол с 1192 по 1199 г.

В 1872 г. M. A. Mordtmann[4] опубликовал второй тождественный экземпляр этой буллы.

Лицевая сторона печати занята изображением Богоматери, сидящей на троне с младенцем на коленях, совершенно аналогичным описанному выше изображению на софийской печати.

---

[1] Annae Comn. Alex., II, ap. Migne, 245. См. также: Н. Гроссу. Церковно-религиозная деятельность византийского императора Алексея I Комнина (1081—1118). Труды Киевск. дух. академии, 1912, кн. VII—VIII, 512.

[2] J. Zonarae Annal., XVIII, 21. — Migne. Patr. gr., t. 135, c. 297. — См. также: Н. Гроссу, указ. соч., стр. 513.

[3] Lenormant. Deux bulles de plomb byzantines. Revue numismatique, 1864, pp. 268—274.

[4] Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, 1871—1872, 110—111.

На оборотной стороне надпись:

✠
ΓΕѠΡΓΙΟϹ
ЄΛЄѠ ΘΥ ΑΡΧΙ
ЄΠΙϹΚΟΠΟϹΚѠΝ
ϹΤΑΝΤΙΝȢΠΟΛЄѠϹ
ΝЄΑϹ ΡѠΜΗϹ ΚΑΙ
ΟΙΚȢΜЄΝΙΚΟϹ
ΠΑΤΡΙΑΡΧΗϹ

В 1877 г. G. Schlumberger[1] опубликовал аналогичную патриаршую печать из своего собрания с именем Иоанна. Через несколько лет та же булла была переиздана автором по лучшему экземпляру, принадлежащему Музею Археологического общества в Афинах в его капитальном своде византийских печатей.[2]

Изображение на лицевой стороне этой печати очень близко к изображению на описанных выше печатях патриарха Георгия Ксифилина. Совершенно аналогична и надпись на обороте печати, за исключением имени патриарха и несколько различного расположения надписи по строкам.

+ ΙѠΑΝΝΗϹ
ЄΛЄѠ ΘȢ ΑΡΧΙ
ЄΠΙϹΚΟΠΟϹ
ΚѠΝϹΤΑΝΤΗΝ
ΟΠΟΛЄѠϹΝЄΑϹ
ΡѠΜΗϹΚΑΙ Ο(Ι)
ΚΟΥΜЄΝΙΚ(ΟϹ)
(ΠΑΤΡΙ)ΑΡΧΗ(Ϲ)

G. Schlumberger связывал эту печать с патриархом Иоанном X Каматиром, занимавшим константинопольскую кафедру с 1199 по 1206 г.[3]

В Корпусе Schlumberger приведено еще три печати с аналогичным изображением Богоматери на троне и с надписью на обороте, повторяющей ту же формулу: „имя рек, милостью божией архиепископ Константинополя нового Рима и вселенский патриарх".

На обороте первой из этих печатей[4] упомянуто имя ΝΙΚΗΤΑϹ, которое автор связал с именем патриарха Никиты II Мунтану, избранным на патриаршую кафедру в царствование Исаака II Ангела в 1187 г. и смененного в 1190 г.

На обороте второй печати[5] упомянуто имя патриарха Феодосия, которое Schlumberger связывал с Феодосием I, правившим константинопольской кафедрой с 1178 по 1183 г. и являвшимся одним из близких по времени предшественников Георгия Ксифилина.

---

[1] G. Schlumberger. Bulles byzantines inédites. Musée archéologique, II, 1877, p. 4 du tir. à part.
[2] G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire byzantin. Paris, 1884, 125.
[3] Ibid., 125.
[4] Ibid., 125.
[5] Ibid., 730.

Наконец, третью печать с именем патриарха Мефодия (ΜΕΘΟΔΙΟϹ) Schlumberger[1] связывал с именем знаменитого Мефодия, патриарха IX в., боровшегося с иконоборцами.

Основываясь на ближайшем сходстве изображения и надписи на этой печати с перечисленными выше печатями, Н. П. Лихачев[2] справедливо, на наш взгляд, возражал против этой атрибуции и связывал печать с именем патриарха Мефодия II, занимавшего престол всего в течение трех месяцев в 1240 г.

Спустя десять лет после выхода Корпуса печатей, Schlumberger опубликовал еще одну печать из своего собрания,[3] принадлежащую патриарху Герасиму I, занимавшему константинопольский престол с 1320 по 1321 г. Изображение и надпись на обороте печати аналогичны, за исключением пропуска слов „ΝΕΑϹ ΡΩΜΗϹ ".

Н. П. Лихачев в упомянутой выше статье[4] опубликовал еще четыре печати интересующего нас типа:

1. Печать патр. Михаила, в собрании Гос. Эрмитажа.
2. Печать патр. Козьмы, в собрании автора.
3. Печать патр. Германа, в собрании В. Г. Бока.
4. Патриаршую печать, в собрании автора с утраченным именем.

Все печати, по мнению Н. П. Лихачева, имеют полное сходство по изображению и формуле надписи с печатями, опубликованными Schlumberger; вторую из них Н. П. Лихачев связывал с именем патриарха Козьмы II, бывшего на престоле с 1146 по 1147 г., относительно атрибуции первой колебался: отнести ли ее к Михаилу III (1169—1177) или к Михаилу IV (1206—1212). Более вероятным Н. П. Лихачев считал первую атрибуцию.

В атрибуции печати из собрания Л. Г. Бока, приобретенной последним в Константинополе, Н. П. Лихачев также колебался в выборе между патр. Германом II (1222—1240) и Германом III (5 VI—IX 1267). Вне всякого сомнения была для Лихачева невозможность атрибуции этой печати Герману I, патриарху VIII в.

Расположив все приведенные выше патриаршие печати интересующего нас типа в хронологическом порядке, мы получим ряд, начинающийся печатью патриарха Козьмы II (1146—1147) и заканчивающийся печатью патриарха Герасима (1320—1321), т. е. ряд печатей от конца XII в. до начала XIV в.

Древнейшим образцом печати интересующего нас типа Н. П. Лихачев считал печать патриарха Козьмы II (1146—1147) и на этом основании считал, что интересующий нас тип патриаршей печати появился в половине XII в., сменив ранее существовавший тип с изображением Богоматери, стоящей в рост и с надписью, с именем в дательном падеже и без упоминания титула вселенского патриарха.

Печать, найденная в Софийской башне, является, как видно из изложенного, наиболее древним образцом этого типа патриарших печатей, являясь единственной печатью XI в. среди памятников византийской сфрагистики интересующего нас типа.

---

[1] G. Schlumberger, 126.

[2] Н. П. Лихачев. Печати патриархов константинопольских. Труды Моск. нумизм. общ., т. II, М., 1899, отд. отт., стр. 9.

[3] G. Schlumberger. Sceaux byzantines inédites. Revue des études grecques, 1894.

[4] Н. П. Лихачев, указ. соч., 10—11.

Небезынтересно отметить, что и в византийской нумизматике монеты с изображением Богоматери, сидящей на престоле, появились при Михаиле VII Дуке во второй половине XI в. и распространились при последующих Комнинах.

Конечно, нет возможности установить, при каком документе попала на Русь патриаршая печать 1081—1084 гг. Начиная с конца 70-х годов XI в. вплоть до 1089 г. на киевском митрополичьем престоле сидел ставленник константинопольского патриарха митрополит Иоанн, которого русский летописец характеризует как „хытраго книгам и ученью“,[1] а современный исследователь церковно-политической истории Киевской Руси — как деятеля, использовавшего с большим искусством свое длительное пребывание на кафедре для укрепления положения греческой митрополии в Киеве.[2]

Повидимому, переписке константинопольского патриарха со своим ставленником на Руси и обязана своим происхождением редчайшая софийская находка.

---

[1] Лавр. лет., 6597 г.

[2] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913, 141—142.

Рис. 1.

Рис. 2.

изантийский сборник

Н. С. ЛЕБЕДЕВ и Ф. М. РОССЕЙКИН

ИЗДАНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ТЕКСТОВ В ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

После кризиса, постигшего буржуазную науку в результате мировой войны 1914—1918 гг., византиноведение в Западной Европе оправилось не сразу. В период войны некоторые журналы перестали издаваться, другие имели перерыв до 12 лет, третьи выходили нерегулярно и в уменьшенных размерах.

Лишь через несколько лет после войны в области византиноведения за границей начинает замечаться оживление. С 1920 г. издаются „Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher" (сначала в Берлине, а с 1926 г. — в Афинах), с 1925 г. „Byzantion" (в Брюсселе). Восстанавливается регулярный выход старого органа буржуазной византологии — „Byzantinische Zeitschrift". Стали печататься обзоры в „Revue historique" и в „Revue des questions historiques". Позднее возникает ряд изданий в Италии, Румынии, балканских странах.

В то же время созывается ряд международных съездов. В 1924 г. состоялся первый съезд в Бухаресте; в 1927 г. в Белграде — второй, в 1930 г. в Афинах — третий, в 1934 г. в Софии — четвертый, в 1936 г. в Риме — пятый. На осень 1939 г. был намечен шестой съезд в Алжире и Тунисе, приуроченный к 30-летию со дня смерти К. Крумбахера (ум. 12 декабря 1909 г.); новая война в Европе, конечно, сделала съезд невозможным.

На ряду с организацией съездов и возобновлением периодических органов по византиноведению, появляется монографическая литература, издаются новые тексты.

Обзор некоторых из них мы и предлагаем читателю.

Новых публикаций источников по раннему периоду византийской истории издано немного; больше всего они относятся к позднему периоду существования Византии. Сравнительно значительное количество памятников появилось в переизданиях с улучшенным текстом и переводами.

1. W. Ashburner. A Byzantine Treatise on Taxation. The Journal of Hellenic Studies, vol. XXXV (1915), 76—84.
   В научный оборот памятник вошел уже после мировой войны.
2. Georg Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Vierteljahrschrift f. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XX. Band (1927), H. 1—2, 339—447.
   Комментарии в обширной статье и перевод в приложении. См. рецензию Henri Grégoire в „Byzantion", III (1926), 485—490.
3. Г. А. Острогорский. Византийский податной устав. Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague, „Seminarium Kondakovianum", 1926, 109—124.

Продолжали издаваться акты Афона.

4. Actes de Lavra, édition diplomatique et critique par G. Rouillard et P. Collomp d'après les descriptions, photographies et copies de G. Millet et Spyridon de Lavra. T. I. Paris, 1937, XXXII, 249.
Акты относятся к 897—1178 гг. Дополнительно должны быть изданы еще 98 актов. Все издание примыкает к ранее изданным в России актам: Византийский временник, X (1903); XII (1905); XIII (1906); XVII (1910); XIX (1912); XX (1913).

5. Σπ. Λαυριώτης, (Spyridon Lauriotès). Ἀναγραφαὶ ἐγγράφων Μεγίστης Λαύρας τοῦ Ἁγίου Ἀθανασίου ἐν Ἄθῳ. Byzant.-Neugr. Jahrb., VII (1930), 388—428.

6. Μ. Γούδας. Βυζαντιακὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Ἄθῳ ἱερᾶς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας βυζαντινῶν Σπουδῶν, 3 (1926), 113—134; 4 (1927), 211—248.

7. Χρυσόστομος Κτενᾶς. Χρυσόβουλλοι Λόγοι τῆς ἐν Ἄθῳ ἱερᾶς βασιλικῆς πατριαρχικῆς καὶ σταυροπηγιακῆς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου. Ibid. 4 (1927), 285—311.
См. Byz. Zeitschrift, 28 (1928), 182—183.

8. D. N. Anastasijević обнародовал несколько греческих актов в „Starinar" Сербского археол. общества, III серия (1937), книга XII, стр. 3—11.

9. К тому же разряду документов относится хрисовул Андроника II от 1294 г. Νέος Ἑλληνομνήμων, 1924 (июль).

10. О подложных хрисовулах, которые нередко фабриковали монастыри, чтобы увеличить свои владения, см.: G. Rouillard. — D. A. Zakythinos. Un faux chrysobulle d'Andronic III Paléologue. Byz., XIII (1938), 1—8.

11. Σ. Β. Κουγέας. Χρυσόβουλλον Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου πρωτόγραφον καὶ ἀνέκδοτον δι' οὗ ἐπικυροῦνται δωρεαὶ εἰς τοὺς υἱοὺς τοῦ Θεμιστοῦ (1449). Ἑλληνικά, I (1928), 371—400.

12. Ioannis Scholastici Synagoga. L. titulorum ceteraque ejusdem opera juridica jussu ac mandato Academia Scientiarum Bavaricae ed. Vladimirus Beneševič. Tomus I. München, 1937, XXIII, 282 (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-historische Abteilung. Neue Folge. Heft 14, 1937).

13. D. Dečev. Responsa Nicolai I Papae ad consulta Bulgarorum. Sofia, 1922.

14. M. Jugie. Le Typicon du monastère de Prodrome au mont Ménécée près de Serrès. Introduction, texte et remarques. Byz., XII (1937), 25—69.

15. Греческие акты сербских правителей в переводе на современный сербский язык издали А. Соловьев и В. Мошин в Трудах Сербской академии: A. Soloviev et V. Mošin. Zbornik za istorju jezik i književnost srpskogj naroda, VII. I. Grečke povelje srpskeh vladara. Belgrad, 1936.

16. Michel Lascaris. Actes serbes de Vatopédi. Byzantinoslavica, VI, 1936, 166—185. (См. Byz., XII, 1937, 675—679 H. Gregoire).

17. A. Soloviev. Les diplômes grecs de Ménoikeon, attribués aux souverains byzantins et serbes. Byz., IX (1934), 297—325.

18. A. Soloviev. Encore un recueil de diplômes de Ménoikeon. Byz., XI (1936), 59—80.

19. D. N. Anastasijević. Due Dušanove greke chrisobule. Spomenik Srpske Kralevske Akademiji 55, II razred, 47. Belgrad, 1922, 32—36.

20. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit.
Reihe A. Regesten Abt. I: Fr. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. I + II + III, München und Berlin, 1924—1932. 1. Teil: Regesten von 565—1025. 2. Teil: Regesten von 1025—1204. 3. Teil: von 1204—1282.

21. V. Grumel. Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. I. Les actes des patriarches, Fasc. I: Les regestes de 381—715, Fasc. II: Les regestes de 715—1043. Paris, 1932—1936.

22. Percy, Ernst Schramm. Neun Briefe des byzantinischen Gesandten Leo von seiner Reise zu Otto III aus den Jahren 997—998. B. Z., XXV, 89—105.

23. W. Lameere. La tradition manuscrite de la correspondance de Grégoire de Chypre, patriarche de C-ple (1283—1291), 1937.

24. Demetrius Cydonès. Correspondance. Text inédit, établi et traduit par Giuseppe Cammelli. Paris, 1930.

25. Correspondance de Nicéphore Grégoras. Texte édité et traduit par R. Guilland. Paris, 1927, XXII, 392.

26. Rodolphe Guilland. La correspondance inédite de Nicolas Cabasilas, B. Z., XXX, 96—102.

27. Переписка князя болгарского Симеона с императорским послом Львом Магистром переведена (на болгарский язык) с краткими комментариями В. Златарским. V. Slatarski. La correspondance du prince Bulgare Syméon avec le délégué impérial Leon Magistros. Blg. istor. Bibl. I (1928), Fasc. 4, 180—192. — См. Byz., V (1930), p. 523 et suiv.

28. О письме Мухаммеда к Роману Лакапену: M. Canard. Une lettre de Muhammad ibn Tugj al Ihšīd, émir d'Egypte, à l'empereur Romain Lacapène. Annales Inst. Études Orient. (Alger), 2 (1936), 189—209.
(Рец. F. D. B. Z., XXXVII, 532—535.)
29. 1. B. Παπαδόπουλος. Γρηγορίου Χιονιάδου τοῦ ἀστρονόμου ἐπιστολαί. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς τῆς φιλοσοφικῆς Σχολῆς 1 (1927), 151—204.
30. Index грамот, относящихся к истории Кипра XII—XVI вв., дает J. L. La Monte. A register of the cartulary of the cathedral of Santa Sophia of Nicosia. Byz., V (1929—1930), 439—522.
31. Imp. caesaris Flavii Claudii Iuliani epistulae leges poematia fragmenta varia collegerunt recensuerunt J. Bidez et F. Gumont. Société d'édition „Les belles lettres", Paris, 1922, XXVI, 326.
(См. Byz.-Neugr. Jahrb., 1923, IV, H. 1—2, pp. 136—137, Paul Maas).
32. E. Schwartz. Neue Aktenstücke zum ephesinischen Konzil von 431. „Abhandlungen der Bayer. Akademie der Wissenschaften", Philos.-philol. u. histor. Kl., 30, 8. München, 1920, 121.
(См. Byz.-Neugr. Jahrb., 1923, IV, H. 1—2, 218—219.)
33. M. J. Higgins. The Persian war of the Emperor Maurice (582—602). I. The chronology with a brief history of the Persian calendar (Byzantine Studies, vol. 1). Washington, Catholic University of America Press. 1939, 97.
34. H. Grégoire. Un nouveau fragment du „Scriptor incertus de Leone Arzenio". Byz., XI (1936), 417—428.
35. Theophanes Nicaenus. Sermo in Sanctissimam Deiparam. Textum graecum cum interpretatione latina, introductione et criticis animadversionibus edidit Martinus Jugie, AA. (Literanum, Series nova an I N 1). Roma, Facultas Theologica Pontificii Athenaei Seminarii Romani, 1935, XXXII—221.
36. H. G. Opitz. „Die Vita Constantini" des Codex Angelicus 22. Byz., IX (1934), 534—593.
37. P. Heseler. Neues zur „Vita Constantini des Codex Angelicus". Byz., X (1935), 399—402.
38. M. H. Fourmy et M. Leroy. La vie de S. Philarète. Byz., IX (1934), 85—170.
39. Ξ. Σιδερίδης. Μανουὴλ Ὀλοβώλου ἐγκώμιον εἰς τὸν αὐτοκράτορα Μιχαὴλ Η' Παλαιλόγον. α) Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, 3 (1926), 168—192. β) Byz.-Neugr. Jahrbücher, VII (1930), 235.
Сидеридес опубликовал по cod. Vindob, Philol. 321 (XIII в.) интересный и важный текст похвального слова в честь Михаила VIII Палеолога, составленный известным ритором и „дидасколом логической науки" Михаилом Оловолом.
[См. Виз. Временник, XXV, стр. 119, а также рец. V. Laurent, Échos d'orient, 27 (1928), 461—462.]
40. Henri Grégoire. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. Fasc. I, Paris, 1922.
41. Он же переиздал с исправлениями и комментариями несколько надписей в Byzantion IV (1927—28), 437—468.— Byz., V 1929, 327—346; Byz., VIII (1933), 49—91; Byz., XIII (1938), 165—182.
42. H. Grégoire. Les sources épigraphiques de l'histoire Bulgare. Byz., IX (1934), 745—786.
43. N. Lihačev. Sceaux de l'empereur Léon III l'Isaurien. — Byz., XI (1936), 469—482.

В „Byzantion" помещались периодические обзоры папирологических изданий, имеющих отношение к Византии:
44. M. Hombert. Bulletin papyrologique I (1925) и II (1926) помещен в Byz., III (1927—28), 520—546. В Byzantion, IV, pp. 544—568 помещен Bulletin Papyrologique III (1927—28). Дальнейшие обзоры см.: Byz., V, 656—670; Byz., VII, 433—456; 604—626; Byz., X, 341—366.
45. J. E. Powell. The Rendel Harris Papyri of Woodbrocke College. Birmingham, Cambridge, Univ. Press, 1936, XII, 134.
46. E. H. Kase. Papyri in the Princeton University Collections, Vol. II, Princeton. Univ. Press, 1936, XI, 130.
47. Greek papyri in the British Museum. Catalogue with texts. Vol. V, 1917.
[См. Byz.-Neugr. Jahr., VII (1930), 496—499].

Как основанные на папирологическом материале можно отметить следующие статьи и исследования:
48. Otto Hornickel. Ehren-und Rangprädikate in den Papyrusurkunden. Ein Beitrag zum römischen und byzantinischen Titelwesen. Giessen, 1932.
49. Edw. K. Hardy. The large estates of Byzantine Égypt. New York, 1931 (на основании папирусов IV—V—VI вв.).
50. John Garret Winter. Life and Letters in the Papyri, 1933.

51. L. Wenger. Die rechtshistorische Papyrusforschung. Ergebnisse und Angaben. Archiv für Kulturgeschichte, 19 (1928), 10—44.
52. S. G. Kapsomenos. Zwei byzantinische Papyri aus der Zeit Justinians. Byz. Zeitschr., XXXVII (1937), 10—18.
53. M. Leroy. Un papyrus arméno-grec. Byz., XIII, fasc. 2 (1938), 513—537.
54. Procopius. With an English translation by Dewing. VII vols. London, 1924. The Loeb Classical Library. (Вышли томы I—VI).
55. Vocabularium Codicis Iustiniani ed. Robertus Mayr. Praha, 1923. Pars I (latina), pp. 2571 + pars II (graeca), pp. 499, ed. Mariani San Nicolo.
56. Edwin Hanson Freshfield. A Manual of Roman Law — the Ecloga published by the Emperors Leo III and Constantine V of Isauria at Constantinople a. d. 726, rendered into English. Cambridge, 1926, XI, 151.
57. Edwin Hanson Freshfield. A revised Manual of Roman Law founded upon the Ecloga of Leo III and Constantine V, of Isauria, Ecloga privata aucta rendered into English. Cambridge 1927, X, 120.
58. Edwin Hanson Freshfield. A Manual of Later Roman Law, the Ecloga ad Procheiron mutata, founded upon the Ecloga of Leo III and Constantine V, of Isauria and on the Procheiros Nomos of Basil I, of Macedonia. Including the Rhodian Maritime Law edited in 1166 AD rendered into English. Cambridge, 1927, XXI, 231.
59. Edwin Hanson Freshfield. A Manual of Eastern Roman Law. The Procheiros Nomos, published by the Emperor Basil I at Constantinople, between 867 and 879, rendered into English, Cambridge, 1928, XII, 172.
60. Edwin Hanson Freshfield. A Provincial Manual of Later Roman Law. The Calabrian Procheiron. Cambridge, 1931, IX, 120.
61. Edwin Hanson Freshfield. A Manual of Byzantine Law, compiled in the fourteenth century by George Harmenopoulos, Vol. VI. On Torts and Crimes. Cambridge, 1930, IX, 57.
62. Edwin Hanson Freshfield. Les Manuels officiels de droit romain publiés à Constantinople par les empereurs Léon III et Basil I (726—870), Paris. Leroux, 1929, 30.
(Рец. Spulber в Byz., IV, 574—582).
63. C. A. Spulber. L'Eclogue des Isauriens: texte, traduction, histoire. Cernautzi — Roumanie, 1929, pp. IV, 188. Греческий текст и французский перевод (стр. 1—77); исторический очерк Эклоги (стр. 79—188).
Рец. E. H. Freshfield, Byz., IV, pp, 637—641. [На греческом языке Эклога была издана Zepos I., Zepos P. в 1931 г.; на болгарском языке (Благоевым в 1932 г.].
64. C. A. Spulber. Les novelles de Léon le Sage. Traduction. Histoire. (Études de droit byzantin, III.) Cernautzi, 1934, IX, 340.
(См. рецензию. C. Kržišnik в B. Z., XXXVII, 1937, 486—492.)
65. Henri Monnier. Les novelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923, VII, 226 (Bibliothèque des Universités du Midi. Fasc. XVII.)
Систематическое изложение юридического содержания новелл. На страницах 215—224 — index analytique.
66. A. Dain. Leonis VI Sapientis Problemata nunc primum edidit. Paris, 1935.
67. A. Vogt et P. Hausherr. Oraison funèbre de Basile I par son fils Léon le Sage. Orientalia Christiana. Vol. XXVI, 77, Roma, 1932, 79.
68. N. Adontz. La portée historique de l'oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage. Byzantion, VIII (1933), 501—513.
Статья содержит возражения А. Фогту (Vogt).
69. A. P. Christophilopoulos. Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον Λέοντος, τοῦ Σοφοῦ καὶ αἱ συντεχνίαι ἐν Βυζαντίῳ. Athènes, 1935.
Во второй части своей работы автор пытается восстановить целостный устав корпораций.
(Рец. A. Stöckle в B. Z., XXXVI, 43—44.)
70. J. H. Freese. The Library of Photius. London, 1920 (перевод).
71. Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des cérémonies. Tome I. Texte établi et traduit; commentaire. Par Albert Vogt (в двух книгах). Paris, 1935, XII, 183 + XXXIII, 194.
(См. рец. B. Z., XXXVII, 126—130, G. Moravcsik.)
72. P. Skok. Ortsnamenstudien zu De administrando imperio des Kaisers Constantin Porphyrogenetos. Zeitschrift für Ortsnamenforschung, 4, (1928), 213—244.
73. Svidae lexicon ed. Ada Adler. Leipzig, Teubner, 1928—1935. (Lexicographi graeci recogniti et apparato critico instructi, Vol. I.)

Pars I, 1928, pp. XXII, 549, A—F;
„ II, 1931 „ XIV, 740, Δ—Θ;
„ III, 1933 „ XIV, 632, κ—ο, ω;
„ IV, 1935 „ XIV, 864 π—ψ;
„ V, содержит index.

74. Michel Psellos. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), t. I + II, Texte établi et traduit par Émile Renauld. Paris, 1926—1928.
Поправки к переводу: Byz. IV (1927—1928), 716—728. Ср. Byzant. Zeitschr., XXVII, 99—105; XXIX 40—48. Ср. Histor. Jahrbüch. 47 (1927) 760—766. — Раздел о царствовании Василия II (976—1025) переведен E. Renauld, Mélanges Schlumberger, vol. I, p. 133 et suiv.

75. Michel Psellus. Épître sur la Chrysopée. Opuscules et extrait sur l'alchimie, la météorologie et la démonologie, publiés par J. Bidez. Bruxelles, 1928, XIV, 246. (Catalogue des manuscrits alchimiques grecs, vol. VI).

76. K. Swoboda. La démonologie de Michel Psellos. Brno, 1927 (Opera Facultatis philos., Univ. Brunensis, № 22).
[Рецензию на обе работы см. Byz., IV (1927—1928), 728—731, H. Grégoire.]

77. Michaelis Pselli. Scripta minora magnam partem adhuc inedita. Edidit recognovitque E. Kurtz. Vol I, Orationes et dissertationes (Orbis Romanus. Biblioteca di Testi medievali. 5). Milano, 1936, XIX, 513.
(Рец. P. Maas. B. Z., XXXVII, 130—133.)

78. Gertrude Redl. La chronologie appliquée de Michel Psellos. Ποίημα τοῦ μακαριωτάτου Ψελλοῦ περὶ τῆς κινήσεως τοῦ χρόνου, τῶν κύκλων τοῦ ἡλίου καὶ τῆς σελήνης τῆς ἐκλίψεως αὐτοῦ καὶ τῆς τοῦ πάσχα εὑρέσεως.
Byz. IV (1927—28), 197—236, V (1929—1930), 239—286.

79. Anne Comnène. Alexiade. T. I, livre I—IV, Texte établi et traduit par Bernard Leib., Paris, 1937.

80. The Alexiad of the Princess Anna Comnena being the History of the reign of her father Alexius I, Emperor of the Romans, 1081—1118 A. D. Translated by Elisabeth Dawes. London, 1928, VIII, 329.

81. Histoire anonyme de la première croisade, éditée et traduite par Louis Bréhier. Paris, 1924. XXXVI, 258.

82. August Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion.
I. Der Epitaphios des Nikolaos Mesarites auf seinen Bruder Joannes. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse, München, 1922, 5 Abhandlung, 75.
II. Die Unionsverhandlungen vom 30. August 1206. Patriarchenwahl und Kaiserkrönung in Nikaia, 1208. Ib. 1923, 2, Abhandlung, 56.
III. Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214. Ib. 1923, 3, Abhandlung, 96.

83. H. A. K. Gibb. The Damascas Chronicle of the Crusades. Extracted and translated from the chronicle of Ibn Al-Galānisī. London, Luzac & Co, 1932, 368.

84. Edw. Noble, Stone. The history of them that Took Constantinople (Li estoires de chiaus qui conquisent Constantinople).
(В книге Three old french Chronicles of the Crusades, pp. 161—246). (University of Washington publications in the Social Sciences, vol. 10, 1—377. October, 1939.)

85. Cl. Cahen, Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Rûm au moment de l'invasion mouguli. Byz., XIV (1939), fasc. 1, 131—139.
В fasc. 2 того же XIV тома Byz. на стр. 665—661 напечатана статья E. Honigman „Note additionelle à l'article de M. Claude Cahen".

86. Samuel Krauss. Ein neuer Text zur byzantisch-jüdischen Geschichte. Byz. Neugr. Jahrb., VII, (1930) 57—86.

87. Oeuvres complètes de Georges Scholarios, publiées pour la première fois par Mgr. Louis Petit, X. A. Sidéridès, M. Jugie, t. I—VIII, Paris, 1929—1936. [См. Byz., IV (1927—1928), 601—637].

88. Georgii Phrantzae. Chronicon. ed. J. B. Papadopulos, vol. I. Lipsiae, 1936, XXXVII, 201. [См. Byz., XII, pp. 385—391. H. Gregoire].

89. Laonici Chalcocandylae historiarum demonstrationes ad fidem codicum recensuit, emend., annat, crit, instr. Eug. Darcó. T. I—II, 1—2. Budapestini, 1922—1927. [См. Bn. JB. VIII (1931), 355—368].

90. Σπ. Λάμπρου. Βραχέα Χρονικά, ἐκδίδονται ἐπιμελείᾳ Κωνστ. Ἀμάντου. Ἀκαδημία Ἀθηνῶν Μνημεῖα τῆς Ἑλληνικῆς Ἱστορίας. Τόμος Α'. Athènes, 1932—1933. Τεῦχος α'. 112. VIII.
Издание считается неудовлетворительным. [См. Byz.. XII (1937), 309—323].

Ф. М. РОССЕЙКИН

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

(Библиографический обзор за 1922—1938 гг.)

1. A. M. Amman. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Orientalia Christiana Analecta, 1057, Roma, 1936, p. 316, 3 Taf., 1 Karte. (См. G. Stadtmüller, B. Z., XXXVII, 439—446.)

2. D. Anastasijević. La chronologie de la guerre russe de Thimiscès. Byz., VI (1931), 337—342.

3. D. Anastasijević. Die chronologischen Angaben des Skylitzes über der Russenzug des Tzimiskes. B. Z., XXXI, 328—333.

4. D. Anastasijević. Les indications chronologiques de Yahya relatives à la guerre de Tzimiscès contre les Russes. Mélanges Charles Diehl, I.

5. D. Anastasijević. Les renseignements de Léon le Diacre sur l'année de la conquête de la Bulgarie par Tzimiscès. Seminarium Kondakovianum, III, 1929, 1—4.

6. N. Bănescu. Fantaisies et réalités historiques. Byz., XIII (1938), 73—90 (резкий ответ с политической окраской на работу Бромберга в Byz., XII).

7. N. Bănescu. Un duc byzantin du XI-e siècle, Katakalon Kékaumenos. (Варяжская победа над русскими 1043 г.). Académie Roumaine. Bulletin de la Section historique, t. XI. Bucarest, 1924. pp. 25—36.

8. N. de Baumgarten. Polotzk et la Lithuanie. Orientalia Christiana, 2 (1936), 223—253.

9. N. de Baumgarten. S. Vladimir et la Conversion de la Russie. Orientalia Christiana, XXVII, I (1932).

10. N. de Borch. L'héritage de Byzance dans l'histoire de la Russie. Revue générale (Bruxelles), 57 (1924), 335—357.

11. J. Bromberg. Toponymical and historical Miscellanies on medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia. Byz., XII (1937), 151—180; 449—475; XIII (1938) 9—71

12. Fr. Dvornik. La vie de S. Grégoire le Décapolite et les Slaves macédoniens au IX-e siècle. Travaux publiés par l'Institut des Études Slaves, V, Paris, 1926.

13. Fr. Dvornik. Quelques données sur les Slaves extraites du tome IV Novembris des „Acta sanctorum". Byzantinoslavica, t. I. Prague, 1929, pp. 35—47.

14. F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskès gegen die Russen. B. Z., XXXII (1932).

15. A. Grabar. Les fresques des escaliers à Ste Sophie de Kiev et l'iconographie impériale byzantine. Seminarium Kondakovianum, 7 (1935), 103—117.

16. H. Grégoire. Étymologies byzantino-latines. Byz, XII (1937), 293—307; ср. 658—966.

17. H. Grégoire. Miscellanea épica et étymologica. 1) La légende d'Oleg.— 2) Expédition d'Igor (941) et la Chronique russe. Byz., XI (1936), pp. 601—615.

18. H. Grégoire. La dernière campagne de Jean Tzimiscès contre les Russes. Byz., XII (1937) 267—276.

19. H. Grégoire. S. Théodore le Stratélate et les Russes d'Igor. Byz., XIII (1938), 291—300.

20. L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avares pendant la seconde moitié du VIe siècle. Byz., IV (1927—1928), 137—170.

21. C. Huart. L'expédition des Russes de 943. Acad. des Inscr. et Belles-lettres, 1921, 182—191.

22. N. Jorga. Hypothèses slaves et avares. Revue historique du Sud-est européen, 10 (1933).
23. Bernard Leib. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Rapports réligieux des latins des gréco-russes sous le pontificat d'Urbain II (1088—1099). Paris, 1924, XXXII, 356. (Библиография помещена на стр. VII—XXX.)
24. P. Mutafčiev. Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien. B. Z., XXX, 387—394.
25. M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
26. M. Rostovcev. Les origines de la Russie Kiévienne. Revue des Études Slaves, 2 (1922).
27. S. Runciman. A History of the first Bulgarian Empire. London, 1930, XII, 337. (Рец.: P. Mutafčiev. B. Z., XXXII, pp. 355—361; W. Miller Bn JB, VIII (1931), 191.
28. H. Schaeder: Moskau, das dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Hamburg, 1929. (Osteuropäische Studien, I).
29. S. P. Šestakov. Zur Geschichte der griechisch-bulgarischen Beziehungen in dem dritten Jahrzehnte des X. Jahrhunderts. Byzantinoslavica, t. I, Prague, 1929, 159—164.
30. G. Tzenoff. Geschichte der Bulgaren und der anderen Südslaven von der römischen Eroberung der Balkanhalbinsel an bis zum Ende des IX. Jahrh. Berlin, Leipzig, 1935, XV, 272.
31. A. Vaillant. Les „lettres russes" de la Vie de Constantin. Revue des Études Slaves, XV (1935), 74—77.
32. G. V. Vernadsky. Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluss auf das russische Leben im XVII. Jahrhundert. Byz., VI (1928), 119—142.
33. В. Златарский. Национализация Болгарского государства в IX в. — Годишник Софийского университета. Истор.-филол. факультет. 1922.
34. V. Zlatarski. Geschichte des Bulgarenstaates im Mittelalter. София, 1934.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Папирусы

P. Amherst. — Grenfell and Hunt. The Amherst Papyri, v. 1—2. London, 1900—1901.

B. G. U. — Aegyptische Urkunden aus den Königlichen Museen zu Berlin, v. 1—7. 1895—1926.

P. Baden. — Friedrich Bilabel. Griechische Papyri, Veröffentlichungen aus den badischen Papyrus-Sammlungen, Heft IV.

P. Cairo. — Jean Maspero. Papyrus grecs d'époque byzantine (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire v. 1—3).

P. Flor. — Papiri greco-egizii, publ. della R. Academia dei Lincei sotto la direz. de D. Comparettie, G. Vitelli, v. 1—3, Milano, 1905—1915.

P. Gen. — Papyrus de Génève, transcrits et publiés par Jules Nicole. Génève, 1896.

P. Giessen. — Griechische Papyri im Museum des Oberhessischen Vereins zu Giessen. Leipzig, 1910—1912.

P. Grenfell. — Bernard P. Grenfell, Arthur S. Hunt. New Classical Fragments and other Greek and Latin Papyri, 1897.

P. Klein. Form. — C. Wessely. Griechische Papyruskunden kleineren Formats, Studien zur Palaeographie und Papyrusurkunden, v. 1—2. Leipzig, 1904—1908.

P. Lips. — Griechische Urkunden der Papyrusforschung zu Leipzig mit Beiträgen von Ulrich Wilcken. Herausg. v. Ludwig Mitteis. Leipzig, 1896.

P. Lond. — F. G. Kenyon. H. I. Bell. Greek Papyri in the British Museum, v. 1—5. London, 1893—1917.

P. Oxyr. — The Oxyrhynchus Papyri, v. 1—17. London, 1898—1927.

P. Raineri. — Jakob Kroll, Corpus papyrorum Raineri. Wien, 1895.

PSI. — G. Vitelli, Papiri graeci e latini, v. 1—10. Firenze, 1912—1929.

P. Strassburg. — Griechische Papyrus der K. Universitäts-u. Landesbibliothek zu Strassburg, v. 1—2. Hrsg. v. Dr Friedrich Preisigke. Leipzig.

P. Stud. Pal. — C. Wessely. Studien zur Palaeographie und Papyruskunde, v. X. Leipzig, 1910.

P. Théadelphie. — P. Jouguet. Papyrus de Théadelphie. В кн.: Wilcken. Chrestomathie. Paris, 1911.

L. Mitteis und U. Wilcken. — L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, I—II, Leipzig-Berlin, 1912.

Другие источники

Ael. Lamprid. — Scriptores Historiae Augustae. Aelius Lampridius.

Anecd. — Procopii Opera omnia rec. Haury, Historia arcana. Lipsiae, 1906.

Byz. — Byzantion.

B. Z. — Byzantinische Zeitschrift.

CAH. — Cambridge Ancient History.

Cedren. — Georgii Cedreni. Historiarum Compendium. Bonnae, I—II, 1838—1839.

Chron. Pasch. — Chronicon Paschale, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832.

C. I. Gr. — Corpus Inscriptionum Graecarum. Berlin, 1892.

Cod. Barocc. — Codex Baroccianus.

Cod. Just. — Codex Justianus. Ed. Krueger, 1913.

Cod. Theod. — Theodosiani libri XVI, vol, 1—2. Ed. Mommsen. Berlin, 1905.

Const. Rhod. — Constantinus Rhodius; см. Matrange Anecdota II (1850), pp. 624.

CSCO. — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium.

CSHB. — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae.

De Byz. hipp. — A. Rambaud. De Byzantino Hippodromo et circensibus factionibus. Paris, 1870.

De caerim. — Constantini Porphyrogeniti de Caerimoniis aulae Byzantinae, rec. Reiskii. Bonnae, 1829.

Dexipp. fr. — Dexippi Historiarum quae supersunt. Ed. Bekkeri et Nibuhrii, Bonnae, 1829.

Edict. Just. XIII. — De dioecesi aegyptiaca lex ab imp. Justiniano lata. Ed. Zachariae. Leipzig, 1891.

Études sur l'hist. Byz. — A. Rambaud. Études sur l'histoire Byzantine. Paris, 1912.

Evagr. — Evagrius Historia ecclesiastica. Ed. by J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898.

FHG. — Fragmenta Historiacorum Graecorum. Ed. C. Müller, I—V. Paris, 1841—1889.

Gen. — Genesis (Первая книга Библии).

Haussoullier. — B. Haussoullier. La vie municipale en Attique. Paris, 1884.

Hesych. — Hesychii Alexandrini Lexicon. Ed. Schmitt. V. 1—5. Jenae, 1858—1868.

IGR.—Inscriptiones Graecae ad res romanas pertinentes.

J. Antioch. — Joannis Antiocheni Fragmenta. EHG, IV, pp. 535—622; FHG, V, pp. 27—28.

J. Chrysost. Hom. — Joannis Chrysost. homil. Patrol. Gr. Migne, I, cc. LVII—LVIII.

J. Ephes.—Joannis episcopi Ephesi, Commentarii de beatis orientalibus et historiae ecclesisaticae fragmenta. Ed. W. J. Donwen et N. Land. Amsterdam, 1889.

J. Nik. — Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Ed. H. Zotenberg. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale, t. 24.

Le monde Byzant. — A. Rambaud. Le monde Byzantin. Revue des deux Mondes, 1877, t. 91.

Lyd. de mens. — Joannis Lydii de mensibus. CSHB. Bonn, 1837.

Lyd. de mag. — Joannis Lydii de magistratibus. Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1863.

Mal. — Joannis Malalae, Chronografia. Bonnae, 1831.

Mal. Herm.—Bruchstüeke des Joannes Malalas. Hrsg. v. Mommsen, „Hermes", VI, 1872.

Mansi. Conc. Coll. — Mansi. Collectio conciliorum.

M. G. H. — Monumenta Germaniae Historia.

Marcell. — Marcellini Comitis Chronica minora, II.

Niceph. — Nicephori Patriarchae Breviarium hist. Ed. C. de Boor. Leipzig, 1880.

Nov. — Corpus juris civilis, III. Novellae. Ed. Choell-Kroll. Berlin, 1895.

Patria Const. — Scriptores originum Constantipolitarum, rec. Th. Preger, fasc. I—II, Lipsiae, 1901—1907.

Phil. leg. — Philo. De legatione ad Casium (цитируется по общепринятой пагинации).

Priscian. Panegyr. — Prisciani de laude Anastasii imperatoris (Bährens. Poetae latini minores, V. Lipsiae, 1883.

Prosp. Tyr. Chron. min. — Prosper Aquitanus Opera omnia. Parisiis, 1846.

Sakkelion. — Sakkelion Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρείας, I.

Simoc. — Theophylacti Simocattae Historiarum, libri VIII. Bonnae, 1834.

Socrat. — Socrates. Historia ecclesiastica. Patrologia gr. Migne, vol. 67.

Sozom. — Sozomeni Historia ecclesiastica. Ed. R. Hussey, Oxonii, 1860.

Strab. — Strabo Γεωγραφικά. Ed. C. Müller, Paris, 1858.

Sveton. Calig. — C. Svetonii Tranquilli. Vita XII Caesarum. Ed. C. Roth.

Synes Aegypt. — De regno. Patrologia Graeca. Migne, vol. 66, 1053—1108 (De Providentia, 1212—1280).

Theoph. — Theophanis Chronographia, rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. В. Левченко. Задачи современного византиноведения . . . 3

М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. 12

Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. (Преимущественно по данным Земледельческого закона). 95

| А. П. Дьяконов |. Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв. 144

| М. А. Шангин |. Византийские политические деятели первой половины X в. 228

| В. Вальденберг |. Философские взгляды Михаила Пселла . . 249

А. Ф. Вишнякова. К вопросу о культуре и просвещении болгар в XIV в. 256

М. К. Каргер. К истории византийской сфрагистики 260

Н. С. Лебедев и Ф. М. Россейкин. Издания византийских текстов в западноевропейской литературе 265

Ф. М. Россейкин. Византия и славяне. (Библиографический обзор за 1922—1938 гг.) 270

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН СССР за № 535

*

Сдано в набор 25/IV 1941 г. Подписано к печати 24/VIII 1945 г. М-04040. Объем $17^1/_4$ печ. листов + 4 вкл. Уч.-изд. л. 24. Тираж 5000 экз.

1-я Типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Зак. 433.

ВАЖНЕЙШИЕ ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
21	28 сверху	γεωργόνς	γεωργούς
34	10 снизу	ἐπιτηδεἵων	ἐπιτηδειών
36	8 сверху	κωμαρχῖαι	κωμαςχιάι
37	3 снизу	императорские законодательства	императорское законодательство
65	1 „	τὸ,	τὸ
83	21 „	перебраться	перебралася
87	25 „	sanctissimio	sanctissimo
93	2 сверху	ἅπλῶς, ἅλλὰ	ἀπλῶς, ἀλλὰ
93	27 снизу	τῆς	τῆς
158	23 сверху	ραμματεῖα	γραμματεῖα
168	8 снизу	τῒ Μακρὰ τεἰχη	τὰ Μακρὰ τείχη
192	5 сверху	τά χαλκοπράτια	χαλκοπράτια
193	24 „	ἐργαςόμενοι	ἐργαζόμενοι
236	14 снизу	παλκιός	παλαιός
239	17 сверху	ϰμήσον ται	ἀμήσονται
239	2 снизу	ἐξηρεύξατος	ἐξηρεύξατο
239	3 „	ὅπε	ὅπερ
251	12 „	Mordtma	Mordtmann
256	13 сверху	πατριαρχικῆ	πατριαρχικῆς